В 9
Л-84

ИСТОРИОГРАФИЯ

ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК В УЗБЕКИСТАНЕ

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

9
А-84
30

ИСТОРИОГРАФИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК В УЗБЕКИСТАНЕ

БИО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Составитель Б. В. ЛУНИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ—1974

186731

Настоящее издание — часть большой историографической и историко-библиографической работы о процессе развития общественных наук в Узбекистане. В книгу входят данные об ученых и краеведах, занимавшихся изучением богатейшего исторического прошлого Узбекистана (Туркестана): историков, археологов, востоковедов, этнографов, экономистов и других, оставивших наиболее заметный след в науке. Каждому из них посвящен очерк жизни и деятельности, дается также библиографический перечень его публикаций и литературы о нем.

Издание рассчитано на ученых, краеведов, сотрудников музеев, преподавателей и студентов вузов, аспирантов и всех, интересующихся историей развития общественных наук в Узбекистане.

И $\frac{0161-168}{355(06)-74}$ 79—74

© Издательство «Фан» УзССР, 1974 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателя книга био-библиографических очерков — один из итогов ведущейся в республике работы в области историографии.

Известно благотворное влияние решений XX—XXIV съездов Коммунистической партии Советского Союза на развитие общественных наук в СССР и, в частности, историографических изысканий. Значение историографии особенно возрастает в связи с призывом партии вести научно-исследовательскую работу все более широким фронтом с тем, чтобы советская наука заняла ведущее место во всех областях знаний.

Нет надобности доказывать, что без полного и точного представления о развитии науки, без знания сильных и слабых ее сторон плодотворное движение вперед было бы крайне затруднено.

Советская историография дает знания о развитии общественной мысли с позиций марксистско-ленинской методологии и в значительной мере облегчает «путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости процесса»[1].

В этом плане обоснованно прозвучала рекомендация Всесоюзного совещания по вопросу о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам (1963) «обеспечить развитие историографии (истории исторической науки), что является важнейшим условием повышения уровня научно-исследовательских работ в области истории».

---

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 58.

Постановлением ЦК КПСС от 15 июня 1968 г. о задачах, структуре и штатах Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС рекомендовалось усилить внимание к публикации материалов по источниковедению и историографии, как важным разделам историко-партийной науки[2].

Закономерно поэтому, что историография становится обязательным элементом каждого нового исследования и в сфере общественных наук, помогая фиксировать и критически оценивать работу ученых и тем самым правильно определять место и роль вновь появляющихся научных трудов и то новое, что они вносят в историографию той или иной проблемы.

Непременными компонентами историографии являются биографии ученых и библиографические данные об их трудах. Составление и издание био-библиографических очерков и словарей стало давней и прочной традицией отечественной и мировой историографии. Достаточно отметить, что только в нашей стране за 1769—1954 гг. вышло, по учтенным данным, до 1600 био-библиографических словарей по разным отраслям науки, техники и культуры[3], в том числе многочисленные словари, изданные после Октября. В развитии советской историографии были, однако, годы, неблагоприятствовавшие выходу в свет словарей биобиблиографического типа. В период после XX и последующих съездов КПСС наметилось оживление и на этом важном участке советской историографии.

Роль био-библиографических изданий еще более возрастает в настоящее время, в связи с увеличением потока научной литературы и углублением специальных знаний.

Проблема улучшения научно-технической информации была отнесена на XXIV съезде партии к числу актуальных проблем ускорения научного прогресса[4]. Некоторые шаги в решении этой проблемы уже сделаны и в области общественных наук. Вышло из печати, например, такое капитальное издание, как «История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография» (Москва, 1965), подготовленное к печати Институтом истории АН СССР и Государственной публичной исторической библиотекой РСФСР. В Киеве выпущена книга «Выдающиеся советские историки» (1969), В Москве печатается библиографический словарь востоковедов СССР, в Ленинграде био-библиографический словарь отечественных тюркологов дореволюционного

---

[2] «Коммунист», М., 1968, № 8, стр. 16.

[3] И. М. Кауфман. Русские биографические и библиографические словари, М., Госкультпросветиздат, 1955, 751 стр.

[4] Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза, М., Изд-во политической литературы, 1972, стр. 70.

времени и т. д.[5] В Узбекистане также положено начало работы в этом направлении: выпущены в свет близкие по характеру к био-библиографическим словарям справочные издания: «Арабистика в Ташкенте» (1964) А. Ирисова и «Узбекские лингвисты» (1965) Х. Узакова.

О возрастании во всемирном масштабе понимания научного значения био-библиографических исследований и материалов свидетельствует, в частности, тот факт, что на XIII Международном конгрессе исторических наук (Москва, август 1970 г.) к числу важнейших проблем методологии истории была отнесена тема «Роль и место биографии в исторической науке». Вопросы методологии и методики работы над биографией оживленно обсуждаются в советской исторической литературе[6].

Основной принцип составления советских био-библиографических словарей — ленинский принцип преемственности науки, которую Маркс и Энгельс называли «всеобщим духовным продуктом общественного развития»[7]. Решительно осуждая проявления нигилистического отношения к научному наследию прошлого, подчеркивая значение преемственности, как основы и обязательного условия процесса непрерывного и бесконечного развития знаний о законах природы и общества, В. И. Ленин указывал вместе с тем, что проблема преемственности не может быть сведена к простой эволюции, соотношению старого и нового в содержании научных знаний. Признание преемственности не исключает, но предполагает аналитический подход к вопросу о преемственности, к оценке наследия прошлого и критическому его пересмотру. Считая обязательным максимально возможное использование этого наследия в интересах социалистического строительства, Ленин выступал, однако, против попыток огульного, безоговорочного использования и усвоения всех элементов старой культуры буржуазного общества, причем особенно остро задача «отсечения» («*уметь* отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести *свою* линию»[8]) ставилась им в сфере общественных наук.

В. И. Ленин подчеркивал также недопустимость оценки заслуг работавших в прошлом деятелей с позиций сегодняшнего уровня развития науки и требований от них того, чего они не могли дать в силу

---

[5] По другим отраслям знаний изданы двухтомный словарь деятелей естествознания и техники в СССР (М., 1958—1959), два первых тома био-библиографического словаря художников народов СССР (1970, 1973), био-библиографический словарь музыкальных критиков дореволюционной России и СССР (1971), Библиографический указатель «Выдающиеся химики мира» (1971), Биографический словарь деятелей в области математики (1973) и др.

[6] Биография, как историческое исследование, «История СССР», М., 1970, № 4, стр. 231—243 и др.

[7] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. II (VII), стр. 157.

[8] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 364.

ограниченности исторических условий. «Исторические заслуги,— писал Ленин,— судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно со своими предшественниками»[9].

Как справедливо отмечается в новейшей литературе, «выбор имен ученых для публикации очерков о них, (в био-библиографических словарях) является нелегким делом»[10]. И в данном случае не ставилась цель привести сведения обо всех без исключения деятелях общественных наук по Узбекистану (это задача будущего). В настоящее издание включены имена лишь тех ученых и краеведов, которые внесли наиболее весомый вклад в изучение истории и истории культуры Узбекистана[11].

Особенностью книги является включение в нее наиболее известных представителей среднеазиатской историографии, а также любителей археологии, нумизматики, собирателей старины из среды коренного населения Узбекистана.

Учитывая преемственность среднеазиатской историографии нового времени от вековых традиций богатейшей среднеазиатской историографии средних веков, редакционная коллегия сочла нужным включить в книгу (с целью расширения ее познавательного значения, главным образом для молодого поколения ученых) также краткие био-библиографические данные о некоторых наиболее примечательных представителях среднеазиатской историографии раннего времени. Разумеется, составитель был далек от стремления охватить сколько-нибудь значительное, а тем более исчерпывающее количество имен представителей среднеазиатской (в том числе узбекской) историографии. Эта задача большого объема и она должна решаться с течением времени, в плане составления специального био-библиографического словаря. При отборе имен учитывалась в первую очередь принадлежность того или иного автора рукописных трудов к числу уроженцев Средней Азии или к числу лиц, связанных с нею длительным пребыванием на ее территории и постоянством интересов к ее изучению. Естественно также, что в книгу очерков включались имена тех авторов, чьи труды посвящены истори-

---

[9] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 178.

[10] «История СССР», М., 1970, № 1, стр. 173.

[11] Сведения о некоторых ученых и краеведах (И. А. Беляев, А. Д. Гребенкин, П. Е. Кузнецов, Мирза Барат, К. А. Тимаев и др.) не могли быть даны в очерках за недостаточностью собранных биографических, литературных и других материалов о них. По недостатку места опущены также биографии группы библиографов — Н. А. Бурова, А. А. Гаррицкого, Н. В. Дмитровского, А. В. Панкова и др. И вообще предлагаемые вниманию читателя очерки (уже в силу своего ограниченного объема) не претендуют на исчерпывающий охват всех ученых и краеведов, чья деятельность заслуживает быть запечатленной, с течением времени, в истории развития общественных наук в Узбекистане.

ческим событиям, происходившим в Средней Азии (Узбекистане) и сопредельных с ней странах. Представители среднеазиатской историографии средних веков, действовавшие в сфере естественных наук, в книгу не вошли. Исключение составили те из них, чье рукописное наследие содержало и сочинения конкретно-исторического характера (например, Беруни). Рукописное наследие виднейших представителей среднеазиатской историографии эпохи феодализма породило отечественную и зарубежную литературу, порой обширнейшую. Включение всех указаний на нее в содержание настоящих очерков было, конечно, невозможным. Поэтому составитель ограничился указаниями преимущественно на важнейшую и новейшую (в основном советскую) литературу[12].

В био-библиографические очерки включены данные и о ряде мало известных современному читателю ученых и краеведов. В этом плане книга призвана воздать должное заслугам представителей прежних поколений исследователей и воскресить память о них.

В своей совокупности содержащиеся в очерках материалы образуют источник сведений к истории развития в Узбекистане научно-общественной мысли, исследовательских работ, исторического краеведения в широком и наиболее полном смысле слова.

Книга призвана также явиться существенным подспорьем для исследователей, работающих в области общественных наук. Этому способствуют сопутствующие всем биографическим очеркам об ученых перечни их научных публикаций. В тех случаях, когда имеются уже напечатанные указатели работ, в книге приводятся конкретные ссылки на них, нередко сопровождаемые дополнениями составителя (отмечаются замеченные пропуски в перечне названий работ того или иного ученого, а также названия работ, вышедших в свет за время после опубликования соответствующих указателей).

Пометка «выборочно» означает, что указатель не претендует на исчерпывающую полноту или включает в себя только ту часть публикаций данного ученого, которая имеет непосредственное или существенное отношение к Узбекистану и Средней Азии в целом.

Значение указателей определяется еще и тем, что научное наследие ряда фигурирующих в книге авторов продолжает широко использоваться советскими учеными. Однако многое в этом наследии остается распыленным по редким или мало известным изданиям, некоторые из публикаций стали библиографической редкостью. Здесь на помощь читателю и приходят указатели публикаций вошедших в книгу ученых.

---

[12] Данные об авторах IX—XVIII вв. приводятся в хронологическом порядке (по датам жизни). Данные об авторах нового времени расположены в алфавитном порядке (по фамилиям исследователей).

Кроме того, в каждом отдельном случае в очерках дан указатель литературы, в том числе советских лет, о том или ином исследователе. Совокупность этой литературы дает еще более полное представление о жизни и деятельности соответствующего исследователя и материалы к их критической оценке.

Совершенно естественно также, что при воспроизведении биографий ученых, наряду со сведениями общего характера, приводятся данные, характеризующие их заслуги в изучении Узбекистана (Средней Азии).

Соотношение пространственного объема очерков диктовалось еще и стремлением более подробно осветить заслуги исследователей, менее известных современному читателю, чем крупные, выдающиеся исследователи, чьи жизнь и деятельность более или менее широко освещены в литературе. В иных случаях наиболее пространная характеристика дана тем ученым и краеведам, жизнь и деятельность которых особенно нуждались в строго критической и всесторонней оценке с позиций марксистско-ленинской историографии.

Издание выпускается в двух книгах. В первую включены данные об исследователях (местные работники, ученые Петербурга, Москвы и других городов) дореволюционного периода, а также об исследователях, деятельность которых начиналась в дореволюционные, а продолжалась и завершалась в послеоктябрьские годы. Во вторую книгу войдут данные о советских ученых. Тем самым издание отразит в биографиях ученых, в данных об их трудах процесс быстрого подъема общественных наук в Узбекистане. В этом плане книга очерков явится яркой иллюстрацией торжества ленинской национальной политики партии и того, как в результате социалистической культурной революции в Узбекистане и других среднеазиатских республиках «родилась и прочно встала на ноги большая наука»[13].

В ответ на просьбу сообщить замечания и пожелания по составу персоналий очерков, а также по методике составления последних ценные данные были получены от С. И. Баевского, А. Н. Кононова, В. А. Крачковской, К. Мунирова, Б. А. Литвинского, М. Е. Массона, У. Пулатова и других ученых.

На завершающей стадии подготовки книги к печати в научно-технической работе принимали участие сотрудники сектора историографии Института истории АН УзССР Ж. А. Белоусова, Л. С. Иванова, С. Юсупов и лаборант Д. Алимова.

[13] Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. Доклад на торжественном заседании 21 декабря 1973 года, «Коммунист Узбекистана», 1973, № 1, стр. 11.

В процессе работы над книгой большую помощь оказали сотрудники ряда архивов и библиотек: Гос. публичной библиотеки им. В. И. Ленина в Москве, Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, Гос. республиканской библиотеки им. Алишера Навои в Ташкенте, Центрального государственного исторического архива СССР (Москва и Ленинград), Центрального государственного архива литературы и искусства в Москве, Архива Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, Архива востоковедов Института востоковедения АН СССР (Ленинград), Государственного исторического архива Ленинградской области, Центрального государственного военно-исторического архива в Ленинграде, Центрального государственного архива Узбекской ССР в Ташкенте, архива Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина, архивов и библиотек Алма-Аты, Ашхабада, Вильнюса, Казани, Самарканда и др.

Выпуск в свет специального издания био-библиографических очерков в применении к Узбекистану осуществляется впервые и, естественно, составитель заинтересован в получении читательских отзывов и замечаний.

Составитель будет признателен читателям за помощь в разыскании портретов тех ученых, которыми он не располагал ко времени публикации настоящего издания.

Адрес: город Ташкент, улица Гоголя, 70, Институт истории Академии наук Узбекской ССР, Сектор историографии.

АБУ НАСР ФАРАБИ

ВЫДАЮЩИЙСЯ среднеазиатский мыслитель Абу Наср Мухаммад ибн Мухаммад ибн Узлуг ибн Тархан Фараби родился в 260/873—874* в местности Фараб при впадении Арыси в Сырдарью (по одним данным, в небольшом укрепленном селении Весидж, по другим — в главном городе фарабской округи — Кедере или селении под названием Фараби).

Детство и юность Фараби прошли в годы, когда Средняя Азия была подчинена владычеству арабского халифата, столица которого Багдад являлась одним из культурных центров того времени.

По имеющимся данным, первоначальные знания Фараби получил на родине, затем некоторое время учился и работал в Бухаре (в качестве судьи?), посещал также Шаш и Самарканд. Впоследствии он предпринял поездку в Багдад, посетив по пути Исфахан, Хамадан, Рей и другие города Ирана.

В Багдаде Фараби, пополняя свои научные знания, общался с рядом ученых — мусульман и христиан; некоторые из них стали его учителями. Вскоре и сам Фараби начал приобретать известность своими глубокими, энциклопедическими познаниями в области философии, логики, математики, музыки и др. На первом плане стояли занятия Фараби в области философии (известна, в частности, его приверженность учению и взглядам Аристотеля, что наложило явственный отпечаток на творчество Фараби). Сам Фараби получил впоследствии прозвище «муаллим ас-сани», т .е. «второй (после Аристотеля) учитель».

---

* В литературе указываются и другие даты (преимущественно 870).

Судя по всему, именно в Средней Азии Фараби познакомился с сущностью бытовавших тогда религиозно-философских систем манихейства, маздакизма и др. Пребывание же в Багдаде расширило познания Фараби и в этой области.

Противоречивость и неполнота данных источников не позволяют последовательно проследить все перипетии жизненного пути Фараби и приурочить их к строго конкретным хронологическим датам. Его пребывание в Багдаде в основном относится, по-видимому, ко времени правления халифа ал-Муктадира (908—932). К этому же времени принято относить и пребывание Фараби в государстве саманидов, где по просьбе саманида Мансура ибн Нуха он написал сочинение «Ат-та'лим ас-сани» («Второе учение»). Часты сведения различных авторов о прибытии Фараби в 330/941 в Дамаск, где он совмещал работу в поисках заработка с научными занятиями, результатом которых явилось, в частности, окончание фундаментального труда «Китоб аро-ахлал-мадинат алфозила» («Книга воззрений жителей идеального города»). Затем Фараби поселился в Халебе (Алеппо), где пользовался покровительством халебского правителя Сайфут-давла Хамдамида (943—967), ведя, однако, скромный образ жизни. По другим данным, Фараби лишь навещал Халеб, оставаясь постоянным жителем Дамаска.

Скончался Фараби в Дамаске в 339/950—951 в месяце раджаб (вторая половина декабря—начало января). По одним данным, он умер естественной смертью, по другим — в результате разбойничьего нападения. Заслуживает внимания предположение, что Фараби был объявлен еретиком за взгляды, противоречившие догмам ислама (погребение ученого совершалось приближенными Сайфут-давлы без участия представителей духовенства).

Научное наследие Фараби велико и многообразно. Оно представлено прежде всего значительным числом трактатов — от весьма небольших по объему до таких значительных (из 37 глав), как «Книга воззрений жителей идеального города». Приверженец Аристотеля, Фараби развивал его учение применительно к культурным достижениям Ближнего и Среднего Востока.

Тематически сочинения Фараби охватывают самые различные отрасли знаний — психологию, естествознание, математику, медицину, музыку и др. В сфере общественных наук наиболее ценным и в определенной степени непреходящим является его философское наследие, характерное лаконичным, выразительным и афористическим стилем и методом изложения.

Современные исследователи делят трактаты Фараби на две основные группы: 1) трактаты, комментирующие и пропагандирующие наследие древнегреческой философии и естествознания (Аристотель, Птолемей, Эвклид, Порфирий и др.); 2) трактаты, излагающие обществен-

но-философские взгляды самого Фараби с учетом того, что и в комментариях Фараби «в значительной мере проявляются личность и мировоззрение их автора» (М. М. Хайруллаев).

Часть трактатов Фараби посвящена общефилософским проблемам («Слово о субстанции», «Существа вопросов», «Книга о законах» и др.), часть — философским аспектам познавательной деятельности человека и проблемам логики («О смысле разума», «Книга введения в логику», «Трактат о сущности души», «Большая (и Малая) книги по логике» и др.) и, наконец, третья часть — вопросам начала, предмета, содержания и тематики философии и других областей знания («Книга о смысле философии», «Примечания к философии», «Книга об определении и классификации наук»). Особую группу образуют трактаты по изучению количественных, пространственных и объемных отношений материи (цикл математических наук), трактаты, сообщающие сведения о различных свойствах материи и ее видах, свойствах органической и неорганической природы (сфера физики, химии, биологии и др.).

Еще один цикл трактатов Фараби посвящен вопросам лингвистики, поэтики, риторики, каллиграфии. Некоторые из трактатов носят полемический характер («Опровержение Ибн ар-Равади по вопросу о методах дискуссий», «Опровержение Яхья ан-Нахви по вопросу о методах спора» и др.).

Исключительный интерес представляют трактаты, рассматривающие проблемы общественно-политической жизни и характер социального устройства, нравственности, задачи и формы воспитания и др. («Книга воззрений жителей идеального города», «Гражданская политика», «Книга о войне и мирной жизни», «Книга изучения общества», «Добродетельные нравы» и др.).

Фараби известен и своим поэтическим и музыкальным творчеством, причем в историю музыки он вошел и как крупный ее теоретик, и как создатель музыкального инструмента типа лютни.

Формирование общественно-философского мировоззрения Фараби проходило под воздействием культурных традиций и литературы Средней Азии, Ирана, Индии и Ближнего Востока, античной философии (и прежде всего Аристотеля), идеологии антихалифатских и антифеодальных движений и выступлений масс, а также передовой по тому времени естественнонаучной мысли.

Общественно-философские концепции Фараби сложны, подчас противоречивы. Идеалистическим взглядам на мир сопутствуют материалистические прозрения и догадки автора. Основная суть системы его взглядов сводится к стремлению воссоздать всю панораму мироздания — от начала вселенной до возникновения человеческого общества — и разработать рационалистический метод познания.

Лейтмотивом творчества Фараби являлось обоснование и развитие пантеистических взглядов на мир, причем некоторые из его смелых натурфилософских и материалистических тенденций объективно создавали предпосылки к развитию вольнодумия, атеизма, отрицания идеализма и теологии. В разрез с догмами господствовавшего тогда ортодоксального ислама Фараби энергично ратовал за приоритет разума в познании окружающего мира, природы и человека, отстаивал закономерность тесной взаимосвязи философии и естествознания. Вопреки идеалистическому в целом характеру учения Фараби об общественном развитии оно содействовало дальнейшему развитию прогрессивных социально-политических учений.

Как мыслитель-гуманист Фараби ярко рисовал облик будущего общественного устройства на началах свободы, всеобщего равенства, взаимного уважения и полного благополучия, видя путь к такому идеальному устройству в торжестве разума, науки и знания. Фараби мечтал о времени без междоусобных феодальных войн, грабежей и захватов, без обмана и несправедливости, об обществе мирном, процветающем, благополучие которого будет строиться на плодах созидательного труда людей и их взаимной помощи. Утопический характер этих размышлений не умаляет их огромного прогрессивного значения для своего времени. Свободолюбивые идеи Фараби вдохновляли передовых людей многих поколений, притом не только в странах Востока, но и в странах Запада. Установлено, в частности, влияние идей Фараби на мировоззрение Ибн Сины (*см.*), Беруни (*см.*), Низами, Омара Хайяма, Алишера Навои, позднее на Бедиля, Ахмада Дониша и других мыслителей, писателей и поэтов.

Закономерно, что труды Фараби получили широчайшую известность, многократно переводились на различные языки мира, а сама личность и деятельность Фараби вызвали к жизни обширную литературу.

Издание произведений Фараби: Новейший перечень произведений Фараби, изданных на арабском, русском, узбекском, персидском, турецком и западноевропейских языках см. в кн.: М. М. Хайруллаев. Мировоззрение Фараби и его значение в истории философии, Отв. редактор акад. АН УзССР И. М. Муминов. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1967, стр. 341—344; Библиографический указатель советской литературы об Абу Насре Фараби и изданий текстов его произведений в СССР. Составил Б. В. Лунин. — ОНУ, Ташкент, 1973, № 6, стр. 94—95 (также: Литература и тексты, в кн.: М. М. Хайруллаев. Фараби— крупнейший мыслитель средневековья, Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1973, стр. 71—72).

Литература о Фараби: Библиографический указатель советской литературы об Абу Насре Фараби и изданий текстов его произведений

в СССР, Составил Б. В. Лунин. — ОНУ, Ташкент, 1973, № 6, стр. 88—94. **Дополнения составителя:** М. М. Хайруллаев. Фараби — крупнейший мыслитель средневековья (к 1100-летию со дня рождения Абу Насра Фараби).— Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1973, 99 стр.; Он же. Фараби и его место в истории общественно-философской мысли. — ОНУ, Ташкент, 1973, № 6, стр. 9—22; А. Ф. Файзуллаев. Идеи Фараби о движении и их дальнейшее развитие. — Там же, стр. 23—30; Г. П. Матвиевская. Фараби и математика. — Там же, стр. 31—35; С. Облакулов. Абу Наср Фараби о языке и мышлении. — Там же, стр. 36—41; Л. А. Исламова. Эстетические идеи в произведениях Фараби. — Там же, стр. 42—48; И. Раджабов. О наследии Фараби в области музыки. — Там же, стр. 49—55; М. С. Булатов. Фараби и архитектура. — Там же, стр. 56—60; С. Каримов. Фараби о понятии материи. — Там же, стр. 61—62; У. Кулмурадов. Фараби о чувственном познании. — Там же, стр. 63—64; Р. Н. Насыров. Фараби о рациональном познании. — Там же, стр. 64—66; А. Абдурасулов. О трактате Фараби «Афоризмы государственного деятеля». — Там же, стр. 66—69; Н. Баратов. Вопросы нравственности в трудах Фараби. — Там же, стр. 69—71; А. Ирисов. Фараби и Ибн Сина. — Там же, стр. 71—72; Х. Аликулов. Фараби и социальные идеи Давани. — Там же, стр. 72—75; С. Юлдашев. Идеальное общество в представлениях Абу Насра Фараби и Мухамеда Икбала. — Там же, стр. 75—78; А. Л. Казыбердов. Сочинения Фараби в рукописях Института востоковедения АН УзССР. — Там же, стр. 78—82; А. Джалалов. Студенческие дипломные работы о Фараби. — Там же, стр. 82, Х. И. Джанматова. Трактат Абу Насра Фараби «Источник вопросов». — Там же, стр. 83—85; Абу Наср Фараби. Из трактата «Афоризмы государственного деятеля».—Там же, стр. 85—87; В. Ю. Захидов. Основные источники мировоззрения Навои и проблемы художественного влияния. — Ташкент, 1968, стр. 17—19 (на узб. яз.); Он же. Сердцевина творчества великого поэта. — Ташкент, 1970, стр. 108—111 (на узб. яз.); Ш. М. Шамухамедов. Гуманизм в творчестве классиков персидско-таджикской литературы. — Ташкент, 1968, стр. 133—135, 190—192, 266—268; Он же. К проблеме развития гуманистических идей в творчестве классиков персидско-таджикской поэзии. — Ташкент, 1969, стр. 35, 43, 46—47 и др.; А. Х. Касымжанов, Б. Я. Ошерович, Г. Тасмагамбетов. Малоизвестная рукопись аль-Фараби. — Вестник АН Казахской ССР, Алма-Ата, 1969, № 11; А. Кубесов. Метод построения науки у аль-Фараби. — «Билим жане Енбек», Алма-Ата, 1970, № 1 (также другие статьи А. Кубесова о Фараби в названном журнале: 1968, № 1, 1969, № 3, 5, 7, 11, 1970, 5, 9); Он же. Аль-Фараби. — Алма-Ата, 1972, 124 стр. (на казахск. яз.); Очерки истории философской и общественно-политической мысли в Туркмении. — Ашха-

бад, Изд-во «Ылым», 1970, стр. 51—56; О. А. Жаутыков, А. Х. Машанов, А. Х. Касымжанов, А. Кубесов. Роль Фараби в развитии науки. — XIII Международный конгресс по истории науки. Москва. 18—24 августа 1971 г. — М., 1971; С. К. Сатыбекова. Гуманизм аль-Фараби и его идейные истоки. — М., 1972, 24 стр.; Ануар Алимжанов. Возвращение учителя. — «Литературная газета», М., 5 сентября 1973 г., № 36; И. М. Муминов. За глубокое изучение философского наследия В. И. Ленина. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1973, стр. 109—113; Аль-Фараби. Социально-этические трактаты. Ред. коллегия: Ш. Е. Есенов (отв. редактор), Б. Г. Гафуров, С. Н. Григорян, А. Н. Нусупбеков, Т. М. Жангельдин, А. Х. Касымжанов, С. К. Кенесбаев, М. К. Каратаев. Редактор-составитель А. Х. Касымжанов. Предисловие акад. АН СССР Б. Г. Гафурова. — Алма-Ата, Изд-во «Наука», 1973, 400 стр.; В. Демидчик и А. Садыков. Абу Наср Фараби о демократическом государстве. — «Памир», Душанбе, 1973, № 6, стр. 76—77; В. Ю. Захидов. Три титана. Фараби, Беруни, Ибн Сина.— Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1973, стр. 19—35.

АБУ БАКР МУХАММАД НАРШАХИ

ОДИН из наиболее известных представителей ранней среднеазиатской историографии Абу Бакр Мухаммад ибн Джафар ан-Наршахи (Нершахи) родился (предположительно) в 286/899 в сел. Наршах в окрестностях Бухары. Скончался весной 348/959.

С именем Наршахи связано во многом единственное для своего времени сочинение «История Бухары» («Известия о Бухаре», «Точное исследование о [Бухарской] стране», «История Наршахи»), содержащее ценные данные (рассказы и хадисы) по истории и исторической топографии Бухары, Бухарской округи (оазиса низовьев р. Зарафшан) и отчасти всей Средней Азии. Это «своеобразная энциклопедия по истории (в широком смысле этого слова) одного из важнейших экономических и культурных центров Средней Азии» (О. И. Смирнова). В рукописи приводятся, в частности, исключительной важности сведения из истории арабского завоевания Средней Азии, восстаний Абруя, Шарика ибн Шейха ал-Макри и Муканны, о распространении ислама и вытеснении местных языческих верований, о построении тюркским царевичем Шири-Кишваром, подавившим восстание Абруя, Бухары и крупных селений в ее окрестностях, об оросительной сети Бухары, о монетном чекане бухар-худатов и др.

Биографические сведения о Наршахи крайне скудны. «История Бухары» была написана им на арабском языке в 943—944 (по другим данным, в 948—949) для саманида Нуха ибн Насра. Полный первоначальный текст сочинения не сохранился, а дошедшая до нас часть представляет собой сокращенный вариант в переводе с арабского на персидский, осуществленном в 1128 ферганцем Абу-Насром Ахмадом

ибн Мухаммадом ал-Кубави. Последний не только сократил текст труда Наршахи, но и дополнил его известиями из Табари и других авторов, в том числе из не сохранившихся сочинений Абу-Хасана Нишапури («Хаза'ин ал-улум») и Ибрахима («Ахбар-и Муканна»). Кубави довел повествование по истории Бухары до своего времени. Подобно Наршахи он включил в рукопись и личные наблюдения, и расспросные сведения, чем создал, частично, как бы новое сочинение. Спустя еще полвека, в 574/1178—1179 бухарец Мухаммад ибн Зуфар подверг труд Наршахи новому сокращению и переработке, а оставшийся анонимным автор XIV в. довел изложение истории Бухары до 1220 (допускается возможность причастности к рукописи также остающегося безымянным автора XV в.). В этой последней редакции «История Бухары» Наршахи и известна исследователям. Налицо позднейшие интерполяции и других авторов и даже переписчиков, хотя большинство не принадлежащих Наршахи мест рукописи связано, видимо, именно с Кубави — современником караханида Арслан-хана. Как сказано, Кубави пользовался сочинением Нишапури «Хаза'ин ал-улум» (данные о происхождении Бухары, о базаре Мох, о постройке бухарского арка, о возведении стены Кампирак, ограждавшей сельскую округу Бухары, о хозяйстве этой округи и др.). Степень причастности Мухаммада ибн Зуфара к рукописи Наршахи остается неясной и трудно выяснимой. С упомянутым анонимным автором связаны, очевидно, вставки, повествующие о вторичной постройке вокруг города двойного ряда стен в 1165, о возведении стены в 1207—1208 и ее разрушении при взятии Бухары войсками Чингисхана в 1220.

При всем этом первичная основа Наршахи сохраняет свою самодовлеющую ценность важнейшего источника по истории Бухары раннего средневековья, включая описание бухарского шахристана.

Большой интерес для историков и археологов представляют во многом уникальные данные «Истории Бухары» о Варахше и расположенном в ней дворце правителей Бухары (бухар-худатов). Из этих данных явствует, что Варахша занимала значительное место в экономической и политической жизни Бухарского владения. Хотя приводимые сведения не всегда полны и точны, в целом они являются существенным подспорьем при реконструкции хода событий в связи с историей Варахши и всей Бухары.

Восстановление первоначального текста сочинения Наршахи невозможно вследствие множества дополнений и изменений, внесенных в разное время. Ныне ведется работа по очищению рукописи от пояснений и интерполяций переписчиков, выявлению наиболее древних ее частей, восходящих к Наршахи, и установлению последовательности обработки его труда (О. И. Смирнова и др.).

186731

Географические данные в «Истории Бухары» бледнее исторических; небезынтересны, однако, описание р. Зарафшан и ее долины, истолкование палеогеографии Бухарского оазиса.

К настоящему времени известны следующие издания «Истории Бухары»: Шарля Шефера (Париж, 1892), Н. С. Лыкошина (*см.*) в переводе на русский язык под редакцией и с примечаниями В. В. Бартольда (Ташкент, 1897), Р. Фрая в переводе на английский язык (Кэмбридж, Массачузетс, 1954) и А. Расулева в переводе с фарси-таджикского на узбекский язык (Ташкент, 1966). Кроме того, в 1904 Мулла Султан выпустил в Новой Бухаре (Кагане) литографированное издание «Истории Бухары», а в 1939 в Тегеране появилась публикация труда Наршахи, осуществленная Мударрисом Ризави и легшая в основу английского перевода Фрая.

Издания труда Наршахи «История Бухары»: Description topographique et historique de Boukhara par Mohammed Nerchakhy, suivie de textes relatifs à la Transoxiane. Texte persan publié par Charles Schefer, Paris, 1892 (Publications de l'Ecole des langues orientales vivantes, III sér., vol. XIII); Рец. В. В. Бартольда: ЗВОРАО, т. IX, СПб., 1896, стр. 313—316 (В. В. Бартольд. Сочинения, т. VIII, М., 1973, стр. 17—20); Мухаммад Наршахи. История Бухары, перевел с персидского Н. Лыкошин под редакцией В. В. Бартольда, Ташкент, 1897, 124 стр. (ср.: Е. Т. Смирнов. Сообщение по поводу «Истории Бухары» Наршахи на персидском языке, переведенной членом кружка Н. С. Лыкошиным под редакцией члена кружка В. В. Бартольда, ПТКЛА, Год II, Ташкент, 1897, стр. 1—5; также: Библиографическая заметка, История Бухары, Соч. Мухаммада Наршахи. — ТВ, 1897, № 49; Н. И. Веселовский. Рецензия на кн.: Мухаммад Наршахи. История Бухары, Ташкент, 1891.— ЖМНП, ч. CCCXIV, СПб., 1897, декабрь, стр. 466—468; История Бухары.— Новая Бухара, Каган, 1322/1904, литограф изд. Муллы Султана; The History of Bukhara.— Translated from a Persian adridgement of the Arabis original by Narshakhi Richard N. Frye. Cambridge—Massachusetts, 1954; Абу Бакр Мухаммад ибн Джафар Наршахи.— История Бухары. Перевод с таджикского-фарси канд. филол. наук А. Расулева. Отв. редактор А. Урунбаев.— Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1966, 120 стр., на узб. яз. (Институт востоковедения АН УзССР им. Абу Райхана Беруни).

Литература о Наршахи и описания рукописей его сочинения: П. И. Лерх. Монеты бухар-худатов.— Труды Восточного отдела Русского Археологического Общества, СПб., 1875—1909, ч. XVIII, стр. i—161; От переводчика.— В кн.: Мухаммад Наршахи. История Бухары.., Ташкент, 1897, стр. 3—6; В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.— Ч. II, Исследование, СПб., 1900 (В. В. Бартольд. Со-

чинения, т. I, М., 1963, стр. 165—167, 261—263 и др.); Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР, т. I, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1952, стр. 46—53, № 92—110; Наршахи.— БСЭ, т. 29, 1954, стр. 181; История Узбекской ССР, т. I, книга первая.— Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1955, стр. 160—173, 178—185, 210—212 и др.; О. А. Сухарева. К истории городов Бухарского ханства (Историко-этнографические очерки). — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1958, стр. 7—11; Б. В. Лунин. Средняя Азия..., стр. 213—216; Каталог восточных рукописей Академии наук Таджикской ССР, т. I, Душанбе, 1960, стр. 97, № 101; Наршахи.— В кн.: Х. Хасанов. Среднеазиатские географы и путешественники, Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1964, стр. 37—70 (на узб. яз.); Э. А. Масанов. Наршахи.— СИЭ, т. 9, М., 1966, стр. 987—988; В. А. Шишкин.— Варахша, М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 9—10; 22—24, 37, 83 и др.; От редакции. — В кн.: Абу Бакр Мухаммад ибн Джафар Наршахи. История Бухары..., Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1966, стр. 5—10; О. И. Смирнова: «История Бухары» Наршахи (К истории сложения текста и о задачах его издания). — КСИА, 69, М., 1965, стр. 155—179; Она же. Некоторые вопросы критики текста («Сборник летописей» Рашид ад-Дина, «Шах-наме» Фирдоуси и «История Бухары» Наршахи).— В кн.: Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник, 1968, М., Изд-во «Наука», ГРВЛ, 1970, стр. 164—165. Также: Ч. А. Стори. Персидская литература. Био-библиографический обзор. Перевод с английского.— Ч. II, М., ГРВЛ, 1972, стр. 1108—1112, № 975; ч. III, 1972, стр. 1505—1506.

АБУ РАЙХАН БЕРУНИ

ВЫДАЮЩИЙСЯ ученый-энциклопедист эпохи средних веков Абу Райхан Мухаммад ибн Ахмад Беруни (Бируни) родился 2 зу-л-хиджжа 362/4 сентября 973 в г. Кят* — крупном политическом и торгово-экономическом центре Хорезма — области, входившей в состав государства саманидов и в то же время пользовавшейся относительной самостоятельностью. Уместно заметить, что как уроженец Хорезма Беруни всю жизнь оставался патриотом своей страны. Его творчество как бы продолжало и обогащало традиции науки и культуры древнего Хорезма.

Биографические сведения о Беруни не отличаются абсолютной полнотой. Достоверно известно, что уже в юные годы он был близок к местным кругам образованных людей (врачей, математиков, астрономов) и в этих же кругах обрел учителей, в том числе своего первого учителя — математика и астронома Абу Наср Мансур ибн Али ибн Ирака.

Родным языком Беруни был хорезмийский; он овладел также не только родственным хорезмийскому согдийским языком, но и персидским, изучая, кроме того, языки сирийский и, по-видимому, греческий и древнееврейский. В бытность свою в Индии Беруни овладел санскритом. Вместе с тем основные сочинения он писал по-арабски, что соот-

* Точнее, видимо, в одном из пригородных ремесленных селений («Берун» — «снаружи, вне [города]»). По мнению И. Ю. Крачковского, нисба «Бируни» — своего рода литературный псевдоним, долженствующий звучать как «человек из предместья» и подчеркивать плебейское происхождение автора.

ветствовало широко распространенной тогда на Востоке традиции. Сам Беруни видел в арабском языке международный язык науки своего времени, что не мешало ему критиковать сложность и другие недостатки арабского алфавита*.

К числу наиболее ранних научных увлечений Беруни относились занятия астрономией. Есть основания предполагать его работу в придворной обсерватории, а тем самым близость ко двору хорезмийского правителя. В связи с политическим переворотом в Хорезме (приход к власти эмира Гургандж Мамун ибн Мухаммада, принявшего титул хорезмшаха), Беруни в 995 покидает территорию Хорезма, вне которой он находился несколько лет. Точно фиксируется пребывание Беруни в течение некоторого времени в крупном иранском городе Рее близ Тегерана, а также в Гургане — столице одноименного княжества (при династии зийаридов).

Время пребывания в Гургане — «время бурного старта его интенсивной творческой деятельности, время перехода от преимущественного накопления и поисков знаний к активной реализации их в многочисленные труды» (П. Г. Булгаков). В Гургане началась и деятельность Беруни-историка, которая не прекращалась на протяжении всей его творческой жизни.

В Рее Беруни сблизился в 996 с крупным среднеазиатским астрономом и математиком Абу Махмудом Ходженди и на основе полученных от него материалов написал свой первый по времени (из дошедших до нас) трактат «О Фахриевом секстанте» (996—999). В 997 Беруни возвратился на родину, в город Кят, где провел и весь 998. К этому времени относится его переписка с известным среднеазиатским математиком Абу-л-Вафа Мухаммадом Бузджани. 997—998 датируется и переписка Беруни с Ибн Синой (*см.*), крайне важная для понимания основ их научного мышления и воззрений на окружающий мир (своего рода натурфилософии).

В конце 998 или в начале 999 Беруни переехал из Кята в Гурган по приглашению Кабуса ибн Вушмагира, а в конце 1003 — начале 1004 вновь возвратился в Хорезм, где участвовал в политической борьбе, приняв сторону противников Махмуда Газневи, усиливавшего тогда свое могущество в Афганистане и Хорасане. По соглашению с караханидскими династами владения Махмуда Газневи простирались вдоль Амударьи и левобережный Хорезм оказался в сфере его политического влияния, а затем (в результате военного похода) и в составе его владений.

---

* Беруни не мог писать на родном хорезмийском языке, переставшем быть литературным языком после разгрома арабскими завоевателями Хорезма и его культурных ценностей.

По повелению Махмуда Беруни оказался в 1017 в Газне — столице газневидского государства. Обстоятельства жизни Беруни в Газне на протяжении ряда лет известны мало. Важно, однако, что это было время создания наиболее значительных его трудов.

К тому же времени (впервые между 1022 и 1025) относится пребывание Беруни в Индии. Как долго и когда именно он находился здесь, неизвестно, но эта поездка связывается с завоевательными походами в Индию Махмуда Газневи.

Беруни и его сочинениям посвящена весьма обширная отечественная и зарубежная литература. Он прославился как автор множества работ, в том числе капитальных сводных трудов по различным областям знаний. Говоря словами Шахразури — современника Беруни, «его рука никогда не расставалась с пером, глаза постоянно делали наблюдения, а сердце было устремлено к размышлению». Всемирную известность получили работы Беруни в сфере географии, астрономии, исторической геологии, гидрогеологии, геодезии, минералогии, физике, химии, ботанике, фармакогнозии и др. Всего он создал до 150 произведений (в том числе по истории, этнографии, истории религий, философии и т. д.); до наших дней дошло около 30. Беруни выступал прежде всего как астроном и математик и в то же время как замечательный философ-мыслитель, выработавший своеобразный научный метод изучения и познания природы на основе обобщения лучшего из научно-литературного наследия прошлого.

Ставя в основу всего конкретного божественное начало как первопричину сущего и его творческую силу, Беруни вместе с тем умел отделять во многих случаях научные представления от религиозных, выходить за рамки ограниченных предписаний и представлений Корана, утверждать существование присущей природе и являющейся ее свойством «естественной силы». Всем же, что происходит в природе, творит и управляет материя, и именно она «связывает и изменяет форму вещей». Мир — объективная реальность и сам человек с его способностью чувствовать есть порождение долго длившегося в природе процесса. Сложные явления вселенной Беруни объяснял присущей ей закономерностью развития, причинной связью, взаимообусловленностью явлений и предметов, на каком бы расстоянии друг от друга они не находились. Несмотря на то, что эти стихийно-материалистические постулаты Беруни сочетались нередко с весьма наивными представлениями и объяснениями некоторых явлений окружающего мира, в целом естественно-исторические труды его представляли собой одну из вершин науки своего времени.

При оценке Беруни как ученого и мыслителя необходимо иметь в виду, что окружавшая его среда феодального средневековья не давала и не могла дать «свободы его научно-творческой деятельности. Он, так

же как и его современник Ибн Сина, не избежал влияния идеалистической философии ислама. Это обусловило историческую ограниченность взглядов Беруни, которая, однако, не умаляет его заслуг по разработке естественнонаучного, стихийно-материалистического воззрения на явления природы и по борьбе с мистическими представлениями» (И. М. Муминов).

В сфере общественных наук Беруни также известен как автор важных и ценных трудов.

Первым из дошедших до нас капитальных сочинений Беруни являлись «Памятники, оставшиеся от минувших поколений» (арабск. — «Китаб ал-асар ал-бакийа ан ал-курун ал-халийа»), позднее названные условно «Хронологией древних восточных народов» (написанная до этого история общинно-крестьянских движений маздакистско-карматского типа — «История движения людей в белых одеждах и карматов» — остается неизвестной). «Памятники» были созданы между 1000 и 1003 и представляли собою «свод технической или гражданской хронологии, дающей описание всех эр и праздников известных ал-Бируни народов и религий: греков, римлян, персов, согдийцев, хорезмийцев, харранцев, коптов, христиан, евреев, доисламских арабов, мусульман. Источники его по этим вопросам очень разнообразны: с одной стороны, это специальные работы, которые в настоящее время утрачены, с другой — богатая устная традиция, в некоторых случаях исключительно ценная» (И. Ю. Крачковский). При этом глава о летосчислении хорезмийцев является пока единственным письменным памятником хорезмийского происхождения, посвященным древней истории Хорезма.

В 1030 Беруни закончил свой прославленный труд «Книга, содержащая разъяснение принадлежащих индийцам учений, приемлемых разумом или отвергаемых («Тахрир ма ли-л-Хинд мин макала макбула фи-л-акл ау марзула»), вошедший в науку под сокращенным наименованием «Индия».

По твердо сложившемуся среди ученых убеждению, ни одно из написанных в эпоху средневековья сочинений об Индии не может сравниться с сочинением Беруни, представляющим собой образец географической, этнографической и историко-культурной монографии и неоценимый источник для истории раннесредневековой Индии. По словам современного индийского ученого Хамида Раза, «ни один из средневековых и новейших авторов не добился таких успехов в понимании запутанных проблем индийской цивилизации, как бессмертный Абу-Райхан Мухаммад ал-Беруни, чья «Индия» остается классическим образцом выражения дани автора древнейшей науке и культуре».

В процессе работы над «Индией» Беруни использовал не менее 40 санскритских источников, цитировал 14 греческих авторов и т. д. Вместе с тем в этом труде проявились глубокая личная его осведомленность

в области географии и истории Индии, жизни и быта, обычаев и нравов ее народа и блистательные познания в области индийской математики и астрономии. «Индия» — яркое свидетельство глубокого понимания хорезмийцем Беруни высокой и своеобразной культуры соседнего с Средней Азией государства.

Перу Беруни принадлежала история Хорезма («Замечательные люди Хорезма»), известная, к сожалению, только по небольшим отрывкам, включенным в сочинение Абу-л-Фазла Бейхаки «История Мас'уда» и, видимо, в пересказе последнего (из этих отрывков явствует, в частности, что Беруни в 1010—1017 находился при дворе хорезмшаха Абу-л-Аббаса и был близким к нему человеком, очевидно, советчиком по дипломатическим вопросам). Предполагается, что история Хорезма была написана после 1035. Упомянутые отрывки касаются времени последнего этапа самостоятельного существования Хорезма при мамунидской династии хорезмшахов и перед захватом страны Махмудом Газневи и свидетельствуют, что данное сочинение носило отчасти характер мемуаров.

Для историков и специалистов исторической топографии небезынтересно также сочинение Беруни «Определение конечных границ мест для уточнения расстояний между населенными пунктами» («Тахдид ихайат ал-амакин ли-тасхих масафат ал-масакин»). В нем содержатся важнейшие данные по Средней Азии, в том числе об изменениях русла Амударьи, об Аральском море и землях, относящихся к их бассейнам, причем представления Беруни в этой области во многом сходны с представлениями современных исследователей.

Последние дни жизни Беруни прошли при дворе Маудуда, внука Махмуда, правителя небольшого удельного княжества — осколка былого величия империи газневидов. Скончался Беруни предположительно в 1048.

В 1973 по решению ЮНЕСКО мировая общественность широко отметила 1000-летие со дня его рождения. В СССР этой дате был посвящен ряд научных собраний и конференций и издано значительное количество новых работ, освещающих разные стороны творческого наследия ученого, в том числе фундаментальная сводная работа П. Г. Булгакова (под редакцией И. М. Муминова) о жизни и деятельности Беруни. Впервые увидели свет и переводы на русский и узбекский языки такие значительные сочинения Беруни, как «Канон Мас'уда» (книги I—V) и «Фармакогнозия в медицине».

Издания сочинений Беруни (выборочно): Переписка Беруни с Авиценной. Перевод М. Абдурахманова и А. Расулева. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1950, 68 стр.; Десять вопросов Бируни относительно «Книги о небе» Аристотеля и ответы Ибн Сины. Перевод Ю. Н. Завадов-

ского. — В кн.: Материалы по истории прогрессивной общественно-философской мысли в Узбекистане. Под ред. акад. АН УзССР И. М. Муминова, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957, стр. 128—162; Абу Рейхан Бируни. Избранные произведения, I [Хронология]. Памятники минувших поколений. Перевод и примечания М. А. Салье. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957, 488 стр.; Абу Рейхан Беруни. Избранные произведения, I, Памятники минувших поколений. Перевод Абдуфаттаха Расулева. — Ташкент, Изд-во «Фан», 1968, 485 стр. (на узб. яз.); Абу Рейхан Бируни. Избранные произведения, II, Индия. Перевод А. Б. Халидова и Ю. Н. Завадовского. Комментарии В. Г. Эрмана и А. Б. Халидова. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1963, 727 стр.; Абу Рейхан Беруни. Избранные произведения, II. Индия. Перевод А. Расулева, Ю. Хакимджанова и Г. Джалалова. Под ред. А. Ирисова. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1966, 537 стр. (на узб. яз.); Абу Рейхан Бируни. 973—1048. Избранные произведения, III, Определение границ мест для уточнения расстояний между населенными пунктами (Геодезия). Исследование, перевод и примечания П. Г. Булгакова. Отв. редактор А. К. Арендс. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1966, 362 стр.; Абу-р-Рейхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). Перевод А. М. Беленицкого. Редакция Г. Г. Леммлейна, Х. К. Баранова и А. А. Долининой. Статьи и примечания А. М. Беленицкого и Г. Г. Леммлейна. — М., Изд-во АН СССР, 1963, 518 стр.; [Абу-р-Райхан Бируни]. Книга Абу-р-Райхана Мухаммада ал-Бируни об индийских рашиках. Перевод Б. А. Розенфельда. — В кн.: Из истории науки и техники в странах Востока. Сб. статей, вып. 3, М., ИВЛ, 1963, стр. 148—162; Звездный каталог Ал-Бируни с приложением каталогов Хайяма и Ат-Туси. Перевод С. А. Красновой и М. М. Рожанской. — В кн.: Историко-астрономические исследования, вып. 8, М., 1962, стр. 83—192; Абу Райхан Беруни. Избранные произведения, IV, Фармакогнозия в медицине (Китаб ас-сайдана фи-ттибб). Исследования, перевод, примечания и указатели У. И. Каримова. Отв. редактор доктор филол. наук А. К. Арендс. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1973, 1120 стр.; Абу Райхан Беруни. Избранные произведения, V, Канон Мас'уда, ч. I, (кн. I—V). Вступительная статья, перевод и примечания П. Г. Булгакова и Б. А. Розенфельда при участии М. М. Рожанской (перевод и примечания) и А. А. Ахмедова (примечания). Отв. редакторы акад. АН УзССР С. Х. Сираждинов и доктор физ.-мат. наук Г. П. Матвиевская. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1973, 647 стр.; Абу Рейхан Беруни. Избранные произведения, V, Канон Мас'уда, кн. I—V. Перевод А. Расулева, Специальный редактор А. Ахмедов. Примечания А. Ахмедова и А. Расулова. Отв. редактор акад. АН УзССР С. Х. Сираждинов. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР,

1973, 590 стр. (на узб. яз.); Беруни и Ибн Сина. Переписка. Отв. редактор акад. АН УзССР И. М. Муминов. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1973, 36 стр.; Переписка Беруни с Авиценной. Перевод А. Расулева и М. Абдурахманова. Отв. редактор С. Муталибов. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1973, 35 стр. (на узб. яз.); Абу Рейхан Беруни. Высказывания. Собрал и подготовил к печати Абдусадык Ирисов. — Ташкент, Изд-во «Ёш гвардия», 1973, 104 стр. (на узб. яз.).

Литература о Беруни: Б. В. Лунин. Библиографический указатель советской литературы об Абу Райхане Беруни и изданий текстов его произведений (1918—1972). — В кн.: Беруни. Сб. статей к 1000-летию со дня рождения. Отв. редактор А. К. Арендс. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1973, стр. 186—202. **Дополнения составителя:** ОНУ, 1973, № 7—8, стр. 128—129. Из новейших работ о жизни и творчестве Беруни см.: П. Г. Булгаков. Жизнь и труды Беруни. Отв. редактор акад. АН УзССР И. М. Муминов. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1972, 425 стр.; А. Шарипов. Великий мыслитель Абу Райхан Беруни. — Отв. редактор акад. АН УзССР И. М. Муминов. — Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1972, 175 стр.; Н. Абубакиров. Абу Рейхан Беруни. — «Наука и жизнь», М., 1973, № 9, стр. 49—57; Беруни. Сборник статей к 1000-летию со дня рождения. Отв. редактор доктор филол. наук А. К. Арендс. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1973, 203 стр.; Беруни. К 1000-летию со дня рождения. Сборник статей. Отв. редакторы У. И. Каримов и А. Ирисов. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1973, 260 стр. (на узб. яз.); П. Г. Булгаков. Ранний трактат Бируни о секстанте Фахри. — «Историко-астрономические исследования», вып. XI, М., 1972, стр. 211—219; Ф. Закриллаев. Работы Беруни по физике. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1973, 32 стр. (на узб. яз.); Б. В. Лунин. Жизнь и труды Абу Райхана Беруни в дореволюционной и советской науке. — ОНУ, Ташкент, 1973, № 7—8, стр. 115—130; И. М. Муминов. Беруни как историк науки. — В кн.: Беруни. Сб. статей, Ташкент, 1973, стр. 3—15; И. М. Муминов. Великий ученый-энциклопедист. — ОНУ, Ташкент, 1973, № 7—8, стр. 12—26 (и др. статьи номера, посвященного 1000-летию со дня рождения Беруни); Ибрагим Муминов. Великий энциклопедист из Хорезма. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1973, 44 стр.; Азиз Каюмов. Филологическое наследие Абу Рейхана Беруни. — Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1973, 36 стр. (на узб. яз.); И. М. Муминов. За глубокое изучение философского наследия В. И. Ленина. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1973, стр. 121—129; Он же. Абу Райхан Беруни — выдающийся среднеазиатский ученый-энциклопедист. — ОНУ, Ташкент, 1973, № 11, стр. 29—38; Он же. Наследие великого энциклопедиста. — «Наука и религия», М., 1973, № 10, стр. 32—34; Он же. Великий энциклопедист из Хорезма. К 1000-летию со дня рождения Бируни. — М., «Знание»,

1974, 48 стр.; Б. А. Розенфельд, М. М. Рожанская и З. К. Соколовская. Абу-р-Райхан ал-Беруни. 973—1048.—М., Изд-во «Наука», 1973, 271 стр.; С. Х. Сираждинов, Г. П. Матвиевская и А. Ахмедов. Математика и астрономия у Беруни. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1973, 48 стр.; Д. Д. Столяров. Экономические вопросы в творчестве Беруни. Вестник МГУ. Экономика, М., 1973, стр. 14—23; Г. Я. Умаров. Беруни, Коперник и современная наука. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1973, 120 стр.; Л. Хренов. Астрономические и геодезические работы Беруни. — «Наука и жизнь», М., 1973, № 9, стр. 49—57; Г. И. Зардалишвили. Беруни (1000 лет со дня рождения).— Тбилиси, Изд-во «Сабчота Скартвелло», 1973, 74 стр. (на груз. яз.); А. Усманов. В честь Беруни.— ОНУ, 1973, № 12, стр. 45—46; Л. Б. Алаев. Юбилей Абу Рейхана Бируни.— «История СССР», М., 1974, № 2, стр. 222—224; М. Б. Баратов. Великий ученый средневековья.— «Философская мысль», Киев, 1974, № 1 (на укр. яз.).

Из дореволюционной литературы о Беруни: В. Р. Розен. [Рецензия на издание Э. Захау «Индии» Беруни, Лондон, 1877]. — ЗВОРАО, т. III, СПб., 1889, стр. 146—162; В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. — СПб., 1914; В. В. Бартольд. Сочинения, т. III, М., 1965, стр. 157, 319, 403 и др.; также работы Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», «Историко-географический обзор Ирана», «Сведения об Аральском море...» и др.; И. Ю. Крачковский. Бируни. — Русская энциклопедия, т. III, СПб., Изд-во «Сеятель», 1915; Он же. «Благодатный огонь» по рассказу ал-Бируни и других мусульманских писателей X—XIII вв. — «Христианский Восток», III, Пгр., 1915, стр. 225—242.

АБУ АЛИ ИБН СИНА

ВСЕМИРНО-известный ученый, гениальный мыслитель средних веков Абу Али ал-Хусейн ибн Абдаллах ибн ал-Хасан ибн Али Сина, известный на Западе под именем Авиценны (от древнееврейского написания Авен-Сина), родился предположительно в 370/980 в Афшане (близ Бухары).

Основным источником к изучению жизни и деятельности Ибн Сины служит автобиография, продиктованная им около 1012 в Гургене своему ученику Джузджани (Абу Убейд Абдалвахиду) — философу и законоведу, добровольному секретарю и приверженцу Ибн Сины. Автобиография эта дошла до наших дней в разновременных версиях и частично дополняется сведениями других источников (летописных, легендарных и др.).

Отец Ибн Сины был чиновником по сбору податей и налогов, приверженцем исмаилизма, для своего времени человеком весьма образованным. С раннего детства Ибн Сина обучался Корану и адабу (грамматика, поэтика, стилистика и др.), затем элементарным сведениям по философии, геометрии, арифметике и фикху. Не удовлетворяясь сведениями, сообщаемыми ему учителями, Ибн Сина с юных лет уделял много внимания вопросам логики, евклидовой геометрии и птолемеевой Альмагесте.

Детство и юность Ибн Сины прошли в Бухаре, где в то время жили и творили видные ученые в области светских наук, что не могло не способствовать формированию научного мышления и интересов Ибн Сины. В Бухаре он жил с 985 (986?) по 1005. Здесь его отцу было

поручено управление Хармейсаном — центром одного из булюков (районов).

О ранней образованности Ибн Сины свидетельствует тот факт, что уже в восемнадцатилетнем возрасте он вступает в научные споры с Абу Райханом Беруни (*см.*) и другими учеными. «Истоки его научных трудов органически переплетаются, главным образом, со среднеазиатской культурой» (Ю. Н. Завадовский).

Падение саманидов, приход к власти караханидов, пользовавшихся поддержкой реакционного духовенства, события личной жизни (смерть отца) побудили Ибн Сину (чья научная и врачебная деятельность протекала к этому времени весьма успешно) покинуть Бухару и переселиться в столицу Хорезма — г. Гургандж, где, как и в других хорезмийских городах, еще жили лучшие традиции древней среднеазиатской науки.

Неустановленные точно причины (опасность быть направленным ко двору Махмуда Газневи в Газну — центр засилья мракобесного духовенства?) заставили Ибн Сину спешно и тайно оставить Гургандж и бежать через пустыню Каракумы к Нисе (близ Ашхабада). Начинается полоса скитаний по Хорасану и Табаристану (1011—1012). Попытка обосноваться в прикаспийском городе Джурджане (Гургане) не увенчалась успехом из-за смерти в 1012 эмира Кабуса, при дворе которого надеялся устроиться Ибн Сина. После этого он переселяется в Дихистан, а затем возвращается в Джурджан, где успешно занимается врачебной и научной деятельностью. По столь же невыясненным обстоятельствам в 1014 Ибн Сина переезжает в Рей, в 1015 в Казвин, а затем в Хамадан. Последующие годы были весьма приметными в его научной работе (создание первой книги «Канона врачебной науки» и др.). Смена правителей, приход к власти временщика Тадж ал-Мулка побудили Ибн Сину вступить в тайную переписку с исфаганским правителем Ала ад-Даулом, которому Ибн Сина предложил свои врачебные услуги. Будучи перехваченными, письма Ибн Сины послужили поводом к обвинению его в измене. Он был арестован и заключен в крепость Фариджан близ Хамадана. Спустя четыре месяца Ибн Сина был переведен в Хамадан, откуда бежал в Исфаган, где прожил (не считая времени отлучек) до конца жизни и где деятельность его как ученого и врача достигла высшего расцвета. В Исфагане он занимался, в частности, астрономией и руководил постройкой обсерватории.

Сочинения Ибн Сины свидетельствуют о его энциклопедических познаниях и начитанности, что принесло ему, с течением времени, признание в качестве «мудреца Востока и Запада». Особенно глубокой была осведомленность Ибн Сины в медицинской литературе и философии античного мира и Востока; известно сильное влияние на Ибн

Сину Абу Насра ал-Фараби (*см.*) — его предшественника по изучению наследия Аристотеля.

Вообще же научные интересы Ибн Сины были самыми разнообразными. Его перу принадлежит более 40 трудов по медицине, до 30 — по астрономии и естественным наукам, 185—по философии, логике и богословию и др. (до нас не дошли составлявшиеся Ибн Синой в Бухаре крупнейшие энциклопедии).

Труды Ибн Сины получили широчайшую известность. Ему было суждено сыграть выдающуюся роль и в научном сближении Запада и Востока. Ибн Сине Европа была обязана знакомством с основами и сущностью восточной медицины, в том числе с врачебным опытом Средней Азии, Ирана и других страны. В Европе средних веков имя Ибн Сины (Авиценны) ставилось в один ряд с именами Гиппократа и Галена.

Феноменальная память, замечательная эрудиция, богатейший опыт врачебной практики, глубокие для своего времени теоретические знания, редкая наблюдательность и пытливость позволили Ибн Сине создать бессмертное творение — «Канон врачебной науки» в пяти книгах, над которым он работал многие годы и который явился фундаментальной энциклопедией медицинских знаний средневекового Востока, гениальным творением человеческой мысли. Сам Ибн Сина указывал, что его труд это «книга о врачевании, содержащая общие и частные законы медицины, в коей подробность толкования соединилась бы с немногословием и должная яркость изложения большинства вопросов стояла бы наряду с краткостью».

Всемирная известность «Канона» вызвала к жизни обширную литературу о нем и его авторе, множество переводов «Канона» и его отдельных частей на различные языки.

В СССР в результате десятилетней работы большого коллектива ученых* издано шесть томов «Канона» (книги I—V) с комментариями востоковедов и врачей (Ташкент, 1954—1960). Перевод осуществлен с одного из старейших рукописных текстов «Канона» (XII в.) и является первым в мире полным переводом выдающегося произведения Ибн Сины.

Как мыслитель-философ Ибн Сина также составил неумирающее наследие. Его огромный фундаментальный труд «Книга исцеления» («Китаб-ал Шифа») — крупное научное достижение своего времени в области философии и естествознания. Помимо «Канона» и «Книги исцелений» к числу дошедших до нас наиболее крупных произведений Ибн Сины принадлежат: «Книга спасения» («Китаб-ул Наджат»),

---

* Сведения о его составе см. в кн.: В. Н. Терновский. Ибн-Сина, М., 1969, стр. 42—43.

«Книга указаний и наставлений» («Китаб-ул Ишорат ва-т Танбихат»), «Книга знания» («Данишнама-ат Ала-и»).

По Ибн Сине, философия объемлет собою метафизику, физику и логику. При этом метафизика изучает сущности вне материи, физика — материальные тела, логика — понятия, образующиеся в итоге абстрагирования материи. Однако упорные поиски «истины и разума» и общая прогрессивная направленность мышления приводили Ибн Сину, вслед за Фараби и другими, к смелым и важным материалистическим прозрениям. В противоречие с мусульманской ортодоксией вступало утверждение Ибн Сины о вечности и несотворенности мира, о возникновении материи в силу необходимости и изменяемости ее. По Ибн Сине, мир вечен, так же как вечно его абсолютное начало, т. е. божество (из божества, путем эманации, возникает мир). Не сумев преодолеть теорию эманации (излучение «перворазума», как основная функция бога), Ибн Сина, вместе с тем, вслед за Фараби, помог очистить элементы аристотелизма в философии от мистического тумана неоплатонизма. Ибн Сина противился превращению философии, науки вообще в «служанку» религии. Некоторые из его философских и других трудов также были известны не только на Востоке, но и на Западе, куда проникли преимущественно через Испанию времени арабского владычества.

В литературном произведении Ибн Сины «Птица» человеческие души уподобляются птицам, сидящим в клетках. Освобождаясь из них и преодолевая трудный путь, они достигают дворца «великого царя» и умоляют его освободить их от остатков цепей на ногах. Царь милостиво посылает гонца с приказом снять цепи, но гонец этот — ангел смерти. Общественная аллегория произведения очевидна: клетки — тюрьмы, птицы — узники и даже «великий царь» в конечном счете столь же жесток и немилосерден, как подвластные ему правители.

Скончался Ибн Сина в 428/1037 (429?).

Издания сочинений Ибн Сины: Ибн-Сина (Автобиография). — В кн.: Материалы по истории прогрессивной общественно-философской мысли в Узбекистане. Под ред. акад. АН УзССР И. М. Муминова. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957, стр. 117—120 (Извлечения); Абу Али ибн Сина (Авиценна). Канон врачебной науки, кн. I, Перевод канд. филол. наук М. А. Салье (стр. 1—44, 45—123, 141—270, 408—447; в переводе стр. 45—123 принимал участие Ю. Н. Завадовский), канд. филол. наук У. И. Каримова и мл. научн. сотр. А. Расулева (стр. 271—407), канд. филол. наук С. М. Мирзаева (стр. 124—138). Гл. редактор Т. З. Захидов. Отв. редакторы: В. Н. Терновский, Н. И. Исмаилов, А. К. Арендс. Ред. коллегия: С. А. Азимджанова, Х. Г. Гафуров, Я. Г. Гулямов, Р. Н. Набиев, Б. Д. Петров, С. Ш. Шахабуддинов, А. Х. Ходжаев, А. Ю. Юнусов. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1954,

549 стр.; Абу Али ибн Сина (Авиценна). Канон врачебной науки, кн. II, О простых лекарствах, Перевод Ю. Н. Завадовского и канд. филол. наук С. М. Мирзаева при участии канд. филол. наук М. А. Салье. Гл. редактор Т. З. Захидов. Отв. Редакторы: В. Н. Терновский, А. К. Арендс. Ред. коллегия: С. В. Аничков, С. А. Азимджанова, А. А. Аскаров, Х. Г. Гафуров, В. К. Джумаев, А. Ф. Гаммерман, В. М. Карасик, У. И. Каримов, И. К. Камилов, В. П. Калашников, С. М. Мирзаев, Р. Н. Набиев, Б. Д. Петров, А. Расулев, М. А. Салье, А. Ю. Юнусов. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956, 826 стр.; Абу Али ибн Сина (Авиценна). Канон врачебной науки, кн. III, т. I, Перевод канд. филол. наук У. И. Каримова (ч. I—III) и канд. филол. наук М. А. Салье (ч. IV—XIII). Отв. редакторы: В. Н. Терновский, А. К. Арендс. Ред. коллегия: С. А. Азимджанова, В. Н. Архангельский, А. А. Аскаров, В. Х. Василенко, Б. Д. Петров, У. И. Каримов, С. М. Мирзаев, Б. С. Преображенский, А. Расулев, М. А. Салье, И. Н. Филимонов. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1958, 793 стр.; Абу Али ибн Сина (Авиценна). Канон врачебной науки, кн. III, т. II, Перевод канд. филол. наук М. А. Салье (ч. XIV—XV и первая статья ч. XVI), канд. филол. наук П. Г. Булгакова (дальнейшие статьи ч. XVI, а также ч. XVII—XX и первая статья ч. XXI), К. В. Юнусова и В. В. Матвеева (дальнейшие статьи ч. XXI и ч. XXII). Перевод статей ч. XVI—XXII под редакцией и при участии М. А. Салье. Отв. редактор В. Н. Терновский. Ред. коллегия: С. А. Азимджанова, А. К. Арендс, А. А. Аскаров, В. Х. Василенко, В. К. Джумаев, У. И. Каримов, Б. Д. Петров, А. Расулев, М. А. Салье. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1959, 731 стр.; Абу Али ибн Сина (Авиценна). Канон врачебной книги, кн. IV, Перевод канд. филол наук. М. А. Салье. Отв. редактор В. Н. Терновский. Ред. коллегия: С. А. Азимджанова, А. К. Арендс, А. А. Аскаров, В. К. Джумаев, У. И. Каримов, Б. Д. Петров, А. Расулев. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1960, 767 стр.; Абу Али ибн Сина (Авиценна). Канон врачебной науки, кн. V, Перевод и примечания к переводу канд. филол. наук У. И. Каримова. Отв. редакторы: В. Н. Терновский, А. К. Арендс. Ред. коллегия: С. А. Азимджанова, А. А. Аскаров, В. К. Джумаев, В. М. Карасик, Б. Д. Петров, А. Расулев, М. А. Салье. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1960, 331 стр.; Абу Али ибн Сина. Восемь вопросов Бируни относительно «Физики Аристотеля» и ответы Ибн-Сины. — В кн.: Материалы по истории прогрессивной общественно-философской мысли в Узбекистане. Под ред. акад. АН УзССР И. М. Муминова. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957, стр. 154; Абу Али ибн-Сина [?]. О бытии и его свойствах. — Трактат о разделении (классификации) существующих вещей. — Там же, стр. 124—128 (перевод М. А. Салье с учетом переводов С. Мирзаева, Г. Бахрами и М. М. Хайруллаева); Бируни

и Ибн Сина. Десять вопросов Бируни относительно «Книги о небе» Аристотеля и ответы Ибн Сины. — Там же, стр. 128—154 (Перевод Ю. Н. Завадовского); Ибн Сина. Дониш-намэ (Книга знания). Перевод и предисловие А. М. Богоутдинова. — Сталинабад, Таджикиздат, 1957, 286 стр.; Ибн Сина. Философские повести. — Ташкент, Уздавнашр, 1963, 48 стр. (на узб. яз.); Беруни и Ибн Сина. Переписка. Отв. редактор акад. АН УзССР И. М. Муминов. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1973, 36 стр.; Переписка Беруни с Авиценной. Перевод А. Расулева и М. Абдурахманова. Отв. редактор С. Муталибов. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1973, 35 стр. (на узб. яз.).

Литература об Ибн Сине: Авиценна. Энциклопедический словарь «Брокгауз-Ефрон», т. I, СПб., 1890, стр. 82; С. А. Шанявский. Могила Авиценны. — «Врач», 1900, № 5, стр. 36—38; А. Крымский. История Персии, ее литературы и дервишской теософии. — Ч. II, М., 1912 (Ибн Сина); Он же. История арабов и арабской литературы, светской и духовной. — Ч. II, М., 1912 (Ибн Сина); Е. Э. Бертельс. Авиценна и персидская литература. — ИАН СССР, Отделение общественных наук, М., 1938, № 1, стр. 75—86; Он же. История персидско-таджикской литературы. — М., ИВЛ, 1960, стр. 113—119 (Ибн Сина); А. Я. Борисов. Авиценна как врач и философ. — ИАН СССР, Отделение общественных наук, М., 1938, № 1—2, стр. 51—74; А. Ю. Якубовский. Время Авиценны. — ИАН СССР, Отделение общественных наук, М., 1938, № 3, стр. 93—108; Он же. Ибн Сина. — В кн.: Ибн-Сина. Материалы научной сессии АН УзССР, посвященной 1000-летнему юбилею Ибн Сины. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1953, стр. 5—29; М. Факторович. Предшественники Ибн Сины. — Собрание авторефератов и тезисов научных работ, № 1, Самарканд, 1941; А. Э. Шмидт. Рукописи произведений Авиценны в Гос. публичной библиотеке УзССР. — Труды II сессии ассоциации арабистов 19—23 октября 1973 г., М., Изд-во АН СССР, 1941, стр. 31—33 (Труды Института востоковедения АН СССР, вып. 36); А. А. Семенов. Абу-Али-ибн-Сино (Авиценна). — Душанбе, Таджикгосиздат, 1945, стр. 69; Он же. Абуали ибн Сино (Авиценна). — Сталинабад, 1953, 86 стр. (изд. второе); Он же. Абу-Али-ибн-Сина (Авиценна). Материалы к его биографии. Неопубликованная рукопись (ср. Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, т. XVII, Сталинабад, 1953, стр. 21); А. С. Садыков. К вопросу о возникновении химии в Средней Азии (в IX—XII вв.). — «Материалы по истории отечественной химии», М.—Л., 1950, стр. 177—187 (Ибн Сина); П. Е. Заблудовский. Ибн Сина (Авиценна). — Труды Института истории и философии АН АзербССР, т. 2, Баку, 1952; А. К. Закуев. О некоторых материалистических тенденциях в психологическом учении Ибн Сины (Авиценны). — Труды Института истории и философии АН АзербССР, т. 2, Баку, 1952,

стр. 45—74; Он же. Психология Ибн Сины. — Баку, Изд-во АН АзербССР, 1958, 89 стр.; Ибн-Сина. БСЭ, изд. второе, т. 17, М., 1952, стр. 257—258; И. К. Эфендиев. Воззрения Абуали ибн Сины (Авиценны) в области психоневрологии. — Журнал невропатологии и психиатрии имени С. С. Корсакова, т. II, вып. 10, 1952, стр. 3—7; Абуали ибн Сина. Жизнеописание, записанное Джузджани. — «Литературный Таджикистан», Сталинабад, 1953, № 5; Д. Г. Вороновский. Канон медицинских знаний Ибн-Сины. — В кн.: Ибн Сина. Материалы научной сессии Академии наук УзССР, посвященной 1000-летнему юбилею Ибн-Сины. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1953, стр. 57—78 (дан обзор западноевропейской литературы по «Канону»); Ю. Н. Завадовский. Ибн-Сина и его философская полемика с Бируни. В кн.: Ибн-Сина. Материалы научной сессии..., стр. 46—56; Он же. Абу Али ибн Сина (Опыт критической биографии). Автореферат дисс., Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1958, 15 стр.; Он же. Источники для биографии Ибн Сины. — Материалы Первой всесоюзной конференции востоковедов в г. Ташкенте 4—11 июня 1957 г. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1958, стр. 991—1001; Ибн Сина. Материалы научной сессии АН УзССР, посвященной 1000-летнему юбилею Ибн Сины. Отв. редактор А. К. Арендс. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1953, 79 стр.; У. И. Каримов. К вопросу о взглядах Ибн-Сины на химию. — В кн.: Ибн-Сина. Материалы научной сессии..., стр. 38—45; Он же. Классификация наук по Ибн-Сине. Материалы Первой всесоюзной конференции востоковедов..., стр. 986—990; Т. Н. Кары-Ниязов. Великий ученый и мыслитель. — В кн.: Ибн-Сина. Материалы научной сессии..., стр. 30—37; А. М. Мирзоев. Легенды об Ибн Сине. — Сталинабад, 1953, стр. 93; Г. З. Пицхелаури. Рукописи Авиценны. — «Врачебное дело», М., 1953, № 5, стр. 465—466; Б. Д. Петров. Ибн Сина — творец «Канона». Вводная статья к тексту первой книги «Канона врачебной науки». — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1954, стр. XI—LXI. Он же. Итоги и очередные задачи изучения в СССР медицинского наследства Ибн Сины. I Всесоюзная конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщений. — Ташкент, 1957, стр. 335—337; Он же. Ибн Сина (Авиценна) как связующее звено науки Востока и Запада. — Труды IX Международного конгресса по истории науки в Барселоне, т. II, М., 1959; В. Н. Терновский. Ибн Сина и изучение его трудов в Советском Союзе. — Труды международного конгресса, посвященного 1000-летию со дня рождения Ибн Сины, Тегеран, 1954; Он же. Предисловие к книге «Канон врачебной науки», Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1954, стр. VII—X; Он же. Описание черепа, извлеченного из могилы Ибн Сины. — В кн.: Портрет Ибн Сины, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956, стр. 9—13; Он же. Ибн-Сина — гениальный творец «Канона врачебной науки». — I Всесоюзная конференция востоковедов.

Тезисы докладов и сообщений, Ташкент, 1957, стр. 327—328; Он же. Полное издание «Канона врачебной науки» Ибн Сины. — «Советское здравоохранение», М., 1961, № 4, стр. 69—73; Он же. Ибн-Сина (Авиценна). 980—1037. — М., Изд-во «Наука», 1969, 191 стр.; (В приложении библиография: Список трудов Ибн-Сины, 8 названий. Список работ отечественных ученых, посвященных жизни и деятельности Ибн-Сины, 97 названий); И. С. Брагинский. Послесловие. — В кн.: В. Смирнова-Ракитина. Повесть об Авиценне — великом ученом Средней Азии Абу-Али ибн-Сине, враче, математике, астрономе, философе, поэте и музыканте, жившем тысячу лет назад и прославившемся во всем мире.— М., Изд-во «Советский писатель», 1955, стр. 445—450; Б. Э. Быховский. Философское наследие Ибн Сины. — «Вопросы философии», М., 1955, № 5, стр. 137—143; С. Мирзаев. Библиография произведений Ибн Сины в Институте востоковедения АН УзССР.— Ташкент, 1955, 72 стр. (на узб. яз.); А. К. Арендс. Предисловие. — В кн.: Портрет Ибн-Сины, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956, стр. 3—7; М. М. Герасимов. Портрет Ибн Сины (опыт воспроизведения внешнего облика по фотографиям черепа из могилы Ибн Сины в Хамадане). — В кн.: Портрет Ибн-Сины, стр. 14—18; Портрет Ибн-Сины. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956, 18 стр. (реконструкция М. М. Герасимова); Р. Е. Устоев. Некоторые вопросы психологии в трудах Ибн-Сины (Авиценны). — Ученые записки Сталинабадского пед. ин-та, Серия педагогики и психологии, т. 12, вып. 1, Сталинабад, 1956, стр. 70—76; Абу Али ибн-Сина. В кн.: Материалы по истории прогрессивной общественно-философской мысли в Узбекистане Под ред. акад. И. М. Муминова. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957, стр. 115—117; П. Г. Булгаков. Сокращения «Канона» Авиценны в собрании арабских рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — Труды Гос. публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, II (V), Восточный сборник, Л., 1957, стр. 21—38; А. П. Колпаков. О работе Абуали ибн Сины «Ильми Табий» (физика) или «Наука о природе». — ИАН ТаджССР, Отделение общественных наук, Сталинабад, 1957, № 12, стр. 45—51; П. Г. Шад. Теория познания Ибн Сины. — Сб. «Из истории философии», Ученые записки АОН при ЦК КПСС вып. 28, 1957, стр. 3—27; Ибн-Сина. — СИЭ, т. 5, М., 1964, стлб. 723; М. Н. Болтаев. Вопросы гносеологии и логики в произведениях Ибн Сины и его школы. — Душанбе. «Ирфон», 1965, 60 стр.; А. Шарипов. Малоизвестные страницы переписки между Бируни и Ибн Синой. — ОНУ, Ташкент, 1965, № 11, стр. 35—42; С. Н. Григорян. Средневековая философия народов Ближнего и Среднего Востока. — М., Изд-во «Наука», 1966, стр. 191—214 (Ибн Сина); Ибн-Сина. Краткая литературная энциклопедия, т. 3, М., 1966, стлб. 21—22; И. М. Муминов. Выдающиеся мыслители Средней Азии. — М.,

Изд-во «Знание», 1966, стр. 7—10 (Ибн Сина); Х. Хикматуллаев. Трактат Ибн Сины «Сердечные лекарства» — Ташкент, Изд-во «Наука», 1966, 180 стр., (на узб. яз.); С. Рахимов. Абу Али ибн Сина о воспитании и учении.—Ташкент, Изд-во «Учитель», 1967, 100 стр. (на узб. яз.); Ю. А. Отабеков, Е. С. Соколова, Ш. Х. Хамидуллин. Бюст Ибн-Сины. — Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1969. 27 стр.; Шаисламов Шаикрам. «Ур жуза фи-т-тибб» Ибн Сины (Филологич. исследование, перевод на узб. язык и комментарии). — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1972, 234 стр. (на узб. яз.); Указания новейшей зарубежной литературы по Ибн Сине см.: Manfred Ullman. Die Medizin im islam. — Leiden/Köln, E. J. Brill, 1970, s. 152—156. В рукописном фонде Института истории АН УзССР (№ 562/10) хранится неопубликованная рукопись Т. И. Райнова: Абу-Али ибн-Сина (Авиценна). Его жизнь и научно-философская деятельность. — Ташкент, 1943, 309 стр. машинописи (с рецензиями на нее Е. Э. Бертельса и А. А. Семенова).

ГИЙАС АД-ДИН АЛИ

АВТОР истории похода Тимура в Индию ученый-теолог Гийас ад-дин Али ибн Джамал ал-ислам Йезди был уроженцем г. Йезда (даты рождения и смерти не установлены). Живя в Йезде, он писал сочинения религиозного содержания и однажды переслал для вручения Тимуру два своих трактата (арабский и персидский), судя по всему обратившие на себя внимание последнего.

По его поручению Гийас ад-дин Али написал (между 1399 и 1403) «Дневник похода Тимура в Индию». Согласно воле Тимура этот исторический труд должны были предварять предисловие (на персидском языке) и начальная глава, содержащая краткое изложение всех «подвигов» Тимура от начала его возвышения, и уже затем должен был излагаться дневник индийского похода. Гийас-ад-дин Али действительно дал крайне сжатое описание войн Тимура, предшествовавших индийскому походу, начиная с похода на Самарканд после победы над Хусейном в 1370, ссылаясь на то, что войны эти уже до него были подробно описаны «секретарями Тимура» и другими «людьми эпохи, в стихах и прозе».

Предполагается, что в основу сочинения Гийас ад-дина лег дневник верховного судьи Насир ад-дина Омара, сопровождавшего Тимура в индийском походе. Дневник этот был посвящен отличившемуся в походе внуку Тимура Халил Султану. Сухой, повседневный характер дневника не удовлетворил Тимура, и он поручил Гийас-ад-дину составить расширенное описание похода, причем стилем, «далеким от неестественности и вполне понятным». Между тем, по словам самого Гийас ад-дина, он был «большую часть своей жизни погружен в рели-

гиозные науки, а в составлении вещей повествовательно-исторического характера казался маленьким водоемом».

Судя по всему, приняв за основу дневниковые записи Насир ад-дина Омара, Гийас ад-дин Али действительно не сумел подвергнуть их существенной литературной обработке и обогатить дополнительными данными. Вместе с тем все его повествование о походе в Индию («священной войне за веру») насыщено самыми безудержными и безмерными восхвалениями в адрес Тимура (последний представлен в качестве персоны, избранной Аллахом, пользующейся его полной поддержкой и едва ли не равной самому Аллаху). Естественно, что о простоте и доходчивости панегирического сочинения Гийас ад-дина не приходилось и говорить.

При всем том «Дневник похода Тимура в Индию» сохранил, при условии строго критического подхода, значение ценного источника к истории Тимура и его времени. За завесой словесных красот и воспеваний, на все лады восхваляющих Тимура, содержится немало важных конкретных данных к истории похода в Индию, помогающих, в частности, уяснить, по словам востоковеда А. А. Семенова, «военные приемы, стратегические и тактические методы, которые применял в войнах и при осадах Тимур».

Сообщает Гийас ад-дин и данные об институте эмиров и бахадуров и его структуре. Для историков Средней Азии времени Тимура и тимуридов небезынтересны упоминания и сведения о современниках и сподвижниках Тимура, о Самарканде и других городах.

Исследователями установлена зависимость от «Дневника» таких известных историографов Тимура, как Низам ад-дин Шами и Шараф ад-дин Йезди (*см.*).

На список сочинения Гийас ад-дина Али в собрании Туркестанской публичной библиотеки обратил внимание Е. Ф. Каль (*см.*), давший его краткое описание в своем известном каталоге (№ 14[5]). Более подробно рукопись была описана В. В. Бартольдом в бытность его в Ташкенте в 1902.

Первое издание текста «Дневника» появилось в 1915 в задуманной Академией наук серии «Текстов по истории Средней Азии» (перевод Л. А. Зимина под редакцией акад. В. В. Бартольда). В 1958 издан перевод этого сочинения с персидского на русский А. А. Семенова с его же предисловием и приложениями.

Уникальная рукопись «Дневника» хранится в рукописном фонде Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР.

Издания «Дневника похода Тимура в Индию» Гийас ад-дина Али: Дневник похода Тимура в Индию Гияс-ад-дина Али. С приложением соответствующих отрывков из «Зафар-наме» Низам-ад-дина Шами.

Издание Л. А. Зимина под редакцией В. В. Бартольда, Пгр., 1915, XXXVI+231 стр. (Тексты по истории Средней Азии, вып. I)*. Гийасаддин Али. Дневник похода Тимура в Индию. Перевод с персидского, предисловие и примечания А. А. Семенова. — М., ИВЛ, 1958, 207 стр. (АН СССР. Институт востоковедения; АН ТаджССР. Институт истории, археологии и этнографии).

Литература о Гийас ад-дине и его труде: В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан. — ЗВОРАО, XV, СПб., 1904, стр. 219—226; Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР.— Т. I, Ташкент, 1952, стр. 55, № 116; Б. В. Лунин. Средняя Азия..., стр. 166—168; А. А. Семенов. Предисловие переводчика. — В кн.: Гийасаддин Али. Дневник похода Тимура в Индию. — М., ИВЛ, 1958, стр. 5—8. Также: Ч. А. Стори. Персидская литература. Био-библиографический обзор. Перевод с английского, ч. II, М., ГРВЛ, стр. 787, № 673.

---

* Отрывки из текста «Дневника» печатались в отчете В. В. Бартольда о командировке в Туркестан (ЗВОРАО, XV, стр. 219—226).

ШАРАФ АД-ДИН ЙЕЗДИ

С ИМЕНЕМ Шараф ад-дина Йезди связано появление в свет сочинения «Зафар-наме» («Книга побед»), пользующегося известностью в среднеазиатской историографии XV в.

Биографические данные об авторе ограничены. Известно, что Маулан Шараф ад-дин был сыном шейха Хаджи — крупного ученого в Йезде. Как и его отец, Шараф ад-дин в юные годы был связан с суфийскими шейхами.

Впоследствии Шараф ад-дин служил в главной канцелярии Тимура, в качестве летописца событий, с 1405 по 1415 г. состоял при дворе сына Тимура — Шахруха, в дальнейшем получил доступ ко двору правителя Фарса Абу-л-Фатха Мирзы Ибрахим Султана, сына Шахруха, а в 1442—1443 был приглашен в Куль правителем Ирака Мирзой Султан Мухаммадом и после подавления поднятого последним восстания (1446—1447) подвергся обвинению в подстрекательстве, но был взят под покровительство сыном Улугбека Мирзой Абд ал-Латифом и отправлен в Самарканд. Предположительно вскоре после этого Шараф ад-дин вернулся в родную деревню Тафт около Йезда. Скончался он в 858/1454.

Помимо «Книги побед» перу Шараф ад-дина принадлежат другие сочинения, включая антологию арабской и персидской поэзии.

«Книга побед» представляет собой одну из двух редакций официальной истории Тимура, причем пережившую первоначальную редакцию — сочинение Низам ад-дина Шами «Зафар-наме» (1404). В свою очередь Низам ад-дин располагал еще «одной полной историей Тимура, не удовлетворившей самого завоевателя, и, вероятно, целым рядом

дневников отдельных походов, из которых до нас дошел только один из дневников индийского похода... Гияс ад-дин Али» (В. В. Бартольд).

Сам Шараф ад-дин Йезди сообщает, что в целях сохранения памяти о своих деяниях Тимур держал при себе (очевидно, после провозглашения государем, т. е. после 1370) секретарей, фиксировавших все события. При этом записи многократно проверялись Тимуром, а в ряде случаев опрашивались очевидцы событий и наводились справки на местах по письменным запросам тимуровской канцелярии. Предполагалось, что подобного рода материалы были известны Шараф ад-дину в большей мере, нежели Низам ад-дину, и потому о ряде событий он сообщает более подробные сведения (в то же время у Шараф ад-дина содержатся цитаты из сочинения Низам ад-дина).

В первоначальном виде «Книга побед» состояла из предисловия, введения и трех разделов*. До нас дошли введение (известно также под названием «История завоевателя мира» и др.) и первый раздел. Введение содержит родословную Тимура и историю монголов в Средней Азии от Чингиза до Тимура, а первый раздел — историю Тимура и ряд событий, происшедших вслед за его кончиной. Второй (не дошедший до нас) раздел посвящался истории Шахруха, а третий (предположительно) — истории Мирзы Султан Ибрахима и др.

В литературе фигурируют разные даты начала и окончания работы Шараф ад-дина над сочинением. По наиболее распространенному мнению, введение написано в 822/1419, а сам труд закончен в Ширазе в 828/1424—1425. Один из новейших исследователей — И. М. Муминов — полагает, что Шараф ад-дин действительно начал свой труд в 1419, а завершил в 1437.

В совокупности с «Восхождением двух счастливых созвездий» Абд ар-Раззака ас-Самарканди (*см.*) сочинение Шараф ад-дина содержит подробные, хотя во многом односторонние и предвзятые данные к истории Тимура.

Необходимо учитывать и ярко выраженный апологетический характер «Книги побед». Ее автор безмерно возвеличивает, идеализирует личность Тимура, который вошел в историю не столько как сторонник создания сильного централизованного государства в Средней Азии, но прежде всего как хищный и жестокий завоеватель, покоривший и разоривший ряд стран, безжалостно истребивший сотни тысяч ни в чем не повинных людей.

Вместе с тем, при строго критическом отношении к повествованию Шараф ад-дина, его труд — источник важных фактических сведений для современных исследователей. К тому же сами факты, приводимые

---

* Их перечень см.: А. Т. Тагирджанов. Описание..., стр. 120.

автором, подтверждают и рисуют масштабы разрушения городов и сел и беспощадного истребления людей войсками Тимура.

«Книга побед» была начата написанием на персидском языке в Ширазе. Спустя сто лет (1519) по приказу одного из первых шейбанидов — Кучкунджи-хана, сына Абу-л-Хайр-хана — бухарец Мухаммад Али ибн Дарвиш Али перевел ее на узбекский язык (существует также хивинский сокращенный перевод на узбекский язык, выполненный в 1822—1823 Худайберды ибн Куш Мухаммадом Суфи ал-Хиваки). На турецкий язык «Книгу побед» перевел Хафиз ад-дин Мухаммад ибн Ахмад ал-Аджами, умерший в 1550.

Что касается самого текста «Книги побед» Шараф ад-дина, то он известен в нескольких редакциях — полных и сокращенных; некоторые из сокращенных редакций восходят к 1615, 1640 и другим годам. Существует также поэтическая редакция «Книги побед» в виде поэмы, принадлежавшей перу Абдуллаха Хатафи, сына сестры Джами (скончался в 1521).

В сферу внимания ориенталистов сочинение Шараф ад-дина вошло в основном с XVIII в. В 1723 появился французский перевод «Книги побед» без введения (переводчик Пети де ля Круа), а английская версия перевода в Лондоне (J. Darby, 1723). В 1885—1888 «Книга побед» издана в двух томах в серии «Bibliotheka Indica» (Калькутта), в 1957— в издании Аббаси и т. д. К данным «Книги побед» обращалось и продолжает обращаться множество исследователей различных стран мира.

Издания «Зафар-наме» Шараф ад-дина Йезди (выборочно): Histoire de Timur-Bec, connu sous le nom du Grand Tamerlan, Empereur des Mogols et Tartares. Ecrite en Persan par Cherefeddin Ali, natif d'Yezd, Auter contemporain. Traduite en François par feu M. Petis de la Croix... Avec des Notes Historiques, des Cartes Geographiques, t. I—IV, Delf, 1723; The Zafarnámah by Maulánd Sharafuddin 'Ali of Yazd. Ed. by Maulawi Muhammad Iláhdád, vol. I—II, Calcutta, 1887—1888; Л. А. Зимин. Четвертый поход Тимура на Хорезм.— ТВ, Ташкент, 1910, № 266 (пересказ отрывка из «Зафар-наме»); ظفرنامه، تاریخ عمومی مفصل ایران در دورهٔ تیموریان لمولانا شرف‌الدین علی یزدی از روی نسخ که در عصر مصنف نوشته شده بتصحیح واهتمام محمد عباسی، جلد ۱ ـ ۲، تهران، ۱۳۲۶ ش (1957). Шараф ад-дин Али Йезди. Зафар-наме. Подготовка к печати, предисловие, примечания и указатели А. Урунбаева. Отв. редактор доктор филол. наук А. К. Арендс.— Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1972, 1240 стр.; «Зафар-наме» Шараф ад Дина Али Йезди.— В кн.: Материалы по истории

киргизов и Киргизии. Вып. I, М., Изд-во «Наука», ГРВЛ, 1973, стр. 128—129 (Перевод с персидского О. Ф. Акимушкина).

Литература о Шараф ад-дине Йезди и его сочинении (выборочно): В. В. Бартольд. Народное движение в Самарканде в 1365 г.— ЗВОРАО, т. XVII, СПб., 1907, стр. 01—019 (В. В. Бартольд, Сочинения, т. II, ч. 2, 1964, стр. 365—367; также Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. I, М., 1963, стр. 105 и др.); Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР.—Т. I, Ташкент, 1952, стр. 57—59, № 124—133 («Предисловие к «Книге побед», стр. 56—57, № 117—123); Каталог восточных рукописей АН Таджикской ССР.—Т. I, Сталинабад, 1960, стр. 56—59, № 42—45; А. Т. Тагирджанов. Описание таджикских и персидских рукописей Восточного отдела библиотеки ЛГУ.— Т. I. История, биографии, география.— Л., Изд-во ЛГУ, 1962, стр. 119—126, № 62—65; О. Ф. Акимушкин, В. В. Кушев, Н. Д. Миклухо-Маклай, А. М. Сугинов, М. А. Салахетдинова. Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР (Краткий алфавитный каталог.—Ч. I, М., Изд-во «Наука», 1964, стр. 378, № 2899—2909; Абдулла Насыров. Указатель литературы (источников) о жизни и деятельности Улугбека. — В кн.: Из истории эпохи Улугбека. Отв. редактор доктор филол. наук А. К. Арендс.— Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1965, стр. 365.

АБД АР-РАЗЗАК САМАРКАНДИ

ВИДНЫЙ представитель средневековой историографии Камал ад-дин Абд ар-Раззак ибн Мавлана Джалал ад-дин Исхак ас-Самарканди родился 12 шабана 816/7 ноября 1413 в Герате. Его отец — войсковой судья (кади) и имам имел доступ ко двору тимурида Шахруха.

В 841/1437—1438 Абд ар-Раззак написал комментарий к грамматическому трактату Адуд ад-дина ал-Йджи и был допущен ко двору, а 13 января 1442 по повелению Шахруха направлен с дипломатической миссией в Южную Индию (морем через порт Хормоз в Калькутту, затем в Виджаянагар). Спустя три года Абд ар-Раззак вернулся из Индии и был включен в состав посольства в Гилян, но из-за смерти Шахруха выехать к месту назначения не успел. Затем Абд ар-Раззак служил у тимурида Абу-Саид Бахадура и других тимуридов — правителей Хорасана. В 1454 был очевидцем осады Самарканда войсками Султан Абу-л-Касима Бабура. По заключении мира представлялся в Самарканде Султану Абу Саиду. В 1458 был направлен в Джурджан, где оказался свидетелем событий, связанных с захватом этой области Султаном Хусейном Байкара. Последний распорядился вернуть Абд ар-Раззака в Герат, поручив ему передать подарки Султану Абу Саиду. 24 января 1463 Абд ар-Раззак был назначен шейхом основанной Шахрухом суфийской ханаки в Герате.

Скончался Абд ар-Раззак в Герате в 887/1482—1483.

Основным его сочинением является «Матла ас-садайн ва маджма ал-бахрайн» («Место восхода двух счастливых созвездий и слияния двух морей»). Состоит оно из двух частей, в первой из которых опи-

сываются события от рождения халагуида Иль-хана Абу Саид Бахадура (1304—1305) до воцарения в Самарканде в 807/1405 внука Тимура Халил-султана (включая время его правления), а во второй события от начала царствования Шахруха до 875/1470, т. е. до первых лет правления Абу-л-Гази Хусейн-султана, включая повествование о его победах над Йядгар Мухаммадом.

Свой труд Абд ар-Раззак закончил 14 раби 875/10 сентября 1470. В совокупности с книгой первой предшествующего сочинения Шараф ад-дина Йезди (*см.*) этот труд содержит подробное обозрение истории Тимура и тимуридов, сделанное в идеалистическом плане и носящее апологетический характер, что не может не учитываться исследователями, пользующимися данными Абд ар-Раззака.

В. В. Бартольд, отмечая зависимость Абд ар-Раззака от «Тарих-и кайрат» Мусеви (писавшего в Фарсе для внука Тимура Искандер-султана), констатирует, что «в то же время Абд ар-Раззак сообщает много подробностей, которых нет ни у Мусеви, ни в знакомых ему двух редакциях официальной истории» (Бартольд имеет в виду «Зафар-наме» Низам ад-дина Шами и одноименное произведение Шараф ад-дина Йезди). Главным же источником Абд ар-Раззака, по мнению Бартольда, являлись «Сливки летописей» Хафиз-и Абру (*см.*).

Извлечения из сочинения Абд ар-Раззака издавались многократно, начиная с конца XVIII в., (ср.: А. Г. Тагидржанов. Описание..., стр. 128—129). В наши дни перевод его на узбекский язык (с таджикско-персидского) осуществлен А. Урунбаевым под редакцией С. А. Азимджановой и У. А. Каримова.

Издание сочинения Абд ар-Раззака Самарканди (выборочно): Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, VII—XV вв. Арабские и персидские источники. Под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича и А. Ю. Якубовского. — М.—Л., Изд-во АН СССР, 1939, стр. 529—535; Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. — М.—Л., 1941, стр. 251—261 (извлечения из «Восхода...» Абд ар-Раззака Самарканди); А. Урунбаев. Путевые записки Абдураззака Самарканди о его поездке в Индию. Отв. редактор С. А. Азимджанова. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1960, 132 стр. (записки даны в переводе на узбекский язык и в приложении с персидским критическим текстом); Абдураззак Самарканди. Место восхода двух счастливых созвездий и слияния двух морей. Перевод с таджикско-персидского вводной части и толкового словаря А. Урунбаева. Отв. редакторы С. А. Азимджанова и У. И. Каримов. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1969, 464 стр. (на узб. яз.); «Матла' ас-сада'йн ва Маджма' ал-бахрайн» Абд

ар-Раззака Самарканди. — В кн.: Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I, Изд-во «Наука», ГРВЛ, 1973, стр. 150—151 (Перевод с персидского О. Ф. Акимушкина).

Литература об Абд ар-Раззаке и описания рукописных списков его сочинения: В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. Исследование, СПб., 1900 (В. В. Бартольд. Сочинения, т. I, М., 1963, стр. 104—105); Он же. Народное движение в Самарканде. — ЗВОРАО, т. XVII, СПб., 1907, стр. 01—019 (приводится отрывок из текста Абд ар-Раззака в сопоставлении с текстом Мусеви — анонимом Искандера). Также: В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. 2, М., 1964, стр. 362—379; Мирза Абдулла Гафаров. Из области персидской историографии монгольского периода. — «Древности восточные». Труды Восточной комиссии Имп. Московского Археологического Общества, т. IV, М., 1913, стр. 4—28 (подробное описание рукописи Абд ар-Раззака Самарканди по экземпляру из собраний Лазаревского института); Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. — Т. I, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1952, стр. 59—60, № 134—135; Каталог восточных рукописей АН Таджикской ССР. — Т. I, Сталинабад, 1960, стр. 60—62, № 47—49; А. Г. Тагирджанов. Описание таджикских и персидских рукописей Восточного отдела библиотеки ЛГУ. — Т. I, История, биографии, география. — Л., Изд-во ЛГУ, 1962, стр. 126—131, № 66—67; О. Ф. Акимушкин, В. В. Кушев, Н. Д. Миклухо-Маклай, А. М. Мугинов, М. А. Салахетдинова. Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР, Под ред. Н. Д. Миклухо-Маклая, ч. I, М., Изд-во «Наука», 1964, стр. 551—552, № 4117—4122; А. Урунбаев. Абдураззак Самарканди. — Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1965, 46 стр. (на узб. яз.); Д. Кацитадзе. Сведения «Матла ас-садаин ва маджма ал-бахрайн» Абд ар-Раззака Самарканди о Грузии. — Вестник Отделения общественных наук АН ГрузССР, Тбилиси, 1968, № 2, стр. 192—211 (на груз. яз.). Также: Ч. А. Стори. Персидская литература. Био-библиографический словарь. — Ч. II, М., ГРВЛ, 1972, № 688, стр. 820—828.

ХАФИЗ-И АБРУ

ОДИН из известных представителей средневековой историографии Шихаб ад-дин Абдаллах ибн Лутфаллах ибн Абд ар-Рашид Гихдадини Харави (известный как Хафиз-и Абру) родился в Герате, получил воспитание и образование в Хамадане.

По словам самого Хафиз-и Абру, он уже в годы пребывания у власти Тимура был близок ко двору. Находясь в свите Тимура и сопровождая его в походах, Хафиз-и Абру побывал в ряде стран и местностей (сам он называет Туркестан, Дашт-и Кипчак, Хорасан, Ирак, Фарс, Азербайджан, Армению, Малую Азию (Рум), Сирию, Дербенд, Ширван, Гилән, Джурджан, Кабул, Синд, Хинд, Мултан, Дехли и др.).

В годы царствования Шахруха Хафиз-и Абру, проживавший тогда в Герате, сочинил касыду, воспевшую вновь возведенную цитадель Герата; несколько стихов из касыды были нечертаны на арке ее ворот. Шахрух же поручил ему составление обширных трудов географического и исторического характера.

В. В. Бартольд назвал Хафиз-и Абру «самым замечательным историком» из числа тех, которые, живя при дворе Шахруха и его сыновей, «заботились прежде всего о том, чтобы собрать остатки исторической литературы прежних веков, уцелевшие во время смут XIV столетия, и продолжить их в духе подлинника до своего времени».

Основное историческое, а также историко-географическое сочинение Хафиз-и Абру «Зубдат ат-таварих» — «Сливки летописей» давало сведения по всемирной (всеобщей) истории, преимущественно на основании данных «Тарих-и Табари», «Джами ат-таварих» («Сборника летописей») Рашид ад-дина, Низам ад-дина Шами и др. Сведения геогра-

фического характера Хафиз-и Абру основывал на сочинениях различных авторов, писавших на арабском языке.

Писались «Сливки летописей» по образцу «Услады сердец» — историко-географического труда Хамдаллаха ибн Абу Бакр ал-Казвини. Труд Хафиз-и Абру снабжен картой мира и картами акалимов (климатов или поясов земли) с более или менее детальным описанием каждого из них и с историческими экскурсами в прошлое соответствующих государств. В перечислении и описании морей, озер, рек и гор, различных областей и городов содержатся данные по Средней Азии (они подвергнуты критическому рассмотрению и сличению с известиями других авторов В. В. Бартольдом в статье «Хафизи-Абру и его сочинения», 1897). Бартольд воспроизвел в подлиннике ряд извлечений из Хафиз-и Абру, а также из «Услады сердец» Казвини касательно «реки Джейхун, моря Хазарского, рек Балх и Ходженд»; даны отрывки из Хафиз-и Абру с описанием Мавераннахра, в частности Самарканда, окрестностей Бухары и других важнейших населенных пунктов этой области.

Сочинение Хафиз-и Абру содержит также подробный очерк истории Хорасана с некоторыми весьма ценными данными о Самарканде и других городах Мавераннахра, а также об Улугбеке.

Судя по сохранившемуся оглавлению (плану) сочинения его первая, собственно историческая часть (том-руб) освещала историю домусульманского времени (доисламских пророков и древнеиранских династий), вторая — историю пророка и халифов, третья — историю восточномусульманских и монгольских династий до Тимура, четвертая — историю Тимура и Шахруха.

Свой труд по всемирной истории Хафиз-и Абру начал в 1423 г. Текст, относящийся ко времени Тимура, не дошел до наших дней, но был использован в сочинении Абд ар-Раззака Самарканди (*см.*) «Место восхода счастливых созвездий и слияния двух морей»; и в целом труд Хафиз-и Абру был главным источником для Абд ар-Раззака.

Предполагается, что работу Хафиз-и Абру над сочинением прервала смерть. Скончался он в Занджане в шавалле 834/июне 1431 (по другим данным, 3 шаввала 833/25 июня 1430). «Сливки летописей» на протяжении длительного времени привлекали и продолжают привлекать внимание исследователей, в том числе исследователей прошлого Средней Азии.

Издание сочинений Хафиз-и Абру: В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.— Ч. I. Тексты, СПб., 1898 (извлечения из «Китаб му'изз ал-ансаб фи шаджарат салатин мугул» Хафиз-и Абру); «Зайл-и Зафар-наме» [Низам ад-дина Шами].—Изд. Ф. Тауэра, Прага, 1934 (Continuation du Zafarnama de Nizamuddin Sami par Hafiz-i Abru. Editée d'après les manuscrits de Stamboul par F. Tauer.—

«Archiv Orientalni», vol. VI, № 3, Praha, 1934, p. 429—465); текст из «Маджму'а», копия публикации Тауэра, изд. Керими, 1949); Зайл-и ран, 1938; т. II. Французский перевод, Париж, 1936); Cronique des Rois Mongols en Iran. Texte persau e'dite et traduit par K. Bayani. II. Tra-Джами' ат-таварих (Продолжение «Джами' ат-таварих» [Рашид ад-дина]).—Перевод Ханбаба Баяни (т. I [неполный персидский текст], Tereduction et Notes, Paris, 1936; Cinq opuscules de Hafiz-i Abru concernant le'histoire de l'Iran au temps de Tamerlan. Edition crittique par F. Tauer, Prague, 1959 (пять отрывков из «Маджму'а ат-таварих»; дана библиография вопроса); Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, собранных В. Г. Тизенгаузеном и обработанных А. А. Ромаскевичем и С. А. Волиным. — М. — Л., 1941, стр. 139—143 (русский перевод), 243—247 (текст). См. также данные о рукописях Хафиз-и Абру и их изданиях и приложении к кн.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. VIII, М., 1973, стр. 648—649.

Литература о Хафиз-и Абру и описания рукописных списков его сочинений: В. В. Бартольд. Хафизи-Абру и его сочинения. Сборник статей учеников профессора Виктора Романовича Розена ко дню двадцатипятилетия его первой лекции 13 ноября 1872—1897 гг.— СПб., 1897, стр. 1—28 (В. В. Бартольд. Сочинения, т. VIII, М., 1973, стр. 74—97); Он же. Туркестан в эпоху монгольского нашествия,— Ч. II, Исследование, СПб., 1900 (В. В. Бартольд. Сочинения, т. I, М., 1963, стр. 104—106 и др.); Он же. О некоторых восточных рукописях в библиотеках Константинополя и Каира.— ЗВОРАО, т. XVIII, СПб., 1908, стр. 0138—0144; Он же. Отчет о командировке в Лондон.— ИАН, серия VI, т. VIII, Пгр., 1914, стр. 881; Он же. Отец Едигея.—Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии, т. I (58), Симферополь, 1927 (В. В. Бартольд. Сочинения, т. II ч. I, М., 1963, стр. 799—800); Он же Хафиз-и Абру (Статья из «Энциклопедии ислама»).— В. В. Бартольд. Сочинения, т. VIII, М., 1973, стр. 600—601; Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР.— Т. VI. Под ред. А. А. Семенова и Д. Г. Вороновского.— Ташкент, 1963, стр. 16—22, № 4159—4160; О. Ф. Акимушкин, В. В. Кушев, Н. Д. Миклухо-Маклай, А. М. Мугинов, М. А. Салахетдинов. Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР (Краткий алфавитный каталог). Под ред. Н. Д. Миклухо-Маклая, ч. I, М., Изд-во «Наука», 1964, стр. 504, № 3821—3822; А. Урунбаев. Хафизи Абру.— В кн.: Х. Хасанов. Хафизи Абру, Хайдар Мирза, Филипп Ефремов. Ташкент, Изд-во «Наука», 1964, стр. 3—18 (на узб. яз.). Также: Ч. А. Стори. Персидская литература. Биобиблиографический обзор. Перевод с английского.— Ч. I, М., ГРВЛ, 1972, стр. 341—349, № 690.

ЗАХИР АД-ДИН БАБУР

ИЗВЕСТНЫЙ политический и государственный деятель, военачальник, поэт и писатель Захир ад-дин Мухаммад Бабур родился 6 мухаррама 888/15 февраля 1483 в Андижане.

В возрасте около 12 лет Бабур унаследовал от отца (Омар Шейха) престол Ферганы. На протяжении ряда лет в ходе междоусобной борьбы с другими феодальными правителями он стремился объединить под своей властью всю Среднюю Азию (дважды захватывая на время Самарканд). Вторжение войск Шейбани-хана заставило Бабура покинуть родину. Его действия вне Средней Азии привели к завоеванию Кабула (1504). В период до 1512 он безуспешно пытался овладеть Бухарой и Самаркандом и вернуться в Среднюю Азию. С 1519 Бабур предпринял ряд походов в северо-западную Индию, где одержал победы в решающих сражениях с правителем Дели при Панипате (1526) и с раджпутским князем при Кхакуа близ Сикри (1527) и сделал своей столицей Агру. К 1529 Бабуру стала подвластна обширная территория от Кабула до Бенгалии и он вошел в историю как основатель династии великих моголов (бабуридов) в Индии.

Как конкретная историческая личность Бабур воплотил в себе многие особенности эпохи поздневосточного феодализма. Вошедший в историю как политический и государственный деятель, военачальник, наблюдательный фиксатор событий, одаренный поэт, он известен в то же время как человек, склонный к своеволию в повседневном быту, жестокий и неумолимый усмиритель непокорных племен и народов и т. п. Объективно же его политика соответствовала тенденциям к централизации и стабилизации власти.

И в своем творчестве Бабур то выдвигал порой такие идеи и взгляды на вопросы общественной жизни, мироздания, которые выходили за рамки господствовавшей в его эпоху идеологии, то проявлял себя как ярко выраженный идеолог феодальной знати.

Жизнь и деятельность Бабура нашли отражение в сочинениях восточных авторов, в том числе его современников или близких к нему по времени.

Скончался Бабур в джумада I 937/26 декабря 1530.

Его поэтические произведения (диваны, включающие рубаи, газели и лирические послания) написаны языком, близким к разговорному, их отличает четкость образов и искусная афористичность. Стихи Бабура (как и проза)* оказали большое влияние на развитие староузбекского литературного языка.

Среди сочинений Бабура важное место занимает написанное на чагатайском (среднеазиатском тюрки) языке «Бабур-наме» — «одно из лучших произведений тюркской прозы» (В. В. Бартольд) и один из выдающихся памятников мировой литературы. Изложенное простым, точным и выразительным языком и без обычной для Бабура патетики и риторики, это сочинение изобилует сведениями исторического, историко-географического и этнографического характера и представляет также большую ценность для философов и филологов, в частности как первый образец автобиографического жанра в староузбекской литературе. Богатство и разнообразие сосредоточенных в записках Бабура материалов выдвигает их в разряд основных источников изучения истории народов Средней Азии, а также Афганистана и Индии. Записки освещают события с 1493 по 1529 и состоят из трех частей: Фергана, Кабул, Хиндустан.

В содержание записок входит описание совершенных Бабуром походов (включая картины природы, городской и сельской жизни Средней Азии, Афганистана и Индии), быта феодальной знати, обычаев и нравов своего времени, а также данные о таких выдающихся современниках Бабура, как Алишер Навои и др. Весьма подробно описаны Ферганская долина, местности по течению р. Зарафшан, их природа, население, города.

Многие из содержащихся в этом труде данных носят оригинальный и даже уникальный характер и использованы в трудах более поздних авторов—Хондемира, ал Херави, Базаупи и др.

Мемуары Бабура по общему признанию—единственный в своем роде первоисточник для выяснения роли и места Кабула в международных торговых связях Индии со Средней Азией и Хорасаном. Описание

---

* Трактаты «Мубайин», «Рисала-и валидия» (о метрике стиха), «Хат-и Бабури» (специальный алфавит, составленный с целью упрощения арабского алфавита и его реформы с учетом специфики чагатайского языка)

Бабуром торговых путей Индии через Гиндукуш и Кабул в Среднюю Азию и восточные страны поразительно точно и ценно. Записки Бабура стали получать широкое распространение вскоре же после смерти автора. Например, ко времени правления внука Бабура падишаха Акбара (1556—1605) относится перевод «Бабур-наме» со староузбекского на персидский язык.

Преемники Бабура по престолу обращались к его запискам как ценному источнику, запечатлевшему огромный политический опыт Бабура-властителя, в том числе в деле борьбы с сепаратистскими тенденциями и непокорностью отдельных феодалов. Для понимания характера государственной деятельности Бабура и социально-экономических условий жизни созданного им государства важны и издававшиеся им рескрипты; содержание некоторых из них дошло до наших дней.

С течением времени записки Бабура приобрели всемирную известность и вызвали к жизни обширнейшую литературу. На Западе сведения о «Бабур-наме» стали известны уже в XVII в., а с 20-х годов XIX в. привлекли к себе усиленное внимание ориенталистов. В России перевел «Бабур-наме» с чагатайского на латинский в конце 30-х годов XIX в. Георг-Якоб Кер. Сведения из «Бабур-наме» использовал О. И. Сенковский. По этому же произведению биографию Бабура и историю его походов изложил В. В. Григорьев (*см.*). В 1857 текст «Бабур-наме» был издан Н. И. Ильминским по керовскому списку. В. В. Вельяминов-Зернов (*см.*). предпринял издание «Вариантов к «Бабер-намэ», извлеченных из сделанного О. И. Сенковским списка к изданному Н. И. Ильминским чагатайскому тексту «Бабур-наме», но издание это не было закончено.

Попытки перевода «Бабур-наме» на русский язык осуществлялись (в фрагментах) Н. Н. Пантусовым, В. Островским, В. Л. Вяткиным (*см.*), С. И. Поляковым и др.

Основы систематического лингвистического описания языка «Бабур-наме» были заложены в работах Л. Бударова, Н. Н. Ильминского, П. М. Мелиоранского, В. В. Радлова, А. Н. Самойловича и др.

Советские востоковеды в свою очередь уделяют много внимания изучению «Бабур-наме» в литературоведческом и языковом, а также в историческом аспектах.

По известному хайдарабадскому списку, опубликованному Анной Беверидж (1905) и с использованием казанского издания Н. И. Ильминского П. Шамсиевым и С. Мирзаевым было подготовлено к печати «Бабур-наме» с обильным ссылочным аппаратом (Ташкент, 1948—1949; второе издание — 1960). Появился выполненный М. А. Салье полный перевод «Бабур-наме» на русский язык (1958), не преследовавший, однако, научно-филологических целей и сделанный в основном по тому же хайдарабадскому списку.

К настоящему времени записки Бабура переведены на персидский, русский, английский, немецкий и французский языки. Однако задача научно-критического воссоздания полного текста «Бабур-наме» по различным спискам и изданиям (с учетом имеющихся разночтений и пр.) во многом остается пока невыполненной.

Издание сочинений Бабура: Бабер-наме или Записки султана Бабера. Изданы в подлинном тексте Н. И. Ильминским. — Казань, 1857; И. Н. Березин. Турецкая хрестоматия, ч. I, Казань, 1857 (отрывок из «Бабур-наме» и фрагменты поэтических произведений Бабура); Н. Н. Пантусов. Фергана по «Запискам» султана Бабура. — ЗИРГО по отд. этнографии, т. VI, отд. I, СПб., 1880, стр. 151—199; В. Островский. Самарканд по запискам Султана Бабура. — ТВ, 1895, № 71—72; В. Л. Вяткин. Самарканд и его окрестности в прошлом по описанию Султана Бабура Мирзы. Справочная книжка Самаркандской области, вып IV, Самарканд, 1896, стр. 30—37; Записки Бабура. Перевод с джагатайского С. И. Полякова.--Ежегодник Ферганской области, III, Новый Маргилан, 1914, стр. 113—176 (Рец.: А. Н. Самойлович, ЗВОРАО, т. XVII, СПб., 1907, стр. 074—083); А. Н. Самойлович. Собрание стихотворений императора Бабура, ч. I, Пгр., 1917; Бабур. Лирика. Предисловие Е. Э. Бертельса. Перевод с узб. Льва Пеньковского. — М., 1943 (второе издание: М., 1957); Бабур-намэ. Перевод М. Салье. Под ред. М. Шевердина. — Ташкент, 1948, 64 стр.; Бабур Захриддин Мухаммед. Бабур-наме. Подготовили к печати П. Шамсиев и С. Мирзаев.—Ч. I, Ташкент, Узгосиздат, 1948, 252 стр.; ч. II, 1949, 311 стр. (на узб. яз., текст в современной узбекской графике); Современники Навои. Избранные стихотворения. Подготовил к печати Х. Зарифов.--Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1948, 206 стр. (на узб. яз; стихи Бабура в оригинале публиковались также в «Антологии узбекской поэзии», Ташкент, 1945, в «Хрестоматии по истории узбекской литературы», Ташкент, 1948, и др.); Бабур-наме. Записки Бабура. Отв. редакция и предисловие С. А. Азимджановой. Перевод М. А. Салье. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1958, 580 стр.; Бабур Захриддин Мухаммед. Избранные сочинения. Отв. редактор П. Шамсиев. Составители С. А. Азимджанова и А. Каюмов. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1958, 212 стр. (на узб. яз.); Захириддин Мухаммед Бабур. Избранные сочинения. Составители С. А. Азимджанова и А. Каюмов. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1959, 176 стр. (также на узб. яз., Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1958, 212 стр.); Бабур. Избранные сочинения. Сост. и вступительная статья С. Азимджановой и А. Каюмова. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1959, 176 стр.; Бабур-наме. Составители П. Шамсиев и С. Мирзаев. Вступительная

статья В. Ю. Захидова. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1960, 512 стр. (на узб. яз.); Захириддин Мухаммад Бабур. Сочинения, т. I, Диван. Составители С. А. Азимджанова и А. Каюмов, Ташкент, 1965. 234 стр.; т. II, Бабур-наме. Составитель П. Шамсиев, редактор Х. Пулатов, 1966, 295 стр.; т. III, Бабур-наме. Составитель П. Шамсиев, редактор Х. Пулатов, 1966, 295 стр. (на узб. яз.); Захириддин Мухаммад Бабур. Мухтасар. Отв. редактор доктор филол. наук, проф. Хамид Сулейман. Подготовил к изданию Саидбек Хасан. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1971, стр.+факсимиле; Захир ад-Дин Мухаммад Бабур. Трактат об аруз. Факсимиле текста. Вступит. статья и указатели И. В. Стеблевой. — М., ГРВЛ, 1972 (Памятники письменности Востока, XII);

Литература о Бабуре (выборочно): Х. Якубов. Захириддин Мухаммад Бабур. — Известия УзФАН СССР, Ташкент, 1940, № 6, стр. 12—18; Х. Якубов. Бабур. — Труды УзФАН СССР, серия XV, кн. 12, Ташкент, 1941, 47 стр. (на узб. яз.); К. А. Антонова. Очерки общественных отношений и политического строя могольской Индии времен Акбара (1556—1605 гг.).—М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 36—39, 151—153, 179—180 и др.; Н. К. Синха и А. Ч. Банерджи. История Индии. М., Изд-во иностранной литературы, 1954, стр. 211—214; Джавахарлал Неру. Открытие Индии. Перевод с английского, М., Изд-во иностранной литературы, 1955, стр. 270—272; С. Азимджанова. К истории Ферганы второй половины XV в. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957, 94 стр. (главы: Захираддин Бабур и борьба за Фергану; Андижанский двор при Омар Шейхе и Бабуре); Она же. Предисловие. — В кн.: Бабур-наме. Записки Бабура, Ташкент, 1958, стр. 5—8; Она же. Захириддин Мухаммад Бабур. — В кн.: Захириддин Мухаммад Бабур. Избранные сочинения, Ташкент, 1959, стр. 5—12; Она же. Экономические взгляды Захираддина Мухаммада Бабура. — В кн.: Из истории развития общественно-экономической мысли в Узбекистане в XV—XVI вв. — Ташкент. Изд-во АН УзССР, 1960, стр. 68—79; Она же. Некоторые экономические взгляды Захир-аддина Мухаммада Бабура, изложенные в «Мубайине». — XXV Международный конгресс востоковедов, т. III, Доклады делегации СССР, М., ИВЛ, 1963; Она же. Новые сведения о «Хатт- и Бабури». — М., 1963, стр. 12 (XXVI Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР); Она же. Индийский диван Бабура. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1966, 85 стр.; Она же. Государство Бабура в Кабуле и Индии (Социально-экономическая политика Бабура в первой трети XVI века. — Автореферат докт. дисс., Ташкент Изд-во «Фан» УзССР, 1969, 59 стр.; В. Ю. Захидов. Захираддин Бабур. — Материалы I Всесоюзной научной конференции востоковедов в г. Ташкенте, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1958 ,стр. 131—139; Он же. О творчестве

и литературно-научном наследии Бабура. — В кн.: Захириддин Мухаммад Бабур. Бабур-наме, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1960, стр. 5—52 (на узб. яз.). С. Ибрагимов. Научная сессия, посвященная Захириддину Мухаммеду Бабуру. — «Узбекский язык и литература», Ташкент, 1958, № 2, стр. 89—90 (на узб. яз.); А. Каюмов. Главные особенности лирики Бабура. — «Узбекский язык и литература», Ташкент, 1958, № 2, стр. 17—24 (на узб. яз.); Миниатюры рукописи «Бабур-наме». Сост. С. Тюляев. — М., 1960; П. Шамсиев. От редакции. — В кн.: Бабур-наме, Ташкент, 1960, стр. 53—56; Г. Ф. Благова. К вопросу о подлинности текста «Бабур-наме» по керовскому списку. — КСИНА, АН СССР, XLIV, М., 1961, стр. 100—105; Она же. К истории изучения Бабур-наме в России. — Тюркологический сборник к шестидесятилетию А. Н. Кононова. — М., Изд-во «Наука», ГРВЛ, 1966, стр. 168—176; С. Джамалов. О художественной ценности «Бабур-наме». — Научные труды Ташкентского гос. пед. ин-та им. Низами, вып. XXV, Ташкент, 1961, 109, стр. (на узб. яз.); К. А. Антонова. Бабур Захиреддин.—СИЭ, т. II, М., 1962, стлб. 20; А. А. Валитова. Бабур Захиреддин Мухаммед. — Краткая литературная энциклопедия. т. I, М., 1962, стлб. 389—390; А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка. — М. Л., 1962 (использован языковой материал «Бабур-наме»); Н. Д. Миклухо-Маклай. Хондамир и «Записки» Бабура.—В кн.: Тюркологические исследования, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 237—249; Х. Назарова. К вопросу о роли Бабура в истории узбекского литературного языка. — «Узбекский язык и литература», Ташкент, 1968, № 2, стр. 30—36, на узб. яз. (см. также ее статьи в Ученых записках Ташкентского гос. пед. ин-та им. Низами, т. 42, кн. 1, Ташкент, 1963, кн. 2, Ташкент, 1964); В. М. Массон и В. А. Ромодин. История Афганистана, т. I, М., Изд-во «Наука», ГРВЛ, 1964, стр. 289—291, 370—377 и др.; Х. Хасанов. Захириддин Бабур и Хайдар Мирза. — В кн.: Х. Хасанов. Среднеазиатские географы и путешественники, Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1964, стр. 187 (на узб. яз.); Б. В. Лунин. Средняя Азия..., стр. 216—217; А. А. Семенов. Первые шейбаниды и борьба за Мавераннахр. — Труды АН ТаджССР, т. XII, Душанбе, стр. 111—150; Х. Кор-Оглы. Узбекская литература. — М., Изд-во «Высшая школа», 1968, стр. 292; А. М. Щербак. Сочинение Бабура об арузе (Предварительное сообщение). — «Народы Азии и Африки», М., 1969, № 5, стр. 156—168; Бабур Захиреддин Мухаммед. — БСЭ, изд. третье, т. 2, М., 1970, стр. 506; Ч. А. Стори. Персидская литература. Био-библиографический обзор, Перевод с английского. — Ч. II, М., ГРВЛ, 1972, стр. 828—838, 1122, 1187, № 690, Также: Миниатюры к Бабур-наме. Альбом. Составление и предисловие Х. Сулеймана, изд. второе. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1972, 160 стр.

ХАФИЗ-И ТАНЫШ

АВТОР сочинения (написанного на персидско-таджикском языке) по истории Средней Азии («Шереф-наме-и Шахи» — «Книга шахского благородства», более известного под названием «Абдулла-наме») Хафиз (певец) Таныш (Тыныш) ибн Мир-Мухаммад ал-Бухари (тахаллус «Нахли») родился около 956/1549 или 959/1551—1552. Он был близок ко двору Абдулла-хана из династии шейбанидов и предположительно сопровождал его во время военных походов как поэт и летописец. По словам самого Хафиз- и Таныша, он начал писать свой труд в возрасте 33 лет, пользуясь покровительством Низзамаддин Кул-Баба Кукельташа.

Для истории правления Абдулла-хана (по поручению которого, видимо, Хафиз- и Таныш и фиксировал ход событий) сочинение Хафиз- и Таныша имеет характер первоисточника; при освещении же событий предшествующего времени он находился в зависимости от сочинений других авторов.

Труд Хафиз- и Таныша, написанный в Бухаре и подробно освещающий события, происходившие при Абдулла-хане (991/1583—1006/1598), временами приобретает характер их повседневной фиксации, что увеличивает его ценность для исторической науки.

Авторское повествование, ведущееся от времени рождения Абдулла-хана в 940/1533, изобилует данными о маршрутах его походов, о завоеванных городах, и т. п. и хотя эти данные в определенной мере также заимствованы из различных сочинений, все же они сохраняют историко-географическое значение.

Свой рассказ Хафиз- и Таныш начинает от рождения Абдулла-хана до его вступления на престол, т. е. до смерти Искандер-хана (990 г. х.). В последующем, судя по словам самого автора, он предполагал вести речь о событиях после кончины Искандер-хана. Фактически его рассказ (в дошедших до нас списках труда) обрывается на событиях 997 г. х. (осада и взятие Герата).

Дата окончания работы над сочинением, как и смерти автора, точно не установлена.

В основе повествования Хафиз- и Таныша лежит освещение политических событий, преимущественно внешних. События внутри государства, возглавлявшегося Абдулла-ханом, описаны более скупо и отрывочно. Тем не менее и эта часть текста снабжает историков рядом ценных сведений к пониманию конкретных особенностей феодальной системы управления в Туркестане того периода. Заслуживают внимания сведения Хафиз- и Таныша о бухарском посольстве в Россию при Абдулла-хане, об архитектурных сооружениях в Бухаре, Ташкенте, Туркестане и других местах, о монетной реформе и т. д. Сочинение богато разного рода фактическими деталями, небезынтересными для историков, историков архитектуры, географов и др. По словам В. В. Вельяминова-Зернова (*см.*), «чем больше трудишься над Абдулла-намэ, тем более открывается вещей, которые нужно изучить».

В 1854 В. В. Вельяминов-Зернов приобрел в Оренбурге полную рукопись труда Хафиз- и Таныша, которую изучал затем много лет, намереваясь опубликовать персидский текст рукописи и ее перевод на русский язык. Однако работе Вельяминова-Зернова не суждено было увидеть свет. Сведения же из «Абдулла-наме» он успел использовать в своих публикациях «Монеты бухарские и хивинские» (в которой автор с помощью данных Хафиз- и Таныша установил хронологическую канву династии шейбанидов) и «Исследование о Касимовских царях и царевичах». Извлечениями из «Абдулла-наме» пользовались также В. В. Бартольд («К истории орошения Туркестана» и др.), В. Л. Вяткин («Материалы к исторической географии Самаркандского вилаета» и др.) и другие исследователи. Подготовкой к изданию критического текста «Абдулла-наме» занимался и ученик Бартольда востоковед Л. А. Зимин (работа из печати не вышла и рукопись ее не обнаружена).

В 1966—1969 труд Хафиз- и Таныша издан в Ташкенте на узбекском языке под редакцией Я. Г. Гулямова и с комментариями Б. А. Ахмедова.

Издания рукописи Хафиз- и Таныша «Абдулла-наме» и сведения о ней в каталогах восточных рукописей: Хафиз- и Таныш Бухари. Абдулла-наме, т. I, Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1966, 400 стр.,

г. II. Отв. редактор акад. АН УзССР Я. Г. Гулямов, Перевод С. Мирзаева, Р. Гафуровой, А. Джуванмардиева, Б. Ахмедова. Исторический и филологический комментарий Б. А. Ахмедова. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1969, 391 стр. (на узб. яз.); Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. — Т. I, Ташкент, 1952, стр. 65—66, № 149—151; Каталог восточных рукописей Академии наук Таджикской ССР. — Т. I, Душанбе, 1960, стр. 75—78, № 62—64; Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР (Краткий алфавитный каталог). Под ред. Н. И. Миклухо-Маклая. Ч. I, М., Изд-во «Наука», 1964, стр. 353, № 2643—2644; А б д у л л а Н а с ы р о в. Указатель литературы (источников) о жизни и деятельности Улугбека. — В кн.: Из истории эпохи Улугбека. Отв. редактор доктор филол. наук. А. К. Арендс. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1965, стр. 370.

Литература о Хафиз- и Таныше: И. И. У м н я к о в. Абдулла-намэ Хафизи-Таныша и его исследователи. — Записки коллегии востоковедов, т. V, Л., 1930, стр. 307—328 (дополнительные сведения и отдельные поправки И. И. Умнякова см.: И. И. У м н я к о в. Некоторые сведения из «Абдулла-намэ» Хафизи Таныша» (XVI в.). — Труды Самаркандского гос. пед ин-та им. А. М. Горького, т. II, вып. 2, Самарканд, 1941, стр. 1—12); П. П. И в а н о в. Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.). — М., ИВЛ, 1958, стр. 85, 229; М. А. С а л а х е т д и н о в а. Сведения о киргизах в «Абдулла-намэ» Хафиз- и Таныша. — ИАН КиргССР Серия общественных наук, т. II, вып. 3, Фрунзе, 1960, стр. 173—181; Хафизи Таныш Бухари. — В кн.: Х. Хасанов. Среднеазиатские географы и путешественники. — Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1964, стр. 188—191 (на узб. яз.); Б. В. Л у н и н. Средняя Азия..., стр. 93—94, 222—223. Также Ч. А. С т о р и. Персидская литература. Био-библиографический обзор. Перевод с английского. — Ч. II, М., ГВРЛ, 1972, стр. 1129—1133, № 990.

АБУ-Л-ГАЗИ

АВТОР сочинений, ставших одним из важнейших источников к познанию истории народов Средней Азии времени позднего средневековья, Абу-л-Гази-бахадур-хан родился в Ургенче 12 августа 1603. Данные о нем более или менее полны благодаря наличию автобиографии, вошедшей в качестве составной части в его сочинение «Родословное древо тюрок («Родословная тюрок»).

Происходил Абу-л-Гази из рода Шейбана (поколение узбеков) и был одним из семи сыновей Араб-Мухаммеда, провозглашенного ханом в 1602. До 16 лет Абу-л-Гази жил в Ургенче, в доме отца и после женитьбы получил в удельное владение половинную часть территории Ургенча.

В 1654, в обстановке острых феодальных междоусобиц, происходивших при участии самого Абу-л-Гази, и после сложных перипетий этой борьбы он воссел на престол Хивы*, став ее полновластным правителем. На царственном посту Абу-л-Гази проявил себя как искусный воин, политик и дипломат. Действуя хитростью и силой, он сумел обезопасить Хиву от угрозы со стороны соседей, добился мира с калмыками, стремился поддерживать мирные отношения с Ираном.

С 1655 Абу-л-Гази начал завоевательные походы на Бухару, сопровождавшиеся грабежами и поборами, порабощением местного населения.

---

* Об обстоятельствах и ходе этой борьбы см.: А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского, 1958, стр. 9—16.

Сам он считал, что природа наделила его способностями и умением в военном деле, в сфере поэзии, знания языков и в области исторических сведений. Касательно последних устанавливается широкая начитанность Абу-л-Гази, знакомство его с сочинениями Рашид-ад-дина и других авторов. Абу-л-Гази был широко осведомлен и в области фольклора (народные предания и легенды, эпические сказания и т. п.), а также племенных родсловных, сочетавших легендарные известия и реальную подоснову.

В 1663 Абу-л-Гази возвел на престол Хивы своего сына Ануша-Мухаммеда, а сам, по его выражению, «занялся делами покаяния и благочестия». Скончался он в 1664.

Перу Абу-л-Гази принадлежат два сочинения — «Родословная туркмен» («Шеджере-и таракимэ») и «Родословная тюрок» («Шеджере-и турк»), интересные не только в историческом, но и в литературном плане.

Сочинения Абу-л-Гази — «хана хивинского, воина и историка» (А. Н. Кононов) — давно привлекали внимание исследователей богатством и разнообразием материалов. Наличие в них далеко не всегда точных данных, полулегендарных известий, хронологической путаницы, анахронизмов и т. п. требует, естественно, строго критического подхода, но вместе с тем отнюдь не исключает их большой научной значимости: многие из этих данных и собщений носят уникальный характер и имеют прямое отношение к истории туркмен, узбеков, казахов. У Абу-л-Гази встречается и одно из первых письменных упоминаний о каракалпаках (бегство к ним из Хивы Хабаш—султана).

В 30-е годы XVIII в. переводом «Родословной тюрок» с чагатайского на немецкий занимался в Петербурге Георг-Якоб Кер. В 1726 в Лейдене вышел в свет французский перевод сочинения, в 1780 — немецкий. С французского перевода был сделан перевод на русский (1768), осуществленный известным ученым и поэтом В. К. Тредиаковским, и на английский (1780).

Чагатайский текст «Родословной тюрок» («Книги родословного древа тюрков и монголов») был опубликован в 1825 в Казани под наблюдением Ибрахима Хальфина и с предисловием Х. Д. Френа, содержавшим обозрение и двух оставшихся неизданными переводов на немецкий язык (Кера и неизвестного лица). Текст казанской публикации перевел на русский язык известный востоковед Г. С. Саблуков (неполное издание перевода в 1854, полное в 1906). Критическое издание текста «Родословной тюрок» и перевод на французский язык были выполнены П. И. Демезоном; после смерти последнего издание (1871—1874) осуществлялось под наблюдением П. И. Лерха (*см.*).

Первое по времени сочинение Абу-л-Гази «Родословная туркмен» увидело свет позднее второго («Родословная тюрок») в переводе на

русский язык А. Г. Туманского (перевод был закончен 21 мая 1893). Новейший и наиболее совершенный перевод «Родословной туркмен» на русский язык осуществлен А. Н. Кононовым; перевод снабжен воспроизведением оригинального сводного текста этого сочинения Абу-л-Гази, а также грамматическим очерком (фонетика, морфология, синтаксис «Родословной туркмен»).

Издания сочинений Абу-л-Гази: Родословная история о татарах, переведенная на французский язык с рукописныя татарския книги сочинения Абулгачи-Баядур-хана и доцолненная великим числом примечаний достоверных и любопытственных о прямом нынешнем состоянии Северныя Азии с потребными географическими ландкартами, а с французского на российский в Академии наук (перевод В. К. Тредиаковского). При Императорской Академии наук, СПб., 1768, т. I, 483 стр.; т. II, 480 стр.; Abulghasi Bahadûr Chani. Historia Mongolorum et Tatarorum nunc primum Tatarice edita auctoritate et munificentia J. C. N. de Romanzoff, Cazani, MDCCCXXV; Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghâsi Bèhâdour Khan publiée, traduite et annotée par le Baron Desmaisons, t. I, Texte.— St.-Pétersbourg, 1871; t. II, Traduction. — St.-Pétersbourg, 1874; Родословное древо тюрков. Сочинение Абулгази, хивинского хана. Перевод и предисловие Г. С. Саблукова. С предисловием и примечаниями Н. Ф. Катанова, Казань, 1906, XVI + 336 стр. (примечания Катанова опубликованы не были). Также: Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т., XXI, вып. 5—6, Казань, 1905, стр. 1 — 224; Абуль-Гази-Бохатур-хан. Родословная туркмен. Перевод А. Туманского, Асхабад, 1897, 74 стр.: А. Н. Самойлович. Один из списков «Родословного древа туркменского» Абуль-гази-хана. — Доклады АН СССР, Серия В, Л., стр. 39—42; А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. Отв. редактор чл-корр. АН СССР С. Е. Малов. — М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958, 192 + 78 стр.

Литература об Абу-л-Гази (выборочно)*: В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. — СПб., 1911, стр. 206—207, 216; Н. Н. Пальмов. Абулгази в калмыцких кочевьях. — Рукопись (Архив востоковедов ИВ АН СССР, Ленинград, № 63); А. И. Абрашеев. Литературное значение «Шаджараи Туркия» Абдулгази Багадурхана. — Канд. дисс., Самарканд, 1944, 122 стр.: Он же. Родословное древо тюрков и его автор. — «Звезда Востока», Ташкент, 1946, № 12, стр. 68—76; Карим Юсупов. Абулгази и Хивинское ханство

* См. также приведенный А. Н. Кононовым перечень кратких жизнеописаний Абу-л-Гази, в различных энциклопедиях («Родословная туркмен...», стр. 8).

в первой половине XVII в.—Автореферат канд. дисс., М., 1950, 14 стр.; Я. Г. Гулямов; История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957, стр. 11—12, 126, 166—173 и др.; А. Н. Кононов. Введение. — В кн.: А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского..., стр. 7—19; Он же. «Родословная туркмен» — сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. — Первая Всесоюзная конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщений, Ташкент, 1957, стр. 295—197; Он же. Сочинения Абу-л-Гази хана хивинского, как источник для истории туркмен и как памятник узбекской литературы и языка. — Материалы Первой всесоюзной научной конференции востоковедов в Ташкенте 4—11 июня 1957 года. — Ташкент, 1958, стр. 906—911; Б. В. Лунин. Средняя Азия..., стр. 70, 79, 217—219; Абулгази, хан Хивы, историк. — СИЭ, т. I, М., 1961, стлб. 51; Абулгази, хан Хивы, историк, поэт. — БСЭ, т. I, изд. третье, М., 1969, стр. 39; С. И. Иванов. «Родословное древо тюрок» Абу-л-Гази-хана. Грамматический очерк (Имя и глагол. Грамматические категории). — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1969, 203 стр.; А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. — Л., Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1972, стр. 32, 36, 58—70 и др.; А. Н. Кононов. История приобретения, переводов изданий и изучения сочинения Абул-л-Гази «Родословная тюрок». — «Советская тюркология», Баку, 1971, № 1, стр. 3—12.

МУХАММАД ЮСУФ МУНШИ

АВТОР известного сочинения «Тарих- и Муким-хани» («Муким-ханская история») Мухаммад Юсуф мунши ибн Ходжа Бак Балхи являлся чиновником канцелярии при балхском наместнике Абу-л-Музафаре Муким-хане. Биографические данные о нем скупы и отрывочны. Год и место рождения (Балх?) и смерти не установлены. Судя по рукописи названного выше его труда он принадлежал к числу способных и при этом начитанных и образованных людей. Известен факт назначения его дипломатическим чиновником в Индию при дворе Великих Бабуридов.

«Муким-ханская история» должна была составить, по замыслу автора, первую часть исторического повествования о времени правления в Балхе Муким-хана, но в связи с прекращением в 1707 владычества последнего намерение автора осталось, видимо, неосуществленным.

В сочетании Мухаммада Юсуфа мунши излагается история бухарских (узбекских) ханов из династии аштарханидов (джанидов) от начала XVI в. до 1704 включительно. При этом основное внимание уделяется событиям, имевшим место в Балхе и балхском вилайете, возглавлявшихся наместниками бухарских ханов из числа их наследников — будущих правителей Бухары.

Примечательная особенность сочинения — краткое изложение во введении истории Средней Азии начиная со времени завоевания Чингисхана (с изложением его родословной). Раздел I сочинения посвящен истории шейбанидов, раздел II — истории аштарханидов, раздел III — истории правления Абу-л-Музафара Муким-хана в Балхе от 1702 до 1704—1705 (1116 г. х.).

Предположительное время написания сочинения — начало XVIII в. По характеру это типичный образец придворной историографии феодальной эпохи, изобилующий многочисленными, вычурно велеречивыми похвалами по адресу Муким-хана. Вместе с тем сочинение Мухаммада Юсуфа мунши насыщено обильным фактическим материалом, дающим, при критическом подходе к нему, представление о социальной структуре и территориальном составе государства аштарханидов, о тирании и произволе ханов и их приспешников, о конкурентной борьбе между членами правящей династии, о политических, культурных и торгово-экономических связях с Ираном, Индией и другими государствами, образе жизни верхушки различных узбекских племен, степени распространенности и влияния ишанов и дервишских орденов в целом и т. д.

«Муким-ханская история» содержит, кроме того, интересные сведения о расселении узбекских племен в аштарханидском государстве, т. е. материалы к составлению историко-этнографической карты Средней Азии XVII в.

О ценности многих из сообщаемых автором данных можно судить, к примеру, по таким из них, как сообщение о восстании каракалпаков против гнета и произвола хана Баки-Мухаммеда (1599—1605), о местах расселения каракалпаков и др.

Исследователи относят также сочинение Мухаммада Юсуфа мунши «к числу важных первоисточников по истории среднеазиатской литературы, эпиграфике архитектурных памятников и украшению художественных рукописей» (А. А. Семенов).

Рукописные копии «Тарих- и Мукими-хани» стали известны исследователям к началу XIX в. Первые из этих копий были доставлены в Петербург русским посланником в Бухару А. Ф. Негри и в Лондон английским посланником А. Борнсом. В 1824 известный ориенталист О. И. Сенковский издал на французском языке извлечения из рукописи (исторические сведения), «присоединив к тому критические примечания и объяснения» и для образца часть подлинного текста с предисловием. Сочинение это было издано в виде приложения к программе университетских лекций под заглавием «Прибавление к Всеобщей истории гуннов, турков и монголов, содержащее в себе сокращенную историю владычества узбеков в Великой Бухарии». Издание удостоилось высоких отзывов Сильвестра де-Саси, Карла Риттера и других видных ученых. По словам В. В. Бартольда, это издание «долгое время оставалось для европейцев единственным источником для истории Бухарского ханства».

В Западной Европе подробное изложение «Муким-ханской истории» дал Морли в описании рукописей Азиатского Общества (Лондон, 1854). Сведения о ней содержатся также в статье ориенталиста Ф. Тейфеля (ср. «Melanges Asiatique», III, p. 259—260). Руководствуясь борнсовским экземпляром рукописи, Арминий Вамбери использовал

ряд данных «Муким-ханской истории» в своей работе «История Бухары или Трансоксании» (1872). На русский язык извлечения из рукописи публиковались Н. Г. Маллицким (*см.*) и А. А. Семеновым (*см.*). Полный перевод «Тарих- и Муким-хани» на русский язык осуществлен А. А. Семеновым.

Сочинение Мухаммада Юсуфа мунши продолжает оставаться одним из важных письменных памятников по истории Средней Азии XVI—начала XVIII вв., предваряющих работы других авторов об этом периоде.

Издания сочинения Мухаммада Юсуф мунши: Supplément à l'histoire générale bes Huns, des Turks et des Mogols, contenant un abrégé de l'histoire de la domination des Uzbèks dans la grande Bukharie, depuis leur établissement dans ce pays jusqu'à l'an 1709, et une continuation de l'histoire de Kharézm, depuis la mort d'Aboul-Ghazi-khan jusgu'a la même epoque. Par M. Joseph Senkowski.—St.-Pbg, 1824, 132 + 24 ss. Приложение к объявлению публичного преподавания наук в Императорском Санкт-Петербургском университете на 1824 год, СПб., 1824 (также «Melanges Asiatique», 1824); Н. Г. Маллицкий. Разгром Ташкента Имам-Кули-ханом бухарским в 1613 году. — ПТКЛА, Год V, Ташкент, 1900, стр. 140—145; А. А. Семенов. Происхождение Чингиз-хана и его завоевания. — ТВ, Ташкент, 1907, № 15—16; Мухаммед Юсуф-мунши. Муким-ханская история. Перевод с таджикского, предисловие, примечания и указатели профессора А. А. Семенова. Отв. ред. Д. Г. Вороновский. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956, 303 стр. (Институт востоковедения АН СССР).

Литература о Мухаммаде Юсуф мунши: В. В. Бартольд История изучения Востока в Европе и России, изд. второе. — Л., 1925, стр. 255; А. А. Семенов. Предисловие к кн.: Мухаммед Юсуф мунши. Муким-ханская история.., стр. 5—27; П. П. Иванов. Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.). — М., ИВЛ, 1958, стр. 229; Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. — Т. I, Ташкент, 1952, стр. 73—75, № 175—188; Каталог восточных рукописей АН Таджикской ССР. — Т. I, Сталинабад, 1960, стр. 88—95, № 79—99; А. Т. Тагирджанов. Описание таджикских и персидских рукописей Восточного отдела библиотеки ЛГУ, т. I, История, биографии, география. — Л., Изд-во ЛГУ, 1962, стр. 137—141, № 71—76; Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР (Краткий алфавитный каталог). Под ред. Н. Д. Миклухо-Маклая. — Ч. I, М., Изд-во «Наука», 1964, стр. 111—112, № 700—713; Ч. А. Стори..., ч. II, стр. 1146—1149, № 1002.

АБД АР-РАХМАН

БИОГРАФИЧЕСКИЕ данные о сподвижнике русских ученых по изучению Средней Азии Мирзе Мулле Абд ар-Рахмане скудны и отрывочны. Сын Мухаммада Латифа Мустаджирра, он был уроженцем и жителем Самарканда.

Абд ар-Рахман приобрел наибольшую известность своим «Дневником» («Дневник, веденный во время Искандеркульской экспедиции на самаркандском таджикском наречии с 25 апреля по 27 июня 1870 года»), который он вел будучи переводчиком востоковеда А. Л. Куна (*см.*) — участника известной Искандеркульской экспедиции 1870 (верховья Зарафшана и Пянджикента до Пальдорака, долины рек Ягноб и Искандердарья, район озера Искандер-куль).

Дневник велся по программе, составленной Куном и весьма близкой по характеру к программе географических исследований. изданной Русским Географическим Обществом. Оригинал дневника дошел до нас с предисловием, приложениями и пояснениями, написанными Куном на русском языке.

Для исторического востоковедения наибольшее значение имеют приводимые Абд ар-Рахманом многочисленные сведения о встречавшихся членам экспедиции надписях на скалах, придорожных камнях, стенах мечетей, крепостей и домов, а также на каменных надгробиях в районе Верхнего Фальгара (Таджикистан). Тексты надписей Абд ар-Рахман записал, что придавало дневнику во многом уникальный характер, ибо хотя этим текстам не сопутствовали эстампажи и зарисовки надписей и в записях допускались орфографические и смысловые неточности, некоторые из фиксировавшихся надписей в наши дни уже

не обнаруживаются исследователями, видимо бесследно утрачены и, таким образом, стали достоянием науки лишь благодаря трудам Абд ар-Рахмана.

В советское время дневник и сами надписи изучались А. Мухтаровым, открывшим и ряд ранее неизвестных надписей, начиная с 604/1207—1208 и кончая 1335/1916—1917. Надписи эти (литературного содержания, с историческими фактами, надгробные и др.) имеют существенное значение для изучения средневековой истории и культуры таджикского народа.

В рукописи дневника Абд ар-Рахмана содержатся также данные об экономическом состоянии районов от Пянджикента до берегов Искандер-Куля, о хозяйственной деятельности населения, об историко-культурных памятниках, известия о ягнобском языке.

До наших дней дошло несколько написанных тушью копий «Дневника», изготовленных по поручению А. Л. Куна и писанных, вероятно, самим Абд ар-Рахманом; одна из копий имеет на полях пометки и поправки, сделанные рукой Куна.

Из материалов архива Куна и иных сведений явствует, что Абд ар-Рахман сопровождал его и в других поездках по Туркестану (в том числе в 1873), продолжая вести дневниковые записи. Записи эти (на таджикском и узбекском языках) совершенно забыты, а между тем они весьма интересны описанием памятников древности, наблюдениями за живым бытом населения областей Бухары, Шахрисабза, Хивы.

Абд ар-Рахман помогал Куну и в изучении «дафтаров» из архива хивинских ханов; в архиве Куна хранятся, например «Реестры, составленные по материалам солгутских дафтаров архива хивинских ханов (писанные) рукою мирзы Абдурахмана». Для упомянутых записей по Хивинскому ханству Абд ар-Рахман использовал чистые листы двух дафтаров данного архива (один из них — № 68 — хранится в составе архива хивинских ханов, другой — в ленинградском архиве А. Л. Куна, т. е. в составе собраний Архива востоковедов).

Записи Абд ар-Рахмана 1873 представляют значительный интерес, так как основаны на собственных его наблюдениях и на расспросах старожилов. В них содержатся, в частности, некоторые дополнительные данные о расселении туркмен, переселении некоторых племен в Хорезм и т. д.

Абд ар-Рахману принадлежит также сочинение «Записки о Московской выставке» — по условному названию, данному К. Г. Залеманом (*см.*). В этом сочинении (неизданном) подробно описывается посещенная автором в 1872 московская политехническая выставка, организованная в ознаменование 200-летия со дня рождения Петра I (текст, писанный чернилами, почерком насталик, 76 л. европейской бумаги). Наиболее подробно описан Туркестанский отдел выставки. Н. Д. Мик-

лухо-Маклай назвал рукопись «любопытным произведением таджикской прозаической литературы XIX в.».

Годы рождения и смерти Абд ар-Рахмана неизвестны.

Указатель произведений Мирзы Муллы Абд ар-Рахмана: «Дневник, веденный во время Искандеркульской экспедиции на самаркандском таджикском наречии с 25 апреля по 27 июня 1870 года» (Ркп. ИВ АН, № Д 133 и Д 134); Дневник Мирзы Абдурахмана в Хиве, веденный во время похода Хивинского с 15 апреля по 28 июня 1873 г. (Архив востоковедов ЛОИВ АН СССР, ф. 33, оп. 1, д. 221); Записки о Московской выставке (Ркп: ИВ АН, № В 806); ср. ТВ, 1872, № 38 и сл. Также разрозненные «черновые заметки Мирзы Абдуррахмана», относящиеся к его пребыванию в Хивинском ханстве (например, Архив востоковедов ЛОИВ АН СССР, ф. 33, он. 1, д. 104, 22 л.; ф. 33, оп. 1, д. 139, 52 л.). В этом же фонде д. 228, 71 л. («Перевод дневника Мирзы Абдурахмана»—осуществленный Куном и Султановым перевод части «Дневника», веденного во время путешествия по Бухаре и ее окрестностям). Помимо сведений об исторических памятниках и географических пунктах в дневнике встречается множество данных этнографического характера (жизнь и быт местного населения, его занятия, описание отдельных населенных пунктов, местные предания и суеверия, почитаемые места и т. п.). Под этим углом зрения дневники остаются неиспользованными. Также: Архив востоковедов..., ф. 33, оп. 1, д. 217 («Дневник мирзы Абдурахмана, веденный во время путешествия по Бухаре и ее окрестностям»), 30 л.; д. 219 («Дневник мирзы Абдуррахмана, веденный во время Искандеркульской экспедиции»), 84 л.; д. 220 («Дневник мирзы Абдуррахмана, веденный во время Шахрисябзской экспедиции»), 27 л.

Литература о Мирзе Абд ар-Рахмане: Н. М. Богданов. Очерки природы Хивинского оазиса и пустыни Кызыл-Кум. — Ташкент, 1882, стр. 62; Н. Д. Миклухо-Маклай. Некоторые персидские и таджикские рукописи.., — Ученые записки ИВ АН СССР, XVI, Л., 1952, стр. 275; Он же. Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения АН СССР. — М.—Л., 1955, стр. 100—102; А. Мухтаров. Таджикские и другие надписи на скалах и камнях в верховьях Зерафшана и их научное значение. — Материалы Первой всесоюзной научной конференции востоковедов в Ташкенте 4—11 июня 1957 г. — Ташкент, 1958, стр. 668—674; Он же. Надписи на скалах и камнях в верховьях Зеравшана. — Труды АН ТаджССР, т. CXX, 1960, стр. 147—167; Он же. Надписи с именем Бабура в верховьях Зарафшана. — М., ИВЛ, 1960, стр. 2; З. Ш. Раджабов. Просветитель Ахмад Дониш. — Душанбе, Изд-во «Наука», 1964, стр. 218—222; Б. В. Лунин. Средняя Азия..., стр. 124, 340: А. Л. Хромов. О дневнике искандеркульской экспедиции (1870). — ИАН ТаджССР, ООН, Душанбе, 1972, № 2.

АБУ СА'ИД МАХЗУМ

САМАРКАНДСКИЙ любитель древностей и каллиграф Абу Са'ид Махзум (год рождения неизвестен) был сыном мударриса при мадраса Шейбанихана Муллы Кази б. Муллы Абд ар-Рашида. Свое имя Абу Са'ид Махзум получил в честь учителя его отца Абу Са'ид Ходжи — автора рукописного труда по историко-топографическому описанию Самарканда, его округи и местных памятников старины (преимущественно историко-архитектурных памятников культового характера).

Абу Са'ид Махзум получил духовное образование. По словам Н. И. Веселовского, в лице «Мирзы Абу-Саида-Магсума» представлен «один из самых начитанных в мусульманской литературе» жителей Самарканда. Начитанность сочеталась у Абу Са'ида с пытливым отношением к познанию исторического прошлого родного города, к его историко-культурным памятникам.

Дошедшие до нас данные об Абу Са'иде восходят ко времени его знакомства с работавшим в Самарканде (90-е годы) известным русским востоковедом Н. И. Веселовским (*см.*), который вел здесь археологические раскопки.

С именем Абу Са'ид Махзума в известной степени связан выход в свет изданного Веселовским текста «Самарийа».

Перевод рукописи на русский язык был впервые осуществлен В. Л. Вяткиным и опубликован в 1899. Время написания данного сочинения 60-е годы XIX в.

Таджикский текст «Самарийа» был издан в 1904 Веселовским по рукописи, полученной в 1896 от Абу Са'ида Махзума и переписанной

последним в Самарканде (время переписки раджаб 1313 г. х./декабрь 1896 — январь 1896).

Будучи искусным каллиграфом и хорошо знакомым с арабской письменностью, Абу Са'ид успешно практиковал снятие копий с трудных для копирования и прочтения надписей, сохранившихся на историко-архитектурных памятниках Самарканда, прежде всего в Гур- и Эмире. Изготовляя копии, Абу Са'ид не был чужд и практических целей: некоторые копии он продавал посещавшим Самарканд туристам и путешественникам. По свидетельству А. А. Семенова, «всем прежним путешественникам и местным деятелям, интересовавшимся самаркандскими древностями, хорошо были известны эти копии. Они представляли большие полосы писчей бумаги, склеенные из нескольких листов в натуральную величину каждого надгробия (Гур- и Эмира. — *Сост.*), нередко на восточный манер вылощенные агатовым зубом; по приготовленной так полосе Абу Са'ид Ма'сум писал толстым, с широким срезом, тростником, почерком насх или насх-и сулс ту или иную надпись». Правда, некоторые «копировки Абу Са'ид Ма'сума не совсем отличались безусловной точностью», что естественно. Абу Са'ид не был ученым в строгом смысле этого слова, снятие же абсолютно точных копий с пространных и крайне замысловатых по исключительной сложности вязи намогильных надписей Гур-и Эмира было делом весьма нелегким.

Копирование надписей в Гур-и Эмире осуществлялось Абу Са'ид Махзумом в 1898—1899 под руководством Веселовского. Абу Са'ид участвовал также в снятии копий с надписей на мавзолеях Шах- и Зинда и на других памятниках Самарканда.

Распространение умело изготовлявшихся Абу Саидом копий с надписей на самаркандских памятниках было явлением положительным, ибо способствовало привлечению внимания к ним специалистов, появлению первых попыток прочтения надписей.

К 1902 относится знакомство Абу Са'ида Махзума с В. В. Бартольдом, который в числе других городов Средней Азии посетил и Самарканд. В отчете о поездке 1902 Бартольд указывает, что он осмотрел несколько восточных рукописей, находившихся у одного из обитателей мадраса Тилля-Кари — Абу Са'ида. Бартольд приобрел у него для Азиатского музея сборник разных ярлыков и других документов, относящихся ко времени от султана Шахруха до последних шейбанидов.

Самаркандские раскопки, начатые Бартольдом в 1904, с 1905 продолжались Вяткиным — сначала на Афрасиабе, а с 1908 в других местах, «с целью отыскания остатков обсерватории Улугбека».

Абу Са'ид был активным участником научных изысканий Вяткина: помогал в прочтении вакфных документов, восточных рукописей, в отыскании и приобретении последних. Имя Абу Са'ида связано с уста-

новлением в процессе ведшихся Вяткиным в 1908—1909 раскопок места нахождения остатков знаменитой обсерватории Улугбека.

Все эти и другие заслуги Абу Са'ида перед археологией и востоковедением были по достоинству оценены одним из наиболее авторитетных ученых учреждений того времени — Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингистическом и этнографическом отношениях, 11 февраля 1909 по представлению Бартольда Комитет постановил выдать Абу Са'иду вознаграждение в сумме 100 руб. как активному помощнику Вяткина по археологическим работам в Самарканде.

Уже будучи тяжело больным, Абу Са'ид посещал раскопки, которые вел Вяткин на Афрасиабе. Скончался Абу Са'ид Махзум в 1910.

Литература о Абу Са'ид Махзуме: Предисловие Н. И. Веселовского к кн. «Самария». —СПб., 1904, стр. III; А. А. Семенов. Надписи на надгробиях Тимура и его потомков в Гур- и Эмире. — «Эпиграфика Востока», II, М.—Л., 1948, стр. 50—51; Б. В. Лунин. Самаркандский любитель древностей и каллиграф Абу Са'ид Махзум. — ИМКУ, вып. 7, Ташкент, 1966, стр. 176—184.

АГЕХИ (МУХАММЕД-РИЗА-МИРАБ)

СЫН Ир-Нияз-бека и племянник хорезмийского (хивинского) историка-летописца Муниса (*см.*) Мухаммед-Риза-мираб (известный под литературным прозвищем Агехи), писавший при хане Алла-Кули (1825—1842), вошел в историю как продолжатель труда Муниса «Райский сад благоденствия» и как автор нескольких отдельных трудов. Родился 8 декабря 1809.

В 1255/1839 Агехи получил от Алла-Кули указание продолжить труд Муниса по истории Хорезма. Ко времени смерти Алла-Кули Агехи успел довести свое повествование («Сады государства») до истории царствования хана Мухаммед-Рахима и начать историю царствования Алла-Кули (до 1827). Новый хан Рахим-Кули поручил Агехи продолжить эту работу. Агехи пережил еще нескольких ханов и о каждом написал историю царствования, в том числе сочинение о Сейид Мухаммед-Рахим-бахадур-хане, доведенное по времени до 1872, т. е. до кануна Хивинского похода (1873). Последним его трудом явилась рукопись «Шахид-и икбал» («Свидетель счастья»).

Агехи переложил также на узбекский язык несколько частей сочинения Мирхонда «Сад чистоты» и «Квинтэссенции рассказов» Мухаммеда Вариса.

Скончался он в 1874.

В результате продолжения Агехи труда Муниса образовалось сочинение Муниса — Агехи, известное под названием «Фирдаус ал-икбал» («Райский сад счастья») или «Икбал-наме («Книга счастья»). По словам В. В. Бартольда, работа Агехи, начиная с правления Рахим-Кули, выполнялась в характере «записи современника о совершающихся на

его глазах событиях, т. е. была скорее хроникой и дневником, чем историческим трудом в собственном смысле слова». При этом труд Агехи «по подробности изложения и количеству фактического материала далеко оставляет за собой все дошедшие до нас труды по истории ханства Бухарского и Кокандского». Следует, конечно, учитывать тенденциозность Агехи и Муниса, рассматривавших события не только с точки зрения господствовавшего класса Хивы, но и всемерно стремившихся показать эти события под углом зрения восхваления хивинских ханов.

Вообще в основе изложения хивинских хроник Муниса и Агехи лежат прежде всего военная и политическая история, летопись придворных переворотов в Хиве. Тем не менее вкрапленные в эти хроники отдельные сведения социально-экономического характера, данные по налоговому обложению, к характеристике связей Хивы с соседними странами и др. представляют большой научный интерес.

В научном плане вслед за А. Л. Куном (*см.*) первым воспользовался трудами Муниса и Агехи Бартольд, которому мы обязаны и введением в научный оборот известий Агехи, «имеющих отношение к русским» (из последнего труда Агехи «Шахид-и икбал», посвященного первым девяти годам царствования Сейид Мухаммед-Рахим-бахадур-хана). Позднее Бартольд отметит, что «подробные хроники Муниса и Агехи.., вероятно, надолго останутся основой наших сведений по истории Хорезма за три последние столетия. Хрониками этими пользовались и более поздние хорезмские авторы, как, например, мулла Бабаджан в «Тарих- и хорезм-шахи».

На труды Муниса и Агехи обратил также внимание В. Л. Вяткин (*см.*), в рукописном собрании которого имелись рукописи Муниса — Агехи «Фирдаус ал-икбал» («Райский сад счастья») и Агехи — «Зубдат ат-таварих» и «Гульшен-и-девлет» («Сливки летописей» и «Цветник счастья»).

Сводный узбекский текст «Фирдаус ал-икбал» был подготовлен к печати Бартольдом (*см.*), но не увидел света и только теперь готовится к изданию.

Полного издания текстов и переводов сочинений Муниса и Агехи нет и поныне. Опубликованы лишь более или менее пространные извлечения из этих сочинений в переводах П. П. Иванова, А. К. Боровкова, З. Аксакова и ряд статей, содержащих критическую оценку и выясняющих научное значение наследия обоих авторов, а также некоторые избранные их произведения на узбекском языке. Естественно, что сочинения Муниса и Агехи требуют критического отношения, в первую очередь к оценке народных волнений, происходивших в Хивинском ханстве. Эти события Мунис и Агехи рассматривали с позиций придворных летописцев, всячески стараясь унизить участников антихи-

винских выступлений, именуя их разбойниками, преступными возмутителями спокойствия и т. п.

Агехи известен также не только как историк и переводчик, но и как поэт, автор дивана «Та'виз ал-ашикин», дошедшего до нас в нескольких списках и включавшего в себя газели, мухаммасы, мусаддасы, мусаммани, рубаи, маснави, касады, тарихи на языках узбекском и фарси.

В наши дни изучением историографического наследия Муниса и Агехи занят ряд советских исследователей, и труды хивинских летописцев все более и более вводятся в научный обиход в качестве ценного исторического источника.

Указатель публикаций Муниса — Агехи: Агехи. Избранные произведения. Подготовил к изданию С. Долимов. — Ташкент, 1958, 64 стр. (на узб. яз.); Переводы на русский язык отрывков из сочинений Муниса — Агехи см.: П. П. Иванов. История царствования Сейид-Мухаммед-хана (1856—1865). [Перевод отрывков из сочинения Мухаммед-Риза Мираба Агехи]. — В кн.: Материалы по истории каракалпаков, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1935, стр. 135—143: Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. II, XVI—XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники. — М., Изд-во АН СССР, 1938 («Фирдаус-ул-икбал», сочинение Муниса, продолженное и законченное Агехи. Ркп. ИВ АН СССР С 571 (590 аа). Перевод и примечания П. П. Иванова, стр. 323—354; История царствования хана Сейид Мухаммеда (1856—1865 гг.), Извлечения из «Гульшен-и-Девлет», сочинение Мухаммед Риза-мираба, прозванного Агехи. — Ркп. ИВ АН СССР. В 1891. Перевод и примечания П. П. Иванова, стр. 562—611; История царствования Алла-Кули-хана. Извлечения из «Рияз-уд-довле», сочинение Мухаммед Риза Мираба Агехи. — Ркп. ИВ АН СССР Д. 123 (590 сл.). Перевод А. К. Боровкова. стр. 427—476; История царствования Рахим-кули-хана. Извлечения из «Зубдет-т-таварих», сочинение Агехи. — Ркп. ИВ АН СССР Е6. Перевод З. Аксакова, стр. 477—500; История царствования Мухаммед Эмин-хана. Извлечения из «Джами-ул-вакы ат-и-султани», сочинение Агехи. — Ркп. ИВ АН СССР Е6. Перевод З. Аксакова, стр. 500—562; История царствования Сейид Мухаммед Рахим-хана. Извлечения из «Шахид-и-икбал», сочинение Агехи. — Ркп. ИВ АН СССР С 572. Перевод З. Аксакова, стр. 611—638); Фирдаус ал икбал [Отрывки в переводе на русский язык]. — В кн.: Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков [Извлечения из персидских и тюркских сочинений]. Составители: С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина и В. П. Юдин. — Алма-Ата, Изд-во «Наука» КазССР, 1969, стр. 431—475.

Литература об Агехи: А. Л. Кун. Заметки о Хивинском ханстве.— ТВ, 1873, № 40; Н. И. Веселовский. Очерк историко-географи-

ческих сведений о Хивинском ханстве с древнейших времен до настоящего. — СПб., 1877, стр. 85—86; Н. И. Веселовский. Самария. Сочинение Абу-Тахир Ходжи. Таджицкий текст, приготовленный к печати Н. И. Веселовским. — СПб., 1904, стр. 1; Записка пастора Авр. Амирханьянца об «Истории Хивы». Замечания проф. Н. И. Веселовского. — Протокол заседания Историко-филологического отделения Академии наук за 1890 г. (§ 14, 6 февраля 1890 г. и § 24, 20 февраля 1890 г.); Архив ЛОИВ АН СССР, ф. III, оп. 2, № 34; C. Salemann. Das Asiatische Museum im Iahre 1890. Nebst Nachträgen. — Mélanges asiatiques, X, 1894, p. 278; В. В. Бартольд. События перед походом 1873 г. по рассказам хивинского историка. — В кн.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. 2, М., 1964, стр. 400—413 (извлечение из труда Агехи «Шахид-и икбал» — «Свидетель счастья»); Он же. История изучения Востока в Европе и России. — СПб., 1911, стр. 259; Он же. К истории орошения Туркестана.— Сочинения, т. III, М., 1965, стр. 114, 178—180; Он же. История культурной жизни Туркестана. — Сочинения, т. II, ч. I, М., 1963, стр. 285, 612, 613; Он же. Хорезм. — Сочинения, т. III, М., 1965, стр. 552; А. Н. Самойлович. Сокращенный перевод отрывков из хивинских хроник XIX в. о хивинско-каракалпакских отношениях. — Материалы по истории каракалпаков, Труды ИВ АН СССР, т. VII, М.—Л., 1935, стр. 91—134; П. П. Иванов. Очерк истории каракалпаков. — Материалы по истории каракалпаков, Труды ИВ АН СССР, VII, М.—Л., 1935, стр. 9—89; Он же. Примечания к переводу «Фирдавсул икбол». — Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. II, М.—Л., 1938; Он же. Хивинские хроники XIX в. Муниса — Агехи как источник по истории туркмен. — В кн.: Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. II, М.—Л., 1938, стр. 23—28; Он же. Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.).— М., ИВЛ, 1958, стр. 230—231; П. П. Иванов и А. К. Боровков. Несколько общих замечаний об источниках по истории туркмен в XVI—XIX в. — Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. II, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1938, стр. 28—38; Р. Маджиди. Мухаммад Риза Огахи. — «Вопросы узбекского языка и литературы», Ташкент, 1958, № 3, стр. 49—57 (на узб. яз.); М. Ю. Юлдашев. Ценный источник по истории Хорезма. — ИАН УзССР, Серия общественных наук, Ташкент, 1958, № 6, стр. 71—72 (об исторических хрониках Муниса и Агехи); С. Долимов. Первые стихи Агехи. — «Вопросы узбекского языка и литературы», Ташкент, 1959, № 2, стр. 33—36 (на узб. яз.); Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1959, 315 стр. (на узб. яз.; ряд ссылок на Муниса — Агехи); К. Муниров. Неизвестный диван Муниса Хорезми. — ИАН УзССР, Ташкент, 1951, № 4, стр. 90—92; Он же. Агехи. — Сборник работ аспирантов, Отделение общест-

венных наук АН УзССР, вып. 2, Ташкент, 1958, стр. 305—322 (на узб. яз.); Он же. Агехи. Научная и литературная деятельность. Отв. редактор проф. Я. Г. Гулямов. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1959, 55 стр. (на узб. яз.); Он же. Агехи-историк. — «Шарк юлдузи», Ташкент, 1959, № 12, стр. 144—149 (на узб. яз.); Он же. Исторические труды Муниса, Агехи и Баяни. Отв. ред. Я. Г. Гулямов. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1960, 171 стр. (на узб. яз.); также: Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1961, 16 стр.; С. А. Азимджанова. О произведениях Агехи, хранящихся в фонде восточных рукописей АН Узбекской ССР. — ИАН УзССР, Серия общественных наук, Ташкент, 1960, № 4, стр. 57—60 на узб. яз.); Мумин Абдурасулов. Узбекские поэты-просветители о науке и просвещении. — Ташкент, Изд-во «Укитувчи», 1972, 108 стр., на узб. яз. (Агехи, стр. 42—46, Мунис, стр. 38—42); Дж. Шарипов. Художественные переводы и мастера-переводчики. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1972, 259 стр., на узб. яз. (Агехи); Б. В. Лунин Средняя Азия..., стр. 238—242.

САДРИДДИН АЙНИ

ИЗВЕСТНЫЙ писатель, ученый и общественный деятель Садриддин Саид-Муродзода (с 1896 псевдоним «Айни») родился 15 (27) апреля 1878 в кишлаке Соктари Гиждуванского тюменя Бухарского эмирата (близ г. Гиждувана).

Поэтическое творчество Айни восходит к началу века. Его стихи любовного цикла, написанные в канонически классическом стиле, в 1905 были включены в одну из составленных в Бухаре антологий (тазкира). В те же годы проявилась просветительская деятельность Айни, составившего, например, несколько учебников для новометодных школ эмирата.

После революции 1905—1907 Айни примыкал к левому крылу джадидизма. За участие в оппозиционном движении он был наказан по повелению эмира 75 палочными ударами и заключен в тюрьму (1917), из которой был впоследствии освобожден русскими революционными солдатами.

До 1917 Айни жил в Бухаре, временами выезжая в бухарские кишлаки и районы, в Самарканд, Фергану (Скобелев), Ходжент и другие города. После освобождения из тюрьмы поселился в Самарканде, в 1918 жил в Ташкенте, затем вернулся в Самарканд, где занимался преподаванием в школе квартала Кош-Хауз, сотрудничал в местной печати и работал над своими художественными произведениями (повести «Бухарские палачи», «Одина», роман «Дохунда» — большое историческое полотно времен крушения эмирата и гражданской войны в Таджикистане). С течением времени повести и романы, а также воспоминания Айни получили широкую известность и были переведены на языки народов многих стран.

Айни широко известен как автор ряда художественных произведений исторически-познавательного характера, публицистических статей и др. Писал он на таджикском и узбекском языках, вошел в историю советской литературы как основоположник таджикской и один из зачинателей узбекской советской литературы.

Дарование писателя сочеталось у Айни с глубокими познаниями в области истории и филологии народов Средней Азии и неутомимым стремлением к активной общественной деятельности.

В 1929 Айни избирается членом ЦИК Таджикской ССР. В последующем он являлся депутатом 3 и 4-го созывов Верховного Совета СССР. Айни был награжден орденами Ленина и орденом Трудового Красного Знамени, удостоен звания заслуженного деятеля науки Таджикской ССР (1940). В 1949 Ученый Совет Ленинградского государственного университета присвоил ему ученую степень доктора филологических наук. В 1951 писателю была присуждена Государственная премия. Он был почетным академиком Академии наук Узбекской ССР (с 3 ноября 1943), первым президентом Академии наук Таджикской ССР (с 1951).

Как ученый-историк Айни известен прежде всего работами «История мангытских эмиров Бухары» и «Материалы по истории Бухарской революции». Первая из них была написана в виде исторических очерков и напечатана в 1920 в журнале «Шулай инкилоб» («Пламя революции»), а в 1923, переработанная, издана отдельной книгой (Ташкент). Это произведение охватывает период от времени правления Рахибия Аталыка (1753—1758) до сентябрьских событий 1920 (народная советская революция) включительно.

«Материалы по истории Бухарской революции» были написаны в основном в 1918—1919 и опубликованы в 1926 (Москва). В них освещена история Бухары от времени правления эмира Насруллы (1826—1860) до сентября 1920.

К историческим работам Айни примыкает и «Красота мира» («Тирози чахон»), написанная в 1936 и изданная в 1939 (Сталинабад). Она представляет собой краткий исторический очерк Ходжента (Ленинабада) от времени монгольского завоевания до присоединения Средней Азии к России.

По форме исторические труды Айни в известной мере написаны в традициях местной (бухарской) историографии, испытав в то же время новые литературные влияния. Айни не избежал элементов идеализации отдельных политических деятелей Бухары конца XVIII — первой половины XIX в., спорности оценок некоторых сторон их жизни. В его трудах сказывалось также еще не изжитое до конца влияние идеологии джадидизма и т. д. Но в целом эти первые попытки дать сводную историю Бухары были положительным явлением. Хотя труды

Айни не давали подробного и последовательного освещения положения, борьбы и судеб народных масс, они содержали остро критические суждения в адрес социальной системы эмирата. Выразительны характеристики бухарских эмиров Музаффара, Абдул-ахада, Сейид-Алимхана, их приближенных и т. д.

Все это дает право считать Айни одним из первых советских историков Бухары, чьи труды для своего времени (начального этапа становления советской историографии) имели серьезное значение, а по ряду сообщавшихся фактов не утратили его и в наши дни.

Как литературовед и историк литературы Айни известен очерками и монографиями о Рудаки, Фирдоуси, Ибн Сине, Саади, Навои, Васифи и других, а также как составитель антологии «Образцы таджикской литературы» в трех частях (1926).

Последние годы жизни писатель провел в Душанбе. В апреле 1953 советская общественность торжественно отметила 75-летие со дня его рождения. Скончался Айни 15 июля 1954.

Указатель публикаций С. Айни: И. С. Брагинский. Список основных произведений С. Айни (на тадж. яз.).—В кн.: И. С. Брагинский. Садриддин Айни. Очерк жизни и творчества. — Труды Института языка и литературы АН ТаджССР, т. 24, Сталинабад, 1954, стр. 147—154; К. Джамалов. Садриддин Айни. Библиографический указатель (литература на тадж. яз.). — Сталинабад, 1956, 49 стр.; Р. О. Тальман. Садриддин Айни (1878—1954). Библиографический указатель. — Сталинабад, 1956, 49 стр.; Д. Азизкулов и З. Мулладжанова. Библиография произведений С. Айни и литература о нем до конца 1961 года. — Душанбе, 1963, 326 стр. (АН ТаджССР. Институт языка и литературы им. Рудаки).

Литература об Айни (выборочно, главным образом новейшая; подробнее в поименованных выше указателях литературы): З. Раджабов. Садриддин Айни — историк таджикского народа (Краткий исторический очерк).— Сталинабад, Таджикгосиздат, 1951, 86 стр.; Ибрагим Муминов. Из истории развития общественно-философской мысли в Узбекистане конца XIX и начала XX вв. — Ташкент, Госиздат УзССР, 1957, стр. 186—187; И. С. Брагинский. Жизнь и творчество Садриддина Айни. — М., 1958; Он же. Айни. — БСЭ, т. I, 3-е изд., М., 1969, стр. 306—307; Ю. Акобиров и Ш. Харисов. Садриддин Айни. — М., «Молодая гвардия», 1968, 143 стр. («Жизнь замечательных людей», вып. 454); Н. Б. Хотамов. Отражение Бухарской Народной советской революции в трудах Садриддина Айни.— Душанбе, Таджикский гос. университет, 1973, 38 стр., ротапринт. изд.

ВЕРА ВЯЧЕСЛАВОВНА АЛЕКСАНДРОВА-ЗАОРСКАЯ

В СРЕДЕ историков и экономистов Узбекистана и всей Средней Азии широкой известностью и заслуженным признанием пользуется книга: В. В. Заорская и К. А. Александер «Промышленные заведения Туркестанского края. Разработка данных анкеты, произведенной летом 1914 г. Экономической организацией изысканий по устройству водохранилищ в верховьях реки Сыр-Дарьи». — Петроград, 1915.

Несмотря на то, что легшие в основу книги статистические материалы не охватывали некоторых районов б. Туркестанского края, этот труд был и остается наиболее надежным и во многом единственным источником по вопросу поотраслевой численности промышленных предприятий Туркестана, степени и характера их оборудования, объема выпускавшейся ими продукции и т. п. и главное — численности, социального, полового и иного состава местного промышленного пролетариата. Книга Заорской и Александер уже несколько десятков лет является незаменимым и непременным спутником советских исследователей социально-экономической жизни Средней Азии накануне первой мировой войны и революционных событий 1917 г.

В. В. Заорская* родилась 18 августа 1882 в Москве в семье врача. По окончании женской гимназии в Муроме училась на Курсах воспи-

---

* Впоследствии — Александрова-Заорская, в связи с выходом замуж за И. Г. Александрова — выдающегося деятеля отечественной гидроэнергетики, гидротехники и транспорта (1875—1936).

Клавдия Александровна Александер (Руднева) родилась 26 октября 1880. Окончив женскую гимназию в Тбилиси, училась на курсах проф. П. Ф. Лесгафта, затем на

тательниц и руководительниц физического образования проф. П. Ф. Лесгафта, затем на экономическом отделении Политехнического института в Петербурге, где ее ближайшими учителями были известные ученые М. М. Ковалевский, А. С. Постников, А. А. Чупров и др.

Завершив образование в 1912, Заорская поступила на работу в Отдел земельных улучшений по изысканиям в деле предполагавшегося устройства водохранилищ в верховьях р. Сырдарья и в связи с этим выехала в Среднюю Азию. Результатом ее работы явился выход в свет книги «Промышленные заведения Туркестанского края».

Так началась длительная и плодотворная научная работа Александровой-Заорской, в которой высокий удельный вес продолжала занимать среднеазиатская, в том числе узбекистанская, тематика.

В 1918 Александрова-Заорская работала совместно с акад. С. Г. Струмилиным в Наркомате труда, где заведывала общеэкономическим отделением. В 1919 она — активный участник работы московского Комитета по организации в Ташкенте первого высшего учебного заведения — Среднеазиатского государственного университета.

В 1920 Александрова-Заорская в качестве экономиста участвует в составлении Государственного плана электрификации России (ГОЭЛРО) по Туркестанскому району. В 1921—1930 она — член-сотрудник Госплана СССР по подкомиссии районирования и Среднеазиатской секции, с октября 1930— старший специалист Института промышленно-экономических исследований ВСНХ и по совместительству на такой же должности в Институте энергетики и электрификации (Москва). С августа 1935 Александрова-Заорская была переведена на работу в группу экономических исследований Совета по изучению производительных сил (СОПС) АН СССР. В декабре того же года ей по совокупности научных трудов была присвоена ученая степень доктора экономических наук без защиты диссертации, а в 1939 — звание профессора.

Александрова-Заорская вела педагогическую работу (курсы промышленной статистики, экономической географии вообще и Средней Азии и Казахстана в частности) в университете им. Я. М. Свердлова, в МГУ и в Плановой академии (1932—1940). В августе 1941, в связи

юридическом факультете Петербургского университета, написав по его окончании (1913) работу «Водное право Туркестана». Тогда же уехала в Среднюю Азию, где и участвовала в работе Экономической организации изысканий Отдела земельных улучшений в качестве помощницы В. В. Заорской, заведывавшей Отделом экономических изысканий. По окончании работы в этой организации Александер (впоследствии жена инженера В. А. Руднева, известного своим участием в организации ирригационных работ в Туркестане) сотрудничала в различных учреждениях, но к научной статистико-экономической деятельности более не возвращалась. Скончалась в годы Великой Отечественной войны.

с событиями Великой Отечественной войны, Заорская была эвакуирована в Казань, но в августе 1943 вернулась в Москву и продолжила работу в системе АН СССР.

Действуя по заданию В. И. Ленина об экономическом обосновании перспектив электрификации Туркестанского края, она написала раздел «Электрификация Туркестанского района», напечатанный в текстовой части плана ГОЭЛРО (первое издание 1920). Для второго тома трудов ГОЭЛРО редактировала очерки по Туркестанскому и Южному районам.

Перу Александровой-Заорской принадлежит (помимо «Промышленных заведений Туркестанского края», где ею написаны предисловие, общий очерк промышленности края и обзоры областей: общая часть, Фергана, Семиречье) ряд печатных работ. Среди них работы по экономике юго-восточной Ферганы и Ферганы в целом, по проблемам районирования Средней Азии и индустриализации ее республик и т. д.

Заорская принимала активное участие в разработке перспективных планов развития народного хозяйства УзССР и других среднеазиатских республик. За плодотворную деятельность она награждена орденом «Знак почета», медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», почетной грамотой АН СССР и др.

В 1950 Александрова-Заорская вышла на пенсию, продолжая вести активную научно-популярную и общественную работу, выступая в учреждениях и школах с воспоминаниями о В. И. Ленине, об истории создания плана ГОЭЛРО.

Перечень публикаций В. В. Александровой-Заорской (выборочно): В. В. Заорская и К. А. Александер. Промышленные заведения Туркестанского края. Разработка данных анкеты, произведенной летом 1914 г. Экономической организацией изысканий по устройству водохранилищ в верховьях реки Сыр-Дарьи.—Пгр., 1915, 182+557 стр. (Материалы изысканий по устройству водохранилищ в верховьях реки Сыр-Дарьи, вып. 1); Тезисы доклада по промышленности Туркестана. — «Хлопковое дело», М., 1922, № 1—2, стр. 42—46; Рец.: Материалы по районированию Туркестана. — «Хлопковое дело», М., 1922, №7—8, стр. 133—137; Рец.: Отчет о деятельности Туркестанского экономического Совета за февраль—октябрь 1921 года. — «Хлопковое дело», М., 1922, № 9—10, стр. 123—127; Рец.: Отчет I Экономического совещания Туркреспублики. — «Хлопковое дело», М., 1922, № 11—12, стр. 138—141; Экономические очерки Ферганской области. Ч. I. Общая характеристика Ферганы. Ч. II. Характеристика хозяйства Юго-Восточной Ферганы. — В кн.: И. Г. Александров. Проект орошения Юго-Восточной Ферганы (Общая схема). — М., 1923, стр. 99—160; Рец.: Очерки по экономике Средней Азии. Средне-азиатский экономический район. — «Хлопковое дело», М., 1923, № 1—2, стр. 147—149; В. В. За-

орская-Александрова и И. Г. Александров. Перспективы развития орошения в Фергане.— М., 1924, 63 стр. К вопросу о районировании Туркестана. — «Плановое хозяйство», М., 1924, № 9, стр. 95—99; Рец.: Перспективы хозяйства Туркреспублики. 1924—1929 гг. — «Хлопковое дело», М., 1925, № 1—2, стр. 173—175; Рец.: Земли коренного оседлого населения Ферганской области по данным поземельно-трудовых комиссий 1916 года. — «Хлопковое дело», М., 1926, № 1—2, стр. 227—229; Общие черты промышленности национальных автономий в связи с проблемой их индустриализации. — «Плановое хозяйство», М., 1926, № 8, стр. 218—227 (в соавторстве с Р. Редрисовым); С. К. Кондрашев, Г. Н. Черданцев, и В. В. Заорская. Предпосылки построения генерального плана народного хозяйства Средней Азии. — В кн.: Общие предпосылки к генеральному плану реконструкции народного хозяйства на электрификационной базе на ближайшие 10—15 лет. — М., Изд-во Госплана СССР, 1926; Перспективы промышленного и промыслового [освоения] Средней Азии.— М., 1929, 17 стр. (отд. оттиск); Перспективы развития Нижне-Илийского района Казахстана. — Алма-Ата, 1930, 32 стр ; План электрификации РСФСР. Доклад VIII съезду Советов Государственной Комиссии по электрификации России. — М., Госполитиздат, 1955, 660 стр. (участие в написании раздела «Электрификация Туркестанского района», стр. 619—652); Незабываемый 1920. — В кн.: Сделаем Россию электрической. Сборник воспоминаний участников комиссии ГОЭЛРО и строителей первых электростанций, М., Госэнергоиздат, 1961, стр. 126—131; Труды Государственной Комиссии по электрификации России – ГОЭЛРО. Материалы по электрификации отдельных районов. — М., Изд-во «Наука», 1961 (В. В. Александровой-Заорской написаны вводные статьи к материалам по Туркестанскому и Южному районам); В. В. Александрова-Заорская, О. Б. Джамалов и А. И. Преображенский. Жизнь и деятельность Глеба Никаноровича Черданцева — В кн.: Проблемы развития экономики Узбекистана, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1963, стр. 6—19; Электрификация железнодорожного транспорта в плане ГОЭЛРО. — В кн.: Энергетика народного хозяйства в плане ГОЭЛРО, М., Изд-во «Экономика», 1966. стр. 77—93; От ГОЭЛРО до наших дней. — Географический календарь «Земля и люди», М., 1967, стр. 39—42.

ГРИГОРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ АНДРЕЕВ (ДЖУРАБАЕВ)

ЭТНОГРАФ-ОЧЕРКИСТ, педагог и писатель Г. В. Андреев родился 22 сентября 1889 в сел. Джулак Кзыл-Ордынского уезда в семье солдата-кантониста. Окончил Туркестанскую учительскую семинарию в Ташкенте, в стенах которой и в последующей практической работе овладел узбекским, таджикским, персидским и арабским языками.

По окончании семинарии учительствовал в школах края и как педагог зарекомендовал себя прогрессивностью взглядов. Одним из его учеников по русско-туземной школе в Скобелеве являлся Т. Н. Кары-Ниязов, в последующем видный узбекский ученый. По его свидетельству, Андреев был «обаятельный и сердечный человек», отзывчивый, чутко относившийся к своим воспитанникам, детям местной бедноты, вольнодумец. Он «прекрасно владел узбекским языком..., был отличным методистом, хорошо знал специфику преподавания русского языка узбекам» и «как один из активных деятелей в области народного образования систематически выступал на страницах местной русской печати».

Педагогическую деятельность Андреев совмещал с изучением быта узбекского и других народов Средней Азии, публикуя на страницах периодической печати статьи этнографического характера. Очерки эти проникнуты сочувствием к бедственному положению народных масс, к тяжелой участи женщин из среды коренного населения. В публикациях Андреева содержится немало данных о некоторых традиционных обычаях, обрядах и хозяйственных занятиях населения, системе народного образования и налогового управления краем. Ряд статей написан в плане путевых очерков с ценными сведениями историко-географиче-

ского, экономического и этнографического характера. Интересовался Андреев также устным и письменным творчеством узбекского и других среднеазиатских народов, явлениями их общественной жизни, в частности зарождением современного театрального искусства в среде коренного населения. Публикации Андреева заняли приметное место в дореволюционной литературе по Средней Азии. В рассказе «Жизнь без красок» он утверждал тему равенства простых людей разных национальностей, право женщин на свободный выбор жизненного пути.

В предоктябрьские годы Андреев преподавал узбекский язык в Ташкентской торговой школе, был одним из тех, кто горячо ратовал за открытие в Ташкенте высшего учебного заведения. Вскоре после установления Советской власти в Узбекистане он вступил в ряды Красной Армии, участвовал в сражениях с войсками адмирала Колчака, во взятии Красной Армией г. Бухары — центра Бухарского эмирата, под именем Искандера Джурабая вел разведывательную работу в тылу басмачества, являлся переводчиком Ревкома. Был награжден орденом Красной Звезды I степени Бухарской Народной Советской Республики и орденом Трудового Красного Знамени Таджикской ССР.

С 1926 возобновил преподавательскую работу.

В 1930, будучи уже немолодым человеком, Андреев окончил восточный факультет Среднеазиатского государственного университета, после чего вплоть до своей смерти преподавал узбекский язык в университете и других учебных заведениях.

В этот же период Андреев выступает (под псевдонимом Джурабаева — Усто Джурабая) в качестве писателя, автора историко-художественных произведений на темы борьбы за победу Советской власти и гражданской войны в Средней Азии. В свое время пользовался известностью исторический роман Андреева «Хуррамбек» о басмаческом движении и его крахе. Первоначально то была повесть, переросшая далее в роман, над которым автор работал и после его издания.

Следует отметить познавательное историко-этнографическое значение беллетристических произведений Андреева, характерных «глубоким знанием жизни и классовой борьбы» (Т. Н. Кары-Ниязов). По словам самого автора, в романе «Хуррамбек» он «хотел показать всю социальную природу басмачества, все сложные исторические, этнографические, родовые и прочие переплетающиеся концепции» (роман переиздан в 1960).

Действительно, в публикациях на исторические темы Андреев стремился к строго документальной основе, фактической достоверности. Таковы его очерки и рассказы «Гилян» (о набеге басмачей на беззащитный кишлак и героическом сопротивлении его жителей), «Юсуп, сын Боруха», «Вдова Арча-Гуль», «За власть Советов» и др.

Андреев записывал и произведения устного народного творчества времени гражданской войны в Средней Азии.

Скончался он 28 мая 1939 в Ташкенте.

Указатель публикаций Г. В. Андреева (выборочно): Гап (из общественной жизни). —ТВ, 1909, № 91, 92, 94; Дузд и Козы.— «Туркестанский курьер», 1909, № 121, 122, 124; Веселье сартянок. Легенда о Юсупе и Зулайхо.— «Средняя Азия», Ташкент, 1910, I, стр. 18—21; Цветы поэзии. Из сборника стихов «Хувайдо».— Там же, стр. 17; Закулисные стороны быта. —Там же, V, стр. 114—122; Снохач (Рассказ из жизни).— Там же, VI, стр. 33—45; Ферганский торговый кризис в сартовской поэзии.— «Туркестанский курьер», 1913, № 139; Жизнь без красок.— В кн.: «Степные миражи», Ташкент, 1914; Сартовский театр. Первое представление драмы «Отцеубийство».— «Ферганские областные ведомости», Скобелев, 1914, № 65; Народные (узбекские) частушки.— Там же, № 123; Галлерея местных типов. Дададжан-сюдхур. Ахмат-таиб. Турсун-джигит.— ТВ, 1915, № 207, 217, 234, 243; Новометодные мактабы в Туркестане.— ТВ, 1915, № 212; Цветы современной (узбекской) поэзии.— ТВ, 1915, № 211, 247; Туземное кустарное производство в Туркестане. Кожевенное — «кунчилик».— ТВ, 1915, № 219; Картинки из жизни. Праздник Курбан. Как проводит молодежь праздник Курбан.— ТВ, 1915, № 220, 228; Сартовская печать. Вражда новой и старой партии.— ТВ, 1915, № 213, 221, 258; Лицевое покрывало «хиджан».— ТВ, 1915, № 250; Зикр.— ТВ, 1915, № 256; Алай. Киргизский той..— ТВ, 1915, № 260; Картинки из жизни. Прием адвоката Абдуллы-Закунчи.— ТВ, 1915, № 271 (также: 1916, № 54); В Каратегине. Мирахуры.— ТВ, 1915, № 279; Фатима Джурабаева. Рассказ из туркестанской жизни.— ТВ, 1915, № 289; Апанди. (Острослов Насрыддин Афанди).— ТВ, 1916, № 5; Тарихи-Туркестан («История Туркестана», Алим-Ходжи).— ТВ, 1916, № 11, 17, 27; Новый Адабият (Песенник).— ТВ, 1916, № 40; Сартовская печать. Модницы и дороговизна.— ТВ, 1916, № 67; В Хиссаре.— ТВ. 1916, № 68, 72, 81, 88, 89; «Кассосиль-Анбия» (Мусульманские «Четьи-Минеи»).— ТВ, 1916, № 86, 91, 92, 97; В Сарасинском бекстве.— ТВ, 1916, № 95, 113; Из рассказов старика Назыр-хана. Джин и албаста. Албасты и пари.— ТВ, 1916, № 102, 104, 105; Сартовский театр. «Бахти-киз-кияу». Драма в четырех действиях из жизни туркестанских мусульман Абдула Кодыри.— ТВ, 1915, № 210, 1916, № 109; Из рассказов старика Назырхана. Любовь Алибека.— ТВ, 1916, № 190, 191; В защиту угнетенной туркестанской женщины.— ТВ, 1916, № 194; В Дехнавском бекстве. Бухарские очерки.— ТВ, 1916, № 196, 200, 204; Против кукнара.— ТВ, 1916, № 202; Мактаб на сартовской сцене.— ТВ, 1916, № 207; Чилляр (Брачный обычай).— ТВ, 1916, № 225; К открытию университета в Туркестане.— ТВ, 1916, № 244, 248; Сетование несчастного бедня-

ка.— ТВ, 1917, № 2; За запретной стеной (Рассказ из жизни ичкари).— ТВ, 1917, № 15, 18, 21, 24, 29, 34, 39, 47; Хуррамбек.— Ташкент, УзГИЗ, 1931; Краснопалочница Ходича.— Москва—Ташкент, САОГИЗ, 1934; Семья пастуха Урунбая.— «Советская литература народов Средней Азии», 1934, № 2 (4); Гилян.— «Литература и искусство Узбекистана», Ташкент, 1938, № 1; Юсуп, сын Боруха.— «Литературный Узбекистан», Ташкент, 1935, № 2; Вдова Арча-Гуль.— «Литературный Узбекистан», Ташкент, 1936, № 1; За власть Советов.— «Литература и искусство Узбекистана», Ташкент, 1937, № 6 и др.

Литература о Г. В. Андрееве (Джурабаеве); Д. Вифлеемский. О повести «Хуррамбек».— «Литература Средней Азии», Ташкент, 1933, № 4; Т. Н. Кары-Ниязов. Очерк истории культуры Советского Узбекистана.— М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 140; Он же. Велик и могуч русский язык.— «Правда Востока», 26 октября 1963 г., № 251; Он же. Размышления о пройденном пути.— В кн.: Т. Н. Кары-Ниязов. Избранные труды, т. VII, Ташкент, 1967, стр. 70—79, 103—105; С. И. Зайцев. Непреходящий образ.— «Узбек тили ва адабиёти» («Узбекский язык и литература»), Ташкент, 1964, № 2, стр. 75—77 (на узб. яз.); Он же. Писатель Джурабай.— «Фан ва турмуш» («Наука и жизнь»), Ташкент, 1970, № 9, стр. 16—17; Очерки истории русской литературы Узбекистана.— Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1967, стр. 19, 21, 210—213; В. Абдуллаев. За власть Советов в Туркестане (Тема борьбы с басмачеством в творчестве Плетнева, Чепрунова, Джурабаева, Шевердина).— Ташкент, Изд-во художественной литературы им. Гафура Гуляма, 1967.

МИХАИЛ СТЕПАНОВИЧ АНДРЕЕВ

ВЫДАЮЩИЙСЯ знаток и исследователь жизни и быта узбекского, таджикского и других народов Средней Азии, этнограф и языковед М. С. Андреев родился в Ташкенте 11 (24) сентября 1873. Начальное образование он получил в Ташкентской гимназии, где проучился 6 лет. Интересуясь изучением восточных языков, в 1889 перешел из гимназии в Туркестанскую учительскую семинарию, где преподавались персидский и узбекский языки. В первый год пребывания Андреева в Учительской семинарии там преподавал известный востоковед и талантливый педагог В. П. Наливкин *(см.)*, который после своего ухода из семинарии предложил Андрееву продолжать заниматься с ним, что помимо усвоения языка значительно расширило кругозор будущего исследователя.

В годы пребывания в семинарии, часто бывая в так называемом «старом городе» Ташкенте, т. е. в узбекской его части, Андреев завязал знакомство с учащейся в мадраса молодежью, а через нее и с представителями старшего поколения узбекской интеллигенции, в том числе с семейством казия Шариф-Ходжи, с мударрисом ташкентского мадраса Ишан-Кули-додхо—Убайдулла-Максумом, получившим образование в Бухаре. С мударрисом Андреев начал заниматься. «И мударрис, и его окружающие,— вспоминал он,— были несколько заинтересованы, что какой-то русский, юнец пришел к ним и выразил желание учиться. Мударрис не настаивал, чтобы я читал все положенные по курсу книги в их последовательности, но охотно читал со мной персидскую литературу, отрывки из арабских текстов и даже турецкие произведения. Учение в медресе было очень интересно. Оно дало мне возможность знакомить-

ся не только с языками (в бухаро-ташкентском произношении моих учителей), но открывало мне реальную жизнь, строй мышления, верования, обычаи, а в области языка дало мне возможность быстро и свободно говорить и приучало меня к хорошему ташкентскому произношению. В общем это как-то хорошо открыло мое сердце, приучило уважать и хорошо относиться к людям, видеть в них доброе и хорошее и там, где язык и уклад жизни не походили на те, в окружении которых я вырос в детстве».

Вскоре начались поездки Андреева по Средней Азии. В Чимкенте он присоединился к кочующему киргизскому аулу. «И какие хорошие люди были там!— писал он впоследствии.— Как сердечно относились они, когда встречались потом,— иногда бывали такие случаи. Чувствовалось, что нас в обычной жизни... отделяет друг от друга только стена взаимного незнания языка и предрассудки обеих сторон».

Круг поездок с каждым годом расширялся. Так, Андреев побывал в верховьях Ангрена, ездил несколько раз в Ходжент и в Ферганскую долину, побывал в Кызылкумах, в Фальгаре и Матче вплоть до Зарафшанского ледника, перевалив на обратном пути через малопосещаемый перевал Янги-Сабак, позднее проехал, а отчасти прошел через горы из Шахрисабза в Гиссарскую долину, откуда проехал в верховья р. Хингоу, а затем в Ягноб и вернулся в Ташкент через Ура-Тюбе.

В 1895 Андреев совершил верхом путешествие в Бухару, о котором он пишет в автобиографии, что имел возможность наблюдать жизнь бухарского ханства, «как она протекала в провинциях, видел многое из теперь уже ушедшего и знакомился с местными наречиями. Вернулся я по горным тропинкам на Шахрисабз и (через перевал Аман-Кутан) на Самарканд, проехав затем на той же лошади до Ташкента».

По окончании в 1893 семинарии Андреев два года работал в Ходженте «заведующим вечерними курсами для местного национального населения», совершая много поездок в различные места с целью сбора археологического и этнографического материала. В частности он впервые посетил пещеру Кон-и Гут в долине Исфары, которую позднее, в 1896, обследовал совместно с Н. Г. Маллицким *(см.)* по поручению Туркестанского кружка любителей археологии.

В 1893 Андреев напечатал свою первую археологическую статью «Местности в долине Ангрена, интересные в археологическом отношении», а в 1895 — первую этнографическую статью «Остатки языческих обычаев среди туземцев». В 1894 он получил приглашение работать практикантом по восточным языкам в Туркестанской учительской семинарии и в ташкентском реальном училище; выполняя задание училища, он составил учебное пособие по узбекскому языку.

С организацией в Ташкенте Туркестанского кружка любителей археологии (1895) Андреев принимает активное участие в его работе.

В 1896 в Ташкент приехал чиновник особых поручений Министерства внутренних дел А. А. Половцев, командированный из Петербурга для изучения переселенческого дела в Средней Азии и Закавказье. По рекомендации В. П. Наливкина на должность секретаря Половцева был приглашен Андреев. Новая работа началась с длительных разъездов по Закаспийской области и Закавказью.

Переехав потом в Петербург, где жил А. А. Половцев, Андреев познакомился с С. Ф. Ольденбургом, а также с В. В. Радловым *(см.)* и К. Г. Залеманом *(см.)*, которые предложили ему углубить свои лингвистические познания теоретическими занятиями. Андреев поражал Залемана отличным знанием среднеазиатских языков и быта, тонкостью лингвистического слуха.

В 1898 он был приглашен в качестве переводчика в снаряжавшуюся в Восточный Туркестан для изучения пещерных буддийских памятников экспедицию Д. А. Клеменца. Это путешествие через Сибирь и Монголию также обогатило Андреева ценными наблюдениями. В Восточном Туркестане он записывал фольклорные произведения на узбекском языке.

Зиму 1898/99 Андреев провел вместе с А. А. Половцевым в Париже, где помимо выполнения служебных обязанностей занимался в Восточном отделении Национальной библиотеки.

В последующие годы Андреев жил то в Петербурге, то в Ташкенте, продолжая собирать лингвистические и этнографические материалы, главным образом о горных таджиках, многие из которых приходили на заработки в Ташкент.

В 1902 Андреев побывал на Памире и в Припамирье. Он проехал верхом через Ош на Памир, в Вахан и Ишкашим и тем же путем вернулся обратно. Собранный им материал, дополненный беседами со встреченными в Ташкенте припамирцами, был оформлен в работе «Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан», опубликованной в соавторстве с А. А. Половцевым в 1911. Во время этой поездки и последующей работы в Ташкенте с приехавшим туда вместе с ним язгулемцем Андреев собрал некоторые материалы по язгулемскому языку, тогда почти неизвестному.

В эти годы состоялось знакомство Андреева с прикладным искусством народов Средней Азии. Половцев коллекционировал ковры, вышивки, миниатюры, керамику. Решив отделать несколько комнат своего ташкентского дома в национальном стиле, он пригласил лучших народных мастеров-декораторов. Переговоры с мастерами вел Андреев, знакомясь одновременно с их методами сохранения и передачи орнамента, с рабочими архивами — чертежами, рисунками и припорохами (были собраны коллекции их).

В связи с назначением Половцева генеральным консулом в Бомбей в 1905 Андреев выехал в Индию, где по поручению Академии наук

собирал этнографический материал и коллекции. Вернувшись из Индии в 1914, он передал в Музей антропологии и этнографии Академии наук коллекцию из 1000 экспонатов. В Индии Андреев изучал языки хинди и пушту.

Получив в 1907 отпуск для поездки на родину, он решил вернуться в Среднюю Азию сухопутным путем, перевалив из Кашмира через Гималаи (пер. Кара-Корум) в Западный Тибет, проехав далее в Восточный Туркестан (Яркенд), а затем через Таш-Курган, озеро Зоркуль, Вахан, Шугнан и Восточный Памир в Ферганскую долину. В 1911 Андреев был избран членом-корреспондентом Географического общества в Бенгалии.

По возвращении в Россию он был назначен инспектором народных училищ в Ходжентском и Джизакском уездах Самаркандской области. В его ведении находилось 9 русских и 2 русско-туземных школы, а также 90 мадраса и 700 мактабов. В результате энергичной деятельности Андреева, в 1914—1918 количество школ в подведомственных ему районах возросло до 52, а количество учащихся — в 10 раз. Много было сделано и для поднятия качества обучения, подбора учительских кадров.

Наряду с инспекторской деятельностью Андреев занимался по поручению Русского Географического Общества составлением этнографической карты Туркестана, для чего выезжал в Нуратинские горы и прилегающую часть Кызылкумов (б. Джизакский уезд). В 1916, во время поездки в Матчу, он обнаружил в сел. Обурдон деревянную резную колонну — первую из серии открытых им великолепных памятников резного дерева Зарафшанской долины, имеющих почти тысячелетнюю давность.

Революция застала Андреева в Ходженте. Он без колебаний признал Советскую власть и был назначен комиссаром народного образования Ходжентского уезда, избран председателем Союза учителей Ходжента и Голодной степи.

Осенью 1918 Андреев был приглашен в Ташкент и включен в состав инициативной группы по организации Туркестанского восточного института. В 1918—1920 он возглавил институт, позднее реорганизованный в восточный факультет Среднеазиатского государственного университета. Сам Андреев преподавал языки народов Средней Азии, читал курс этнографии Средней Азии и историко-географические обзоры Афганистана и Индии.

Каждое лето он организовывал экспедиции по сбору лингвистических, фольклорных и этнографических материалов. Собранные им богатые этнографические коллекции поступали преимущественно в Главный среднеазиатский музей (нынешний Музей истории АН УзССР), в котором Андреев работал некоторое время заведующим отделом этнографии.

В 1921 он был назначен членом Научной комиссии по обследованию быта коренного населения Туркестана при Совнаркоме Туркестанской

республики и ему было поручено руководить экспедицией, снаряженной с целью обследования и сбора материалов для составления этнографической карты. В 1921 экспедиция работала в Самаркандском, Каттакурганском и Джизакском уездах, в 1922 — в Ходжентском уезде. В 1923 Андреев совершил небольшую поездку в верховья Чирчика. В 1924 он возглавил экспедицию от Туркомстариса в Матчу, Каратегин, Гиссар и Ягноб с этнолого-филологическими целями. В 1925 организовал четырехмесячную экспедицию по маршруту: Ташкент — Ура-Тюбе — долина Зарафшана — Ягноб — Азнобский перевал — Дюшамбе — Каратегин — Дарваз — Припамирье — Памир — Ош. В результате были открыты новые памятники резного дерева в долине Зарафшана, собраны обширные этнографические материалы, а также богатые, свыше 1000 предметов, этнографические коллекции.

В 1926 Андреев совершил поездку в Афганистан в качестве старшего драгомана (переводчика) при особой советской миссии и сумел использовать свое пребывание в Кабуле для сбора сведений по языку и быту одной из небольших долин, населенных таджиками,— долины Панджишра, а на обратном пути из Кабула в Ташкент — и для посещения ее.

В 1927 он возглавил специальную экспедицию в Ягноб, собравшую богатый материал по ягнобскому языку, а в 1929 осуществил экспедицию в долину Хуф.

В январе 1929 Андреев по представлению академиков С. Ф. Ольденбурга, В. В. Бартольда, Ф. И. Щербатского и И. Ю. Крачковского был избран в члены-корреспонденты АН СССР. В своем отзыве представившие его академики писали: «М. С. Андреев родился на Востоке, всю жизнь прожил на Востоке... и справедливо считается одним из тончайших, глубоких знатоков быта и вообще жизни нового Востока в Средней Азии и Индии. Если к этому прибавить его превосходное знание целого ряда языков и многочисленных наречий, главным образом иранского корня, то ясно, что в лице М. С. Андреева мы обладаем востоковедом, какие встречаются не часто. Та точность, которую Андреев, как хороший лингвист, проявляет во всех своих работах по языку, соблюдается им во всех его этнографических работах, из которых большинство образцовые».

В конце 1934 Андреев был приглашен на должность консультанта по среднеазиатскому искусству в Музее искусств УзССР (Ташкент), в котором проработал до 1940, создав среднеазиатский отдел музея. В 1936 он возглавил многомесячную экспедицию по сбору экспонатов, направленную музеем в Бухару и Хиву. Помимо большого количества вышивок, чеканных изделий, рисунков и припорохов местных мастеров-строителей, экспедиция вывезла в Ташкент целый вагон резных и расписных ганчевых панно, отражающих историю этого вида архитектур-

ной декорации в Бухаре за период более 150 лет. В Хиве были собраны многочисленные резные двери, колонны, деревянные решетки и т. п. Наряду с этим участники экспедиции выполнили около тысячи фотографий как монументальных и бытовых памятников архитектуры, так и разнообразных образцов прикладного искусства узбеков и таджиков.

В 1937 была осуществлена вторая длительная экспедиция Музея искусств — в старинный центр среднеазиатской вышивки — таджикское селение Нур-Ата и в центр кустарной и, в частности, художественной промышленности Ферганской долины — г. Маргилан.

Стремясь собрать сведения о бухарском арке и его внутренней жизни, Андреев в 1940 организовал экспедицию в Бухару от Среднеазиатского университета. Здесь ему удалось получить обильные и разнообразные материалы по старой Бухаре, оставшиеся неопубликованными.

В 1943 Андреев по предложению правительства и ЦК КП Таджикистана организовал экспедицию в Припамирье для пополнения собранных ранее этнографических и языковых материалов по долине Хуф и другим припянджским долинам.

3 ноября 1943 он был избран действительным членом вновь созданной Академии наук УзССР и с 1944 по 1947 возглавлял отдел этнографии Института истории и археологии АН УзССР.

В 1947 Андреев переехал в Сталинабад, где провел большую подготовительную работу по организации музея археологии и этнографии. По его инициативе в аспирантуру по этнографии была привлечена молодежь, которой он и руководил.

Почти с самого начала своей деятельности Андреев наряду с исследовательской вел и педагогическую работу. За крупный вклад в науку ему было присвоено звание заслуженного деятеля наук Таджикской ССР (1944) и заслуженного деятеля наук Узбекской ССР (1945).

Будучи ученым с широким кругом интересов, Андреев оставил неизгладимый след в науке.

Одним из первых по времени направлений его работ была археология. В начале своей краеведческой деятельности он занимался также историей — опубликовал статью по истории Ходжента и некоторые фольклорные материалы, содержавшие исторические сведения. Заслугой Андреева перед исторической наукой следует считать находку рукописи «Прибавления к словарю Сурах» Джамаля Карши, переданную им в Азиатский музей.

Привлекала внимание исследователя и среднеазиатская эпиграфика. Однако определяющее место в его научных работах занимали лингвистика и этнография, в первую очередь этнография, история культуры среднеазиатских народов. Статью «Остатки языческих обычаев туземцев» он напечатал еще в 1895. Тематика этой первой этнографической статьи Андреева не случайна. В ней проявился его интерес к духовной

культуре народа, его верованиям, обычаям и обрядам, космогоническим и демонологическим представлениям — интерес, который не ослабел до последних лет жизни и нашел отражение в ряде последующих работ. Можно сказать, что эта область этнографии в значительной мере открыта для науки трудами Андреева. «Но и в других областях этнографии— занятиях населения, материальной культуре, народном календаре, народной метрологии, прикладном искусстве — вклад М. С. чрезвычайно велик. Мимо его работ не может пройти ни один исследователь культуры и быта» (А. К. Писарчик). Справедливо заметить при этом, что иногда вне поля зрения Андреева оставались вопросы социальных отношений в дореволюционном среднеазиатском кишлаке и городе.

Исходя в оценке результатов деятельности Андреева из поставленных им самим перед собой задач, необходимо признать, что он выполнил их «весьма успешно — в его изданных трудах и в архивных материалах сохранился целый своеобразный мир народных знаний, народного искусства, обычаев и представлений, которые благодаря полувековому самоотверженному труду Михаила Степановича вошли в сокровищницу советской исторической науки» (А. К. Писарчик).

Скончался Андреев 10 ноября 1948 в Душанбе.

Указатель публикаций М. С. Андреева: А. К. Писарчик. Список опубликованных научных работ М. С. Андреева.— В кн.: Памяти Михаила Степановича Андреева. Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, т. CXX, Сталинабад, 1960, стр. 20—23. (Она же. Описание научного архива М. С. Андреева.— Там же, стр. 23—29). *Дополнения составителя:* М. Андреев. Руководство для первоначального обучения сартовскому языку в Ташкентском реальном училище. Ташкент, 1896, 25 стр. (литограф.); М. С. Андреев. Материалы по этнографии Ягноба (Записи 1927—1928 гг.). Подготовила к печати А. К. Писарчик.— Душанбе, Изд-во «Дониш», 1970, 192 стр.; М. С. Андреев и О. Д. Чехович. Арк (кремль) Бухары в конце XIX — начале XX в. Отв. редакторы А. К. Писарчик и О. Д. Чехович.— Душанбе, Изд-во «Дониш», 1972, 163 стр., 52 рис., ротапринт.

Литература о М. С. Андрееве: Отзыв К. Г. Залемана о труде М. С. Андреева «Материалы для изучения таджикских наречий».—ИАН, серия V, № 16, СПб., 1902, стр. IX—XII; С. Е. Малов, рец., М. С. Андреев. Вещие сны, несколько примет и детская игра «Сорока-ворона» среди некоторых народов, главным образом Средней Азии.— Известия Гл. Ср.-Аз. музея, вып. II, Ташкент, 1923.— «Восток», кн. пятая, М.—Л., 1925, стр. 256; М. С. Андреев.—«Этнография», М.—Л., 1926, 1—2, стр. 315; А. М. Миронов. Организация, научная и практическая деятельность Средазкомстариса (б. Туркомстариса) за пятилетие его су-

ществования.— Известия Средазкомстариса, вып. I, Ташкент, 1926, стр. 29—30; М. М. Цвибак. К постановке этнографической работы Главного Среднеазиатского музея.— Известия Средазкомстариса, вып. III, Ташкент, 1928, стр. 317; Записки об ученых трудах членов-корреспондентов Академии наук СССР по отделению гуманитарных наук, избранных 31 января 1929 года.— Л., 1929, стр. 1—3 (представление об избрании Андреева, сделанное С. Ф. Ольденбургом, В. В. Бартольдом, Ф. И. Щербатским и И. Ю. Крачковским); В. А. Крачковская. Эпиграфика Средней Азии (Пионеры эпиграфики. Туркестанский кружок любителей археологии).— «Эпиграфика Востока», VII, М.—Л., 1953, стр. 60, 68; Б. А. Литвинский. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой (Краткий очерк).— Труды АН ТаджССР, т. XXVI, Сталинабад, 1954, стр. 7—8; Б. В. Лунин. Из истории русского востоковедения..., стр. 45, 86—87, 95—96; Он же. Из истории первого высшего востоковедного учебного заведения в Средней Азии.— Очерки по истории русского востоковедения, VI, М., 1963, стр. 328—342; Он же. Памяти видного среднеазиатского востоковеда Михаила Степановича Андреева (К 100-летию со дня рождения).—Научные труды ТашГУ им. В. И. Ленина, вып. 456, Ташкент, 1973, стр. 22—33; Он же. Памяти виднейшего среднеазиатского этнографа (К 100-летию со дня рождения академика АН УзССР М. С. Андреева).— В кн.: Всесоюзное археолого-этнографическое совещание по итогам полевых исследований 1972 года. Тезисы докладов и сообщений по этнографии, Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1973, стр. 65—67; Он же. Три памятные даты (к 100-летию со дня рождения академика АН УзССР М. С. Андреева, члена-корреспондента АН УзССР А. А. Семенова, профессора Н. Г. Маллицкого).— ОНУ, Ташкент, 1973, № 5, стр. 20—25; А. К. Писарчик. Михаил Степанович Андреев (1873—1948).—В кн.: Памяти Михаила Степановича Андреева..., Сталинабад, 1960, стр. 3—20; Х. Ф. Акрамова. Из эпистолярного наследия М. С. Андреева.— Сборник аспирантских работ ТаджГУ, вып. 7, Душанбе, 1969, стр. 15—42; Она же. Об этнографическом наследии М. С. Андреева.— Там же, стр. 150—157; Андреев Михаил Степанович.— БСЭ, т. 2, М., 1970, стр. 17; М. Е. Массон. Рудник погибели (из истории первых лет деятельности Туркестанского кружка любителей археологии).— Фрунзе, Изд-во «Кыргызстан», 1971, стр. 10—13; Х. Акрамова и Н. Акрамов. Востоковед Михаил Степанович Андреев. Научно-биографический очерк. Под редакцией и с предисловием Б. А. Литвинского.— Душанбе, Изд-во «Ирфон», 1973, 223 стр. (Рец.: Б. В. Лунин, «Народы Азии и Африки», М., 1973, № 6, стр. 196—198); Р. А. Зарипова. Изучение иностранных языков в Туркестане (1865—1924 гг.). Нукус, Изд-во «Каракалпакия», 1971, стр. 18, 104—105, 122—123 и др.; Г. Ф. Акрамова. Михаил Степанович Андреев (К 100-летию со дня рождения).—СЭ, М., 1973, № 6.

АКРАМ АСКАРОВ

ВО ВТОРОЙ половине XIX в. в составе нарождавшейся национальной интеллигенции Узбекистана обозначилась группа лиц, глубоко интересовавшихся познанием исторического прошлого страны, занимавшаяся фиксацией и коллекционированием предметов древности и т. п. Формирование интересов и направленности практических занятий и представителей этой группы происходило в ряде случаев под влиянием работавших в Средней Азии видных русских историков-востоковедов В. В. Бартольда, Н. И. Веселовского и др.

Ярким примером тому является жизнь и деятельность археолога-любителя и собирателя древностей Акрама Аскарова (Ташкент, дата рождения неизвестна). Купец по профессии, известный, в частности, своей деятельностью в сфере усовершенствования местного шелководства и шелкоткачества, Аскаров вошел в историю науки прежде всего как страстный собиратель редкостей, предметов искусства и археологии (включая нумизматику, находившуюся в центре его внимания). В 1890 некоторые предметы из собрания Аскарова экспонировались («археологическая и нумизматическая коллекция») на Туркестанской выставке предметов сельского хозяйства и промышленности. Впоследствии коллекцию Аскарова не раз осматривали приезжавшие в Туркестан с научными целями русские ученые, а также многочисленные любители старины.

Акрам Аскаров известен и как любитель археологии. Благодаря знанию местного языка и быта, осведомленности о многих памятниках древности и интересных в археологическом отношении местностях он

стал едва ли не правой рукой Веселовского (*см.*), незаменимым спутником ученого-востоковеда, в его научных поездках по Туркестану.

Аскаров не чуждался и полевых археологических работ, будучи, по сути дела, первым узбекским археологом-любителем периода после присоединения Средней Азии к Рассии.

Н. И. Веселовский высоко оценивал деятельность своего сподвижника. По его словам, «ташкентский житель Акрам Аскаров... проникся убеждением, что всякая древность имеет, кроме материальной ценности, еще другую — историческую, утрата которой не вознаградима никакими деньгами, и сделался ревностным оберегателем случайных находок от невежественного обращения с ними. В Ташкентский археологический музей он представил как от себя, так и от других много древних памятников и притом без всякого вознаграждения. Исключительность его натуры сказалась и в этом случае... Акрам Аскаров, живо интересуясь археологией.., не только не нажил от нея барыша, но сам еще нес приплаты.. Для меня лично Аскаров оказал большую услугу во время моих археологических поездок в Сыр-Дарьинской области, в Фергане и Бухарском ханстве. Без его содействия я не узнал бы весьма многого. Все разведки производил он не ради одной только формальности, а с полным усердием к делу, которое занимало его самого». Веселовский отмечал, что Аскаров приобрел такой навык в собирании древних монет, что, «не будучи грамотным (научно.—*Сост.*), довольно точно определял время их чеканки».

Другой туркестановед — Н. С. Лыкошин — считал Аскарова «выдающимся собирателем археологических редкостей в Туркестане», который «разбирался не хуже ученого ориенталиста в мусульманской литературе. Он вел очень простой образ жизни, внешне ничем не отличался от всех остальных соотечественников».

Помимо родного языка Аскаров знал арабскую письменность и в известной мере владел русским языком.

По представлению Н. И. Веселовского в марте 1887 он был награжден Русским Археологическим Обществом малой серебряной медалью за «содействие успехам археологии».

Аскаров скончался от туберкулеза 15 октября 1891 и был похоронен в местности Ракат Бешагачской чсти Ташкента. Завещая все свое имущество наследникам, он просил, чтобы о «собранной им коллекции древностей было доведено до сведения начальства».

После смерти Аскарова осталась огромная коллекция древностей в составе 12 171 медных, 1428 серебряных и 17 золотых монет, ряда терракотовых изделий, образцов древней керамики, металлических изделий и др. Из этой коллекции 5 золотых, 321 серебрянная и 178 медных монет были приобретены Эрмитажем (монеты царей Бактрии, сасанидские, бухар-худатские, саманидские, газневидские, хорезмшах-

ские, илекские, чагатайские, тимуридские, шейбанидские, мангытские, кашгарские, кокандские и др.) Некоторые предметы из коллекции Аскарова поступили при его жизни в различные музеи, большинство же оказалось рассеянным по рукам и для науки было утрачено.

Литература об А. Аскарове: «Туркистон вилоятининг газети», 1886, № 41 (об участии Аскарова в выставке 1886 г.); Н. А. Маев. Туркестанская выставка предметов сельского хозяйства и промышленности в Ташкенте. 1890. Путеводитель.— Ташкент, 1890, стр. 103; Он же. Акрам Аскаров, ТВ, 1891, № 45; Н. Л. (Н. С. Лыкошин). Выставка монет в 1890 г., собранных Акрам Палван Аскаровым.— «Окраина», Самарканд, 1891, № 128; Он же. Об отправке в Археологическую комиссию коллекций древностей умершего А. Аскарова. — Там же. 1892, № 92; Он же. Туземец-археолог.— ТВ, 1912 № 52; Заявление Н. С. Лыкошина (К заметке «Туземец-археолог»).— «Туркестанский курьер», 1912, № 54; П. С. Уварова. Поездка в Ташкент и Самарканд.— «Русская мысль», т. XI и XII, 1891; Она же. Областные музеи. — Труды XII Археологического съезда в Ярославле, II, М., 1891, стр. 323; Д. И. Эварницкий. Коллекция древностей Акрама Аскарова.— ТВ, 1892, № 31; М. Е. Массон. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении.—САГУ, Новая серия, кн. 12, вып. XXXI, Исторические науки, кн. 12 Археология Средней Азии, Ташкент, 1956, стр. 11—12; Г. Н. Чабров. Узбеки-археологи дореволюционного Туркестана. — «Звезда Востока», Ташкент, 1957, № 1, стр. 144 — 146; Он же. Выставочная работа в Туркестанском крае (1869 — 1916 гг.). — Труды Музея истории АН УзССР, вып. III, Ташкент, 1958, стр. 123—125; Б. В. Лунин. Узбекский археолог-любитель и собиратель древностей Акрам-Палван Аскаров.— ИАН УзССР, Серия общественных наук, Ташкент, 1960, стр. 66—67; Он же. О нумизматической коллекции узбекского собирателя древностей Акрама Аскарова (По архивным данным).—ИМКУ, вып. V, Ташкент, 1964, стр. 233—246); А. Сагдиев. Роль русского востоковедения в развитии исторической науки в Средней Азии XIX в.—Ученые записки Ташкентского гос. пед. ин-та им. Низами, вып. XXIII, ч. III, Ташкент, 1960, стр. 147—149 (на узб. яз.); Он же. Историческая наука в Туркестане в XIX в.— Ташкент, Госиздат УзССР, 1960, 106 стр. (на узб. яз.).

ВАСИЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ БАРТОЛЬД

В. В. БАРТОЛЬД родился 3 (15) ноября 1869 в Петербурге, в буржуазной семье. Окончив с золотой медалью гимназию, осенью 1887 поступил в Петербургский университет на факультет восточных языков по арабско-турецко-татарскому разряду, где ему довелось слушать лекции видных русских востоковедов — Н. И. Веселовского, В. А. Жуковского, К. П. Патканова, В. Д. Смирнова, В. Р. Розена и др. В университете интересы Бартольда сосредоточились на средневековой истории народов стран Ближнего и Среднего Востока. Ближайшим учителем его был академик В. Р. Розен (*см*). В 1889 Бартольд был награжден восточным факультетом Петербургского университета серебряной медалью за сочинение «О христианстве в Средней Азии», написанное в связи с находками сирийско-несторианских надписей на территории Семиречья. В 1891 Бартольд окончил университет с дипломом первой степени и по совету Розена совершил в том же году заграничную поездку для совершенствования своих знаний и для научных занятий. Уже тогда им владела мысль о необходимости заняться глубоким изучением источников по Средней Азии для составления критической истории этой обширной территории.

В 1892 Бартольд был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре истории Востока. В мае 1893 он успешно выдержал испытания на степень магистра истории Востока.

К 1892 относится появление печатных произведений Бартольда, в том числе по исторической интерпретации древнетюркских рунических («орхонских») надписей.

В 1893—1894 состоялась научная поездка Бартольда в Среднюю

Азию, отчет о которой был одной из первых отечественных востоковедных публикаций, ярко продемонстрировавших исключительную важность сочетания археологических материалов средневековья (вещественных источников), с данными средневековых же рукописных известий (письменных источников). Выделялась, в частности, попытка Бартольда локализовать местонахождение ряда городов средневековья. Многие из высказанных им предположений на этот счет нашли подтверждение в последующих изысканиях, особенно советских археологов. Несчастный случай в пути — падение с лошади и перелом ноги (повлекший за собой постоянную хромоту) — заставил Бартольда вернуться в Ташкент и провести здесь зиму 1893—1894. С этого времени начались его многолетние и плодотворные научные и личные связи с местными краеведами. Он стал одним из организаторов и видных сотрудников Туркестанского кружка любителей археологии (1895—1917), наставником других научно-краеведческих учреждений и организаций Средней Азии, покровителем и защитником интересов местных краеведческих музеев и библиотек, активным сотрудником местной периодической прессы и научно-краеведческих изданий, автором сочувственных отзывов о них.

Осенью 1896 последовало утверждение Бартольда хранителем минцкабинета Петербургского университета, и эти обязанности он выполнял до августа 1901. Занятия в минцкабинете углубили его познания в сфере мусульманской генеалогии, палеографии и истории Востока, особенно Средней Азии.

В том же году Бартольд был утвержден в звании приват-доцента (внештатного преподавателя) Петербургского университета и приступил к чтению лекций. Так началась его длительная педагогическая деятельность.

К 1897 относится выход в свет под редакцией Бартольда выполненного по его инициативе перевода Н. С. Лыкошиным на русский язык одного из наиболее важных источников по истории Средней Азии — «Тарих-и Нершахи» средневекового историка Абу Бекра Мухаммеда б. Джафара ан-Нершахи (Наршахи; *см.*).

В 1898 Бартольд опубликовал сводный очерк по истории Семиречья, в котором впервые пытался дать на основе рукописных источников и литературных пособий строго научное обозрение исторических судеб Семиречья от II в. до н. э. вплоть до начала второй половины XVIII в. (события в Джунгарии).

Бартольд питал постоянный интерес к эпосу народов Востока. Помимо ряда статей на эту тему он осуществил мастерский перевод с комментариями огузского героического эпоса «Китиб-и Коркут» (публиковавшийся с 1894), итоги многолетней работы над исследованием которого подвел в статье «Турецкий эпос и Кавказ» (1930).

В конце 90-х годов Бартольд одновременно трудится над диссертацией на соискание ученой степени магистра истории Востока. Блистательно защищенная 19 ноября (2 декабря) 1900, диссертация на тему «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» получила единодушное признание и будучи изданной прочно вошла в золотой фонд востоковедения. Ввиду «выдающихся достоинств этого сочинения» совет факультета рекомендовл совету университета ходатайствовать о возведении В. В. Бартольда в звание «доктора истории Востока», что и было «уважено советом в заседании 18 декабря 1900 года».

Для характеристики прогрессивных настроений, владевших Бартольдом, показательна его речь перед защитой диссертации. В ней он указывал, что при реальном и объективном подходе к изучению истории Востока последняя «утрачивает свой фантастический ореол, но зато получаем характер изображения действительной жизни народов, мы видим, что люди везде одинаковы, что различие между культурой Востока и культурой Запада вполне объясняется тем, что умственная работа восточных народов была направлена обстоятельствами на другие пути; прибегать к априорным предположениям об основных различиях между натурой восточной и натурой западного человека, о неизгладимых расовых особенностях нет никакой надобности. Научное объяснение истории Востока необходимо уже потому, что иначе законы, выработанные только на основании истории Европы, неизбежно будут страдать односторонностью и не будет достигнута конечная цель исторической науки — выяснить законы, которым подчиняется жизнь всего человечества».

Фактическая основа диссертации Бартольда и поныне остается надежным фундаментом дальнейшего, все более глубокого изучения истории Средней Азии в период до монгольского нашествия и при нем. В работе фигурирует множество умело интерпретированных, сопоставленных и обобщенных фактов, ее отличает справочно-энциклопедическое богатство текста по вопросам исторического, историко-географического, историко-топографического, археологического, хронологического, династического и иного характера.

10 августа 1901 Бартольд был назначен экстраординарным, а 21 января 1906 — ординарным профессором Петербургского университета.

К этому времени вполне оформился и главенствующий интерес Бартольда к проблемам истории тюркских и монгольских народов, в первую очередь народов Средней Азии — страны с богатейшим, но мало изученным историческим прошлым. «Преимущественно историком Средней Азии» будет называть себя и сам Бартольд, хотя сфера его интересов была намного обширнее. Так, известны труды ученого по истории ислама, арабского халифата, Закавказья, Ирана и Китая,

исторической географии ряда стран Ближнего и Среднего Востока, по источниковедению и историографии востоковедения и др. Но именно работа над восточными рукописями являлась его подлинной стихией, основным делом всей его жизни.

В 1902 увидело свет еще одно капитальное сочинение Бартольда по Средней Азии — «Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII века». Это первая крупная публикация по историко-географическому циклу его исследований, совокупность которых закрепила за их автором репутацию создателя исторической географии Средней Азии.

Спустя год Бартольд осуществил крупный вклад в ирановедение, напечатав историко-географический обзор Ирана. По полноте охвата и анализу материала такого рода историко-географических обзоров Ирана востоковедение еще не знало.

Статья «Народное движение в Самарканде в 1365 г.» (1907) свидетельствовала о большом интересе Бартольда к истории общественных движений средних веков на Востоке.

В 1904 Бартольд вел при участии самаркандского археолога-краеведа В. Л. Вяткина (*см.*) раскопки на территории городища Афрасиаб, в нескольких пунктах к западу от городской цитадели, в частности для того, чтобы выяснить топографию города дотимуровского времени, найти и проследить фундамент здания соборной мечети.

Раскопки были небезуспешными, хотя и убедили Бартольда, что он не призван быть археологом. Однако высокий интерес к этой отрасли науки, стремление содействовать развитию археологических изысканий в Средней Азии ученый сохранил на всю жизнь, выступая время от времени с ценными публикациями в этой сфере, оставив здесь заметный след в науке.

С 1911 Бартольд начал сотрудничать в издававшейся в Лейпциге «Энциклопедии ислама». Многочисленные статьи-справки, преимущественно по тюркоязычным народам и отдельным областям и городам Средней Азии, а также Крыма, Кавказа, Поволжья и других районов, он печатал в энциклопедии без малого четверть века (до 250 статей и заметок; всего его перу принадлежит до 750 публикаций).

К 1914 относится публикация одного из важнейших трудов Бартольда по истории и исторической географии Средней Азии — «К истории орошения Туркестана.» Изучение обширного круга письменных источников — от древнейших до нового времени — позволило автору воссоздать не только историю искусственного орошения как такового, но и в значительной мере историю всего сельского хозяйства Средней Азии, в свою очередь связанную с общеисторическим развитием страны.

Широкий диапазон интересов Бартольда сочетался с основательной научной подготовкой и высоко требовательным подходом к делу. Сла-

бую сторону работ видных зарубежных ориенталистов 90-х и 900-х годов он видел в том, что предметом их исследований оставался мир идей; эволюция же идей рассматривалась без связи с явлениями хозяйственной и политической жизни, безотносительно к вопросу, «насколько теоретическим построениям соответствовала действительная жизнь народных масс в разные периоды истории мусульманского мира», т. е. к вопросу зависимости общественного процесса не столько от эволюции самих идей, сколько от фактов жизни народных масс с учетом действительных условий культуры материальной и духовной.

Такие высказывания свидетельствовали о стихийно-материалистических прозрениях Бартольда-ученого, правильности его суждений по отдельным существенным проблемам процесса общественного развития народов Востока.

Бартольд выступил также с работами, которые закрепили за ним репутацию видного историографа отечественного и мирового востоковедения. Так, в «Обзоре деятельности факультета (восточных языков Петербургского университета)» он дает обстоятельный обзор полувековой истории факультета, от его образования (1855) до 1905, что делает эту книгу важнейшим пособием для историографии русского востоковедения в целом. Другая крупная историографическая работа Бартольда — «История изучения Востока в Европе и России», ставшая непременным спутником всех интересующихся историей изучения стран и народов Востока. Ее вторая часть посвящена истории отношений между Россией и Азией и обзору трудов русских ученых по Востоку.

К серии публикаций по истории востоковедения относятся и многочисленные обстоятельные отзывы Бартольда о трудах отдельных ученых и краеведов, очерки жизни и деятельности ряда отечественных и зарубежных востоковедов.

Признанием высоких научных заслуг Бартольда явилось избрание его 4 декабря 1910 членом-корреспондентом Академии наук по разряду восточной словесности, а спустя три года — 12 октября 1913 — ординарным академиком по литературе и истории народов Азии.

О прогрессивности взглядов Бартольда можно судить по его высказываниям в годы первой мировой войны: «все-таки в жизни много хорошего, которое останется навсегда, тогда как самоистребление и проч. пройдет же когда-нибудь. Человеческая культура еще далеко не сказала своего последнего слова а скажет ли его белая, желтая или черная раса, это, в сущности, все равно».

Победа буржуазно-демократической революции в России и свержение самодержавия были восприняты Бартольдом в общем сочувственно. Однако под напором октябрьской бури его прекраснодушно-интеллигентские иллюзии первых месяцев Февральской революции стали исчезать и послеоктябрьский путь Бартольда-ученого и человека

был весьма трудным, имея в виду отнюдь не только социальное происхождение Бартольда, но самое главное — общественную атмосферу, научную среду, в которой формировались его взгляды, привычки, отношение к окружающему (события Октябрьской революции застали ученого на исходе пятого десятилетия его жизни).

Тем не менее Бартольд не остался в стороне от научной работы и общественной жизни в условиях нового социального строя.

Фактически ни одно сколько-нибудь существенное мероприятие по реорганизации востоковедной работы не осуществлялось без активного участия Бартольда, и имя его неотделимо от первого десятилетия в истории сложения и развития советского востоковедения. Делу помогали высокий научный авторитет Бартольда, его огромный опыт и знания , колоссальная эрудиция, обширная научно-организационная деятельность, участие в подготовке квалифицированных научных кадров, богатейшая фактическая основа его научных работ. В то же время само становление советского востоковедения на новой методологической основе неизбежно предполагало критическое отношение к общеисторическим концепциям Бартольда, во многом далеким от марксизма-ленинизма, преодоление содержавшихся в них неправильных положений.

Помимо многих центральных научных учреждений (Ленинград, Москва) Бартольд теснейшим образом был связан со среднеазиатскими государственными учреждениями по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы (Самкомстарис, Туркомстарис, Средазкомстарис), являясь их постоянным и компетентным наставником и консультантом. Особенно активно он участвовал в подготовительных работах к открытию первого в Средней Азии университета в Ташкенте и в создании нового алфавита письменности народов Советского Востока. Бартольд посещал Среднюю Азию в 1920, 1925, 1927. В частности, в 1920 он читал лекции на историко-филологическом факультете Туркестанского государственного университета, конспект которых был издан в Ташкенте в 1922.

Достойно представлял Бартольд советское востоковедение в зарубежных странах, активно участвовал в большинстве советских востоковедных изданий 20-х годов, вел широкую и плодотворную научно-литературную деятельность.

В 1918 была напечатана монография Бартольда об Улугбеке, написанная еще в предреволюционный период. Ее основные положения остаются непоколебленными и поныне. Затем появилась монография, посвященная великому среднеазиатскому поэту и мыслителю XV в. Алишеру Навои, по праву считающаяся одним из краеугольных камней советского навоиведения.

Важно, что для работ Бартольда 20-х годов все более характерно расширение проблемного диапазона, синтезирующего начала, стремление к обобщениям по истории тюркоязычных и других народов Средней Азии.

По просьбам советских правительственных учреждений и организаций Киргизии, Таджикистана и Туркмении Бартольд подготовил к печати исторические очерки киргизского, таджикского и туркменского народов. Очерки эти не вооружали читателей марксистско-ленинским пониманием местного исторического процесса, в основных своих концепциях были далеки от положений исторического материализма. Тем не менее их добротная фактическая основа, максимально возможная при тогдашнем уровне знаний, стройность и последовательность изложения давали заинтересованному читателю знание основных явлений и событий политической, этнической и культурной истории народов Средней Азии. Очерки предшествовали появлению новых, марксистско-ленинских работ по истории народов Средней Азии и объективно в определенной мере помогали возможности их создания.

В 1926 Туркестанское государственное издательство опубликовало труд Бартольда «История орошения Туркестана» в переводе на узбекский язык. В 1927 последовал перевод книги «Культура мусульманства».

Особняком стоит работа Бартольда по истории культурной жизни Туркестана (1927), в которой он впервые с такой широтой затронул, ряд вопросов политической и хозяйственной жизни края в XIX — начале XX в. Вместе с тем данный им социально-политический анализ нечеток и ограничен и более того — отдельные формулировки (там, где автор касался колониального управления края) идейно порочны. Пойти дальше скупых и отрывочных суждений об отдельных отрицательных чертах политического режима в Туркестане (иногда очень метких и справедливо критических) Бартольд уже не мог. Подняться до высоты понимания подлинной сущности и всех отрицательных качеств царской администрации Туркестана он был не в состоянии. Шли последние годы его жизни и несомненно, что он стремился в этой своей книге быть строго объективным, не замечая того, что в действительности пресловутая аполитичность ведет его к объективизму в освещении действительного хода и сущности ряда описываемых событий.

В 1929 увидела свет статья Бартольда «Связь общественного быта с хозяйственным укладом у турок и монголов» — концентрат его взглядов по проблеме социально-экономического развития кочевых народов. Характерно, что один из общих выводов сводился здесь к тому, что «без момента обострения классовой борьбы даже в условиях кочевого быта нет почвы для возникновения сильной правительственной власти».

В последний год жизни Бартольда из печати вышло подготовленное им по поручению Академии наук СССР фототипическое издание широко известной в мировой науке рукописи — персидского географического трактата анонимного автора (982/3 г. х.) «Худуд ал-алам», — вошедшей в анналы востоковедения по имени нашедшего ее А. Г. Туманского («рукопись Туманского», «аноним Туманского»).

Послереволюционные годы ознаменовались также опубликованием обширного цикла трудов Бартольда, в том числе нескольких крупных, об истории ислама и арабского халифата. По времени выхода в свет (1918) прежде всего нужно отметить три научно-популярные книги: «Ислам», «Культура мусульманства» и «Мусульманский мир», работа над которыми велась ученым еще до революции. Был издан и ряд статей — по истории славян, Древней Руси, народов Поволжья и Восточной Европы в целом, Ирана, — в которых, как всегда, сочетались широта кругозора с глубокими специальными знаниями.

Продолжалась публикация Бартольдом рецензий на труды советских и западноевропейских востоковедов. Рецензии содержали и критические замечания, и оригинальные экскурсы в историю науки, нередко приобретая самостоятельное научное значение.

Что касается научного мировоззрения Бартольда, то в сравнении с другими прогрессивными русскими востоковедами дореволюционного времени ему неоспоримо принадлежало первенствующее место по глубокому и постоянному интересу к жизни и социальной истории народных масс Востока. Однако при всех положительных чертах своего научного творчества и при наличии в нем весьма ощутимых проявлений стихийно складывающихся материалистических взглядов на некоторые стороны исторического процесса Бартольд был ученым буржуазной школы с присущим ей идеалистическим пониманием общественного развития человечества. Его прогрессивность не выходила за рамки взглядов передового для своего времени, общественно чуткого и научно широко мыслившего буржуазно-либерального ученого.

Тем не менее остается в силе вывод ученика Бартольда А. Ю. Якубовского, что в ряде случаев Бартольд, не будучи марксистом и не имея здесь ни четких взглядов, ни тем более стройной концепции, все же, «опираясь лишь на свое историческое чутье и на тщательный анализ фактов..., делал те же выводы, что сделал бы историк-марксист».

В анализе же «первоисточников он был непревзойденным мастером... Он не только умел открывать и привлекать новые материалы, но даже из тех источников, которые побывали в руках многих первоклассных ученых он искусно извлекал незамеченные никем детали и давал новое освещение в целом» (И. Ю. Крачковский).

Скончался Бартольд 19 августа 1930 в Ленинграде.

Известие о его смерти вызвало многочисленные отклики научных учреждений и организаций, высших учебных заведений, отдельных ученых, почитателей и друзей. Среди полученной корреспонденции имелись соболезнования научной и широкой общественности республик Средней Азии, во многом обязанных Бартольду познанием их историко-культурного прошлого, организацией и развитием научно-востоковедной работы в крае, подготовкой кадров молодых исследователей. «Узбекский народ, — гласила одна из телеграмм, — вступая на путь культурного развития, местные научные работники в трудах покойного найдут обильный материал для уяснения истории своей страны, сохранят благодарную память о своем историке».

Указатель публикаций В. В. Бартольда: В. В. Бартольд, ориенталист. — В кн.: С. А. Венгеров. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых, т. VI, СПб., 1897—1904, стр. 23—25 (дан список печатных трудов Бартольда); Материалы для биографического словаря действительных членов Академии наук. — Ч. I, Пгр., 1915, стр 19—24 (биографический очерк и список трудов). Ныне завершается девятитомное издание сочинений Бартольда. К моменту выпуска в свет настоящих очерков изданы тома: т. I. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — М., 1963, 760 стр.: т. II, ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. — М., 1963, 1020 стр.; т. II, ч. 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. — М., 1964, 657 стр.; т. III. Работы по исторической географии.—М., 1965, 711 стр.; т. IV. Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии. — М., 1966, стр. 495; т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. — М., 1968, 757 стр.; т. VI. Работы по истории ислама и арабского халифата. — М., 1966, 784 стр.; т. VII. Работы по исторической географии и истории Ирана. — М., 1971, 663 стр.; т. VIII. Работы по источниковедению. — М., 1973, 723 стр.

Литература о В. В. Бартольде: И. И. Умняков. Библиография работ о В. В. Бартольде. — «Народы Азии и Африки», М., 1970, № 1, стр. 211—215. **Дополнения составителя:** Ю. Н. Марр. Забытая заметка академика В. В. Бартольда. — ИАН СССР, Отделение общественных наук, 1933, № 3, стр. 265—271; О марксистско-ленинском освещении истории и истории культуры Узбекистана. Стенографический отчет расширенного заседания Отделения гуманитарных наук Академии наук Узбекской ССР 21—27 августа 1949 года. — Ташкент, 1951, 216 стр. (выступления М. Г. Вахабова, И. К. Додонова, В. Ю. Захидова, Л. И. Климовича, Р. Н. Набиева, А. В. Станишевского, В. А. Шишкина и др.; стр. 15, 42—64, 112, 123, 133, 156—157, 173, 201 и др.); А. Н. Кононов, Восточный факультет Ленинградского университета (1855—

1955). — Вестник ЛГУ, Л., 1957, № 8, стр. 5—22 (см. также: «Советское востоковедение», М., 1956, № 2, стр. 83—90; Ученые записки ЛГУ, № 296. Серия востоковедческих наук, вып. 13, Л., 1960, стр. 3—31); О. Д. Чехович. Письмо в редакцию. — «Вопросы истории», М., 1958, № 4, стр. 213; А. Н. Наубетьяров (рец.) Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. Перевод В. В. Бартольда. — М., Изд-во АН СССР, 1962, 299 стр. — «Народы Азии и Африки», М., 1964, № 4, стр. 242—243; Э. А. Масанов. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. — Алма-Ата, Изд-во «Наука», 1966, стр. 285 и др.; Б. В. Лунин. Самарканд в отечественной и мировой науке. — В кн.: «История Самарканда», т. 2, Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1969, стр. 379—384, 395; Он же. Жизнь и труды академика Василия Владимировича Бартольда. — ОНУ, Ташкент, 1969, № 11, стр. 12—33 (перепечатано: «Советская антропология и археология», Нью-Йорк, 1970, вып. IX, № 2, стр. 91—126, на англ. яз.); Он же. Исследователь Востока. К 100-летию со дня рождения В. В. Бартольда. — «Правда Востока», Ташкент, 15 ноября 1969 г., № 267; Он же. Василий Владимирович Бартольд (в связи со столетием со дня рождения). — «Народы Азии и Африки», М., 1970, № 1, стр. 207—211; Он же. В. В. Бартольд. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1970, 76 стр. (на узб. яз.); А. Шамансурова. В. Б. Бартольд — крупный ученый-востоковед. — Ташкент, Объединенное изд-во..., 1969, 28 стр. (на узб. яз.); Л. М. Ланда. В. В. Бартольд и некоторые вопросы становления исторической науки в Советском Узбекистане. — ОНУ, Ташкент, 1970, № 11, стр. 34—39; О. Д. Чехович. В. В. Бартольд и В. Л. Вяткин, как исследователи среднеазиатских актов. — Там же, стр. 50—54; П. Г. Булгаков. Неоконченный труд В. В. Бартольда. — Там же, стр. 55—56 (работа Бартольда над составлением сводного каталога рукописей из неописанных фондов — арабского и персидского — Государственной публичной библиотеки в Ленинграде); А. Н. Гинзбург. В. В. Бартольд о некоторых вопросах переселенческой политики царизма в Туркестане. — Там же стр. 57—58; Г. А. Михалева. В. В. Бартольд об освоении Голодной степи. — Там же, стр. 58—59; Б. Ахмедов. Махмуд ибн Вали и его энциклопедический труд. — Там же, стр. 62—65; Н. А. Кузнецова и Л. М. Кулагина. Из истории советского востоковедения. 1917—1967.—М., ГРВЛ, 1970, 251 стр.; Н. А. Смирнов. Бартольд Василий Владимирович.—БСЭ, т. 3, М., 1970, стр. 22; А. Н. Кононов. Василий Владимирович Бартольд (К сорокалетию со дня смерти). — «Народы Азии и Африки», М., 1971, № 1, стр. 220—222; Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. — Ред. коллегия: А. Н. Кононов (председатель), Б. Г. Гафуров, А. П. Базиянц, Д. Е. Бертельс и др. — М., ГРВЛ, 1972, стр. 9, 12, 31, 411—414 и др.; А. Н. Кононов.

История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период.— Л., Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1972, стр. 3, 4, 6—8, 21—23 и др.; Русские путешественники и исследователи о киргизах. Под ред. доктора ист. наук Б. В. Лунина.—Фрунзе, Изд-во «Илим», 1973. стр 71—73; Б. М. Данциг. Ближний Восток в русской науке и литературе (дооктябрьский период) — М., Изд-во «Наука», ГРВЛ, 1973, стр. 261—268; Бартольдовскиечтения. 18—20 марта 1974 г. Изучение истории средневекового Востока В. В. Бартольдом и современное состояние науки. Тезисы докладов и сообщений.— М., Институт востоковедения АН СССР, 1974, 68 стр. (Из содержания: С. Г. Агаджанов. В. В. Бартольд как исследователь истории туркменского народа: Б. В. Андрианов. «К истории орошения Туркестана». В. В. Бартольда в свете новых исследований; Е. А. Давидович. Улугбек как государственный деятель: оценка В. Ь. Бартольда и опыт новой интерпретации; Ее же. Изучение В. В. Бартольдом восточных монет как исторического источника; С. Г. Кляшторный. В. В. Бартольд и некоторые проблемы тюркологии; Б. А. Литвинский. Исследование В. В. Бартольдом исторической географии Средней Азии в свете современной науки; Б. В. Лунин. Последние годы деятельности Восточного отделения РАО и участие в ней В. В. Бартольда; К. А. Попов и Э. А. Разакова. Переводы трудов В. В. Бартольда на европейские и восточные языки: В. А. Ромодин. Некоторые вопросы этнической истории Средней Азии в трудах В. В. Бартольда и после него; О. А. Сухарева. В. В. Бартольд о кварталах Самарканда и новые представления об их значении и месте в жизни города: Н. Н. Туманович. Педагогическая деятельность В. В. Бартольда; И. И. Умняков. Воспоминания о Василии Владимировиче Бартольде: О. Д. Чехович. Изучение среднеазиатских актов В. В. Бартольдом современное состояние и задачи дипломатики).

БАЯНИ (МУХАММАД ЮСУФ-БЕК)

ПРИОБРЕТШИЙ известность своим рукописным трудом по истории Узбекистана и отчасти всей Средней Азии Мухаммад Юсуф-бек, сын Бабаджан (Абдул-Карим)-бека (тахаллус-Баяни) родился «в начале года лошади» (1275/1858—1859), по-видимому в кишлаке Бадархан близ Хивы, учился в одном из хивинских мадраса.

Биографические данные о Баяни скупы и противоречивы. Известно, что с начала 900-х годов он был близок ко двору хивинского хана. По свидетельству посетившего в 1908 Хиву А. Н. Самойловича (*см.*), Баяни — «хивинский министр и капитан русской службы; знает русский язык, выписывает мусульманские и русские журналы и газеты». Как полагают отдельные исследователи, некоторое время Баяни занимал должность диван-беги, что требует, однако, дополнительных разысканий и опровергается другими исследователями, видящими в нем представителя низшей социальной лестницы ханства, зарабатывавшего на жизнь врачебной практикой. В Хиве Баяни был известен в качестве высокопросвещенного человека своего времени. Он был и автором стихотворений (касыды, газели и др.), музыкантом.

Внимание историков привлекли сочинения Баяни, в первую очередь «Шаджара-йи хорезмшахи» («Родословная хорезмшахов»), ставшее известным в результате приобретения названной рукописи Я. Г. Гулямовым (1936; ныне в собраниях ИВ АН УзССР). Последний использовал данные этого труда в книге «История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней» (существовали и другие экземпляры рукописи.

Советскими историками-востоковедами установлено, что с середины 80-х — начала 90-х годов Баяни начал осуществлять переводы некоторых исторических сочинений (например, персидской редакции «Тарих-и Табари» Балами на хивинско-узбекский язык).

В 1911 хивинский хан Исфендияр поручил Баяни составить историю династии хорезмшахов «вплоть до наших дней... обыкновенным слогом, свободным от стилистических ухищрений», с тем, чтобы ее понимали «простые тюрки». Перед историком стояла задача пересказать общедоступным языком известное сочинение Муниса (*см.*) и Агехи (*см.*), а затем довести повествование до дней правления Исфендиярхана (Агехи скончался в 1874, доведя хронику событий до начала 1873 и, таким образом, речь шла примерно о сорока годах: 1872—1911).

Баяни выполнял ханский указ на протяжении трех лет (1911—1914). Его сочинение в основном представляет собой добросовестный пересказ истории ханства по хроникам Муниса и Агехи (без присущих им высокопарных слов и эпитетов, многих стихотворных вставок и пр.), но для времени с 1846 по 1856 и с 1865 и далее Баяни пользовался другими источниками (за неимением в своем распоряжении рукописей Агехи по названным периодам).

В этих условиях наибольшее внимание историков привлекают самостоятельно написанные Баяни главы его рукописи, в работе над которыми он пользовался сообщениями непосредственных свидетелей и участников описываемых событий — «сведущих людей» и «стариков» и, вероятно, определенным кругом хивинских письменных источников.

В этой части труда Баяни содержится ряд исторически ценных данных: независимая от Агехи версия истории правления Мухаммед-Эмина, обильная малоизвестными и частично новыми фактами история правления Абдуллы-хана и Кутлы-Мурад-хана и др., причем автор критически, иногда осуждающе относится к действиям этих правителей. Сообщает Баяни и дополнительные детали к истории похода царских войск на Хиву в 1873. События в Хивинском ханстве 1873—1880 описаны им, видимо, с учетом собственных наблюдений и воспоминаний. Исследователь черпает здесь ценные данные об оросительных работах в районе Дарьялыка, о походах Мухаммед-Эмина и др.

По характеру изложения труд Баяни написан в традициях позднефеодальной среднеазиатской историографии. Его значение повышается, если иметь в виду немногочисленность дошедших до нас рукописных сочинений местных (хивинских) авторов конца XIX— начала XX в. В среде исследователей нет единства взглядов на степень научно-исторической значимости «Шаджара-йи хорезмшахи». Некоторые склонны видеть в ней один из важнейших источников по истории Хивы и всей Средней Азии XIX в., другие констатируют ограниченность оригинальной части сочинений Баяни и ее историко-познавательного харак-

тера. Вопрос требует дальнейшего изучения, тем более что перу Баяни принадлежит также малоисследованная работа «Хорезм тарихи» («История Хорезма»), посвященная правлению Исфендияр-хана. Это сочинение (хранящееся в ИВ АН УзССР) было написано в начале 20-х годов, после провозглашения Хорезмской Народной Советской Республики, в органах народного образования которой работал тогда Баяни. По словам самого Баяни, в свое время, при Исфендияр-хане, он не мог написать правду о его царствовании и теперь дает неприкрашенное освещение правления хана (по некоторым данным, в 1916 Баяни был подвергнут, согласно приказу Исфендияра, домашнему аресту за свободомыслие, в 1917 написал направленные хротив хана стихи, а в 1920 даже принимал участие в народной борьбе за свержение его власти). Баяни входил в состав правительства ХНСР.

По сообщениям современников, скончался он в 1923 в Ташаузе (Туркмения) и погребен в кишлаке Ак-Яп близ Хивы.

Рукописные труды Баяни: Собрание восточных рукописей АН УзССР, т. I, 1952, стр. 16, № 4 (перевод Баяни «Летописи Табари» Балами); т. II, 1954, стр. 358, № 1691 (стихи Баяни); рукопись Баяни «Шаджара-йи хорезмшахи» хранится в ИВ АН УзССР под № 9596.

Литература о Баяни: А. Н. Самойлович. Собрание 30 царских поэтов, сопутствующих Фирузу. — ЗВОРАО, т. XIX, СПб., 1910, стр. 203; Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957, стр. 13, 221—222 и др.; М. Ю. Юлдашев. Землевладение и государственное устройство феодальной Хивы XIX века в свете материалов архива хивинских ханов. — Л., Изд-во ЛГУ, 1953, стр. 95—97 и др.; Он же. Ценный источник по истории Хорезма. — ИАН УзССР, 1958, № 6, стр. 71—72; Он же. Землевладение и государственное устройство феодальной Хивы. Отв. редактор А. М. Аминов. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1959, стр. 70—71 и др. (на узб. яз.); Он же. Баяни и его исторический труд. — ОНУ, Ташкент, 1962, № 3, стр. 40—50; Государственные документы Хивы XIX века. Предисловие М. Ю. Юлдашева. Составители: М. Юлдашев, Т. Негматов, И. Низамуддинов, — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1960, стр. 23—24 (на узб. яз.); К. Муниров. Баяни. — Сборник работ аспирантов (Отделения общественных наук АН УзССР), вып. II, Ташкент, 1958, стр. 323—335 (на узб. яз.); Он же. Исторические труды Муниса, Агахи и Баяни. Отв. редактор Я. Г. Гулямов. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1960, стр. 31—37, 50—54 и др. (на узб. яз.); А. Болтаев. Поэты Хорезма, Ркп. ИВ АН УзССР; Б. Сафаров. Баяни.— Ркп. ИВ АН УзССР.

ДМИТРИЙ ДЕМЕНТЬЕВИЧ БУКИНИЧ

ОДИН из наиболее примечательных деятелей исторического краеведения Д. Д. Букинич родился 15 октября 1882 в Ташкенте в семье почтово-телеграфного работника (младшего помощника экспедитора). С юношеских лет стал определяться круг научных влечений Букинича, включавших естественно-научные и общественно-исторические интересы.

В 1907 Букинич окончил инженерно-агрономическое отделение Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии (ныне им. К. А. Тимирязева), в 1918—Археологический институт в Петрограде, в 1920—Институт рыбоведения при Тимирязевской академии и, кроме того, прослушал трехгодичный курс обучения в Антропологическом Институте им. Д. Н. Анучина.

Трудовая деятельность Букинича началась в студенческие годы: он служил (1904) в Переселенческом управлении, ведя гидротехнические работы в Кулундинской степи и участвуя в общественных работах в Воронежской губернии (1905—1906) по линии местного земства (устройство гидротехнических сооружений для обводнения).

В июле 1906 Букинич-студент, находясь в с. Ушаковке Рогачевской волости Воронежского уезда вместе со своим товарищем Е. М. Рафаловичем, студентом Ветеринарного института, принял участие в сельском сходе, созванном по поводу разгрома крестьянами имения крупных землевладельцев Шуриновых. Выступив на сходе, Букинич и Рафалович осудили роспуск царем Государственной думы. Впоследствии оба участвовали в редактировании (а возможно, и в составлении) проекта приговора крестьянского схода с протестом против роспуска

Думы и заявлением, что «в случае применения к нам (крестьянам) насильственного образа действий (властей) за последствия не отвечаем». Букинич и Рафалович были привлечены к судебной ответственности и осуждены (Букинич к заключению в тюрьму сроком на 3 месяца).

В дальнейшем Букинич служил в Отделе земельных улучшений, работая начальником изысканий в Хиве, в верховьях Амударьи (Памир и Горная Бухара), в Каракумах (бассейны Мургаба и Теджена), а также обследовал в ирригационном отношении местности на севере Ирана (Персии).

После Октябрьской революции Букинич заведывал (с 1918) ирригационной частью Отдела земельных улучшений, затем был назначен начальником Тургайской мелиоративной экспедиции (1920—1923), в дальнейшем сочетал свои гидротехнические, почвоведческие изыскания с осуществлением этнографических, антропологических и археологических наблюдений и обследований. В 1924 Букинич участвовал в экспедиции акад. Н. И. Вавилова в Афганистан, где его работам по изучению ирригации и техники земледелия тоже сопутствовали наблюдения этнографического и археологического характера (в Афганистан он был командирован также в 1926—1927 в составе экспедиции Наркоминдела РСФСР по выявлению местных полезных ископаемых). В 1925 Букинич — сотрудник Туркмводхоза. В Туркмении он вел археологические разведки в Анау и предгорьях Копед-Дага (Мервский и Теджженский оазисы). В 1928 Букинич обследует по заданию АН СССР жизнь и быт кочевников-джемшидов, белуджей и др., в 1929—1932 проводит ирригационные изыскания в бассейне рек Или и Кара-Чах и других местностях края и за его пределами. В 1933 начинается его служба в Ташкенте, прерванная в связи с направлением в Монголию, где в 1933—1935 он работал в Ученом Комитете МНР, после чего вернулся в Ташкент, продолжая служебную деятельность и историко-краеведческие изыскания. В 1936—1937 по приглашению Узкомстариса он участвовал в работах Термезской археологической экспедиции, в составе которой ему как инженеру-археологу было поручено «разрешение вопросов по истории водоснабжения Термеза и орошения его района» (см. статьи Букинича «Краткие предварительные соображения о водоснабжении и ирригации старого Термеза и его района», «Каналы древнего Термеза»).

Букиничу принадлежит ряд важных археологических открытий и наблюдений. Например, он обследовал в археологическом отношении канал Бозсу и прилегающие к нему местности, в южной Туркмении обнаружил и обследовал древнее поселение Намазга-депе, приобретшее в наши дни широкую известность. Сообщения и публикации Букинича привлекли внимание археологов к этому выдающемуся памятнику III—

II тыс. до н. э. — крупнейшему древнему поселению в Средней Азии и одному из крупнейших на всем Ближнем Востоке. Букинич первым же указал на несомненное сходство культуры Намазга-депе с культурой Анау III, что полностью было подтверждено работами советских археологов.

В анналы исторического краеведения вошли также выдвинутые Букиничем положения о характере начальных этапов возникновения первобытного орошаемого земледелия в Средней Азии. Некоторые из этих положений носили дискуссионный характер, другие нашли подтверждение в новейших работах археологов, ирригаторов, геоморфологов. Публикации Букинича по истории орошаемого земледелия в Средней Азии сохраняют большое значение и сейчас, когда советскими археологами широко ставятся вопросы о возможности хозяйственного использования земель, служивших объектами искусственного орошения в древности. Здесь особенно выделяются такие публикации Букинича, как «Старые русла Окса и Аму-Дарьинская проблема», «История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства», «Новые данные для истории канала Боз-су» и др.

В наши дни данные и соображения Букинича в связи с историей орошения Узбекистана в древности привлекли к себе внимание С. П. Толстова, Я. Г. Гулямова и других исследователей. По словам С. П. Толстова, «уже с первым десятилетием Октября связаны стоявшие еще, правда, одиноко работы инженера-ирригатора и энтузиаста-археолога Д. Д. Букинича, наблюдения и обобщения которого в области древнейших этапов истории ирригационного хозяйства Средней Азии до сих пор остаются непоколебленными».

Во время ведения работ Термезской археологической экспедиции Букинич тяжело заболел, но не прекратил научной деятельности. По свидетельству современников, его квартира была «музеем различных драгоценнейших экспонатов... Ученого посещали студенты, пионеры и он проводил с ними беседы... передавал свои научные знания... Он снабжал коллекциями и экспонатами различные музеи Москвы, Самарканда, Ташкента и других городов» («Правда Востока», 3 ноября 1938).

Научную деятельность Букинича высоко ценили академики В. В. Бартольд, Н. И. Вавилов, В. Р. Вильямс и др. По словам Н. И. Вавилова, Букинич являлся «крупным агрономом, мелиоратором, географом, археологом..., лучшим знатоком Памира, который он исходил вдоль и поперек... В Этнографический музей АН СССР Букиничем доставлены большие материалы: результаты его экспедиций по Средней Азии, в Афганистан и Монголию... Это крупный работник, беззаветно преданный науке труженик». Акад. В. Р. Вильямс свидетельствовал, что «на обширнейшие обследования Букинича ориентировались практи-

ческие мероприятия по Средней Азии. Они использовались для широких научных обобщений, в числе других и мною... Встреченные раньше враждебно, его научные выводы остались неопубликованными, что не мешало признанию их теперь за азбучные истины в геологии (напр. происхождение лёсса»).

В. В. Бартольд, отмечая некоторые недочеты книги Н. И. Вавилова и Д. Д. Букинича об Афганистане, констатировал в то же время, что она, «с точки зрения востоковеда и историка, имеет полное право на внимание» исследователей.

Скончался Букинич в Ташкенте 28 января 1939.

Перечень публикаций Д. Д. Букинича*: К вопросу о проведении канала из р. Аму-Дарьи в Мервский и Тедженский оазисы и орошении каракумских песков. — «Туркестанское сельское хозяйство», Ташкент, 1912, № 1, стр. 17—25; Усойское землетрясение (на Памире) и его последствия. — Бюллетень Русского Горного Общества, сентябрь 1913 (также: «Русские ведомости», 1913, № 181); К вопросу о поднятии уровня Аральского моря. — ИТОРГО, т. XI, вып. II, ч. I, Ташкент, 1915, стр 70—73; Новые гипсометрические данные Закаспийской низменности. — ИТОРГО, т. XII, вып. I, Ташкент, 1916, стр. 230—231; Путь из долины Бартанга в долину Язгулема через перевал Карафубордж. — Там же, т. XII, вып. II, стр. 251—259; Теперешнее состояние Усойского завала. — Там же, стр. 260—263; Коммунизм и киргизы. — «Жизнь национальностей», М., 1919, № 31 (Ответ на статью Байтурсунова «Революция и киргизы», «Жизнь национальностей», 1919, № 29); К вопросу о первоначальных насельниках Тургайских киргизских степей (Предварительное сообщение). — Русский антропологический журнал, М., 1922, т. XII, вып. 1—2, стр. 195—197; История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства. — «Хлопковое дело», Ташкент, 1924 № 3—4, стр. 92—135; Материалы к морфологии мягких частей лица и покровов у киргизов (казахов). — Русский антропологический журнал, М., 1924, Т. XIII, № 1—2, стр. 39—44; Задачи мелиорации в центральном районе Киргреспублики (в Тургайском и Иргизском уездах). (В дискуссионном порядке). — «Советская Киргизия», Оренбург, 1924, № 1—2, стр. 96—109; «Номадизм», киргизский народ и высшие формы культуры. — «Советская Киргизия», Оренбург, 1924, № 8—9, стр. 156—166; Старые русла Окса и Аму-Дарьинская проблема. — «Библиотека хлопкового дела», кн. 4, М.—Л., Промиздат, Издание Главного Хлопкового Комитета, 1926, стр. 118—161 (также

* За исключением специальных статей по ирригации в «Ежегодниках» Отдела земельных улучшений.

отд. оттиск: 46 стр.); Впадала ли Аму-Дарья в Каспийское море. — Журн. «Семь дней», Ташкент, 1927, № 4; Некоторые новые данные об Анау и Намазга-тепе. — «Туркменоведение», Ашхабад, 1929, № 5, стр. 32—36; Neues über Anau und Namazga-Tepe.— Eurasia Septentrionalis antiqua, t. V, Helsinki, 1930, s. 9—21; Труды Тургайской экспедиции. Изданы Казнаркомземом под ред. инженера-агронома Д. Д. Букинича. — Ташкент, 1930, 70 стр.; Новые данные для истории канала Боз-су. — «Социалистическая наука и техника», Ташкент, 1937, № 6, стр. 67—74 (Памятники IX—XIII вв.); Новые данные о назначении загадочных сфероконических сосудов (По Бозсуйским материалам). — «Социалистическая наука и техника», Ташкент, 1959, № 8, стр. 55—60; Бозсуйская птица. — «Социалистическая наука и техника», Ташкент, 1938, № 11, стр. 92—93 (Осколок блюда саманидского времени, с изображением птицы); Краткие предварительные соображения о водоснабжении и ирригации старого Термеза и его района. — Труды УзФАН СССР, серия I, История, археология, вып. 2, Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г., Ташкент, 1940, стр. 154—158; Каналы древнего Термеза.—Труды АН УзССР, серия I, История, археология. Термезская археологическая экспедиция, т. II, Ташкент, 1945, стр. 191—195; Н. И. Вавилов и Д. Д. Букинич. Земледельческий Афганистан (с 318 фотографиями, таблицами и 6 картами). Составлено по материалам экспедиции Государственного института опытной агрономии и Всесоюзного института прикладной ботаники в Афганистан. — Л., Издание Всесоюзного Института прикладной ботаники и новых культур при СНК СССР и Государственного института опытной агрономии НКЗ РСФСР, 1929, 533 + XXXII стр. (Букиничем написаны главы II — Гидро-геологический и почвенно-ботанический очерк Афганистана, стр. 39—64, VI — Ирригация в Афганистане, стр. 137—178; VII — Техника сельского хозяйства в Афганистане, стр. 179—217).

В ЦГА УзССР хранится обширный архив Букинича (ф. 2243, оп. 1, 224 ед. хр.), в состав которого входит и ряд неопубликованных или опубликованных частично его рукописей, в том числе по истории, археологии и этнографии, напр.: «Инструкция для обследования старых ирригационных систем», «Загадочные сосуды сфероконики», «К вопросу о древних каналах, орошавших Хорезм», «Заключение по керамическому материалу, добытому у мавзолея «Хакими Термези», «Заключения по правобережью и левобережью Сурхана (археологические раскопки под Термезом)», «Кочевники Кушкинского района», «Пришлое население из Афганистана по долине р. Кушка», «Овцеводство как основное занятие, характеризующее бытовые формы (джемшиды, хазара и белуджи)», «Материалы к истории и археологии Афгани-

стана» (совместно с А. Е. Маджи), «Некоторые данные к антропологии Афганистана», археологические отчеты по Монголии и др.

Литература о Д. Д. Букиниче: В. В. Бартольд, рец., Н. И. Вавилов и Д. Д. Букинич. Земледельческий Афганистан (с 318 фотографиями, таблицами и 6 картами). — «Иран», III, Л., 1929, стр. 228—236 (В. В. Бартольд. Сочинения, т. IV, М., 1966, стр. 293—299); В. Д. Жуков. Развалины ансамбля дворцовых зданий в пригороде средневекового Термеза. — Труды УзФАН СССР, серия I, История, археология, вып. 2, Ташкент, 1940, стр. 171; М. Е. Массон. Работы Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) 1937 и 1938 гг. — В кн.: Термезская археологическая экспедиция, т. II, Труды АН УзССР, серия I, История, археология. — Ташкент 1945, стр. 4, 191; С. П. Толстов. Древний Хорезм. — М., Изд. МГУ, 1948, стр. 37; Б. А. Литвинский. Намазга-тепе по данным раскопок 1949—1950 гг. — СА, М., 1952, № 4, стр. 50; М. А. Итина. Древнехорезмские земледельцы. — В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. — М., Изд-во «Наука», 1968, стр. 84; Б. В. Лунин. Из опыта историко-краеведческой работы в Средней Азии и Казахстане (20—30-е годы). — «История СССР», М., 1968, № 5, стр. 197: Б. В. Андрианов. К вопросу о классификации форм орошаемого земледелия в Средней Азии. — В кн.: Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. — Л., Изд-во «Наука», 1973, стр. 11, 14. В рукописном фонде Института истории АН УзССР (д. 204/301) хранится «Опись папок с научными материалами Д. Д. Букинича, составленная комиссией по его наследству».

МИРЗА БУХАРИ

САМАРКАНДСКИЙ любитель старины и собиратель древностей Мирза Абдулла Бухари (в русских литературных и документальных материалах — Мирза Бухарин Мирза Абдуллин) известен как активный собиратель древностей, близко общавшийся с представителями нарождавшейся местной интеллигенции, с крупными русскими учеными и под их влиянием все более интересовавшийся прошлым Средней Азии, выступавший в качестве пропагандиста дела охраны и изучения памятников прошлого. Это был один из первых коллекционеров-краеведов, чья биография составляет одну из страниц истории формирования местной интеллигенции конца XIX в.

Биографические данные о Мирзе Бухари скупы и отрывочны. Первые по времени письменные известия о его деятельности в качестве собирателя и любителя древностей восходят к 1883.

Мирза Бухари был самаркандским купцом второй гильдии, владельцем фабрики шелковых, шерстяных и хлопчатобумажных изделий, человеком энергичным, предприимчивым и для своего времени передовым. Он был, в частности, экспонентом сельскохозяйственной выставки в Ташкенте в 1878 и представил для нее коллекцию канусов, разноцветных головных и других платков. Вместе с купцом Мухамедом Шакиром Бухари был удостоен золотой медали «за значительные усовершенствования и обширное производство шелковых изделий». Мирза Бухари участвовал также в Туркестанской выставке 1886 и в Харьковской сельскохозяйственной выставке 1887. Как сообщалось в газетах, «привезенные им шелковые материи очень скоро были распроданы и он получил за эти материалы награду — медаль».

Местные древности собирались Мирзой Бухари на протяжении многих лет. В 1883 состоялось его знакомство с впервые посетившим Самарканд Н. И. Веселовским (*см.*), который осмотрев богатейшую коллекцию Бухари, приобрел 1202 предмета из нее, в том числе 11 золотых монет, 77 серебряных и 951 медную монету и другие предметы древности.

В ряде случаев Мирза Бухари безвозмездно жертвовал музеям ценные предметы древности из своей коллекции.

Знакомство и беседы с Н. И. Веселовским, а также посещение его раскопок на Афрасиабе пробудили в Мирзе Бухари стремление усилить собирательскую деятельность и не только усугубили понимание им научного значения предметов древности, но и способствовали росту его желания поближе ознакомиться с достижениями русской науки и культуры.

Вслед за Харьковом Мирза Бухари посетил Москву и Петербург. Поездку он описал в статье, помещенной в «Туркистон вилоятининг газетаси».

В Москве Бухари посетил Кремль и, как он пишет, «видел Грановитую палату, где древние русские государи принимали иноземных послов». В Оружейной палате он видел «разные старинные и драгоценные вещи прежних государей», осматривал «древний и новый дворцы» императора и Успенский собор. Побывал Бухари и в Третьяковской галерее.

Прибыв в ноябре 1887 в Петербург, он не раз навещал Н. И. Веселовского, сопровождавшего Мирзу Бухари при осмотре города. Мирза Бухари описал общий вид и достопримечательности Исаакиевского собора и посвятил три дня осмотру Эрмитажа, где ему сопутствовали Н. И. Веселовский и И. И. Толстой, посетил публичную библиотеку.

Мирза Бухари выступил и в качестве гостя на заседании Восточного отделения Русского Археологического Общества 1 декабря 1887, в котором участвовали такие выдающиеся русские ученые, как В. Д. Смирнов, А. Ф. Бычков, В. А. Жуковский, К. Г. Залеман, О. Э. Лемм, А. К. Марков, В. В. Радлов, И. И. Толстой и др.

Поездка Мирзы Бухари по городам России, особенно в Петербург, оставила глубокий след в его сознании. Характерно, в частности, что по возвращении в Самарканд он вскоре (в начале 1888) представляет в Административный кабинет императора 43 предмета древности.

Мирза Бухари все более проявляет себя не как простой собиратель древностей, но как собиратель-краевед, для которого небезразлично, где и при каких обстоятельствах найден тот или иной предмет. С сообщеинями о новых находках предметов древности Бухари выступал в печати.

Публикация в «Туркестанских ведомостях» (№ 12 и 19 за 1888) сведений о коллекции Мирзы Бухари вызвала обращение петербургской Археологической комиссии на имя туркестанского генерал-губернатора (3 июня 1888) с просьбой представить эту коллекцию на рассмотрение комиссии.

21 октября 1888 с согласия Мирзы Бухари в Петербург было отправлено 6300 монет и других предметов древности, причем Бухари не назначал каких-либо цен на них, а «изъявил согласие передать эти находки в пользу казны за вознаграждение по усмотрению Комиссии». О научной ценности коллекции свидетельствует тот факт, что, за исключением медных монет, подавляющее большинство предметов после осмотра специалистами было оставлено для приобретения.

С этого времени устанавливаются непосредственные связи Мирзы Бухари с Археологической комиссией и через нее с Эрмитажем. Предметы из его коллекции, поступившие в 1883—1891, занимали тогда одно из первых мест в составе среднеазиатских собраний Эрмитажа.

Летом 1891 коллекцию древностей Бухари осматривал остановившийся у него в Самарканде известный поэт и мыслитель Фуркат. До этого они переписывались друг с другом.

Скончался Мирза Бухари в 1893 во время холерной эпидемии.

Литература о Мирзе Бухари: Автобиографические воспоминания кокандского поэта Закирджана Фурката. — «Туркистон вилоятининг газети», 1891, № 25 (также см. в кн.: Фуркат. Избранное. Составитель Халид Расулев. — Ташкент, 1961, стр. 360—361); Фуркат. Сообщение жителя города Самарканда Мирзы Бухари. — «Туркистон вилоятининг газети», 1891, № 24 (о находках древних монет близ кишлака Бахарайн и в Самарканде); [Заметка о смерти Мирзы Бухари].—«Окраина», 1893, № 114; Н. П. Остроумов. Сарты. Этнографические материалы. Общий очерк. Изд. третье, дополненное.—Ташкент, 1908, стр. 192—200 (дан, в частности, текст статьи Мирзы Бухари в «Туркистон вилоятининг газетаси», 1888, № 4—7); А. Ю. Якубовский. Среднеазиатские собрания Эрмитажа и их значение для изучения истории культуры и искусства Средней Азии до XVI в. — Труды отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа, т. II, Л., 1940, стр. 8; Г. Н. Чабров. Узбеки-археологи дореволюционного Узбекистана. — «Звезда Востока», Ташкент, 1957, № 1, стр. 144—146; И. М. Муминов. Из истории развития общественно-философской мысли в Узбекистане конца XIX и начале XX в. — Ташкент, Госиздат УзССР, 1957, стр. 116 (встреча Фурката с Мирзой Бухари); Б. В. Лунин. Самаркандский любитель старины и собиратель древностей Мирза Бухари. — ОНУ, 1963, № 6, стр. 32—40.

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ ВЕЛЬЯМИНОВ-ЗЕРНОВ

ОДИН из крупнейших востоковедов второй половины XIX — начала XX в. В. В. Вельяминов-Зернов родился 31 октября 1830 в Петербурге, окончил в 1850 Александровский лицей, где изучал арабский и персидский языки. Биографы Вельяминова-Зернова высказывают предположение, что изучением восточных языков он был обязан влиянию двоюродного брата Н. В. Ханыкова (*см.*). В 1850 Вельяминов-Зернов поступил на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел и в следующем году был откомандирован в Оренбург в распоряжение В. А. Перовского. Здесь он начал практически знакомиться с местными языками, совершал поездки в глубь степей и «усердно изучал их обитателей, знакомился с их бытом при непосредственных сношениях и их историей по архивным делам». В Оренбурге он сблизился с В. В. Григорьевым (*см.*), пользовался его советами и поддержкой и «называл его совсем по-родственному — отцом».

В 1856 Вельяминов-Зернов вернулся в Петербург и продолжал службу в Азиатском департаменте.

В феврале 1859 он был избран секретарем Восточного отделения Русского Археологического Общества и занимал этот пост до 1867; с 1861 до 1872 являлся также секретарем Русского Археологического Общества.

В 1861 его избирают экстраординарным академиком—первым академиком-востоковедом из числа русских ученых.

В 1888—1902 он был попечителем Киевского учебного округа.

До 60-х годов XIX в. Вельяминов-Зернов напечатал свои известные

работы, посвященные современному положению Кокандского ханства, историческим известиям о киргиз-кайсаках (Казахстан. — *Сост.*) и сношениях России со Средней Азией, а также о Кокандском ханстве времени правления от Мухаммеда-Али до Худояр-хана. В последней работе исследователь обратил внимание на то, что в статье П. С. Савельева «Список известных доселе монет Кокандского ханства» приведен рассказ Н. В. Ханыкова о событиях в Коканде последних лет, но рассказ этот «во многом отличается от повествования, сообщенного В. В. Григорьевым» в статье «Современные монеты Кокандского ханства». Вельяминов-Зернов счел нужным дать свой очерк истории ханства с 1840 по 1853, основанный на тщательно собранных им сведениях «от очевидцев, добросовестных русских и азиатских купцов».

И. Н. Березин отмечал, что работа Вельяминова-Зернова («презанимательная история») тем более ценна, что внутренние дела Кокандского ханства последнего десятилетия выпали из сферы внимания ученых.

Вельяминовым-Зерновым же были напечатаны «Сведения о Кокандском ханстве». Опубликовал он и текст тарханной грамоты Алла-Кулихана.

В 1859 увидела свет его работа о бухарских и хивинских монетах, в которой наряду с описанием монет приводились переводы из восточных рукописей с историографическими и генеалогическими данными по новой истории Средней Азии (дополнения к этой статье появились в 1860). В том же 1858 Вельяминов-Зернов напечатал еще две статьи по истории Бухары, а в 1863 дополнительно описал несколько монет из Бухары.

С 1863 началось издание его капитального труда о Касимовском ханстве до конца XVIII в. с большими экскурсами в историю Золотой Орды и материалами, ценными для изучения Средней Азии и Казахстана.

Длительное время Вельяминов-Зернов работал над подготовкой к печати персидского текста и русского перевода приобретенной им в 1854 во время пребывания в Оренбургском крае рукописи «Абдулла-наме» Хафиз- и Таныша (*см.*). — одного из важнейших источников по истории Средней Азии XVI в.

По сообщению Н. И. Веселовского, Вельяминов-Зернов «первые главы думал перевести самым точным образом, придерживаясь всех тонкостей оригинала, чтобы дать понятие о стиле автора, а затем дальнейшее изложение представить в извлечении или, как сам В. В. выражался, в виде «экстракта». Помимо своего списка Вельяминов-Зернов пользовался также списком, вывезенным П. И. Лерхом из Бухары и поступившим в Азиатский музей.

Замыслы Вельяминова-Зернова в работе над «Абдулла-наме» не

были претворены в жизнь полностью. Однако во многом именно ему наука обязана выявлением ценности данного сочинения Хафиз- и Таныша для истории Средней Азии (деятельность Абдуллы-хана из династии шейбанидов), установлению того факта, что сочинение Мухаммеда Юсуф-мунши б. Ходжи бака «Муким-ханская история» уступает по полноте и надежности сообщаемых фактов сочинению Хафиз- и Таныша. Кроме того, Вельяминов-Зернов использовал ряд данных из «Абдулла-наме» в своих трудах «Исследование о Касимовских царях и царевичах» и «Монеты бухарские и хивинские». В этом последнем автор установил с помощью данных Хафиз-Таныша хронологическую канву династии шейбанидов.

Вельяминов-Зернов был действительным членом Русского Географического Общества, Московского Археологического Общества, Германского Общества ориенталистов в Лейпциге, Французского Археологического Общества, иностранным членом Института провинций (Франция), членом-корреспондентом Бельгийской археологической экспедиции и др.

Скончался В. В. Вельяминов-Зернов 17 января 1904 г. в Киеве.

Указатели публикаций В. В. Вельяминова-Зернова: Материалы для биографического словаря действительных членов Академии наук, ч. I, Пгр., 1915, стр. 145—146; О. Э. Ливотова и В. Б. Португаль. Востоковедение в изданиях Академии наук, 1726—1917. Библиография.— М., ГРВЛ, 1966, стр. 121 (№ 534, 604—619, 759, 771, 1414).

Перечень публикаций В. В. Вельяминова-Зернова (выборочно, главным образом применительно к Средней Азии): Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии.— Записки РГО, т. III, СПб., 1849; Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Средней Азией со времени кончины Абул-Хайр-хана (1748—1765).— «Оренбургские губернские ведомости», 1853, № 4—5, 7—8, 11—14, 19, 24—28, 30—43; 1854, № 27—39; Торговое значение Кокандского ханства для русских.— Рукописные фонды отдела редких книг библиотеки им. А. Навои в Ташкенте; Исторические известия о Кокандском ханстве от Мухаммеда-Али до Худояр-хана.— Труды ВОРАО, ч. II, СПб., 1856, стр. 329—370 (также: ЗВОРАО, т. IX, вып. 1, 1856, стр. 219—260); Сведения о Кокандском ханстве.—Вестник Географического Общества, СПб., 1856, ч. XVIII, кн. 5, отд. 2, стр. 107—152; В. В. Вельяминов-Зернов. Монеты бухарские и хивинские.— Записки Имп. Русского Археологического Общества, т. XIII, СПб., 1859, стр. 326—327; Монеты бухарские и хивинские.— Труды ВОРАО, ч. IV, СПб., 1859, стр. 328—456 (дополнения к статье: Известия Археологического Общества, т. II, стр. 184, 259); О гробнице святого Хорхута на Сыр-Дарье.— Труды ВОРАО, т. IV, СПб., 1859, стр. 283—284; Rapport sur le projet de publier

le texte et un traduction de l'Abdoullah-Nameh, Mélanges Asiatiqnes, III, S.-Ptsb., 1859, P. 258—263; «Notice sur un poignard Bouckhara» et «L'Emir Haider de Bouckhara et ses trois fills, «Mélanges Asiatiques», III, S.-Ptsb., 1859; Description de quelques monnaies de l'oulous de Djaghatai de Khiva et de Khokand, Mélanges Asiatiqué, IV, S.-Ptsb., 1860; Исследование о Касимовских царях и царевичах, ч. I, СПб., 1863—1865; ч. II, СПб., 1887; Описание нескольких монет, привезенных из Бухары.— Записки Имп. Академии наук, т. III, СПб., 1863, стр. 76—86;

Литература о В. В. Вельяминове-Зернове: Bericht über die von Hrn. Weljaminov-Sernov beabsichtigte Herausgabe des Abdullah-nameh.- Bulletin de l'Academie..., t. XV, N 11, S.-Ptsb., 1858, col. 171—172 (также: Melanges asiatiques, t. III, S.-Ptsb., p. 256—257; Вельяминов-Зернов В. В. Русский энциклопедический словарь, издаваемый И. Н. Березиным, отд. I, т. V, СПб., 1875, стр. 94; 40-летний юбилей Вельяминова-Зернова.— Исторический вестник, СПб., 1891, № 2, стр. 592; Зернов-Вельяминов В. В.— Энциклопедический словарь «Брокгауз-Ефрон», т. XIIa, СПб., 1894, стлб. 567; Вельяминов-Зернов В. В. ориенталист.— Большая энциклопедия, под ред. С. Н. Южакова, т. IV, СПб., 1901, стр. 603—604; Вельяминов-Зернов В. В.— Новый энциклопедический словарь «Брокгауз-Ефрон», т. X, СПб., б. г., стлб. 9—10; Зернов-Вельяминов В. В. Энциклопедический словарь под ред. М. М. Филиппова, т. II, СПб., 1901, стлб. 1377; В. В. Вельяминов-Зернов. Некролог. Исторический вестник, СПб., 1904, № 3, стр. 1119; Н. И. Веселовский. В. В. Вельяминов-Зернов (1830—1904) (Некролог).— ЖМНП, ч. 352, № 4, отд. 5, СПб., 1904, март, стр. 197—212; Вельяминов-Зернов В. В.— Энциклопедический словарь Русского библиографического института «Гранат», т. IX, М., б. г., стлб. 365; Вельяминов-Зернов В. В. Материалы для биографического словаря действительных членов Академии наук, ч. I, Пгр., 1915, стр. 143—146; Московское Археологическое Общество в первое пятидесятилетие его существования (1864—1914).— Т. II, М., 1915, стр. 63—64 (В. В. Вельяминов-Зернов); Вельяминов-Зернов В. В. (1830—1904).— БСЭ, т. IX, М., 1928, стлб. 817—818; А. А. Семенов. Восточные рукописи в библиотеке покойного В. В. Вельяминова-Зернова.— ИРАН, серия VI, т. XII, Пгр., 1919, стр. 855—872; О. Э. Ливотова. Основная литература об Азиатском музее — Институте востоковедения Академии наук СССР (1776—1954).— Очерки по истории русского востоковедения, II, М., 1956, стр. 496 (В. В. Вельяминов-Зернов); Вельяминов-Зернов В. В.— СИЭ, т. 3, М., стлб. 259; Б. В. Лунин. Средняя Азия..., стр. 91—94; Э. А. Масанов. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР.— Алма-Ата, Изд-во «Наука» КазССР, 1966, стр. 141—145; Вельяминов-Зернов Владимир Владимирович.— БСЭ, изд. третье, т. 4, М., 1971, стр. 461. Также: ИАН, V серия, Т. XX, № 3, 1904.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ВЕСЕЛОВСКИЙ

Н. И. ВЕСЕЛОВСКИЙ — видный представитель отечественной школы истории восточных стран, основание которой связано с учреждением в 1863 кафедры истории Востока на факультете восточных языков Петербургского университета,— родился 12 ноября 1848 в Москве. В 1867 окончил гимназию в Вологде. В 1869 был зачислен слушателем факультета восточных языков Петербургского университета по арабско-турецкому разряду, где являлся ближайшим учеником В. В. Григорьева (*см.*) В первую очередь именно Григорьеву Веселовский обязан своим интересом к изучению исторического прошлого Средней Азии.

В 1873 он был оставлен при университете для подготовки к работе на кафедре истории Востока после лестной оценки факультетом его сочинения на тему о податях и повинностях, взимавшихся монгольскими завоевателями с покоренных народов. Сочинение было удостоено высшей факультетской награды — золотой медали.

В 1877, после защиты магистерской диссертации «Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего», Веселовский получил звание доцента.

В 1884 он был утвержден экстраординарным профессором, в 1890— исправляющим должность ординарного профессора по кафедре истории Востока, а в 1891 — приглашен читать лекции по первобытной археологии в Археологическом институте Петербурга, начав здесь преподавательскую деятельность с 1892 и в последние годы своей жизни возглавив данный Институт.

Следуя «григорьевским традициям», Веселовский-педагог уделял в читавшихся им курсах много внимания Средней Азии. В этой сфере Веселовского, говоря его же словами, интересовала «история той части Азии на которой совершались наиболее крупные события жизни Востока и которая известна у нас под термином Средняя Азия».

Лекции Веселовского по истории Востока вообще и Средней Азии в частности (в записях слушателей эти лекции издавались в литографированном виде многократно, с 1886 по 1910; в 1910 вышло издание лекций, просмотренное В. В. Бартольдом) пользовались широкой известностью. В значительной степени под их влиянием многие питомцы факультета восточных языков Петербургского университета на всю жизнь сохранили интерес к изучению Средней Азии.

9 января 1881 Веселовский был утвержден членом-корреспондентом, а 23 февраля 1882 действительным членом Русского Археологического Общества. Уже в 1882 он составил проект программы для сбора сведений о древних городах Туркестана. Практическая, или полевая, деятельность Веселовского в качестве археолога началась с его поездки в Среднюю Азию в 1884—1885. С 1889 по 1917 он вел также археологические раскопки в разных местностях (главным образом на юге России).

Таким образом, востоковед по образованию и специальной подготовке, историк Востока и особенно Средней Азии, Веселовский сочетал научно-востоковедческую деятельность с деятельностью археолога. В южных областях России он сделал ряд замечательных открытий, раскапывая курганные погребения и могильники, содержавшие немало, порой уникальных предметов древности первостепенного научного и первоклассного художественно-эстетического значения. По свидетельству акад. С. А. Жебелева, «здесь главным и, на редкость, счастливым деятелем оказался старший член (Археологической) комиссии покойный Н. И. Веселовский, открывший много исключительных по своему значению памятников греческой, римской и «скифской» старины».

В связи с этими раскопками имя Веселовского много лет не сходило со страниц периодической печати и было одним из наиболее известных широкой публике имен ученых дореволюционной России. При этом, как ни была в общем полезна и важна для науки деятельность Веселовского-археолога, именно эта деятельность (точнее сказать раскопочная практика) вскоре же после его смерти стала подвергаться суровой критике за поверхностный и беглый характер некоторых производившихся им раскопок.

Однако при всех своих недостатках в качестве раскопщика Веселовский обогатил анналы археологии во многом неповторимым вещественным материалом, навсегда вошедшим в сокровищницу мировой культуры.

Занятия в области археологии не противоречили основной специальности Веселовского в качестве историка-востоковеда. В конце XIX в. в среду русских востоковедов все более проникало убеждение, что археологические изыскания должны дополнять известия письменных источников и понимание того, что без данных археологии история древнего и средневекового Востока, в частности история Средней Азии, Кавказа и Закавказья, не будет полной. Вслед за П. И. Лерхом (*см*). Веселовский был одним из первых специалистов-востоковедов, приобщившихся к полевым археологическим исследованиям в Средней Азии.

В русском Археологическом Обществе наиболее активное участие Веселовский принимал в деятельности его Восточного отделения. После смерти В. Р. Розена (*см.*) он был избран 20 марта 1908 управляющим Отделением.

Веселовский известен также как видный деятель Русского Географического Общества, где он наиболее активно работал по Отделению этнографии, исполняя с 1887 по 1910 обязанности председательствующего Отделения.

В 1914 Веселовский был избран членом-корреспондентом Академии наук по историко-филологическому отделению.

Свою археологическую деятельность в Узбекистане Веселовский начал в декабре 1884, когда приступил к раскопкам на городище Той-Тюбе, в Кураминском уезде Сырдарьинской области, в 82 верстах от Ташкента по дороге в Фергану. Вслед за этим он вел раскопки на Чорлок-тепе близ кишлака Намданак в 40 верстах от Ташкента, обнаружив и здесь остатки средневекового поселения.

В феврале 1885 Веселовский совершил поездку в Ферганскую область, где посетил кишлак Ашту Чустского уезда в северной гористой части области. Здесь он осмотрел склоны и вершины гор, усеянные «древними могилами, называемыми вообще курумами (т. е. россыпями камней), в частности же мук-ханэ (дом Муков) или карахатай-ханэ». Веселовский записал легенды местных жителей об этих могилах и дал их описание, отметив наличие нескольких типов конструкции и устройства могил. Всего он осмотрел более сотни муг-хона, первым указав, что муг-хона есть «могилы», т. е. древние погребения.

Древности Средней Азии произвели на Веселовского огромное впечатление. «Всюду я видел,— писал он, следы великих разрушений, следы древней давно исчезнувшей культуры, следы страшных переворотов, испытанных Средней Азией от великих завоевателей, от алчных кочевников и междоусобий мелочных честолюбцев, тех переворотов, которые расстроили ее некогда замечательное благосостояние...»

В конце марта 1885 Веселовский приступил к осмотру Афрасиаба, а затем и к раскопкам на нем, которые вел на протяжении свыше че-

тырех месяцев. Он дал общее описание городища, привел некоторые исторические данные, заметив, что описание Истахри «дает повод предполагать, что... тут и находился Самарканд и... не только в X веке, но и много раньше, во времена Александра Великого».

По инициативе Веселовского был составлен первый в своем роде подробный топографический план развалин средневекового шахристана Самарканда, снятый в 1885 сотрудниками военно-топографического отдела Туркестанского военного округа в масштабе 25 сажен в одном (английском) дюйме с соответствующим сечением горизонталей.

Работы Веселовского на Афрасиабе при серьезных недостатках в методике и технике раскопок знаменовали собою весьма важный, принципиальный по тем временам этап в развитии знаний о памятниках древности Средней Азии. В общих чертах исследователь классифицировал находки на Афрасиабе как свидетельство бытования здесь помимо «классически-мусульманской» еще и древнегреческой и других культур. В полном соответствии с фактическим положением дел он отметил интенсивную жизнь на городище в период саманидов. Веселовский отверг бытовавшее в ту пору мнение, что жизнь на Афрасиабе прекратилась в итоге землетрясения или наводнения, и «допустил другую причину, более вероятную: неприятельский разгром», полагая, что наиболее вероятное время такого разгрома — нашествие монголов.

В процессе раскопок на Афрасиабе Веселовский обнаружил значительное количество «глиняных черепков с головками людей и животных» и по аналогии с головами медуз на саркофагах из южнорусских курганов сделал правильный вывод, что перед ним глиняные «гробы» домусульманского времени. Веселовский отчетливо понимал, что найдены предметы древности, «не имеющие полного подобия ни в греческом, ни в персидском искусстве». По его мнению, в оссуарных изображениях надо было видеть «греческую основу в позднейшей переработке сасанидской эпохи... В данном случае произошло явление, подобно тому, какое было в Гандхаре (Афганистан с северо-западной Индией), где... классическая форма соединилась с буддийским содержанием».

Большое значение приобретали настойчивые попытки Веселовского привлечь внимание Всероссийских археологических съездов к прошлому Средней Азии и ее историческим памятникам. В той мере, в какой вопросы истории Средней Азии фигурировали в работах археологических съездов, наука была всецело обязана Веселовскому — «пропагандисту Средней Азии» с трибуны археологических съездов и на страницах их трудов.

Не чужд был Веселовский и эпиграфике. Он собирал и изучал эпиграфические материалы, прежде всего в виде надписей внутри и снаружи мечетей, мазаров, мавзолеев, мадраса и других строений эпохи средних веков, а также в виде надписей на надгробных плитах и соору-

жениях и на отдельных предметах древности (подсвечники, перстни и т. п.).

В процессе историко-архитектурных экспедиций 1895—1896 и 1898—1899 под руководством Веселовского осуществлялось копирование надписей в Гур-и Эмире. В публикации, посвященной мавзолею Гур-и Эмир, он отметил наличие имен мастеров на строениях, разновременных настенных надписей внутри и снаружи мавзолея, констатировал наличие частичной путаницы в коранических текстах, явившейся следствием производившихся ремонтов мавзолея. Веселовский издал в извлечениях и надписи на нефритовом и внутрисклеповом надгробиях Тимура, причем предостерегал от некритического отношения к данной в надписях генеалогии Тимура.

Замыслы Веселовского в области эпиграфики шли гораздо дальше, нежели это отражено в его публикациях и рукописях. Он мечтал подготовить к изданию corpus надписей на всех памятниках зодчества в Самарканде. «Следы этого грандиозного плана имеются в архивных материалах покойного исследователя, но самое намерение, к сожалению, не было осуществлено» (В. А. Крачковская).

Веселовский описал мусульманские праздники рамазан (пост) и курбан-байрам («праздник жертвоприношения»). Первый из них ученый наблюдал в июне 1885 в Самарканде, второй в Бухаре в том же году.

Интересовался он амулетами, бытовавшими в среде населения Средней Азии, и выступал по этому поводу с сообщениями и рефератами.

Вел Веселовский и изыскания в области нумизматики. Широкий характер носила, в частности, его собирательская деятельность. Многие ценные нумизматические собрания по Средней Азии поступили в центральные музеи при прямом его посредстве и участии. Веселовский осуществлял записи по языку ягнобцев.

Свою деятельность он тесно связал еще и с изучением, научной фиксацией, охраной и проектами реставрации всемирно известных историко-архитектурных сооружений Средней Азии, особенно памятников древнего зодчества в Самарканде. На первом плане стоят здесь работы возглавленной Веселовским специальной историко-архитектурной экспедиции, работавшей в Самарканде в 1895—1896 и 1898—1899.

С именем Веселовского связаны составление и выпуск в свет в 1905 альбома, посвященного мавзолею Гур-и Эмир, полиграфического шедевра своего времени и добротного по научной фиксации данного архитектурного сооружения издания — своеобразного памятника Н. И. Веселовскому, П. П. Покрышкину и А. В. Щусеву и их соратникам, много потрудившимся над достойной подготовкой к печати вошедших в альбом материалов.

Альбому предпослан на русском и французском языках краткий текст, принадлежащий перу Веселовского и содержащий общие данные о самаркандских архитектурных сооружениях эпохи Тимура, в первую очередь о «мечети» Гур-и Эмир (история сооружения, первоначальный вид, объемные замеры). Сам альбом содержал в себе восемнадцать (в большинстве своем многокрасочных) таблиц, причем особенно ценно, что они фиксировали не только общий ансамбль замечательного памятника (ворота со стороны главного фасада, главный фасад и т. п.), но и его детали (разрез ворот, деталь ставни северного окна в пристройке, деталь барабана и ребер купола в развертке, деталь наружной панели и т. д.).

Альбом «Гур-и Эмир» занял почетное место в литературе по одному из замечательных архитектурных сооружений Самарканда.

После землетрясения 5 сентября 1897 Веселовский представил туркестанским властям проект поддержания в сохранности соборной мечети Биби-Ханым. В том же году под общим руководством Веселовского была осуществлена экспедиция в г. Туркестан для научной фиксации мавзолея Ахмеда Ясеви.

В цикле работ Веселовского по Средней Азии, выполненных им как востоковедом-историком, и по времени выхода в свет и по научному значению выделяется прежде всего «Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего» (1877). Для своего времени очерк этот был заметным явлением в русской востоковедческой литературе.

Центром своего исследования Веселовский сделал историю Хивинского ханства начиная с XVI столетия, в чем в первую очередь заключалась новизна его работы. При этом автор широко привлек к делу хорошо известные ему материалы из сообщений русских посланников в Хиву и путешественников по ней, что было сильной стороной исследования.

Учитывая уровень тогдашних знаний по древней истории Хорезма, следует признать очерк Веселовского составленным вполне компонентно и являвшим собою шаг вперед в обобщении разрозненных и разнохарактерных данных и материалов: от известий греческих, китайских, византийских и арабских авторов до сведений русских и иностранных путешественников и исследований современных западноевропейских и русских ученых. Веселовского интересовал этнический состав населения древнего Хорезма. С сожалением отмечал он утрату местных (хорезмийских) рукописных источников, уничтоженных в период арабского завоевания по велению Кутейбы. Особое внимание уделил Веселовский истории Хорезма под властью саманидов, не без основания отмечая, что «правление саманидов было самое благоприятное для стран им подвластных». Характерно, однако, что освещая многие стороны жизни Хо-

резма этого времени (территория, города и селения, оросительная система, династическая борьба и т. д.), Веселовский в значительно меньшей степени прослеживает внутреннее общественное устройство страны, далеко не в полной мере используя прямые или косвенные свидетельства на сей счет изучавшихся им древних авторов.

История Хивы начиная с XVI в. («Узбеки в Хорезме», «Правление инаков», «Кунградская династия») освещалась Веселовским преимущественно в плане политической истории, сводимой главным образом к смене одних властителей другими, показу междоусобной брани. Это неизбежно придавало его исследованию односторонний характер и шло в ущерб освещению социально-экономической истории Хивы.

Несмотря на то, что многие из приводимых в книге Веселовского данных устарели или должны быть признаны неточными, а то и просто неверными, его исследование в качестве первого сводного, в широком плане выполненного и насыщенного богатым фактическим материалом и описательными данными очерка истории Хивы не потеряло известного интереса и значения и сейчас.

В 1878 Веселовский выступил с исторической справкой по мангытской династии правителей Бухары, содержавшей данные об обстоятельствах воцарения мангытов в Бухаре со времени аталыка Даниялбия («Мангытская династия, ныне царствующая в Бухаре»).

В 1879 Веселовский опубликовал большую статью о русских невольниках в Средней Азии.

Как историк-востоковед он оставил ценное и обширное печатное наследство в области изучения посольских связей Российского государства с Средней Азией, особенно с Бухарой и Хивой. Это наследство и сейчас служит существенным, хотя и требующим критического к себе отношения, подспорьем при изучении вопроса об исторических корнях торгово-экономических и политических связей Средней Азии с Россией, в частности вопроса о предпосылках последующего присоединения Средней Азии к России.

Сам Веселовский объяснял причину своего внимания к материалам о посольствах России в Среднюю Азию тем, что «статейные списки наших посланцев в Среднюю Азию представляют драгоценный источник для изучения внутреннего состояния среднеазиатских ханств в XVII и XVIII столетиях».

Веселовский указывал, что за время с 1616 по 1744 из Хивы в Москву прибыло до 27 посольств, «не считая дополнительных, к некоторым из них, гонцов, приезжавших с многочисленными свитами особо. Средним числом одно хивинское посольство на 4 1/2 года». По тем временам, при дальности расстояний и неустойчивом характере политических и экономических связей между Россией и Средней Азией, такое количество посольств было немалым.

Констатируя этот факт, Веселовский не сумел, однако, дать его всестороннее объяснение, как это имеет место и в других родственных по теме публикациях ученого о дипломатических сношениях России со Средней Азией. Данные публикации, ценные фактическим материалом, научными комментариями, интересными авторскими наблюдениями, не давали глубокого анализа социально-экономической природы сношений России со Средней Азией. Не пытаясь, например, установить размеры и характер торгово-экономических связей России с Бухарой и Хивой в отдельные периоды времени, Веселовский строит здесь свои выводы соответственно принятой им общей схеме: хотя посольские сношения в XVII и первой половине XVIII в. «происходили самые оживленные», они были для России «довольно убыточны». Везде и всюду Веселовский держится предвзятой мысли, что все конкретные предложения ханов, делавшиеся в Москве через их послов, были «однообразными» и «пустыми», оживленность же сношений была больше внешней и т. п. Здесь сказалось отсутствие глубокого изучения подоплеки и предпосылок русско-среднеазиатских дипломатических связей того времени.

К циклу работ Веселовского о связях России со Средней Азией примыкает и его критика ошибок и неточностей, допускавшихся отдельными исследователями при издании документальных материалов, характеризующих эти связи.

Веселовскому-востоковеду наука обязана также публикацией рукописных источников по истории Средней Азии, причем, действуя в этой сфере, исследователь не пренебрегал и такими специфическими видами исторических источников, как воспоминания современников о тех или иных исторических событиях, народные предания и т. п., что также нельзя не поставить ему в заслугу.

В 1904 вышел в свет подготовленный Веселовским таджикский текст рукописи Мир Абу-Тахир садр Самаркандского (30-е годы XIX в.) «Самарийа», содержавшей важное для историков и археологов описание древностей и мусульманских святынь Самарканда.

Веселовский собирал и издавал и более поздние по времени рукописи, воспоминания, в том числе те, которые относились ко времени до и после присоединения Средней Азии к России.

Значительными были и заслуги ученого на поприще историографии. Известны такие капитальные его публикации, как «Сведения об официальном преподавании восточных языков в России», «История императорского Русского Археологического общества за первое пятидесятилетие его существования», «В. В. Григорьев по его письмам и трудам» и др. В некоторых из них встречается ряд материалов, имеющих прямое или косвенное отношение к Средней Азии.

Большое место в жизни и деятельности Веселовского занимала работа редактора различных научных изданий. Нужно отметить, особо,

что именно под его редакцией было выпущено первое посмертное собрание сочинений известного путешественника и историка, этнографа и фольклориста Чокана Чингисовича Валиханова (1835—1865).

Перу Веселовского принадлежал ряд рецензий на туркестановедческие издания, особенно местных деятелей. Внимательно следил он за новыми изданиями и быстро реагировал на их выход в свет обстоятельными отзывами в печати.

В дополнение ко всему, начиная со времени своего первого приезда в Ташкент и до конца жизни, Веселовский не переставал глубоко интересоваться жизнью Туркестанского края, судьбами местных научных начинаний, школьного образования, музейного дела, печати и т. п.

К 1883 относится его знакомство с самаркандским любителем древностей Мирзой Бухари (*см.*), у которого он приобрел на средства Археологической комисси большую коллекцию древностей (1202 предмета), поступившую затем в Эрмитаж, где она и последующие поступления от Бухари составили один из основных компонентов среднеазиатских собраний музея. Беседы с Веселовским, посещение его раскопок на Афрасиабе пробудили у Бухари стремление усулить свою собирательскую деятельность и усугубили понимание им научного значения предметов древности.

Веселовский всемерно поощрял также деятельность энтузиаста-краеведа, любителя-археолога и собирателя древностей ташкентского купца Акрама Аскарова (*см.*)

В вопросе о месте, занимаемом Веселовским в плеяде видных русских востоковедов второй половины XIX — начала XX в. по их общественно-политическим взглядам следует признать, что Веселовский стоял гораздо ближе к Григорьеву, чем к Бартольду, был «правее» Бартольда.

Для работ Веселовского по истории Средней Азии характерно типично-идеалистическое представление о сущности и характере исторического процесса, преувеличенное представление об определяющей роли географического фактора в развитии общества и т. п.

С идеалистических позиций рассматривал он и события социальной истории народов Средней Азии. По его мнению, некогда этот край достиг значительного уровня развития, выдвинул крупных исторических деятелей, а затем лишился всего и не в состоянии более двигаться вперед своими силами без покровительства царской России.

В то же время Веселовский высказывал порой весьма меткие суждения о последствиях колониальной политики царизма в Туркестане и о чуждых коренному населению действиях царской администрации, не видя при этом правильных путей к установлению дружественных отношений между русским народом и народами Средней Азии.

Современники Веселовского отмечали также, что его общие сужде-

ния об исламе и буддизме были лишены чувства исторической перспективы. Усматривая в них «силы, враждебные современной русской и европейской культуре», Веселовский «был склонен преувеличивать и в прошлом отрицательные стороны этих культурных факторов и не вполне оценивал их заслуги» (В. В. Бартольд).

Будучи в основе своей представителем буржуазного русского востоковедения, Веселовский в то же время не был свободен от влияния идеологии дворянского востоковедения. Этим последним он был обязан прежде всего своей близости к Императорской археологической комиссии и через нее — к сановно-бюрократическим верхам русского дворянства.

В то же время в лице Веселовского востоковедение имело ученого, всегда и во всем исходившего из твердого убеждения, что «Россия неразрывно связана с Востоком», и соответственно этому уделявшего историческим судьбам последнего первостепенное внимание.

Особенно значительными следует признать заслуги Веселовского в деле изучения историко-культурного прошлого Средней Азии. С его именем связан начальный этап научного изучения многочисленных памятников древности этой обширной территории. «Веселовский неразрывно связал свое имя с изучением памятников древностей в Средней Азии» (В. В. Бартольд).

В этом плане справедливо утверждение, что «заслуги Н. И. Веселовского перед русской наукой велики. Не выполнив всего сам, он сумел найти верное направление, и на долю современного поколения востоковедов... выпала ответственная задача продолжить усовершенствованными методами и, где возможно, завершить дело, начатое Н. И. Веселовским в Средней Азии» (В. А. Крачковская).

Незадолго до смерти Веселовский оказал еще одну важную услугу делу развития востоковедческой работы в Средней Азии. В качестве представителя Петербургского университета он был деятельным членом Комиссии по организации в Ташкенте первого в Средней Азии высшего учебного заведения, в котором должны были быть широко представлены востоковедческие дисциплины. В комиссию, помимо Веселовского, входили В. В. Бартольд, Н. Я. Марр, А. Н. Самойлович, С. Ф. Ольденбург, А. Э. Шмидт и др. Вслед за этим Веселовский возглавил комиссию из представителей историко-филологического факультета и факультета восточных языков, разработавшую планы преподавания на историко-филологическом факультете Ташкентского университета.

Скончался Веселовский 30 марта (12 апреля) 1918 в Петрограде.

Указатель публикаций Н. И. Веселовского: В. В. Латышев. Список трудов Н. И. Веселовского. — ЗВОРАО, т. XXV, Пгр., 1921, стр. 387—398.

Литература о Н. И. Веселовском: В. Иконников. Разбор книги Н. И. Веселовского о Хиве. — Университетские известия, Киев, 1877, № 11; Веселовский Николай Иванович. — Энциклопедический словарь «Брокгауз-Ефрон», т. VI, СПб., 1892, стр. 100—101; Н. И. Веселовский. Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. С-Петербургского университета за истекшую третью четверть его существования. 1869—1894, т. I, СПб., 1896, стр. 151—152 (автобиография); Труды почетных членов Н. И. Веселовского и Е. Д. Фелицына. — Известия Общества любителей изучения Кубанской области, вып. 1, Екатеринодар, 1899; Н. И. Веселовский [Био-библиографические материалы]. В ст.: Б. М. Городецкий. Био-библиографические материалы о Северном Кавказе. I. Литературные деятели Северного Кавказа. — В кн.: Северо-Кавказский альманах на 1908—1909 гг., Екатеринодар, 1908, стр. 254—255; Материалы для истории факультета восточных языков, т. IV. Обзор деятельности факультета (в) 1855—1905 гг., составленный проф. В. В. Бартольдом.—СПб., 1909, 206 стр.; Юбилей проф. Н. И. Веселовского. — Журнал Русского военно-исторического общества, СПб., 1913, кн. 3, стр. 117; Юбилей проф. Н. И. Веселовского. — «Исторический вестник», СПб., 1913, № 3, стр. 1088—1089; Веселовский Николай Иванович. Императорское Московское Археологическое Общество в первое пятидесятилетие его существования (1864—1914 гг.), т. II. Биографический словарь членов Общества. — М., 1915, стр. 66—67, доп. стр. 39—40; Н. И. Веселовский. Список профессоров и приват-доцентов факультета восточных языков Имп. б. Петербургского, ныне Петроградского, университета с 1819 года. — Пгр., 1916, 36 стр.; В. В. Бартольд. Николай Иванович Веселовский. Некролог (1848—1918). — ИРАН, серия VI, т. 12, № 9, Пгр., 1918, стр. 809—816 (также: Азиатский сборник, 1921); П. Ш. Н. И. Веселовский. Некролог. — Ученые записки историко-филологического факультета (университета), т. I, отд. 2, вып. 2, Владивосток, 1919, стр. 21—22; В. В. Бартольд. Н. И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки. — ЗВОРАО, т. XXV, Пгр., 1921, стр. 337—355; Н. Печенкин. Памяти Н. И. Веселовского. — Там же, стр. 356—358; Б. В. Фармаковский. Н. И. Веселовский-археолог. — Там же, стр. 359—386; С. Ф. Платонов. Из воспоминаний. — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии, т. II, Симферополь, 1927, стр. 132—137; А. Ю. Якубовский. Из истории археологического изучения Самарканда. — Труды отдела Востока Гос. Эрмитажа, т. II, Л., 1940, стр. 289—299; Веселовский Николай Иванович. — БСЭ, т. 7, М., 1951, стр. 544; В. А. Крачковская. Эпиграфика Средней Азии (Пионеры эпиграфики. Туркестанский кружок любителей археологии). — «Эпиграфика Востока», VII, М.—Л., 1953, стр. 49—53; А. А. Формозов. Очерки по истории русской археологии. — М., 1961, стр. 7, 86;

Веселовский Николай Иванович. — СИЭ, т. 3, М., 1963, стлб. 393; Б. В. Лунин. Из истории русского востоковедения..., стр. 29—31; Он же. Средняя Азия..., стр. 189—190; Он же. История и древности Туркестана в Трудах Всероссийских археологических съездов. — ИМКУ, вып. 6, Ташкент, 1965, стр. 201—220; Он же. Самарканд в отечественной и мировой науке. — В кн.: История Самарканда, т. I, Отв. редактор И. М. Муминов. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1969, стр. 377—379, 386—389; А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. — М., Изд-во «Наука», 1965, стр. 4—6; В. А. Шишкин. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей. — В кн.: Афрасиаб, вып. 1, Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1969, стр. 23—40; Веселовский Николай Иванович. — БСЭ, т. 4, М., 1971, стр. 569; Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Составитель О. В. Маслова, ч. IV, 1881—1886. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1971, стр. 83—87 («Поездки Н. И. Веселовского по Средней Азии»); А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. — Л., Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1972, стр. 4—6, 8, 9 и др.; Б. М. Данциг. Ближний Восток в русской науке и литературе (дооктябрьский период). — М., Изд-во «Наука», ГРВЛ, 1973, стр. 251—252; История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. — М., Изд-во «Наука», 1965, стр. 245.

Личные дела Н. И. Веселовского по Петербургскому университету: Гос. исторический архив Ленинградской области, ф. 14, оп. 1, д. 7586, 7827 и ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 150, д. 628; **Личные архивные фонды Н. И. Веселовского:** ЦГАЛИ, ф. 118, 1280 ед. хр., 1640—1918; Институт археологии АН СССР (Ленинград), ф. 18, 517 ед. хр., 1843—1918. (Ср. Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Указатель. Том I. А—М.—М., 1962, стр. 138).

ВАСИЛИЙ ЛАВРЕНТЬЕВИЧ ВЯТКИН

В. Л. ВЯТКИН родился 18 августа 1869 в семье семиреченского казака, учился в открытой в 1874 Ташкентской учительской семинарии, которую и окончил в 1894. Среди преподавателей семинарии было несколько любителей-краеведов, хорошо знавших местный край и его памятники старины. Под их влиянием возникли краеведческие интересы Вяткина.

Проработав некоторое время учителем в Оше, он перевелся в Самарканд, поступив на службу в областное правление в качестве переводчика (позднее делопроизводителя).

Богатейшее историческое прошлое Самарканда, его многочисленные памятники материальной культуры привлекли внимание Вяткина. Его имя становится все более неотъемлемым от дела изучения истории Самарканда и самаркандской округи, регистрации, охраны и описания местных памятников старины, собирания предметов древности и восточных рукописей. Научно-краеведческие интересы тесно сблизили Вяткина и с деятельностью основанного в 1877 Самаркандского областного статистического комитета. Вскоре он избирается членом комитета и выполняет функции его библиотекаря.

При живейшем участии Вяткина в Самарканде был открыт 21 июля 1896 «Музеум Самаркандского статистического комитета». Спустя 15 лет Вяткину удалось добиться строительства специального музейного здания.

Человек огромного трудолюбия и бескорыстной преданности науке, Вяткин посвящал все свои силы, знания, энергию делу познания исторического прошлого Самарканда и прилегающих местностей. От-

личное знание арабской письменности, таджикского, узбекского и других языков позволяло ему сопоставлять археологические наблюдения с данными старинных восточных рукописей и документов, что в условиях Средней Азии имело особо важное значение. С течением времени он стал непревзойденным знатоком исторической топографии и исторической географии изучавшегося им района.

В 1896—1897 Вяткин опубликовал цикл народных легенд о древних памятниках Самарканда, в 1896 выступил со статьей эпиграфического характера, уточнявшей чтение надписей на некоторых памятниках зодчества в Самарканде.

Летом 1904 Вяткин участвовал в раскопках на городище Афрасиаб, ведшихся В. В. Бартольдом по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнологическом отношениях. Вяткин раскопал в местности Намаз-гох за воротами Шейх-заде остатки культовой постройки средних веков. Ведение дальнейших раскопок в Самарканде полностью перешло в его руки.

В 1905 на средства Русского комитета Вяткин (избранный еще 27 сентября 1903 по предложению В. В. Бартольда, П. М. Мелиоранского и С. Ф. Ольденбурга членом-корреспондентом Комитета) повел раскопки остатков соборной мечети, судя по всему сожженной войсками Чингисхана при взятии Самарканда.

Все эти годы Вяткин тщательно собирал, сопоставлял и анализировал самые разнообразные сведения о возможном месте нахождения прославленной самаркандской обсерватории Улугбека. В одном из документов (вакфная грамота 1346 г. потомков Ходжи Ахрара) Вяткин вновь встретил упоминание о пункте «Тал-и-расад» («Холм обсерватории») в местности Накши-Джахон у арыка «Благословенных Вод» (Оби-Рахмат). Арык этот продолжал существовать у холма, идентичного холму «Тал-и-расад», известного в народе под именем «По-и-расад» («Подножье обсерватории»). Окрыленный надеждой, усилившейся после осмотра упомянутой местности, Вяткин ходатайствовал об отпуске ему средств на ведение раскопок «с целью отыскания остатков обсерватории Мирзы Улугбека в Самарканде». На средства, ассигнованные ему как «умелому и внимательному исследователю» Русским комитетом, он повел в 1908—1909 раскопки, увенчавшиеся одним из самых замечательных археологических открытий начала нынешнего столетия — обнаружением руин улугбековской обсерватории, притом именно в том месте, где еще М. Н. Ростиславов (*см.*) и другие на основе наружного осмотра местности усматривали возможность нахождения этих руин.

25 ноября 1910 Русское Археологическое Общество наградило Вяткина как «известного исследователя археологических богатств Тур-

кестана» и открывателя руин обсерватории Улугбека золотой медалью имени акад. В. Р. Розена. В 1911 Вяткин продолжал раскопки на месте обсерватории.

В 1912 раскопками на Афрасиабе были обнаружены в западной части городища, близ Наубехарских ворот, остатки обширного здания (дворца саманидов?), щедро украшенные резными гипсовыми плитами-панелями X в. В следующем году здесь же были впервые встречены следы древней настенной живописи.

Помимо раскопочных работ большое значение приобрела систематическая регистрация Вяткиным случайных находок предметов древности, в том числе монет, на территории Самарканда и его округи. Из года в год вел он хронику таких находок, стремясь паспортизировать их по местам обнаружения.

В апреле 1903 Вяткин был назначен смотрителем памятников Самарканда. В том, что, несмотря на плохую сохранность и запустение, выдающиеся исторические памятники Самарканда дошли до наших дней и восстанавливаются сейчас при щедрой материальной поддержке Советского государства усилиями большого коллектива опытных реставраторов, заключена большая доля заслуг Вяткина. Все эти памятники были взяты им на строгий учет. Преодолевая косность и безразличие колониальной администрации, Вяткин горячо ратовал за сохранность памятников, настойчиво изыскивал средства для их поддержания, пропагандировал их научно-культурное значение в печати.

По новой своей должности Вяткин успешно выполнил и такое задание, как составление плана расположения всех памятников древности Самарканда и прилегающих к нему земель.

Вяткин оставил значительный след в науке и востоковедческими изысканиями. В 1896 он издал работу «Самарканд и его окрестности в прошлом по описанию Султана Бабура-Мирзы. Перевод из книги «Бабур-намэ», в 1899 напечатал перевод отрывка из рукописи «Путь познавших истину» Мухаммада ал-Бухари с данными о содержании завещания одного из идеологов дервишского братства Ходжагон-Абл ал-Халика Гиждувани. В обстоятельной рецензии (1899) на опубликованный В. В. Бартольдом перевод книг Стэнли Лэн-Пуля «Мусульманские династии» Вяткин сумел уточнить на основе письменных источников даты правления эмиров из бухарской династии мангытов. С течением времени эпиграфические интересы заняли видное место в научных изысканиях Вяткина. Он собирал и изучал надгробные надписи средних веков и нового времени и был одним из первых, кто стал успешно и широко сопоставлять и аналитически сочетать данные этих надписей со сведениями других источников (восточные рукописи, нумизматические материалы).

Вяткин обратил, в частности, внимание на такую примечательную разновидность эпиграфических памятников средневековья, как кайраки — гладко окатанные крупные речные гальки-голыши, использовавшиеся в качестве намогильных камней с односторонними надписями арабским текстом и прописными датами. На протяжении нескольких лет им было учтено и прочитано более 250 кайраков V—VIII вв. х. из находок в районе старого Самарканда.

В 1899 Вяткин опубликовал получивший широкую известность перевод сочинения Мир Абу Тахир-Ходжи Садр Самарканди «Самараййа», написанного в 30-х годах XIX в. и содержавшего ценное для археологов и историков архитектуры описание древностей и мусульманских святынь Самарканда. Примечания Вяткина к переводу этой рукописи содержали много данных, извлеченных им из эпиграфических памятников и вакфных документов.

В 1900 Вяткин напечатал материалы к исторической географии Ташкентского района, а в 1902 обширную и ценнейшую работу «Материалы к исторической географии Самаркандского вилаета». По словам В. В. Бартольда, то была «едва ли не самая важная из работ этой категории».

В 1906 Вяткин опубликовал перевод с персидского на русский язык краткой редакции «Кандии малой» — труда Имама Абу-л-Фазла Мухаммада ас-Самарканди, ученика Абу Хафса Наджм ад-дин Омара ал-Самарканди (ум. в 537/1142), которому принадлежал не дошедший до нас текст полной «Кандии» (на арабском языке) — «Сахарная книга по истории Самарканда». Как и «Самарийа», книга «Кандия малая» содержала описание культовых памятников Самарканда (и частично Бухары) и, кроме того, давала географические сведения о Самарканде и его окрестностях, данные о завоевании города арабами и т. д.

Вяткин был неутомимым исследователем местных вакфных документов, осознавшим их несомненное значение как одной из важнейших групп исторических источников. С течением времени он стал их глубоким знатоком и интерпретатором.

Примером понимания значения письменных документов для воссоздания внешнего облика памятников средневекового зодчества и понимания их роли в хозяйственной жизни своего времени может служить подготовленный Вяткиным к печати и изданный уже после его смерти вакфный документ самаркандского мавзолея XV в. Ишрат-хана — династической усыпальницы женщин и детей из рода тимуридов. Правда, в процессе изучения письменных источников вопросы социально-экономической истории не стояли у Вяткина на первом плане. Подобно многим востоковедам того времени наибольшее внимание он уделял использованию актовых материалов для воссоздания биографий

отдельных исторических лиц, для изучения вопросов исторической хронологии, географии, топонимики и т. п.

С течением времени Вяткин собрал значительное количество восточных рукописей, общее описание которых осуществили, после его смерти, А. А. Молчанов и Б. С. Сергеев. В этой коллекции находились редкие и даже уникальные рукописи, в основном послемонгольского времени. Некоторые из приобретенных Вяткиным рукописей передавались им в хранилища Петербурга и Москвы, в частности в Азиатский музей. Вяткину принадлежало также описание современных ему книжных и рукописных рынков Бухары и Самарканда.

В послеоктябрьские годы Вяткин продолжал энергичную научно-краеведческую деятельность. Он был в числе тех русских интеллигентов, которые без промедления поставили свои силы и знания на службу народу. В 1918—1919 Вяткин занимал должность помощника самаркандского областного комиссара. Его имя неразрывно связано со всеми мероприятиями послеоктябрьского периода в деле собирания и сохранения восточных рукописей, изучения, ремонта и реставрации историко-архитектурных памятников города и производства археологических работ на его территории.

В. Л. Вяткин был душой Самаркандской комиссии Туркомстариса (Комитета по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы Туркестанской АССР), неизменным советником и консультантом всех посещавших Самарканд археологических и историко-архитектурных экспедиций и отдельных ученых, неутомимым гидом по местным памятникам старины. После упразднения Туркомстариса, а затем и Средазкомстариса Вяткин возглавил Узкомстарис (столица Узбекистана находилась тогда в Самарканде), а затем работал в нем в должности археолога, являясь также несколько лет подряд членом областной плановой комиссии при Самаркандском облисполкоме.

Летом 1925 Вяткин предпринял на Афрасиабе новые работы в пункте, где им велись раскопки 1912—1913. Были обнаружены остатки ряда строений, нумизматические, эпиграфические и другие находки. Раскопки велись и в следующие годы, причем близ руин соборной мечети были найдены остатки здания, украшенного резной терракотой (видимо, мавзолея XII в.). Примечательно, что Вяткин сумел установить в процессе своих многолетних работ на городище Афрасиаб районы нахождения кварталов гончаров, сделать ценные наблюдения в отношении былой сети оросительных каналов и общей топографии средневекового города. Он же пытался установить по смене форм и типов находимой на городище керамики последовательную шкалу его культурных напластований.

В послеоктябрьские годы Вяткин напечатал ряд научно-популярных работ по самаркандским памятникам материальной культуры

(«Мирза Улугбек и его обсерватория в Самарканде», 1925; «Памятники древности Самарканда», три издания за 1927—1933; «Архитектура древнего Самарканда», 1929). В 1927 Главнаука Наркомпросса УзССР выпустила в свет книгу Вяткина «Афрасиаб — городище былого Самарканда», вызвавшую широкие отклики в печати. Отмечая ценность сосредоточенных в книге фактических материалов и ряда наблюдений и выводов, некоторые рецензенты в то же время упрекали автора в отсутствии научного аппарата и широких исторических обобщений, в проявлениях узко вещеведческого подхода к изучаемым объектам, в отсутствии глубокого анализа социальной жизни древнего Самарканда. Критиковалась и методика раскопок на ограниченных по площади участках и без предварительно поставленных задач общеисторического плана. Однако упрекать во всем этом археолога-самоучку, каким был Вяткин, во многом неправильно. В годы, когда протекала его деятельность, задачи большого социального плана, новой методики и методологии раскопочных и других работ не ставились или только начинали ставиться. Нельзя также забывать, что Октябрьская революция застала Вяткина на исходе пятого десятилетия его жизни.

В. Л. Вяткин вел широкую общественную деятельность: в 1903 преподавал на вечерних курсах по изучению узбекского языка, в 1908 активно участвовал в открытии первой в Туркестане мусульманской библиотеки-читальни в здании мадраса Улугбека. В годы Советской власти общественная и педагогическая деятельность Вяткина приобрела еще больший размах. Его перу принадлежали изданные в 1918 в Самарканде «Учебник узбекского языка для русских школ» и «Бухари-даниш. Учебник персидского языка». В 1923 из печати вышло новое издание его учебника узбекского языка уже на основе латинской транскрипции. За успешную преподавательскую деятельность Вяткину было присвоено звание профессора. В 1918 он был избран почетным членом Туркестанского народного университета, являлся также почетным членом Туркестанского восточного института в Ташкенте. Вяткин был одним из преподавателей самаркандского Института просвещения (Инпроса).

Скончался Вяткин 26 июня 1932. Во внимание к его научным заслугам он был похоронен на Регистане — центральной площади Самарканда, а впоследствии, 29 декабря 1934, останки его были перенесены к месту открытой им обсерватории Улугбека, где и захоронены. Согласно воле покойного, собранная им на Афрасиабе и прилегающих к нему участках замечательная археологическая коллекция (древние терракоты, фрагменты оссуариев, стеклянные изделия, лучшие образцы художественной керамики от саманидов до Тимура и тимуридов) была передана родному для Вяткина Самаркандскому музею. Некоторая часть коллекции поступила в Государственный Эрмитаж.

Указатель публикаций В. Л. Вяткина: Е. К. Беттер. Список трудов Василия Лаврентьевича Вяткина. — Труды ТашГУ, Ташкент, Новая серия, вып. 172, Археология Средней Азии, вып. V, 1960, стр. 124—127. **Дополнения составителя:** В. П. Наливкин, Усов, М. М. Вирский, С. А. Лапин и В. Л. Вяткин. Краткий обзор современного состояния и деятельности мусульманского духовенства, разного рода духовных учреждений и учебных заведений туземного населения Самаркандской области с некоторыми указаниями на их историческое прошлое. — Ташкент, 1899 («Сборник материалов по мусульманству»); В. Л. Вяткин. Вакуфный документ Ишратхана. — В кн.: Мавзолей Ишратхана. Монографический сборник под редакцией проф. М. Е. Массона, Ташкент, Гос. изд-во худ. литературы УзССР, 1958, стр. 109—136.

Литература о Вяткине: Награждение В. Л. Вяткина Русским Археологическим Обществом золотой медалью им. Розена. — ЗВОРАО, т. XXI, СПб., 1913, стр. XVII; А. А. Молчанов. Собрание восточных рукописей В. Л. Вяткина и марксистское изучение дервишской литературы. — Труды Государственной публичной библиотеки УзССР, т. I, Ташкент, 1935, стр. 49—91; Перечень восточных рукописей В. Л. Вяткина в Государственной публичной библиотеке Узбекской ССР. Составитель Б. С. Сергеев. Редактор А. Э. Шмидт. — Там же, стр. 60—61; В. А. Шишкин. Из археологических раскопок на Афрасиабе (Раскопки В. Л. Вяткина в мае—июле 1925 г.). — Известия УзФАН СССР. Ташкент, 1940, № 12, стр. 63—70; В. А. Крачковская. Эпиграфика Средней Азии. — «Эпиграфика Востока», VII, Л., 1953, стр. 67—68; Вяткин Василий Лаврентьевич. — БСЭ, т. 9. М., 1954, стр. 584; А. В. Арциховский. Основы археологии. — М., 1956, стр. 182; Вяткин Василий Лаврентьевич. — СИЭ, т. 3, М., 1963, стлб. 974; В. А. Шишкин. Василий Лаврентьевич Вяткин (К тридцатилетию со дня смерти). — ИМКУ, вып. 4, Ташкент, 1963, стр. 144—151; Очерки исторической науки в СССР. III, М., 1963, стр. 594 (А. В. Арциховский); А. Аббасов. Василий Лаврентьевич Вяткин (Педагогическая деятельность). — Краткие сообщения по русскому языку и литературе (к 75-летию Е. Д. Поливанова), ч. I, Самарканд, СамГУ, 1967; Он же. В. Л. Вяткин об Алишере Навои. — Труды Самаркандского гос. ун-та, вып. 160, Самарканд, 1967, стр. 174—179; Он же. Василий Лаврентьевич Вяткин. — ОНУ, Ташкент, 1969, № 11, стр. 40—44. Он же. В. Л. Вяткин — историк-источниковед, историк-археолог Узбекистана. — Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1969, 47 стр.; Я. Г. Гулямов. Воспоминания о В. Л. Вяткине. — ОНУ, Ташкент, 1969, № 11, стр. 45—49 (на узб. яз.); О. Д. Чехович. В. В. Бартольд и В. Л. Вяткин как исследователи среднеазиатских вакфов. — Там же, стр. 50—54; Г. Н. Чабров. В. Л. Вяткин-книговед. — Там же, стр. 72—73;

М. Е. Массон. Падающий минарет (Северо-восточный минарет Самаркандского медресе Улугбека). — Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1968, 42 стр.; Б. В. Лунин. Из истории..., стр. 88—92; Он же. Средняя Азия..., стр. 202—206; Он же. К столетию со дня рождения В. Л. Вяткина. — СА, М., 1969, № 3, стр. 3—10; Он же. Василий Лаврентьевич Вяткин (К столетию со дня рождения). — «Народы Азии и Африки», М., 1969, № 5, стр. 220—222; Он же. Самаркандский археолог и востоковед (К 100-летию со дня рождения В. Л. Вяткина). — Отв. ред. акад. АН УзССР И. М. Муминов. — Ташкент, Изд-во ЦК КПУз, 1969, 36 стр. (на узб. яз., «Знание»). Он же. Самаркандский Вяткин. — «Звезда Востока», Ташкент, 1970, № 3, стр. 163—168; В. Попов. Смотритель города древности. — «Правда Востока», 1969, № 286; Вяткин Василий Лаврентьевич. — БСЭ, т. 5, М., 1971, стр. 606.

Кроме того для характеристики научной деятельности В. Л. Вяткина важны рецензии на его работы: «Памятники древностей Самарканда», Б. П. Денике («Новый Восток», кн. 20—21, М., 1928, стр. 482—483) и «Афрасиаб — городище былого Самарканда» В. В. Бартольда («Иран», II, Л., 1928, стр. 181—185), П. Е. Корнилова (Вестник научного общества татароведения, Казань, 1928, № 8, стр. 265—266) и М. И. Вязьмитиной («Восточный мир», Харьков, 1928, № 5 стр. 265—268, на укр. яз.), отзыв А. Ю. Якубовского (Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа, II, Л., 1940, стр. 326—332) и рецензии В. В. Бартольда: на «Самарийа» в переводе В. Л. Вяткина (ЗВОРАО, т. XII, СПб., 1900, стр. 122—125), «Материалы к исторической топографии Самаркандского вилаета» (ЗВОРАО, т. XV, СПб., 1903, стр. 50—56), «Кандия малая» в переводе В. Л. Вяткина (ЗВОРАО, т. XVIII, СПб., 1908, стр. 181—191), «О вакуфах Самаркандской области» (ЗВОРАО, т. XXI, СПб., 1913, стр. 143—145) и др.

МИХАИЛ ФИЛИППОВИЧ ГАВРИЛОВ

М. Ф. ГАВРИЛОВ родился в Ташкенте в 1884. Окончил местную гимназию, учился на юридическом факультете Казанского университета, в Сен-Галленской коммерческой академии в Швейцарии, а в 1907 поступил на восточный факультет Петербургского университета, который и окончил в 1911 с дипломом I степени, являясь ближайшим учеником А. Н. Самойловича. Он был оставлен при университете на кафедре турецкой филологии, но по семейным обстоятельствам вернулся на родину. Работал до революции секретарем и классификатором хлопка в Кокандском хлопковом биржевом комитете, а после Октябрьской революции — краевым уполномоченным Продовольственной директории, затем в системе торговли и кооперации Туркестанской АССР. Он являлся также автором экономических публикаций в ежегодниках Кокандского биржевого комитета и других изданиях. С 1924 началась его работа в Туркестанском восточном институте, где он читал курс узбекского языка и литературы (являясь в 1926—1927 деканом востфака САГУ), затем (до 1929) — в качестве доцента педагогического факультета САГУ. В советское время активно участвовал в деятельности научно-общественных организаций Ташкента, был делегатом тюркологического съезда в Баку (1925).

Все это время Гаврилов вел также востоковедческую работу, преимущественно исторического и этнографического характера. Из его публикаций в этом плане известны такие, как «О ремесленных цехах Средней Азии и их статутах» и «Кукольный театр Узбекистана» (1928), вызвавшие одобрительные отзывы крупных востоковедов — С. Е. Малова и А. Н. Самойловича.

В 1899 Н. И. Веселовский в своей публикации по истории Якуб-бека («Бадаулет Якуб-Бек, аталык Кашгарский», ЗВОРАО, т. XI) указал на желательность более подробного освещения его личности, в частности путем опроса остававшихся в живых его современников.

Следуя этому пожеланию, Гаврилов в бытность свою в Коканде в 1916 вступил в контакт с одним из сподвижников Якуб-бека в лице Мирзы ибн Муллы Иса-Мирзы-баши из махалля Рустем-бека и просил его описать жизнь и деятельность Якуб-бека. Мулла Мирза выполнил эту просьбу и спустя месяц представил Гаврилову рукопись на «среднеазиатско-турецком языке». Гаврилов опубликовал пересказ отдельных выдержек из записи Муллы-Мирзы, сопровождая его своими примечаниями и указаниями на соответствующую литературу.

Гавриловым была собрана ценная коллекция восточных рукописей, поступившая после революции в Туркестанскую публичную библиотеку.

Весьма примечательны также публикации Гаврилова, посвященные попыткам проследить социально-экономическую эволюцию сельских поселений Средней Азии после Октябрьской революции. Выводы автора по этому вопросу не являлись бесспорными, но фактический материал публикаций и сейчас не потерял своего значения. Гаврилов был одним из первых советских этнографов, приступивших к изучению жизни и быта колхозного крестьянства Средней Азии. В 30-е годы Гаврилов работал в Алма-Ате, где основал, в частности, фонд редких книг и рукописей в составе Государственной республиканской библиотеки Казахской ССР им. А. С. Пушкина. Гаврилов принимал активное участие и в деятельности музейных и научных учреждений и высших учебных заведений Казахстана, был удостоен звания профессора. Год его смерти не установлен.

Указатель публикаций М. Ф. Гаврилова: Перепелиный спорт у ташкентских сартов.—«Живая старина», 1909, вып. II—III, стр. 47—51; О святом шейхе Хаванд-Тахуре. — ТВ, 1911, № 173; Сартовская свадьба. — ТВ, 1911, № 150, 151; Два слова об обычаях сартов. — ТВ, 1911, № 161; Об обычае сартов носить кольца на мизинце. — ТВ, 1911, № 284; Сартовский поэт Мукымы. — ТВ, 1912, № 181; Страничка из истории Туркестана в 1812 г. — ТВ, 1912, № 192; Происхождение слова «сарт».— ТВ, 1912, № 236; Из жизни мусульманской школы. — ТВ, 1912, № 261 (также «Вакт», Оренбург, 1912, № 1036); Сумаляк. — ТВ, 1912, № 237; Из жизни сартов. — ТВ, 1912, № 259; Несколько слов о современной литературе сартов. — ТВ, 1912, № 18; Поездка в Бискан. — ТВ, 1912 и др.; Рисоля сартовских ремесленников. Исследование преданий мусульманских цехов. — Ташкент, 1912 (рец. А. Н. Самойловича, «Живая старина», 1914, I—II); Этнографический обзор Туркестана. — В кн.: «Очерки хозяйственной жизни Туркреспублики», Ташкент, 1921, стр. 21—35; Классовый состав «Букари» горной Киргизии. — В кн.: Совре-

менный аул Средней Азии, вып. X, Ташкент, 1927; Страничка из истории Якуб-Бека Бадаулета — правителя Кашкарии (По рукописному свитку Средне-Азиатской государственной библиотеки в Ташкенте). — В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели, Ташкент, 1926, стр. 125—132 (здесь же литература о Якуб-Беке); Ткацкое искусство узбекской женщины Милябада. — «Народное хозяйство Средней Азии», Ташкент, 1927, № 1, стр. 46—54; Средне-азиатский поэт и суфий Хувайдо. — Ташкент, Изд. Общества для изучения Таджикистана, 1927, 29 стр.; Киргизские скороговорки.— Бюллетень САГУ, вып. 16, Ташкент, 1927, стр. 35—38 (текст и переводы); Манап.— В кн.: «Современный аул Средней Азии. Социально-экономический очерк», вып. X, Ташкент, 1927, стр. 201—215; Орнамент киргиз Сусамыра. — Ташкент, 1929; О ремесленных цехах Средней Азии и их статутах — рисоля. — «Известия Средазкомстариса», вып. III, Ташкент, 1928, стр. 223—241; Кукольный театр Узбекистана. — Ташкент, Средазкомстарис, 1928, 59 стр.; Материалы к этнографии «тюрок» Ура-Тюбинского района. — Труды САГУ, серия II, Orientalia, вып. 2, Ташкент, 1929, стр. 3—23; Остатки ясы и юсуна у узбеков.— Ташкент, Среднеазиатский музей, 1929, 9 стр.; Быт казахов-колхозников Шаульдерского района Южно-Казахстанской области. — «Советское краеведение», М., 1935, № 10.

Литература о М. Ф. Гаврилове: Мир ислама, т. I, № 2, СПб., 1912, стр. 290 (Программа сообщения Гаврилова в Ташкентском Отделении Общества востоковедения «Жизнь Мухаммеда и распространение ислама в пределах Аравии»); В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан. Август—декабрь 1920 г., ИРАН, VI серия, т. XV, Пгр., 1921, стр. 194—195; Он же. Туркестанская государственная библиотека и местная мусульманская печать. Записки Коллегии востоковедов, I, Л., 1925, стр. 97—99; Научный кружок востфака САГУ. — Бюллетень САГУ, вып. 18, Ташкент, 1929, стр. 201—202 (о докладах Гаврилова «О некоторых интересных обычаях среди полукочевых узбеков», 19 октября 1928 г., «Наименование месяцев у некоторых турецких народностей», 5 апреля 1929 г.); С. Е. Малов. Уйгурский торговый обрядник (рисале) из Западного Китая. — Труды АН ТаджССР, т. XVII, Душанбе, 1953, стр. 139; Б. В. Лунин. Из истории первого высшего востоковедного учебного заведения в Средней Азии. — Очерки по истории русского востоковедения, VI, М., 1963, стр. 338—339, 342; Он же. Средняя Азия..., стр. 232—233, 377—378; Э. А. Масанов. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. — Алма-Ата, Изд-во «Наука» КазССР, 1966, стр. 305; Казахстан в рукописных материалах фонда редких книг и рукописей Государственной республиканской библиотеки им. А. С. Пушкина (Аннотированный указатель). — Алма-Ата, Изд-во «Казахстан», 1966, стр. 23.

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГРИГОРЬЕВ

ВИДНЕЙШИЙ востоковед В. В. Григорьев родился 15 марта 1816 в Петербурге, получил хорошее домашнее образование, был принят в Петербургский университет на философский факультет и «приписался к восточному отделению». В 1834 окончил университет со степенью кандидата и поступил на службу в Учебное отделение восточных языков при Министерстве иностранных дел. Уже тогда обратили на себя внимание его работы по русской истории и истории Востока, включая студенческий труд «История монголов от древнейших времен до Тамерлана. (Перевод с персидского) В. Григорьева». Эта работа содержала частичный перевод (из третьей книги, части первой) труда Гияс ад-дин б. Хумам ад-дина (Хондемира) по всеобщей истории «Хабиб ас-сайар фи ахбар-и афрад ал-башар». Григорьев снабдил свой перевод филологическими и историческими комментариями, свидетельствовавшими, что уже тогда он был широко эрудирован в отечественной и зарубежной (западноевропейской) литературе по истории монголов, в том числе по истории завоевательных походов Чингисхана. Среди откликов в печати на эту работу молодого русского ориенталиста выделялся пространный отзыв выдающегося китаеведа Никиты Бичурина (Иакинфа).

Сам Григорьев писал в предисловии к своему переводу («с 13 отделения всеобщей истории Хандемира»), что к нему его побудило «и то обстоятельство, что на русском языке нет ни одного восточного историка, переведенного с подлинника, ибо и самые переводы отца Иакинфа, которые доселе еще немногие умеют у нас ценить,суть большею частью извлечения из государственных летописей, а история Абульгази пере-

ведена с французского. В переводе я старался сколь можно ближе держаться подлинника, переводил почти слово в слово, отчего неминуемо произошла пестрота слога, и выкидывал только в иных местах излишние метафоры... Примечания сделаны мною единственно для ясности текста, потому, что темнота часто происходит не от того, что автор худо излагал предмет, но что читатель не понял его».

Появление выполненного Григорьевым перевода текста из сочинения Хондемира на русский язык с языка подлинника представляло собою принципиально важное явление в истории отечественного востоковедения.

В 1836 Григорьев вернулся в университет «для усовершенствования в восточных языках с поручением преподавать в нем персидский язык». Здесь его официальным руководителем стал О. И. Сенковский. Сблизился он и с Х. О. Френом, возлагавшим на Григорьева как нумизмата большие надежды. Сенковский требовал от своего подопечного не ограничиваться «статейками лексиконными», а избрать тему капитального исследования (Григорьев и его друг и сокурсник по университетскому выпуску П. С. Савельев были ближайшими помощниками Сенковского как редактора востоковедного отдела «Энциклопедического лексикона» Плюшара). В последующий период все более возрастал интерес Григорьева к Востоку, причем не без политической подоплеки: «лучшее средство противодействовать влиянию Запада — это опереться на изучение Востока» (его слова). В 1837 Григорьев представил в совет университета программу чтения нового курса — истории Востока. Столкновение с университетским начальством, а также ликвидация так называемого профессорского института привели Григорьева в 1838 в Одессу на должность профессора восточных языков в Ришельевском лицее. В 1839 он совершил поездку в Турцию. В 1842 блестяще защитил в Москве магистерскую диссертацию, после чего был утвержден в звании профессора Ришельевского лицея. В 1844 Григорьев вернулся в Петербург и был причислен к Министерству иностранных дел, где выполнял ряд самых разнородных работ и одновременно принимал активное участие в деятельности только что возникших Географического (1845) и Археологического (1846) Обществ, а также занимался литературной деятельностью. В 1847 он являлся членом временной комиссии для изучения быта чернорабочих в Петербурге и составил обстоятельную записку об условиях их тяжелой жизни (помещения, питание, состояние здоровья, отношение к хозяевам).

В 1851 Григорьев был откомандирован в качестве чиновника Министерства иностранных дел в распоряжение оренбургского генерал-губернатора. В этот период он все более и более проникался интересом к Средней Азии, а в 1853 участвовал в Сырдарьинском походе в качестве заведующего походной канцелярией. В Оренбурге его трудами

создается обширная библиотека с литературой по местному краю. В Оренбурге же Григорьев поддерживал дружеские отношения с Залесским и другими политическими ссыльными. В 1854 Григорьев занял пост председателя Оренбургской пограничной комиссии, много ездил по краю. Его субъективно честное и благожелательное отношение к местному населению не устраняло в то же время великодержавно-шовинистических настроений, порождавших в частности, пренебрежительные отзывы о современных ему Бухаре и Хиве. Его политическое кредо в отношении народов Средней Азии характеризуется призывом самого Григорьева «вести киргизов к гражданственности... путем не насильственным, а мирным, тихим... привязать к нам киргизов правосудием и попечительным управлением (и) они легко могут сделаться полезными и преданными подданными России». По словам одного из новейших историографов, «любовь к отечественной науке у Григорьева уживалась с открыто реакционным мировоззрением, монархическими убеждениями, защитой колониальной политики царизма... Специально занявшись (по должности управляющего областью оренбургских киргизов, которую он занимал в Оренбурге с 1852 по 1863) изучением состояния религиозного вопроса у казахов-кочевников и башкир, [Григорьев] создал целую систему использования ислама и мусульманского духовенства в интересах колониальной администрации» (Н. А. Смирнов).

Несколько иную точку зрения высказывает другой исследователь: Григорьев «...был ведущей фигурой академического направления русского буржуазно-дворянского востоковедения, поддерживавшего колониальную политику царизма на окраинах государства... В оценке деятельности Григорьева в Казахской степи мнение исследователей неодинаково... В. В. Григорьеву принадлежит множество различных проектов об открытии школ для казахских детей и подготовке для них учителей... И. Алтынсарин (известный казахский просветитель-*сост.*) только при его прямом содействии смог продолжить свое самообразование и в дальнейшем стать учителем... Необходимо специальное исследование, чтобы полнее и ярче раскрыть плодотворную и разностороннюю деятельность этого талантливого ученого и администратора на посту управляющего казахами Оренбургского ведомства» (Э. А. Масанов).

За обстоятельный разбор книги П. И. Небольсина «Очерки торговли России с Средней Азией» Григорьев был удостоен в 1856 золотой медали Академии наук.

По выходе в отставку со службы в Оренбурге (январь 1863) он вернулся в Петербург, где в ноябре 1863 был удостоен степени доктора восточной словесности, а 9 декабря избран ординарным профессором университета, с которым вновь связал свою судьбу, на этот раз уже на-

всегда, в качестве главы кафедры истории Востока — первой в истории университетского образования и мировой науки кафедры подобного рода. «Не имея по отделу этой истории, который стал преподавать, — истории Северо-Восточной, иначе Средней Азии — никакой книги в европейской литературе, которая могла бы служить руководством при этом, профессор Григорьев стал излагать свой предмет, после общего географически-этнографического введения, в хронологическом порядке источников, с критическим разбором оценок и гипотез, высказанных европейскими ориенталистами по отношению к жителям, лицам и народам Средней Азии» (Н. И. Веселовский).

В 1867 Григорьев был избран управляющим Восточным отделением Русского Археологического Общества и состоял в этой должности до самой своей смерти. Он вел также работу по Министерству внутренних дел, редактировал с 1869 «Правительственный вестник», а с июня 1878 возглавил Главное управление по делам печати. Для характеристики политических взглядов Григорьева поучителен составленный им план издания «Правительственного вестника», предусматривавший, в частности, борьбу «против конституционных затей и стремлений». В 1880 он окончательно вышел в отставку по болезни, продолжая, однако, научную и общественную деятельность.

Григорьев был одним из крупных отечественных знатоков истории Средней Азии и посвятил ей немало своих работ. Уже в период до присоединения Средней Азии к России он был известен многочисленными статьями в «Энциклопедическом лексиконе» Плюшара по Востоку, в том числе связанным со Средней Азией («Бируни», «Вакф», «Газневиды» и др.), и такими работами, как «История монголов. От древнейших времен до Тамерлана» (1834), «О куфических монетах, находимых в России и прибалтийских странах как источниках для древнейшей отечественной истории» (1842), «Современные монеты Коканского ханства» (1855), «Замечания майора Бланкеннагеля впоследствие поездки его из Оренбурга в Хиву» (1858), «Неизданные бухарские и хивинские монеты» (1860), «Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковской крепости» (рукопись 1803 г. с его комментариями; 1861), «О некоторых событиях в Бухаре, Кокане и Кашгаре. Записки Мирзы Шемса Бухари, изданные в тексте с переводом и примечаниями В. В. Григорьевым» (1861), «Хрисанфа, митрополита Новопатрасского о странах Средней Азии, посещенным им в 1790 годах» (1861), «Неизданные монеты уйгурских владельцев Мавераннагра» (1862), «Еще о коканских монетах и событиях» (1863) и др. Нумизматические факты Григорьев старался применить к истории.

В период после присоединения Средней Азии к России Григорьев напечатал: «О путешествии Гарбера в Хиву в 1732 г.» (1870), особо важную и для истории Средней Азии свою большую работу «О скиф-

ском народе саках» (1871), «Об арабском путешественнике X века Абу-Долефе и странствовании его по Средней Азии» (1872), «Султана Меидали Пиралиева девять хивинских писем в редакцию «Русского мира» (1873)*, «Караханиды в Мавераннагре по Тарихи Мунеджим-баши» (1874), крайне интересную по постановке вопроса работу «Об отношениях кочевников к оседлым» (1875) и одну из самых своих обстоятельных статей по истории Средней Азии — «Поход Александра Великого в Западный Туркестан. Свод и рассмотрение древних известий об этом предмете» (1881), о которой уже в наши дни К. В. Тревер писала как о не утратившей значения и сейчас.

Особняком стоят многочисленные статьи Григорьева политического, публицистического характера с ценными историко-экономическими и другими сведениями о Средней Азии («Торговля со Средней Азией», «Бухарцы и хлопок», «О русской политике в отношении Средней Азии» и т. п.). В большинстве своем они были собраны в книге Григорьева «Россия и Азия» (1876). В этой книге сосредоточены и работы, характеризовавшие исторические этапы развития политики правительственных кругов России в отношении Средней Азии и ряда других стран Азии.

В литературе справедливо указывалось, что Григорьев отнюдь не был носителем прогрессивных политических взглядов, но «обладая обширными познаниями, разносторонней подготовкой и серьезными исследовательскими навыками..., был одним из выдающихся русских востоковедов XIX века» (И. М. Рейснер). По словам А. Ю. Якубовского, «горячий поборник русской науки и ее авторитета, энергичный борец за международный характер русского языка... В. В. Григорьев вместе с тем по своим общественно-политическим взглядам был правее даже многих славянофилов... был близок к И. С. Аксакову и издаваемому им «Дню» и в то же время являлся человеком, который, служа в Оренбургском крае, «в течение ряда лет... вел энергичную борьбу со взяточничеством, бездушным отношением к казахам со стороны оренбургских чиновников».

Востоковедческие изыскания Григорьева касались преимущественно и в первую очередь тех проблем и вопросов, которые были связаны с историей России и сопредельных с ней стран. Отсюда проистекал и живейший интерес Грирогрьева к историческим судьбам Средней Азии, отраженный в его печатных трудах.

Фактическая основа многочисленных публикаций Григорьева по Узбекистану (Хива, Бухара и др.) и по Средней Азии в целом и некоторые отдельные выводы и наблюдения и поныне придают его научному наследию большую ценность.

---

* Султан Меидали Пиралиев — псевдоним Григорьева.

В свое время на Западе получили широкое распространение труды К. Риттера по «географии стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией», в том числе по Восточному Туркестану. Григорьев перевел работу Риттера «Землеведение Азии» на русский язык «с присовокуплением критических примечаний и дополнений, по источникам, изданным в течение последних тридцати пяти лет». Это была огромная и кропотливая работа, ибо Григорьев «нашел необходимым проверить Риттера по его источникам, чтобы исправить погрешности знаменитого географа» и кроме того добавил от себя «целые трактаты... о горной системе Гинду-куша, о речной системе Кабулистана, о синономике рек нынешней и у древних географов, (дал) массу заметок для разъяснения тех или иных сведений» (Н. И. Веселовский). Русское Географическое Общество удостоило Григорьева золотой медалью за эту работу по отзыву на нее В. В. Вельяминова-Зернова (*см.*).

Значительны заслуги Григорьева и в сфере историографии востоковедения и науки в России вообще. Его перу принадлежали такие обширные работы, как «Исторические и филологические труды русских ориенталистов» (1835), «Императорский С.-Петербургский университет в течение первых 50-ти лет его существования» (1870), «Жизнь и труды П. С. Савельева, преимущественно по воспоминаниям и переписке с ним» (1861) и др.

Скончался Григорьев в Петербурге 19 декабря 1881.

Указатель публикаций В. В. Григорьева: Н. И. Веселовский. В. В. Григорьев по его письмам и трудам. 1816—1881. — СПб., Изд. РАО, 1887, стр. 85—105 («Хронологический список ученым и литературным трудам В. В. Григорьева»).

Литература о В. В. Григорьеве: И. Бичурин. О книге: В. В. Григорьев. История монголов. — «Русский вестник», 1841, т. II, № 6, стр. 697—723; В. В. Вельяминов-Зернов. Рецензия о труде действ. члена В. В. Григорьева «Кабулистан—Кафиристан». — В кн.: Отчет Императорского Русского Географического Общества за 1867 г., СПб., 1868, стр. 82—88; К. А. Коссович. Об ученых трудах проф. Григорьева. — ЖМНП, СПб., 1868, № 11, стр. 649—656; Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. — СПб., 1870, стр. 382—383 и др.; К. А. Коссович. Записка о трудах проф. В. В. Григорьева за три последние года.— Протоколы заседаний совета СПб. университета, СПб., 1871, № 4, стр. 66—72; К. А. Коссович. Записка об ученых трудах В. В. Григорьева за последнее пятилетие.— В кн.: Протоколы заседаний совета СПб. университета, СПб., 1877, № 14, стр. 57—59; Б. П. В. В. Григорьев (Некролог). — «Исторический вестник», СПб., 1882, № 2, стр. 494—495; Н. И. Веселовский. В. В. Григорьев.— ЖМНП, СПб., 1882, № 3,

отд. 4, стр. 65—86; К. Градовский. В. В. Григорьев (Некролог). — «Русская старина», СПб., 1882, № 2, стр. 497—499; Н. И. Веселовский. В. В. Григорьев. (Некролог). — ИРАО, т. X, вып. 3—6, СПб., 1884, стлб. 287—294; И. В. Помяловский. Речь памяти В. В. Григорьева.— ИРАО, т. X, вып.3—6. СПб., 1884, стлб. 408—414; Григорьев Василий Васильевич.— В кн.: Д. Языков. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей и писательниц, вып. 1, СПб., 1885, стр. 12—15; Н. И. Веселовский. В. В. Григорьев по его письмам и трудам 1816—1881, СПб., Изд. РАО, 1887, 288 + 105 стр.; Василий Васильевич Григорьев.— Историческая записка о деятельности Императорского Московского Археологического Общества за первые 25 лет существования, М., 1890, стр. 124—128; Н. И. Веселовский. Григорьев Василий Васильевич. — Энциклопедический словарь «Брокгауз-Ефрон», т. IX, СПб., 1893, стр. 723—724; Григорьев Василий Васильевич. — Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования, 1869—1894, т. I, СПб., 1896, стр. 216—218; В. В. Бартольд. Материалы для истории факультета восточных языков, т. IV, Обзор деятельности факультета, 1855—1905, составленный проф. В. В. Бартольдом. — СПб., 1909; Григорьев Василий Васильевич. — БСЭ, изд. второе, т. 12, М., 1952, стр. 605; И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики. — М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 88—89, 102, 103, 113, 130—131; В. А. Ромодин. Из истории изучения афганцев и Афганистана в России. — В кн.: Очерки по истории русского востоковедения, I, М., 1953, стр. 148—184; А. Ю. Якубовский. Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв. — Очерки по истории русского востоковедения, I, М., 1953, стр. 31—95; Н. А. Смирнов. Очерки истории изучения ислама в СССР. — М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 69—70; И. М. Рейснер. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. — М., 1954, стр. 18; Б. В. Лунин. Средняя Азия..., стр. 88—91; Б. М. Данциг. В. В. Григорьев. — СИЭ, т. 4, М., 1963, стлб. 788; Э. А. Масанов. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. — Алма-Ата, Изд-во «Наука» КазССР, 1966, стр. 138—141; А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период.— Л., Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1972, стр. 3—6, 139—141, 143—148 и др.; Б. М. Данциг. Ближний Восток в русской науке и литературе (дооктябрьский период). — М., Изд-во «Наука» ГРВЛ, 1973, стр. 235—237, 246—249.

АБУБЕКР АХМЕДЖАНОВИЧ ДИВАЕВ

ВИДНЫЙ знаток Средней Азии — фольклорист, этнограф, археолог-любитель А. А. Диваев (башкир по национальности?) родился 18 декабря 1856 (1855?) в Оренбурге и всю свою сознательную жизнь провел в Средней Азии. Он окончил Неплюевский кадетский корпус в Оренбурге и с 1876 начал службу в Ташкенте, в Военно-народном управлении. С 1877 он переводчик, а затем чиновник по поручениям при сырдарьинском военном губернаторе. Диваев много занимался самообразованием, непосредственными наблюдениями и с течением времени превратился в видного ученого с обширными познаниями в области фольклора и этнографии, в знатока языков местных народов, чему способствовали его частые служебные поездки.

По собственным словам Диваева, он «объездил уезды Чимкентский, Туркестанский, Перовский, Казалинский, Аулиеатинский, Ташкентский и Аму-Дарьинский отдел» (Архив ТашГУ, № 852, д. 236). Повсюду он общался с представителями коренного населения — узбеками, казахами, киргизами, — знатоками истории, быта своего народа, его устного народного творчества, неутомимо записывал со слов старожилов, народных певцов и сказителей тексты пословиц и поговорок, примет и загадок, эпических поэм и песен, сказок, преданий и т. п. Перу Диваева принадлежит и ряд этнографических очерков и статей с описанием народного быта, обрядов и обычаев.

Переводы записанных Диваевым текстов на русский язык отличались, по словам В. В. Бартольда, тем, что в них «мы крайне редко встречаем слова и обороты, неуместные при передаче произведений народного творчества».

Как отмечал В. В. Бартольд «полного сочувствия заслуживает отношение автора к вопросам общественной жизни, его искреннее негодование против людей, действующих «в интересах личного благополучия под знаменем общественной пользы», и его горячая симпатия к бедному люду».

Диваев был не лишен социальной наблюдательности. Характеризуя, например, так называемых «аткаминеров» («ездивших верхом») и их роль в жизни народа, Диваев говорил, что правильнее давно уже называть их не «аткаминерами», а «мироедами». «Аткаминер. — писал он, — это паразит, живущий в наши дни на теле киргизского народа», живущий «обиранием народа; другие честные и мирные занятия становятся ему чужды» («Окраина», 1894, № 66).

В ряде публикаций Диваева встречается немало фактического материала, рисующего проявления произвола и насилия представителей феодально-байских верхов в отношении народных масс.

На поприще фольклора и этнографии Диваев и стяжал себе широкое признание. Уже в начале нынешнего столетия он слыл как «неутомимый собиратель этнографических материалов».

Сам Диваев так сформулировал задачи своих научных наблюдений: «Имея дело с разнопленным населением, необходимо знать особенности психологии каждой группы, их традиции, их идеалы. А все это выявляется в прошлом. История расскажет нам о былом цветущем состоянии многих местностей края, которые теперь превратились в пустыню, расскажет нам о причинах, вызвавших такие печальные результаты, и, может быть, укажет средства вновь вдохнуть жизнь в безводные степи».

Большое количество работ Диваева было посвящено изучению семейных отношений, обрядов и быта, а также народных верований, причем главным образом не в связи с исламом, а с пережиточными явлениями более древних верований. Видное место в его публикациях принадлежит описанию хозяйственных занятий населения, народных игр и развлечений, фиксации легенд и сказаний о происхождении узбеков, киргизов, казахов. Виднейшие ученые страны (В. В. Бартольд, В. А. Гордлевский, В. В. Радлов, С. Ф. Ольденбург, А. Н. Самойлович, этнограф В. А. Харузина и др.) были единодушны в высоком признании заслуг Диваева перед наукой, его способности «вчувствоваться в изображаемый им быт отмирающих уже ныне отношений».

Действительно. Хотя многочисленные и многообразные по характеру изложения труды его порой грешат сосуществованием подлинно научных наблюдений и выводов с мало обоснованнными гипотезами и утверждениями (черта, присущая многим краеведам, не имевшим специальной подготовки), в целом труды Диваева занимают заслуженно

видное место в научном наследии лиц, начавших свои работы по изучению прошлого Средней Азии в дореволюционный период.

После Октябрьской революции научно-краеведческая деятельность Диваева развернулась с еще большей силой. Научную работу он широко совмещает отныне с участием в работе советских учреждений по вопросам национальной политики: участвует в заседаниях по урегулированию «женского вопроса», в обсуждении вопроса о реорганизации культурно-просветительных учреждений Туркестанской республики, работает ученым консультантом в Экономическом совете при Совнаркоме; участвует в заседании Особой комиссии по разработке проекта постановления об отмене калыма, принимает активное участие в Совете Комитета по делам музеев и охраны памятников старины и искусства, работает в комиссии по реформе преподавания местных языков. Диваев — один из организаторов Среднеазиатского государственного университета и Восточного института в Ташкенте, преподаватель этнографии и языков народов Средней Азии. В Туркестанском краевом музее он заведывал отделом этнографии и археологии. Диваев систематизировал этнографические и археологические коллекции и осуществил их описание, составил для музея программы собирания этнографических и археологических материалов и т. д. В трудных условиях 1920—1921 он готовит этнографические экспедиции, участвует в Сырдарьинской экспедиции 1921, собравшей (слова Диваева) «колоссальный материал, разборка, классификация и опись которого, при всей добросовестной работе, заняли у меня более одного года времени».

Меньше известен Диваев как археолог-краевед. Между тем его скромные, но полезные работы в области археологии вполне заслуживают быть отмеченными: для своего времени они представляли существенный интерес и сейчас не утратили полностью своего значения.

22 января 1896 Диваев был принят действительным членом Туркестанского кружка любителей археологии и являлся, таким образом, одним из старейших его членов.

В 1894 по просьбе Диваева и в его присутствии казий Лютфулла ходжа списал надписи мечети Ахмада Ясеви в Туркестане. Копии эти Диваев направил в Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (он состоял тогда членом-сотрудником Общества), сопроводив их кратким описанием самой мечети и ее инвентаря. В декабре 1895 он доставил в Казань оттиск старинной печати, центральный круг которой включал имя ходжи Ахмада Ясеви и дату — 1212 г. х. (1797); надпись по краю содержала имя мастера: Ходжихана.

На заседании Кружка 26 августа 1896 Диваев сделал ценное сообщение о древних «урочищах» в Акджарской волости, Ташкентского уезда.

Большое внимание было уделено Диваевым могильному сооружению, связывавшемуся с именем известного мусульманского святого Хорхут-ата, по преданию имевшего огромный рост. Могила эта находилась вблизи форта № 2 на берегу Сырдарьи (в Сырдарьинской области) и представляла собой глинобитное многоугольное купольное сооружение.

В 1900 Диваев опубликовал комментированный перевод предания о возникновении Ташкента и т. д.

Для археологов были весьма небезынтересны и некоторые фольклорно-этнографические публикации Диваева и фиксации им пережиточных явлений древности в быту современных ему народов. Некоторые из фигурировавших в публикациях Диваева положений с течением времени не нашли подтверждения. Однако на стадии собирания первичных факторов и попыток их начального истолкования большое положительное значение имела сама постановка вопросов, выдвижение различных проблем и догадок, что активизировало научную мысль и побуждало исследователей к более глубоким и обширным изысканиям.

Советская власть по достоинству оценила заслуги неутомимого и скромного труженика науки. 21 марта 1923 Совнарком ТАССР вынес решение об открытии в Главном среднеазиатском музее этнографического отдела имени Диваева, обязал Наркомпрос республики собрать и издать труды Диваева и назначил ему пенсию с пожизненным закреплением за ним дома, в котором Диваев прожил в течение 36 лет.

Широкая научная и советская общественность 2 марта торжественно отметила сорокалетний научный юбилей Диваева. Он получил приветствия ЦИК Бухарской НСР, Башкирского ЦИК Советов, ЦИК Советов автономной Татарской ССР, Хорезмского съезда работников просвещения (избравшего Диваева своим почетным председателем), Коллегии востоковедов Азиатского музея, Казанского Общества археологии, истории и этнографии, различных отделов Географического Общества, Ташкентского государственного ученого совета, Туркестанского государственного университета, Туркестанского восточного института, Туркестанской государственной библиотеки, Туркомстариса, Туркестанского государственного издательства, Киргизского института просвещения и др. Юбиляра приветствовали видные ученые. Студенты Туркестанского государственного университета приветствовали в лице Диваева одного из своих «руководителей в борьбе за обладание наукой», «неутомимого труженика науки», который в «черные дни минувшего режима» сумел оказаться не с теми, кто «стеснялся называться представителем того народа ,из которого он вышел, и употреблять его язык даже в обыденной среде домашней жизни». Студенты-питомцы Диваева — благодарили своего учителя за его труды, радовались, что Диваеву довелось дожить «до наступления светлых дней в

жизни народа» и желали юбиляру «еще долгой-долгой работы на благо благодарного народа». Туркестанский восточный институт приветствовал в лице Диваева выдающегося этнографа и бытописателя, подчеркивая, что на трудах его учились «уже три поколения русских ученых тюркологов».

Скончался Диваев в Ташкенте в 1933.

Указатель публикаций А. А. Диваева. Опубликованные работы А. А. Диваева (сост. Г. Н. Валиханов).— СЭ, М., 1958, № 5, стр. 68—70; Дополнения составителя: Пословицы и поговорки. В кн.: Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области Н. И. Гродекова, Ташкент, 1889, 21 стр. (отд оттиск); Письмо в редакцию. — ТВ, 1893, № 63 (о находке бронзовой фигурки слона); Баксы. — «Окраина», 1894, № 16, 18, 19, 20; Проводы невесты (обычай сартов г. Чимкента). — «Окраина», 1894, № 22, Кое-что о киргизах.— «Окраина», 1894, № 37; Документы на освобождение невольников (перевод с персидского). — «Средняя Азия». Альманах. Научно-литературный сборник с календарем на 1896 год, Ташкент, 1895, стр. 58—60; О древних урочищах в Акджарской волости Ташкентского уезда. — ПТКЛА I, Ташкент, 1896, стр. 36—39; Вакуфная грамота Тамерлана (в извлечении), данная мечети Хазрата Ясави. — ПТКЛА, II, Ташкент, 1897, стр. 1—4 (Протокол 19 августа 1897 г.); Несколько слов о могиле святого Хорхут-ата.— ПТКЛА, II, Ташкент, 1897, стр. 10—13 (также: ЗВОРАО, т. X, СПб., 1897, стр. 193—194); Заметка по поводу последнего землетрясения. — «Окраина», 1897, № 100; К вопросу о киргизских судах. — «Окраина», 1897, № 102; Киргизские пословицы [интимные]. Печатается на правах рукописи в количестве пятидесяти экземпляров. — Ташкент, Типолитография В. М. Ильина, 1900, 13 стр.; Предание о возникновении азиатского города Ташкента. — ПТКЛА, V, Ташкент, 1900, стр. 145—151; Предание о Хазряти-Исмаил-ата. — ТВ, Ташкент, 1901, № 20, 24, 25; Киргизские мудрые советы. Текст и перевод. — Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, вып. XI, отд. 2, Ташкент, 1904, стр. 1—26 (здесь же: Киргизские колыбельные песни, стр. 1—32); Бугор Тек-Турмас в связи с походами Тимура. — ПТКЛА, XI, Ташкент, 1906, стр. 83; О значении названия «Кок-Кесене» (Историко-археологическая заметка). — ПТКЛА, XIII, Ташкент, 1909, стр. 11—13; Краткая история Тюрков-Татар (рец.).— ТВ, 1915, № 46; Пожелание.— «Народный университет», Ташкент, 1918, № 8; Опись этнографических материалов, собранных в Семиреченской области в 1920 году особо командированной комиссией.— «Наука и просвещение», Ташкент, 1922, № 1, стр. 25—27; Указатель этнографическим материалам на киргизском языке, собранным А. А. Диваевым. — «Наука и просвещение», Ташкент, 1922, № 2, стр. 27—29; Кипарисоподобные письмена. — Материалы по казаховедению, Ташкент, 1928, стр. 81—92; Казахские

сказки, т. I, Составитель Ч. Исмаилов. — Алма-Ата, 1957, 440 стр. (на каз. яз.); Казахские сказки, т. I, Составление и редакция В. М. Сидельникова. Алма-Ата, 1958, 461 стр. (в содержание входят некоторые записи сказок, осуществленные А. А. Диваевым и частично не публиковавшиеся); Пословицы и поговорки народов Востока. Предисловие В. П. Аникина. Отв. редактор И. С. Брагинский. — М., ИВЛ, 1961, 736 стр. (Перевод с казахского А. Диваева, П. Мелиоранского, Н. Пантусова и др.); Казахская народная поэзия (Из образцов, собранных и записанных А. А. Диваевым). — Алма-Ата, 1964, 256 стр.

Литература об А. А. Диваеве. В. В. Бартольд, рец., А. А. Диваев. Этнографические материалы. Сказки, басни, пословицы и приметы туземного населения Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1895, 160 стр. — ЗВОРАО, т. IX, СПб., 1896, стр. 297—299 (В. В. Бартольд. Сочинения, т. IV, М., 1966, стр. 367—368); «Исторический вестник», т. LXXVIII, СПб., 1902, стр. 339; В. А. Каллаур. По поводу сообщений А. А. Диваева о древних сооружениях «Тек-Турмас» и «Кок-Кесене». ПТКЛА, XII, Ташкент, 1908, стр. 32—34; Источники словаря русских писателей. — Собрал С. А. Венгеров, т. II, СПб., 1910, стр. 252; Х. Т. Зарифов. Неутомимый ученый и просветитель А. А. Диваев.— ИАН КазССР, № 55, Серия литературная, вып. 6, Алма-Ата, 1948, стр. 74—77; Диваев Абубакир Ахмеджанович. — БСЭ, т. 14, М., 1952, стр. 314; В. А. Крачковская. Эпиграфика Средней Азии (Пионеры эпиграфики. Туркестанский кружок любителей археологии).— «Эпиграфика Востока», VII, М.—Л., 1953, стр. 62; М. Е. Массон. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении (ч. I; до первой послевоенной пятилетки). — Труды САГУ им. В. И. Ленина. Археология Средней Азии. Новая серия, вып. LXXXI; Исторические науки, кн. 12, Ташкент, 1956, стр. 10; Б. В. Лунин. А. А. Диваев как археолог-краевед. — ИАН УзССР, Серия общественных наук, Ташкент, 1957, № 1, стр. 73—77; Он же. Из истории русского востоковедения..., стр. 82—83, 94; Г. Н. Валиханов. Этнография казахского народа в трудах А. А. Диваева. СЭ, М., 1958, № 5, стр. 61—67; Б. С. Сулайманов. Некоторые вопросы истории Казахстана в трудах А. А. Диваева. — ИАН КазССР, Серия истории, археологии и этнографии, Алма-Ата, 1959, вып. 1, стр. 41—48; Э. А. Масанов. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР.— Алма-Ата, Изд-во «Наука» КазССР, 1966, стр. 265—266; В. М. Жирмунский. Вопросы изучения эпоса народов СССР.— М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 28.

АХМАД ДОНИШ

МЫСЛИТЕЛЬ, ученый, писатель-просветитель Ахмад ибн Мир Насир ибн Юсуф ал-Ханафи ас-Сиддики ал-Бухари (псевдоним — Дониш; известен также под прозвищем Ахмади Калла — «Ахмад-голова», родился в 1242/1827 в Бухаре в семье имама (крестьянина по происхождению) мечети одного из городских кварталов.

Учился Ахмад Дониш в мактабе, затем в мадраса, уделяя здесь много времени самостоятельному изучению истории, литературы, каллиграфии, музыки, астрономии, геометрии, медицины. Он был хорошо знаком с бессмертными творениями Ибн Сины, Навои, Бедиля и др.

В начале 50-х годов Дониш служил при дворе эмира Насраллаха в качестве каллиграфа, художника, оформлявшего рукописные сочинения, зодчего.

В 1870 оставил службу «и поселился (слова Дониша) в медресе, удовлетворившись сухим хлебом». В конце 70-х (начале 80-х?) годов был направлен судьей в отдаленные области эмирата Хузар, Нахрпай.

В 1857, 1869 и 1874 входил в состав посольств бухарского эмира в Россию. Поездки из Бухары (столицы небольшой, экономически отсталой феодальной страны) в Петербург (столицу обширной страны, переходившей на путь капиталистического развития) оказали большое, в некоторых отношениях решающее воздействие на формирование и развитие мировоззрения Ахмада Дониша, его общественно-политических взглядов. Усугублялось его критическое отношение к пережиточно-средневековым условиям жизни эмирата, понимание степени его отсталости, косности и антинародного характера административного аппарата, паразитического образа бытия правящей верхушки. Ахмад Дониш

серьезно задумывается над необходимостью социально-экономических преобразований общественного устройства Бухары.

У Дониша сложилось незыблемое убеждение о величии русского народа и не случайно он доказывал бухарскому эмиру необходимость миролюбивой политики в отношении России. Высмеивая высокомерных и чванливых царских сановников, ведущих паразитический образ жизни, Дониш в то же время высоко ценил гуманизм и другие благородные качества русского народа («хотя по национальности и религии он отличается от нас, но в дружбе, искренности и человечности пример всем»). Знание русского языка Дониш полагал важнейшим средством приобщения к европейской культуре.

В годы пребывания Дониша в Бухаре в его доме собирались любители науки, литературы и искусства и в их числе прогрессивно мыслившие люди, сочувственно относившиеся к критическим высказываниям хозяина дома, разделявшие его мысли о введении в Бухаре «справедливых законов и разумного правления». Правда, мысли эти не шли дальше стремления увидеть на престоле государя умного, просвещенного, благожелательного к народу. Но и с учетом этого обстоятельства Ахмад Дониш глубже и четче, чем его современники определял причины плачевного положения своей родной страны.

Научное и литературное наследие Ахмада Дониша весьма обширно и многогранно и до сих пор, несмотря на значительные успехи советских исследователей жизни и творчества Ахмада Дониша (труды Е. Э. Бертельса, А. М. Мирзоева, И. М. Муминова, З. Р. Раджабова и др.), полностью не собрано и до конца не изучено. Это наследие представлено поэтическими творениями, сочинениями (например, «Мера благочестия») о сущности разногласий между различными религиозными учениями и сектами (например, сунниты и шииты), работами философского характера, трудами по астрономии и астрологии, историческими трактатами и т. д.

В работах по астрономии («Зрелища небесных светил» и др.) Дониш проявлял склонность к естественнонаучному пониманию природных явлений. Он писал о шарообразности земли, о движении планет, о возможности предвидения затмений солнца и луны и пытался найти причину этих явлений в самой природе, а не вне ее. По сути дела, Дониш осуществлял критику геоцентрической системы и обосновывал систему гелиоцентрическую.

Дониш выступал также против широко распространенного в тот период в Средней Азии религиозно-фаталистического учения о предопределении. По словам Дониша, продукты питания не с неба падают, а появляются в результате упорного труда крестьянина, и человек сыт не верой в предопределение, а благодаря своим трудовым усилиям.

Следовательно, трудолюбие (а не слепая вера) должно лежать в основе практической деятельности людей.

«При всем этом в силу исторических условий и мелкобуржуазно-крестьянской ограниченности Ахмад Дониш не сумел освободиться в своих произведениях от влияния средневековой идеологии; этим объясняется непоследовательность и противоречивость его мировоззрения» (И. М. Муминов), сочетание в нем идеалистических и материалистических представлений об окружающем мире и общественном прогрессе.

Исторические и литературно-философские произведения Дониша являют собой драгоценный источник для познания истории Бухары прошлого столетия и истории развития передовой общественно-философской мысли.

Политические, социальные и философские взгляды Дониша нашли наиболее полное и яркое отражение в его рукописном труде «Наводир-ал-вакое» — «Редчайшие происшествия» (известно несколько авторских редакций этого сочинения, написанного в 1875—1881 и пользовавшегося широкой известностью в среде передовой общественности Бухары и за ее пределами; рукописные копии переходили из рук в руки, давая читателям ответ на многие волнующие их вопросы современной общественной жизни и расширяя их общий кругозор).

«Редчайшие происшествия» освещают самые различные вопросы философии, морали, общественной и личной жизни, просвещения и т. д. Для историков особенно важен вошедший в рукопись «Трактат об устройстве государства и о взаимоотношениях людей» и некоторые другие, а также главы, посвященные описанию посещения посольством Бухары Петербурга.

Особое внимание всех исследователей «Редчайших происшествий» привлекают слова Дониша, что у европейцев есть теория, согласно которой первоначально у всех людей имущество было равным, но затем сильные ограбили слабых и возникло неравенство, а потому надо произвести всеобщий передел, причем сам Дониш весьма одобрительно относился к этой идее, хотя и сознавал, что фактически «никто легко не откажется от своего имущества». Но если такой передел осуществится, тогда, по мысли Дониша, отомрет противопоставление богатства бедности, люди всех вер и наций будут трудиться в согласии и дружбе, не будет войн, а с ними войск и вооружения, и все дары земли станут служить человеку.

Предполагается, что «теория франков» о всеобщем равенстве стала известна Донишу в результате его пребывания в Петербурге. В последнее время, в связи с установлением факта личной встречи и беседы Дониша в Ташкенте в августе 1869 с известным русским путешественником-писателем П. И. Пашино (*см.*), высказывается также предположение, что «теория франков» стала известна Донишу со слов Пашино,

который, живя до этого в Петербурге, был близок кругам прогрессивно-демократической интеллигенции, сотрудничал в «Современнике» Н. Г. Чернышевского, лично знал Н. А. Добролюбова и других революционных демократов. О встрече с Пашино сообщает сам Дониш.

Выделяется, далее, исторический трактат Ахмада Дониша «Жизнеописание эмиров благородной Бухары от эмира Данийала до времени эмира Абдаллаха» (точное авторское название неизвестно). Написание этого труда было завершено после 1885.

Его социально-критическая направленность характеризуется выводами автора касательно того, что мангытский правитель Бухары Данийал заботился о собственном благе, а не о процветании государства. «Власти забирали себе все, что бы ни находили,— похищали пламя от свечи у вдов и хлеб из вакфных амбаров, и все это на потребу своего брюха и себе на радость. И ни у кого не было смелости возражать против этого. Среди эмиров и хакимов оживился базар азартных игр, винопития и распутства, а у крестьян и ремесленников не осталось возможности ни стоять, ни двигаться из-за обилия жестокостей, притеснений, налогов и прочих сборов вроде аминала, вакилана».

Более пригляден, по Донишу, облик преемников Данийала — Шахмурада, Хайдара и его сыновей. Что касается эмира Насраллаха (1826—1869), то автор, воздавая должное его волевым качествам, расширению при нем пределов эмирата и пр., в то же время констатировал тяжелое положение народных масс, злоупотребления чиновников и т. д. В центре внимания трактата — правление эмира Музаффара (1860—1885), протекавшее на глазах Ахмада Дониша. В этой части сочинение может служить редким образцом местной историографии, в которой с такой силой была подвергнута суровой и нелицеприятной критике общественно-политическая жизнь Бухары при эмире Музаффаре. Дониш нарисовал мрачную картину деспотизма, произвола и невежества эмира и его приспешников — кушбеги Мухаммад-Шаху и др. Дониш касается и событий, связанных с вступлением во владение Бухары царских войск. Из сообщаемых им данных следует, что лозунги газавата не пользовались популярностью в массах, что пришлось «применять палки», чтобы побудить население вступать в ополчение— плохо организованное, слабо вооруженное, обреченное на гибель. Дониш рисует теневые стороны организации бухарского войска, невежество военачальников и пр.

В общем итоге Дониш воссоздает картину бесправия народа, злоупроблений чиновничества, алчности и корыстолюбия самого эмира. По сути дела, писатель характеризует все отрицательные стороны системы управления и хотя сам он не осознает, что речь должна идти не о «плохих» или «хороших» правителях и их слугах, а о гнилости и непригодности общественного строя в целом (здесь проявлялась исто-

рическая ограниченность взглядов Дониша), сообщаемые им факты помогают уяснить конкретную историческую обстановку в Бухаре XIX в., включая время накануне превращения ее в вассальное владение царизма. Сам Дониш оставил подробный проект осуществления реформ в Бухарском ханстве. Он считал необходимым установление справедливого государственного строя, развитие на основе расширения и усовершенствования ирригации, покровительство ремеслам, содействие успехам науки и просвещения, заботу о подготовке специалистов. Он мечтал о том, чтобы каждый человек был сыт и образован, считал, в частности, целесообразным проведение большого оросительного канала из Амударьи до Бухары, изучение и использование полезных ископаемых страны. Главную силу прогрессивного развития страны Дониш усматривал в просвещении народа — мысль, несмотря на ее идеалистический, сугубо просветительский характер, имевшая прогрессивное значение в условиях Бухары XIX в.

В общей сложности современные исследователи видят в Донише передового мыслителя-одиночку, представителя «примитивной крестьянской демократии» в Средней Азии прошлого столетия: «Все то, что больше минимума потребности, это цепь на шее народа» (слова Дониша). «Эти положения Ахмеда Дониша являются своеобразным проявлением «теории равенства, уравнительности», возникшей в условиях Узбекистана» (И. М. Муминов). Эта теория в борьбе с абсолютизмом и феодальным землевладением была революционной. По словам В. И. Ленина, идея равенства законна и прогрессивна у мелкого буржуа-крестьянина, поскольку она выражает борьбу с неравенством феодальным, крепостническим.

Садриддин Айни (*см.*) образно назвал Дониша «лучезарной звездой на мрачном небе бухарского эмирата».

Скончался Ахмад Дониш, в родной Бухаре в 1897.

Указатель произведений (рукописей и публикаций) Ахмада Дониша: Е. Э. Бертельс. Рукописи произведений Ахмада Каллэ.—Труды Таджикистанской базы АН СССР, т. III, М.—Л., 1936, стр. 9—28; А. Мирзоев. Первая редакция «Наводир-ул-вакое» и время ее составления.— Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Семенова, Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, т. XVII, Сталинабад, 1953, стр. 151—161; А. Юнусов. Ахмад Дониш. Указатель литературы. — Сталинабад, 1960, 27 стр. (текст на тадж. и русск. языках; указатель включает опубликованные произведения Дониша); К. Джамалов. Библиография. В кн.: З. Ш. Раджабов. Просветитель Ахмад Дониш. — Душанбе, Изд-во «Ирфон», 1964, стр. 289—307 (раздел библиографии: Произведения Ахмада Дониша); Л. М. Епифанова.

Рукописные источники Института востоковедения Академии наук УзССР по истории Средней Азии периода присоединения к России (Бухара). Под ред. А. Урунбаева. — Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1965, стр. 9—22.

«Исторический трактат» и глава из книги «Редчайшие происшествия» Ахмада Дониша в переводе на русский и узбекский яз. см.: Ахмад Дониш. Путешествие из Бухары в Петербург. Подготовка текста и комментарий Р. Хади-Заде. Перевод с таджикского М. Н. Османова и Л. Н. Демидчик. Под ред. Х. С. Айни и Р. Хади-Заде. — Душанбе, Таджикгосиздат, 1960, 300 стр.; Ахмад Дониш Наводир ул-вокае. — Перевод с фарсидско-таджикского А. Хамраева и А. Шакирова. Под ред. акад. АН УзССР И. М. Муминова. — Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1964, 410 стр. (на узб. яз.). [Ахмад Дониш]. Трактат Ахмада Дониша «История мангитской династии». Перевод, предисловие и примечания И. А. Наджафовой. — Душанбе, Изд-во «Дониш», 1967, 142 стр.

Литература об Ахмаде Донише: К. Джамалов. Указ. соч. (разделы: Современники Ахмада Дониша о нем. Литература об Ахмаде Донише). Далее дается выборочно: И. С. Брагинский. К изучению таджикской литературы XIX и XX вв. — В кн.: Очерки истории таджикской литературы. — Душанбе Таджикгосиздат, 1956, стр. 376—391; Материалы по истории прогрессивной общественно-философской мысли в Узбекистане. Под ред. акад. АН УзССР И. М. Муминова. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957, стр. 279—286; И. М. Муминов. Из истории развития общественно-философской мысли Узбекистана конца XIX и начала XX века. Труды УзГУ им. А. Навои, Новая серия № 40, Самарканд, 1949, стр. 17—26; Он же. Из истории развития общественно-философской мысли в Узбекистане. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, стр. 86—105; Он же. Ахмад Дониш и его произведение «Редчайшие происшествия», В кн.: Ахмад Дониш, Редчайшие происшествия, Ташкент, 1964, стр. 7—29 (на узб. яз.); З. Ш. Раджабов. Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX и в начале XX в. — Душанбе, Таджикгосиздат, 1957, стр. 103—105; А. М. Богоутдинов. Очерки по истории таджикской философии. — Душанбе, Таджикгосиздат, 1961, стр. 264—308; Садриддин Айни. Воспоминания.— М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 402—515; К. Айни. Встречи Ахмада Дониша с П. А. Пашино.— «Народы Азии и Африки», М., 1963, № 6, стр. 144—146; И. А. Наджафова. «Рисола» Ахмада Дониша как исторический источник и некоторые особенности творчества А. Дониша как историка. — Автореферат дисс., Душанбе, 1970, 20 стр. Также: Ч. А. Стори. Персидская литература, Био-библиографический обзор. Перевод с английского.— Ч. II, М., ГРВЛ, 1972, № 1029, стр. 1168—1171.

САМУИЛ МАРТЫНОВИЧ ДУДИН

ХУДОЖНИК, путешественник, этнограф и археолог, музейный работник С. М. Дудин родился 19 августа 1863 в местечке Ровном Елисаветградского уезда Херсонской губернии, в семье сельского учителя,

По окончании школы учился в Елисаветградском земском реальном училище, но не окончил его, так как был арестован за нелегальную политическую деятельность. Дудин входил в связанный с Киевом либерально-народнический кружок украинской «громады». В кружке шел процесс быстрого и последовательного «полевения». В 1882 целью кружка (он назывался теперь елисаветградским кружком саморазвития) стала подготовка к практической революционной деятельности. В феврале 1883 кружок был переименован в народовольческий.

В 1884 Дудин стал посещать собрания рабочих, читал им «сказку про то, как царь Археян хотел богу жаловаться» и готовясь, видимо, к свершению террористических актов, пытался сконструировать с помощью рабочих разрывной снаряд. Дудин поставлял для одного из рабочих кружков нелегальную литературу. К этому времени относится и углубленное изучение Дудиным произведений Карла Маркса, оказавших на него большое влияние, хотя в конечном счете Дудин пришел к субъективистским и пережиточно-утопическим взглядам на возможность мирного и постепенного осуществления социализма.

В 1887 Дудин был выслан в Селенгинск Забайкальской области, где при содействии Главной физической обсерватории организовал метеорологическую станцию, а также собирал фольклорные и этнографические материалы по русскому и бурятскому населению. Здесь он

познакомился с известным путешественником и исследователем Центральной Азии Г. Н. Потаниным и, очевидно, именно с его помощью переехал в г. Троицкосавск, где работал в фотографии Н. А. Чарушина до 1892. К активной революционной деятельности Дудин больше не возвращался. Склонность к научно-краеведческой работе и его замечательные способности «тонкого, внимательного наблюдателя» (С. Ф. Ольденбург) и фиксатора (рисовальщика и описателя) объектов материальной культуры обратили на себя внимание ряда крупных ученых. В качестве рисовальщика Дудин участвовал в известной Орхонской экспедиции В. В. Радлова (*см.*) и Н. М. Ядринцева. Вместе с ними он вернулся в Петербург (о чем ходатайствовал Радлов) и в дальнейшем был амнистирован (власти, не забыли, однако, о его революционной деятельности и позднее, 12 октября 1904, полицмейстер Зимнего Дворца в секретном письме уведомил Археологическую комиссию, что «допуск в здание Императорского Зимнего Дворца художника Самуила Мартиновича Дудина представляется нежелательным, почему и прошу зависящих распоряжий о прекращении занятий Дудина в помещении Императорской Археологической Комиссии». Лишь через четыре года, 12 декабря 1908 Комиссия просила возобновить право Дудина на работу в помещении Комиссии и такое разрешение было дано (Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, оп. 1, 24, 1904 г., л. 33—35).

В 1892 Дудин сдал вступительные экзамены и был принят в Академию художеств, которую и окончил в марте 1898, будучи в поощрение командирован Академией за границу для усовершенствования в искусстве живописи. По своим художническим симпатиям он тяготел к передвижникам, учился в классе И. Е. Репина.

С 1895 Дудин стал принимать участие в работе Музея антропологии и этнографии, Археологической комиссии, Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях и др., участвовал в художественных выставках и т. д. С 1914 и по день смерти Дудин занимал в Музее антропологии и этнографии штатную должность ученого хранителя отдела древностей Восточного и Западного Туркестана и еще (с 1911) заведующего Отделом изображений и фотомастерской. Долгое время он исполнял также обязанности секретаря музея и состоявшего при нем научного Радловского кружка. В «Трудах» Орхонской экспедиции был издан его альбом рисунков монгольских древностей.

В 1893 Дудин вместе с В. В. Бартольдом (*см.*) выехал в Среднюю Азию, куда Бартольд был командирован Академией наук и Петербургским университетом с целью «собрать на месте сведения о следах, оставленных прежними обитателями ее, и по возможности дать краткое описание развалин городов, укреплений и т. п.».

По словам Бартольда, при составлении отчета о поездке 1893—1894 он «пользовался записками С. М. Дудина, любезно предоставленными им в (его) полное распоряжение. Относительно памятников древности, виденных нами обоими», Бартольду «часто (приходилось) дословно приводить описания, сделанные... Дудиным; последний уже раньше принимал участие в подобных работах и потому обладал большей опытностью...».

В 1894 Дудин занимался этнографической работой на Украине, изготовил ряд таблиц для «Минусинских древностей» В. В. Радлова, в 1899 совершил поездку в Акмолинскую и Семипалатинскую области (сделав здесь свыше 600 фотографий из жизни и быта казахов), а в 1900—1902 — в западную часть Восточного Туркестана, в 1909 и 1914 участвовал в экспедициях под руководством С. Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан и Западный Китай, сделав около 2000 негативов по архитектуре и стенописи древних буддийских храмов и монастырей, множество прорисей и калек и сумел срезать, укрепить и смонтировать более 250 *м* настенной живописи.

В 1895 Дудин был командирован Археологической комиссией в состав экспедиции во главе с Н. И. Веселовским (*см.*) в Самарканд, где выполнил около 200 замечательных по мастерству и точности негативов (24 × 30 *см.*) с местных историко-архитектурных памятников и осуществил ряд прорисей и калек с мозаик и образцов. «Грандиозные самаркандские постройки, — свидетельствует Бартольд, — произвели на Дудина сильное впечатление».

В этом и последующих годах Дудин собрал также богатый материал по народному орнаменту узбеков, киргизов, таджиков и туркмен, по их керамическому и ковровому производствам.

В 1905—1907 Дудин совершил по поручению Русского Комитета еще две поездки в Самарканд, где заснял свыше 1600 негативов (24 × 30 *см*), преимущественно с деталей декоративного убора (покрытия) историко-архитектурных памятников «с отметками по натуре разницы в тонировке» (хранятся в Музее антропологии и этнографии). В совокупности с результатами поездки 1895 эти негативы образовали богатейшее, незаменимое и во многом неповторимое собрание материалов и научной фиксации внешнего убранства и архитектурных деталей таких выдающихся памятников Самарканда, как ансамбль Шах-и Зинда, мечеть Биби-ханым, мавзолей Гур-и Эмир и др.

Выдающаяся роль собрания Дудина стала особенно очевидной после сильного самаркандского землетрясения 1907. Было тем более «ясно, какое огромное значение имеют для науки... прекрасные негативы С. М. Дудина... (Они) в настоящее время... становятся важными историческими документами, без которых (дальнейшее) серьезное изучение невозможно» (А. Ю. Якубовский).

Таким образом, именно благодаря Дудину к концу 1908 «почти все архитектурные памятники Самарканда оказались (научно) заснятыми».

С течением времени свои наблюдения за облицовочными украшениями древних архитектурных сооружений Средней Азии Дудин обобщил в специальной статье. Декоративные украшения мечетей в Самарканде, Бухаре, Анау, Байрам-Али, Ак-Сарае и Шахрисабзе он делил по технике изготовления на изразчатые мозаики, майолики (изразцы) и рельефные изразцы. В свою очередь эти категории разделялись на несколько типов. Статья Дудина являлась первой серьезной попыткой осветить вопрос о «технических приемах, какие, по-видимому, применялись прежними мастерами» при изготовлении декоративных украшений (изготовление плиток, покрытие их глазурью, обжигание, способ орнаментации и пр.). Заслуживает внимания, что Дудин сам производил необходимые опыты, в частности с целью установления необходимой для расплавления глазури температуры печей, по распиловке ее («притачивание подпилком»). Наиболее подробно описывал он мозаичные украшения самаркандских памятников (мавзолеев Шах- и Зинда, Гур- и Эмир и др.).

В 1908 состоялась еще одна поздка Дудина в Самарканд вместе с архитектором К. К. Романовым. Дудин осуществлял фотофиксацию мадраса Шир-Дор, Тилля-Кари, Улугбека, мавзолеев Ишрат-хана, Ходжа-Ахрар, Ак-Сарай, Рухабад, мечети Намазгох, мазаров Ходжа Абу-Бирун и Ходжа Абу-Дарун, Чупаната и других (565 отлично выполненных негативов).

Фанатичный приверженец научной фиксации историко-архитектурных памятников и первоклассный мастер своего дела, Дудин, наблюдая в те годы печальное состояние самаркандских историко-архитектурных памятников, постепенное расхищение их наружного убранства, выступил с поддержанным В. В. Радловым предложением снять и отдать в музей сохранившуюся часть декоративного убранства старинных строений Самарканда.

Благие намерения Дудина были несомненны, но объективно реализация его предложения грозила непоправимым уроном для всемирноизвестных памятников Самарканда. В. В. Бартольд, В. Л. Вяткин и другие представители научной общественности решительно выступили против предложения Дудина, и оно осталось неисполненным.

Как художник, этнограф и археолог Дудин — «мастер глаза и руки — всегда объединял работу теоретически научную с работою технически практическою. Мы видим его изучающим ковровый орнамент, занимающимся широкими сравнительными изысканиями в области орнамента и рядом с этим тщательно, со всею вдумчивостью текстильного мастера изучающего технику коврового дела; и одно постоянно

помогало успеху другого, потому что форма и содержание теснейшим образом сплетены друг с другом... (При этом) С. М. Дудин всегда отличался редким знанием технической терминологии и по-русски и на языках производящей среды» (С. Ф. Ольденбург).

Как фотофиксатор древностей Дудин справедливо снискал себе неоспоримую репутацию фотографа-ученого, чьи работы приобретали именно большое научное, а не только чисто техническое значение.

Собранные Дудиным коллекции по этнографии, археологии, фотофиксации узбекского и других народов Средней Азии легли в основу научных фондов этнографического отдела Музея антропологии и этнографии АН СССР.

Перу Дудина принадлежит несколько ценных публикаций по вопросам техники средневекового искусства Средней и Центральной Азии, по среднеазиатскому ковровому производству и народному орнаменту и др. По киргизскому орнаменту он написал специальную работу («Киргизский орнамент»), недостатком которой «являлось смешение данных казахской и киргизской этнографии», так как автор «по-видимому, не видя особой разницы между обоими народами, путал национальную терминологию» (Э. А. Масанов).

Особняком стояли работы Дудина по керамике. По его словам, во время пребывания в Самарканде он начал собирать и скупать (на Афрасиабе и в других местах) «черепки расписной посуды». По подсчетам Дудина, имелось более 300 орнаментальных мотивов на древней самаркандской керамике. В Эрмитаже хранится собранная им большая коллекция древней керамики из Самарканда и других мест (около трех тысяч фрагментов и ряд почти целых изделий, часто с надписями). Дудин оказывал содействие и Н. Ф. Бурдукову, занимавшемуся сбором и описанием среднеазиатской керамики и опубликовавшему примечательную для своего времени книгу, посвященную Средней Азии («Гончарные изделия Средней Азии», СПб., 1904). В Самарканде Дудин собрал также образцы работы местных мастеров по ганчу.

И сейчас не утратили полностью своего значения статьи Дудина «Фотография в этнографических поездках» (1921) и «Фотография в научных поездках» (1923).

Скончался Дудин в ночь с 8 на 9 июля 1929 в Ленинграде. Память о нем была почтена некрологами, написанными академиками В. В. Бартольдом, Е. Ф. Карским, С. Ф. Ольденбургом и Э. К. Пекарским.

Указатель публикаций С. М. Дудина: Е. М. Кубиш. Список печатных трудов С. М. Дудина.— Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР, IX, Л., 1930, стр. 343—344. Ниже приводится указатель публикаций Дудина среднеазиатского цикла с принадлежащими

составителю дополнениями и некоторыми библиографическими уточнениями: Резьба по дереву у киргиз.—«Зодчий», СПб., 1901, № 10; Художественная промышленность туркмен и сартов. — «Закаспийское обозрение», Ахшабад, 1902, № 57 (Доклад С. М. Дудина 16 февраля 1902 г. в Обществе поощрения художеств); Отчет о работах в мавзолеях Шах-Зинда в Самарканде.— Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, № 6, СПб., 1906, стр. 26—34; Собрание этнографических коллекций и археологических материалов преимущественно по орнаментике народностей, населяющих Среднюю Азию, С. М. Дудина. — ИАК, Прибавление к вып. 21-му, СПб., 1907, стр. 73 («Слово», 10 марта 1907, № 95, «Ведомости СПб. градонач.», 5 августа 1907 г., № 170); Орнаментика и современное состояние старинных самаркандских мечетей.— Известия Имп. Археологической Комиссии, вып. 6, СПб., 1910, стр. 49—73; Отчет о поездке в Самарканд летом 1908 года—Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, № 10, СПб., 1910, стр. 54—60; Среднеазиатские ковры—«Столица и усадьба», Пгр., 1916. № 2; К вопросу о технике изготовления изразцовых мозаик Средней Азии.— Известия Российской Академии истории материальной культуры, IV, Л., 1925, стр. 183—204; Киргизский орнамент.— «Восток», V, М.—Л., 1925, стр. 120—172; Ковровые изделия Средней Азии.— Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР, VII, Л., 1928, стр. 71—158.

Литература о С. М. Дудине: Отзыв В. В. Радлова о работе С. М. Дудина в письме на имя ИАК 22 октября 1892 г. см.: Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 187, л. 1—2; ПТКЛА, Год III, Ташкент, 1897—1898, стр. 33; Д. К. Зеленин. С. М. Дудин (1863—1929). К годовщине смерти.—«Советская Азия», М., 1930, № 5—6, стр. 334—335; Е. Ф. Карский. Памяти С. М. Дудина.— Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР, IX, М.—Л., 1930, стр. 341—343; Э. К. Пекарский. С. М. Дудин.— Там же, стр. 344—348 (на основе автобиографии С. М. Дудина, написанной им для ГАИМК); В. В. Бартольд, Воспоминания о С. М. Дудине. Там же, стр. 348—353; С. Ф. Ольденбург. Памяти Самуила Мартиновича Дудина.— Там же, стр. 353—357 (здесь же текст соболезнования этнографического отдела Гос. Русского Музея по поводу кончины Дудина; стр. 357—358); А. Ю. Якубовский. Самарканд при Тимуре и тимуридах.— Л., 1933, стр. 33; Он же. Из истории археологического изучения Самарканда.— Труды отдела Востока Гос Эрмитажа, т. II, Л., 1940, стр. 292—297, 308—309; В. Л. Воронина. Советские ученые об архитектуре Средней Азии.— Сообщения кабинета теории и истории архитектуры Академии архитектуры СССР, М., 1949, вып. 3, стр. 120; А. Рылов. Воспоминания.—М., «Искусство», 1954, стр. 198—199; О. Г. Большаков.— Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX—XII вв., «Советская

эпиграфика», XII, М., 1958, стр. 24 (о собранной Дудиным коллекции древней керамики Средней Азии); Б. В. Лунин. Из истории русского востоковедения . . . , стр. 227, 316; В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893—1894 гг.— В кн.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. IV, М., 1966, стр. 21—22 (также в другом варианте текста: Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 261, л. 1—6); Г. Н. Чабров Собирание орнаментальных мотивов среднеазиатского исскусства в дореволюционном Туркестане.— НТТГУ, Вып. 200, Ташкент, 1963, стр. 146—148; Э. А. Масанов. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР.— Алма-Ата, Изд-во «Наука» КазССР, 1966, стр. 300; О. Апухтин Влюбленный в Туркестан [С. М. Дудин].— «Звезда Востока», Ташкент, 1974, № 1, стр. 208—212; О деятельности С. М. Дудина см. также: ЗВОРАО, VIII, 344, XV, 105, XVII, 183.

КАРЛ ГЕРМАНОВИЧ
ЗАЛЕМАН

КРУПНЫЙ востоковед-ученый и организатор науки К. Г. Залеман родился в Ревеле (Таллине) 28 декабря 1849. По получении среднего образования (1867) поступил на факультет восточных языков Петербургского университета, где специализировался по персидскому языку. Окончив университет в 1871, занимался под руководством П. И. Лерха (*см.*) иранскими наречиями и в 1873 получил степень магистра персидской словесности. С 1875 стал читать в университете лекции по «зендскому» и среднеперсидскому (пехлевийскому) языкам.

Как ученый Залеман быстро приобрел широкую известность и признание. В 1889 он был избран экстраординарным академиком Академии наук по отделению исторических наук и филологии (с 1895— ординарным академиком). Его научные изыскания были тесно связаны со Средней Азией, особенно в деле изучения ягнобцев и других горных племен, что в первую очередь и влекло сюда Залемана в его поезках 1897 и 1908. Указанные Залеманом параллели ягнобского языка с согдийским и связи последнего с другим «северным» иранским языком — осетинским — позволили Залеману заложить основы согдийской грамматики. Он же окончательно определил характер арамейских элементов в зороастрийских памятниках, показав, что эти элементы суть идеограммы (гетерограммы), фигурировавшие в арамейской письменности указанных памятников, но не существовавшие в живой речи в качестве слов. То, что ягнобское наречие привлекло к себе повышенное внимание столь авторитетного языковеда, каким был Залеман, и притом привлекло именно в качестве пережиточного остат-

ка согдийского языка, послужило поводом к тому, чтобы углубить изучение этого наречия.

Конкретные материалы по этому вопросу, которыми располагал Залеман и которые частично остались в рукописях, были использованы затем в трудах других ученых. При этом сам исследователь не ограничивал круг своих среднеазиатских лингвистических интересов только языком ягнобцев.

Залеман много сделал для приведения в порядок и описания собраний Азиатского музея (особенно описаний вновь поступавших рукописей). И здесь, естественно, ему приходилось постоянно иметь дело с рукописями из Узбекистана и всей Средней Азии, собиранию сохранению и изучению которых он придавал огромное значение и проявлял в этом направлении свою инициативу. Ему наука обязана командированием в 1915—1916 в Бухару представителя Академии наук В. А. Иванова, в результате чего Азиатский музей обогатился обширной «бухарской коллекцией». Он держал в поле зрения и деятельность местных туркестановедов, вел переписку с Е. Ф. Калем (*см.*) и другими учеными.

Следуя традиции своих коллег по Восточному отделению РАО (В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский, С. Ф. Ольденбург, В. Р. Розен и др.), внимательно следивших за местной литературой и рецензировавших ее, Залеман выступил в печати с отзывом на самоучитель узбекского языка З. А. Алексеева и А. Н. Вышнегорского, отзывом на работу М. С. Андреева «Материалы для изучения таджикских наречий» и др.

Залеман был связан с Туркестанским кружком любителей археологии в Ташкенте.

Первая поездка ученого в Среднюю Азию была совершена от имени Академии наук в 1897 в связи с экспедицией Русского Географического Общества в верховья Амударьи для исследования языка и быта горных племен.

Из Петербурга Залеман прибыл в Самарканд, где пользовался содействием В. П. Наливкина (*см.*), о котором он отзывался в своем отчете о поездке как об «известном знатоке и исследователе края, авторе важных сочинений по истории его, по языку и быту». Залеман установил контакт с рядом лиц, передавших ему восточные рукописи для Азиатского музея. В Коканде он наводил справки о библиотеке Худояр-хана, хранившейся, по некоторым сведениям, в уездном правлении, но библиотека исчезла бесследно, и лишь несколько рукописей из нее довелось увидеть у муллы Сарымсак-ходжа-мирзы, бывшего одно время хранителем библиотеки (три рукописи Залеману удалось приобрести).

В Оше Залеман занялся изучением шугнанского наречия путем живых бесед с выходцами из Шугнана. Ученый познакомился с ошским уездным мировым судьей Д. М. Граменицким, бывшим питомцем факультета восточных языков Петербургского университета, который передал при посредстве Залемана в дар Азиатскому музею восточные рукописи из своего собрания. Залеман составил список полученных от Граменицкого рукописей.

Возвратившись из Оша в Самарканд, Залеман продолжил работу по изучению шугнанского наречия при посредстве молодого ягнобца Шах Махмата. Залеман собирался также посетить район Памира, но несчастный случай (перелом ноги) заставил его задержаться в Маргилане и отказаться от этой мысли.

В Бухаре Залеман посетил книжный базар и приобрел несколько древних рукописей. Из Бухары через Баку — Тифлис — Владикавказ он вернулся в Петербург.

Всего (не считая рукописей, полученных от Наливкина, Вяткина и Граменицкого) Залеман приобрел 96 рукописей, в том числе 25 арабских. Среди них находились такие шедевры, как сочинение ал-Газмини с уникальными материалами по хорезмийскому языку, два экземпляра «Посланий чистых друзей», или «Трактата чистых братьев и искренних верных друзей»— известной философской энциклопедии X—XI вв., рукопись исторических «добавлений» к словарю «Ясный» Джемаля Карши, «сделавшую известным это важное для истории Средней Азии сочинение». Именно поездка 1897 убедила Залемана в необходимости и целесообразности специальных поездок (экспедиций) в Среднюю Азию с целью отыскания и скупки восточных рукописей.

Летом 1908 состоялась вторая среднеазиатская поездка Залемана, предпринятая по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Ее главная цель заключалась, как и первой, в лингвистических исследованиях. Однако, пользуясь случаем, Залеман приобрел в Самарканде несколько восточных рукописей и принял участие в каталогизации собрания рукописей В. Л. Вяткина. В Бухаре Залеману «посчастливилось напасть в старом городе на богатый склад древних и новых мусульманских рукописей», из которых он приобрел 42, в том числе «нескольких редкостей и unica».

Побывал Залеман в 1908 также в Андижане, Коканде, Ташкенте и Оше.

В Ташкенте он принял участие в заседании Туркестанского кружка любителей археологии (26 мая 1908) при обсуждении вопроса об открытых Б. Н. Кастальским (*см.*) бия-найманских оссуариях, имевших на своих стенках ряд изображений. Залеман высказал предположение, что это изображения людей, исповедующих культ Зороастра

(фигуры держат в руках растение гаему, прославляемое в Зенд-Авесте, дающее здоровье и, главное,— бессмертие). При этом было высказано мнение, что изображаемые четыре типа мужчины с женщиной под аркой (два на передней стенке и по одному на правой и на левой сторонах четырехугольного «гроба») представляют собою четыре сословия зороастрийцев: жрецов, воинов, ремесленников и земледельцев. «И это предположение,— говорил Залеман,— подкрепилось осмотром подлинных черепков у владельца в Самарканде».

По ходатайству Залемана Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии отпустил в распоряжение В. Л. Вяткина *(см.)* средства на изготовление эстампажей с надгробных надписей в Самарканде (был изготовлено свыше 150 эстампажей).

Большой заслугой Залемана является ввод им в научный оборот материалов по ягнобскому (новосогдийскому) языку, собранных местными востоковедами — А. Л. Куном (с помощью Мирзы Абд ар-Рахмана — *см.*), Г. А. Арандаренко, Е. Ф. Калем *(см.)*, а также Н. И. Веселовским (язык ягнобцев). Материалы эти были включены Залеманом в книгу «Ягнобские этюды» (книга не вышла в свет, но ее корректурными листами пользовались, с разрешения автора и после его смерти, многие исследователи). То же самое следует сказать и в отношении шугнанского языка. Получив сырые полевые записи по нему, сделанные в 1883 известным любителем-креведом Д. Л. Ивановым, Залеман научно обработал их, исправил транскрипцию и составил краткий грамматический очерк шугнанского языка. «Словарь» был издан в 1895 (К. Г. Залеман. «Шугнанский словарь Д. Л. Иванова»).

Его широко известная «Манихаика» («Manichaica») также включает в себя многочисленные языковые параллели: манихейско-согдийские, ягнобские, шугнанские, ваханские и др.

В числе учеников Залемана, много сделавших впоследствии для изучения прошлого Средней Азии, были М. С. Андреев (*см.*), И. И. Зарубин, Ф. А. Розенберг, А. А. Ромаскевич, А. А. Фрейман и др.

Скончался Залеман в Петрограде 30 ноября 1916.

Указатель публикаций К. Г. Залемана (выборочно): Общий указатель печатных работ К. Г. Залемана см.: Материалы для биографического словаря действительных членов Академии наук, ч. I, Пгр., 1915, стр. 295—298; Четверостишия Хакани. Издал и перевел К. Залеман. Диссертация на степень магистра персидской словесности, представленная факультету восточных языков.— СПб., 1875, 124 стр.; [О книге]: В. А. Жуковский. Али Аухадэддин Энвери. Материалы для его биографии и характеристики, СПб., 1883.— ЖМНП, 1883, № 11, отд. 2, стр. 160—176; Bericht über des Mag. V. Zukovski Materialien zur persischen Dialektologie (Melanges asiatiques, t. IX, 1887, p. 225—259);

Новые материалы по ягнобскому языку.— ЗВОРАО, т. III, СПб., 1888, стр. 128—129; Рец.: A. Müller, H. Gies. Türkische Grammatik mit Paradigmen. Literatur, Chrestomathie und Glossar, Berlin, 1889.— ЗВОРАО, т. III, СПб., 1889, стр. 391—394; Шугнанский словарь Д. Л. Иванова.— «Восточные заметки». Сборник статей и исследований профессоров и преподавателей факультета восточных языков СПб. университета, СПб., 1895, стр. 269—320; Отчет о поездке в Среднюю Азию в 1897 г.— ИАН, т. VIII, СПб., 1898, стр. VI—XI; Легенда про Хакимата.— ИАН, т. IX, № 2, СПб., 1898, стр. 105—149; Замечания по поводу сообщения В. В. Бартольда «Ещё о самаркандских оссуариях».— ЗВОРАО, т. XIII, СПб., 1901, стр. XLVIII; Библиографический обзор трудов академика Василия Васильевича Радлова (до 1906 г.).— В кн.: Ко дню семидесятилетия Василия Васильевича Радлова, СПб., 1907; Научные результаты поездки в Туркестан летом 1908 года.— ЗВОРАО, т. XIX, СПб., 1909, стр. XVI—XVII; Отчет о поездке в Туркестан летом 1908 г.— Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, СПб., 1909, № 9, стр. 12—14; Manichaica, I, ИАН, т. I, СПб., 1907, стр. 175—184; Manichaica, II, там же, стр. 531—558; Manichaica, III—IV, там же, 1912, стр. 1—32 (III); 33—50 (IV); Manichaica, V. Там же, т. VII, 1913, стр. 1125—1144; Iranica, I—IV.— ИАН, т. VIII, СПб., 1914, стр. 795—808; Ягнобские этюды. В последней редакции «Ягнобские этюды» (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 208, корректурные листы, 160 стр.) имеют следующую структуру: глава I — «Сведения о ягнобском народе А. Л. Куна (1870) и Ш. Акимбетева (1880)»; глава II — «Материалы для исследования ягнобского языка, собранные А. Л. Куном»; глава III — «Материалы, собранные Уйфальви, Ш. Акимбетевым, Г. А. Арандаренко и Н. И. Веселовским»; глава IV — «Материалы, собранные Е. Ф. Калем в 1887 г.»; глава V — «Словарь ягнобско-таджикско-русско-немецкий». Словарь в корректурных листах не окончен, доведен до буквы «к» включительно (ср. также «Ягнобские словарные материалы».— Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 217, 112 л.); О. Ф. Акимушкин и Ю. Е. Борщевский. Материалы для библиографии работ о персидских рукописях.— «Народы Азии и Африки», М., 1963, № 3, стр. 172—173 (указатель публикаций Залемана с описанием восточных рукописей).

Литература о К. Г. Залемане: Залеман К. Г. Энциклопедический словарь «Брокгауз-Ефрон», т. XII (23), СПб., 1894, стлб. 187; Залеман К. Г.— Новый энциклопедический словарь «Брокгауз-Ефрон», т. XVIII, СПб., б. г., стлб. 174—175; Залеман К. Г. — Биографический словарь профессоров и преподавателей С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования, т. I, СПб., 1896, стр. 257—259; Залеман К. Г.— Малый энциклопедический словарь «Брокгауз-Ефрон», т. II, СПб., 1900, стлб. 650; Залеман, Карл Герма-

нович, магистр персидской словесности, академик.— Большая Энциклопедия, под ред. С. Н. Южакова, т. IX, СПб., 1902, стр. 480—481; Залеман, Карл Германович.— Материалы для биографического словаря действительных членов Академии наук, ч. I, Пгр., 1915, стр. 293—298; В. В. Бартольд. Карл Германович Залеман, 1849—1916.— ЗВОРАО, т. XXIV, Пгр., 1917, стр. 237—258; К. Г. Залеман. Некролог.— Исторический вестник, Пгр., 1917, № 1, стр. 285—286; С. Ф. Ольденбург. К. Г. Залеман. 28 декабря 1849 — 30 ноября 1916. Некролог.— ИРАН, VI серия, т. IX, № 4, Пгр., 1917, стр. 281—286; С. Ф. Ольденбург. К. Г. Залеман как библиотекарь.— В кн.: Библиографические материалы, собр. Э. А. Вольтером, вып. 2, Пгр., 1918, стр. 63—66; W. Ivanow. Pro C. Salemann. A letter to the editor from W. Ivanor (Calcutta).— Islamica, 1927,t. III, 2, p. 271—272. (По поводу критики Хаданк'ом работ Залемана); K. Hadank. Erwiderung auf den Brief «Pro Salemann» des Herrn Ivanow in vol. III, S. 271 f. (Islamica, 1927).— Islamica, 1927, t. III, ч. 4, p. 486—490; Залеман Карл Германович.— БСЭ, т. XVI, М., 1952. стр. 387; А. Г. Периханян. К. Г. Залеман.— Очерки по истории русского востоковедения, IV, М., 1959, стр. 79—115; Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии Академии наук СССР. Краткий алфавитный каталог, ч. II, Указатели и приложение.— М., Изд-во «Наука», 1964, стр. 137—138 (К. Г. Залеман); Б. В. Лунин. Из истории русского востоковедения..., стр. 187—188; Он же. Средняя Азия..., стр. 169—173, 356—357; Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР.— М., ГРВЛ, 1972, стр. 26, 27, 308—316 и др.

Личный архивный фонд К. Г. Залемана. Архив АН СССР, ф. 87, 984, ед. хр. 1686—1918 (ср. Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Указатель. Том I, А—М, М., 1962, стр. 272).

ЗИЙА
(ШАРИФДЖАН МАХДУМ)

АВТОР одного из важных произведений бухарской историографии нового времени Мирза Мухаммад Шариф Садр ибн Домулла Абдушшукир садр (псевдоним—Зийа, известен также по имени Шарифджан Махдум) родился в феврале 1867 (27 рамазана 1283 г. х.) в Зияддине в семье казия. Спустя несколько лет после смерти отца он получил должность казия в тумане Хайрабад, а затем пребывал в этой же должности в других областях вплоть до 1920.

По свидетельству Садриддина Айни *(см.)* и других, Мухаммад Шариф становился все более известеен как человек образованный, страстный книголюб и владелец обширной библиотеки, любитель поэзии и литературы, искусный каллиграф.

В 1917 придворные круги эмирата, учтя либерально-прогрессивные взляды Мухаммада Шарифа и в соответствии с политикой заигрывания с массами, назначили его 8 апреля кази-каланом —верховным казием Бухары (то были дни когда в эмирате, под влиянием Февральской буржуазно-демократической революции в России, усилились требования реформ). Однако в этой должности Мухаммад Шариф пробыл лишь по сентябрь 1917, после чего получил назначение на должность казия в Карши. Точная причина этого неизвестна. Мухаммад Шариф не был человеком ярко выраженных прогрессивных, а тем более революционных взглядов. Так или иначе, но позднее, в 1918, он вместе с братом подвергся аресту властями эмирата по подозрению в сочувствии революции, а спустя два месяца отпущен на свободу под денежный залог (расписку) и назначен казием в Шахрисабз под особым наблюдением городского правителя Акрам-хана (дяди эмира).

После свершения в Бухаре народной советской революции (1920) Мухаммад Шариф работал в различных местных учреждениях.

Литературное наследство Мухаммада Шарифа полностью не собрано и не изучено. Известно, что его перу принадлежит ряд историко-литературных работ, стихотворных антологий, автобиографических сочинений («Дневник», ведшийся с 1888 по 1930), трактат о каллиграфах Востока, писавших почерком насталик, и др.

Историографически наиболее ценны его «История» (конспективное изложение истории ряда государств, в том числе Средней Азии от Тимура до бухарской революции 1920 и истории России с 862 до 1917), «Извлечение из историй», «Краткая история Ирана и описание жизни ее государей со слов Мирзы Мухаммад Али хана», «Генеалогия османских правителей Турции по словам турецкого историка Аббаса Ширвани», «Генеалогия завоевателя мира Чингизхана и жизнеописание государей — его потомков», «Упоминание о появлении Бухары» (извлечения из Наршахи и др.), «О племенах и родах и их делении» и некоторые другие.

Наиболее интересны и в определенной мере оригинальны сведения по истории Бухары второй половины XIX в., заключающиеся в «Истории» и особенно в «Дневнике» Мухаммада Шарифа (краткое описание вступления царских войск в пределы Бухары, хода военных действий, попытка объяснить причины поражения армии эмира и т. д.). Отмечен ряд изменений в хозяйственной жизни Бухары после установления мирных отношений с Россией. В «Истории» полнее, чем у Сами *(см.)* и Дониша (*см.*), освещены последствия присоединения Бухарского ханства к России: проникновение в Бухару иностранного капитала во второй половине XIX в.; строительство крупных магазинов в городах Бухара, Каган, Чарджуй; организация крупных банков; строительство железной дороги, моста через Амударью, телеграфа, новых зданий и т. п. Мухаммад Шариф в своем труде «совершенно не касается положения трудового народа, отмечая, что в правление Абдалахада хорошо жилось и купцам и крестьянам, что ... опровергается сочинениями Даниша» (Л. М. Епифанова).

«Дневник («Памятные записки») Мухаммада Шарифа ценен тем, что являет собой одно из немногочисленных дошедших до нас свидетельств местных (бухарских) современников о суннитско-шиитской резне в Бухаре (1910), о революционных событиях 1918—1920 и басмаческом движении 1921—1922 и т. д., кончая событиями, последовавшими за падением власти Аманулы-хана в Афганистане (1929—1930). В «Дневнике» приводится много интересных сведений о бухарских ученых, поэтах и других лицах, о неизвестных в литературе событиях местной жизни.

Внимания археологов, историков архитектуры, искусствоведов заслуживает также сочинение Мухаммада Шарифа «История памятников старины и древних зданий благородной Бухары» с перечнем местных мадраса, мечетей и других строений и указанием дат их сооружения.

Для описания восточных рукописей и истории библиотечного дела в Узбекистане весьма ценно составленное Мухаммадом Шарифом описание своего библиотечного собрания.

Скончался Мухаммад Шариф в 1931 (1935?).

Указатель рукописных произведений Мухаммада Шарифа (Зийа): Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР, т. I, Ташкент, 1952, стр. 173 (№ 403), т. V, стр. 412 (№ 4143), стр. 423 (№ 4155), т. VI, стр. 44 (№ 4191), стр. 57 (№ 4199), стр. 58 (№ 4200), стр. 61 (№ 4205), стр. 552—553 (№ 4996, 4997, 4998); Л. М. Епифанова. Рукописные источники Института востоковедения Академии наук УзССР по истории Средней Азии периода ее присоединения к России (Бухара).— Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1965, стр. 51—64.

Литература о Мухаммаде Шарифе (Зийа): Р. Ходи-Заде. Источники к изучению таджикской литературы второй половины XIX века. Сталинабад, Таджикгосиздат, 1956, стр. 62—69; З. Раджабов. Выдающийся просветитель таджикского народа Ахмад Дониш.— Душанбе, Таджикгосиздат, 1961, стр. 75, 84; Садриддин Айни. Намуна-и адабиёти точик, М., 1924, стр. 399—405: Он же. Воспоминания.— М., 1960, стр. 381—406, 414—421; У. Хамраев. Об одной личной библиотеке и ее каталоге.— Научные работы и сообщения Отделения общественных наук Академии наук Узбекской ССР, кн. 6, Ташкент, 1963, стр. 387—395, на узб. яз. (о библиотеке Шарифджана Махдума); Л. М. Епифанова. Указ. соч. (см. выше).

ШАХИМАРДАН МИРЯСОВИЧ ИБРАГИМОВ

СРЕДИ представителей национальной интеллигенции Узбекистана, нарождавшейся во второй половине XIX в. под влиянием передовой русской культуры, заметное место принадлежит Шахимардану Мирясовичу (Ивану Ивановичу) Ибрагимову — близкому знакомому Чокана Валиханова, деятельному сотруднику русской и национальной печати Туркестана и участнику научных изданий того времени, во многом прогрессивно мыслившему этнографу — бытописателю жизни казахского, узбекского и туркменского народов.

Родился Ибрагимов (по национальности башкир?) в 1841*. По данным его формулярного списка, составленного в декабре 1869, он происходил из Оренбургской губернии, воспитывался в Сибирском кадетском корпусе, но «курса наук в этом заведении не окончил», затем обучался в Омском полубатальоне военных кантонистов в качестве воспитанника, «приготовлявшегося» в переводчики татарского языка, о чем ему и было выдано свидетельство.

Поначалу Ибрагимов работал переводчиком, а с 10 января 1868 и столоначальником Петропавловского городского управления. К этому периоду относится общение его с Чоканом Валихановым, о котором Ибрагимов оставил ценные воспоминания.

---

* У Ибрагимова был брат (по-видимому, близнец) — Шахимурат Мирясович (Федор Иванович), служивший письмоводителем у отца Ч. Валиханова — султана Чингиса, а с 1870 и по день смерти (3 февраля 1881) в Ташкенте, занимая должность переводчика персидского и татарского языков Сырдарьинского областного правления и при канцелярии туркестанского генерал-губернатора и др.

Из текста воспоминаний явствует, что Ибрагимов был довольно близок и к семье последнего и к нему самому. Он был в числе тех, кто встречал в 1861 Чокана Валиханова, когда тот вернулся из Петербурга домой, и сопровождал Валиханова в поездке из Кокчетава в аул, к его отцу. Как очевидец Ибрагимов описал ряд эпизодов пребывания Валиханова в отцовском ауле. Близость Ибрагимова Валиханову подтверждается, в частности, и тем обстоятельством, что в 1863 Валиханов ходатайствовал перед начальником областного правления сибирских киргизов Гутковским о переводе Ибрагимова в Кокчетав. Возможно, именно под влиянием Валиханова у Ибрагимова возникли этнографические интересы.

С 1870 Ибрагимов начал службу в Ташкенте в должности переводчика персидского и татарского языков при канцелярии туркестанского генерал-губернатора, обратил на себя внимание несомненными способностями, общекультурным кругозором, хорошим знанием языков. 24 ноября 1870 он был перемещен на должность переводчика «манджурского и татарского языка» вместо П. И. Пашино *(см.)*—питомца восточного факультета Петербургского университета, работника с большой специальной подготовкой.

В 1871 Ибрагимов — участник комиссии по выяснению «применения русского алфавита к чтению и письму на сартовском языке» и «согласованию краткой хрестоматии самых легких рассказов на сартовском языке в русской транскрипции». Участвовал Ибрагимов и в комиссии по проверке полученного в Ташкенте из Петербурга азиатского шрифта для типографии Военно-народного управления. В 1874 Ибрагимов посетил по делам службы Петербург, в 1876 Ферганскую область, в 1875 участвовал в Кокандском походе в качестве переводчика при полевом штабе.

С 1870 по 1878 Ибрагимов был также редактором «Туркестан вилайети газети», выходившей параллельно на казахском («киргизском») и узбекском языках (в 1886—1905 с русским переводом).

С 1 июля 1878 Ибрагимов получил назначение на должность и. о. старшего чиновника по дипломатической части при генерал-губернаторе. В 1879, пользуясь отпуском, посетил Германию и Францию. В 1880 и 1881 он возглавлял русские посольства в Бухару.

12 октября 1882 Ибрагимов был «уволен, по прошению, от службы», но впоследствии зачислен сверхштатным чиновником канцелярии туркестанского генерал-губернатора. В 1886 он состоял в Петербурге при Путевой канцелярии туркестанского генерал-губернатора.

В 1885 возник вопрос об использовании Ибрагимова на службе по ведомству народного просвещения, что встретило решительное возражение со стороны Н. И. Ильминского в его письме обер-прокурору святейшего Синода К. П. Победоносцеву. Ибрагимов, по словам

Ильминского, был слишком «тонким инструментом» и привлечение его к ведомству просвещения было бы «делом рискованным». По словам Ильминского, Ибрагимов был известен ему «как отличный знаток азиатских языков и дельный дипломат», который «отлично узнал всю подноготную мусульманских стран, народов и правительств; как на ладони видит и знает всю совокупность мусульманского мира на всем лице земли: лично знаком со многими лицами и в России, и в Средней Азии, и в Индии, и в Киргизской (Казахской.— *Сост.*) степи и т. д.... (Он) владеет блестящим русским говором и изложением, идеями прогрессивными, даже, когда нужно, либеральными, обращением и манерами ловкими и совершенно светскими, смелостью и умелостью держать себя с достоинством, но без дерзости перед кем угодно».

Именно эти качества побудили Ильминского высказаться против кандидатуры Ибрагимова, который «наших мешковатых духовных может стушевать».

В начале 1878 Ибрагимов был назначен членом следственной комиссии для расследования злоупотреблений, обнаруженных в Кураминском уезде (речь идет о преступных махинациях по незаконной скупке крупных земельных участков начальником Кураминского уезда полковником Гуюсом, генерал-лейтенантом Головачевым, камер-юнкером Савенковым и другими, впоследствии осужденными и сосланными в Сибирь). Несмотря на попытки заинтересованных влиятельных лиц замять дело, члены комиссии (Д. М. Граменицкий, И. И. Ибрагимов и др.) довели свои функции до конца, опросив 800 человек «виновных, участников, пособников, потерпевших и свидетелей». Они вскрыли истину вопреки тому, что «обвиняемые, благодаря своему служебному положению, имели сильное влияние на коренное население», и «рассеивая страх перед глазами обвиняемых и внушая доверие к... закону и справедливости».

Примечателен факт пребывания Ибрагимова в рядах членов Туркестанского отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, куда он представил «несколько очерков из жизни киргизского (казахского.— *Сост.*) народа, в которых подробно описывались рождение, обручение и женитьба киргизов Большой Орды» и «Материал к характеристике мусульманских мулл в Киргизской степи».

Дипломатические способности Ибрагимова, проявленные в годы службы в Туркестанском крае, не остались незамеченными, и в 1890 он был назначен генеральным консулом учрежденного российского консульства в портовом городе Джидде (ныне Саудовская Аравия).

Ибрагимов известен как автор ряда весьма ценных публикаций этнографического характера. Первая из них появилась в 1870 на страницах «Туркестанских ведомостей». Это были записи 103 казахских пословиц, «собранных И. Ибрагимовым в Киргизской степи Сибирского ведом-

ства». Среди этих пословиц были и пословицы социального звучания, явно сложившиеся в среде трудовых масс, и пословицы, рожденные в среде правящей верхушки.

Спустя год Ибрагимов опубликовал 10 загадок и отгадок, записанных им «во время разъездов по кочевьям киргизов Большой Орды».

В 1871 появилась примечательная (и, в частности, важная для характеристики мировоззрения автора) статья Ибрагимова о муллах в Киргизской (Казахской) степи. Не скрывая своего резко отрицательного отношения к муллам, он рисовал их злоупотребления при оформлении брачных союзов, высмеивал «вычитывание злых духов», совершаемое муллами у постели больных, разоблачал их шарлатанские приемы обирания невежественного населения. Вывод Ибрагимова: народ ошибается в муллах, которые «нисколько не заботятся о чистоте магометанской религии, да они и сами очень плохо ее понимают. Единственная их забота: набить себе потуже карман».

Антиклерикальная, «валихановская »направленность статьи Ибрагимова стоит вне сомнения. Поучителен также вывод его о том, что «ввиду столь вредного влияния на киргизский (казахский.—*Сост.*) народ, нельзя не пожелать, чтобы поскорее пришло то время, когда это влияние встретит оппозицию со стороны истинного просвещения».

В 1872 Ташкент посетил старший сын кокандского хана, андижанский бек Хан-Заде. На обратном пути его сопровождал в качестве переводчика Ибрагимов. В поездке Ибрагимов вел дневник, отрывки из которого вскоре были опубликованы. В них заключалось немало интересных подробностей этнографического характера (прием во дворце кокандского хана, сопровождавшийся демонстрацией «статуи Урустема (Рустема)», дворцовая обстановка, музыканты, танцоры, празднества на дворцовой площади, канатоходцы, процессия музыкантов, певцов, танцоров с показом статуй (изображений) Урустема и его жены, местные похоронные обряды, баига (скачки с призами), представление маскарабазов, осмотр загородного ханского сада).

В том же году Ибрагимов публикует этнографический очерк о казахах Большой Орды. Несмотря на краткость, очерк насыщен конкретными данными об обычиях, традициях, предрассудках, связанных с беременностью женщин, рождением и оберегом детей, женитьбой (выбор невесты, свата и пр.), калымом и т. д. Говоря о калыме, Ибрагимов освещает вопрос о методах определения его размера у богатых киргизов, у среднего и бедного класса. Подробно описан обряд сватовства и венчания и т. п. Описаны гостеприимство казахов, прием хозяином гостей. Далее автор рассказывает о способах лечения болезней (домашние средства, приемы знахарей), о похоронных обычаях.

В 1873 Ибрагимов напечатал краткое, но полезное пособие для всех, «кому приходится иметь дело с кара-киргизами и входить в разби-

рательство из споров и тяжб, часто весьма запутанных». Пособие содержало список слов из быта и обычаев киргизов (до 30) с объяснениями.

В 1874 вышли в свет интересные заметки Ибрагимова о хивинских туркменах и киргизах. Заметки открывались «общими замечаниями о туркменах», причем их автор воспроизвел список родов и подразделений туркмен, «кочующих собственно в Хивинском ханстве, с показанием, насколько это возможно, числа населения в них». Автор характеризовал узбекско-туркменские отношения, описал «нравы, обычаи и особенности жизни туркменов и других народностей Хивинского ханства».

На страницах одного из сборников «Древняя и новая Россия» Ибрагимов описал поминки («ас») по мужчинам — одно из «характеристических празднеств киргизского народа». Попутно он привел некоторые сведения об охоте с ястребами и соколами на уток, гусей и перепелов, а также об охоте на волков и с борзыми собаками на лисиц. В очерке содержались тексты нескольких казахских песен в прозаическом переводе на русский язык, а также загадок, данные по судопроизводству и др. Описаны имевшие место в процессе поминок состязания певцов и борцов, скачки.

К 1878 относится опубликование Русским Географическим Обществом статьи Ибрагимова о суде у казахов, в которой он также проявил себя внимательным наблюдателем, не упускавшим из поля зрения и социальную сторону дела.

Судя по печатному наследию Ибрагимова, он подобно Чокану Валиханову, отчетливо сознавал, что прогрессивное развитие жизни народов Средней Азии немыслимо без сотрудничества с Россией.

Осуществлял Ибрагимов и переводы с русского на узбекский язык, в частности им была переведена (в извлечениях) статья А. П. Федченко о причинах заболевания риштой. Ибрагимов составил и издал первую в Средней Азии книгу на узбекском языке — «Календарь на 1871 год». Календарь вышел в начале марта 1871 тиражом 500 экземпляров и тотчас был распродан, что повлекло за собой второе издание, осуществленное в конце того же года.

Затем вышел «Календарь» на 1872 год. В нем были помещены сведения: об образовании русского государства, о числе жителей в империи, об условиях торговли между Россией, Бухарой и Кокандом, о конторах и отделениях государственного банка, о городских общественных банках о ярмарках в России, медицинские сведения, список почтовых станций Туркестанского края, разные географические сведения, расстояния между Ташкентом и другими городами и пр. «Календарь» на 1873 печатался в Москве. Всего он издавался четыре раза.

Скончался Ибрагимов летом 1891 от холеры по пути в Джидду.

Указатель публикаций И. И. Ибрагимова: Материалы для этнографии Средней Азии. Киргизские пословицы.—ТВ, 1870, № 1 (47 пословиц), №6, (56 пословиц); Проповедник нового учения.—ТВ, 1870, № 14; Материалы для этнографии Средней Азии. Киргизские загадки.—ТВ, 1871, № 1 (также: Сборник материалов о русском Туркестане», Ташкент, 1871, стр. 452—458. Ср.: Материалы для этнографии Средней Азии. Киргизские пословицы и загадки. II. Киргизские загадки.—Материалы для статистики Туркестанского края, вып. III, СПб., 1874, стр. 391—400); О муллах Киргизской степи.—ТВ, 1871, № 14 (также: Материалы для статистики Туркестанского края, вып. III, СПб., 1874, стр. 353—361. Статья «О муллах в Киргизской степи» была выпущена и в частном издании Н. В. Дмитровского: Ташкент, 1871, 15 стр.; в этом же издании отдельным оттиском вышла статья «Пять дней в Кокане», Ташкент, 1871, 20 стр. Ср.: Н. А. Буров. Дореволюционная печать Туркестана (1868—1879 гг.).— Научные труды ТашГУ им. В. И. Ленина, вып. 261, Библиография, вып. X, Ташкент, 1964, стр. 69); Календарь-книжка на 1871 год.— Ташкент, 1871, 62 стр.; Календарь-книжка на 1871 год. — Ташкент, 1871, 187 стр. (изд. второе?)*; Киргизы. Этнографический очерк. — ТВ, 1872, № 1, 2 (также: Этнографические очерки киргизского народа. И. И. Ибрагимова. — «Русский Туркестан», вып. II, М., 1872, стр. 120—152); Русское посольство в Кокане. — ТВ, 1872, № 16; Коканское посольство в Кашгар. — ТВ, 1872, №17; Пять дней в Кокане (Отрывки из дневника). — ТВ, 1872, № 20; Объяснение некоторых терминов, встречающихся в киргизском судопроизводстве.—ТВ, 1873, № 42; Некоторые заметки о хивинских туркменах и киргизах (из записной книжки). — «Военный сборник», т. XLVIII, 1874, № 9, стр. 133—163 (Выдержки из «Заметок» были напечатаны на страницах «Туркестанских ведомостей»: Роды и подразделения Хивинского ханства. — ТВ, 1874, № 42); Породы лошадей в Хивинском ханстве. — «Коннозаводчик», СПб., 1874, № 19, стр. 166—168; Очерки быта киргиз. I. Поминки. Древняя и новая Россия. Исторический иллюстрированный ежемесячный сборник. 1876. Год второй, т. III, № 9, стр. 51—63; Заметки о киргизском суде. — Записки Русского Географического Общества по отделению этнографии, Т. VIII, № 2, 1878, стр. 233—257; А. П. Федченко. Отчего человек заболевает риштой. Перевод на сартовский И. И. Ибрагимова.—Ташкент, 1882 (Также: Как излечить ришту.— «Туркестан вилайети газети», 1872,·№ 10); Воспоминания о Чокане. —

---

* По сведениям, любезно сообщенным старейшим библиографом Н. А. Буровым, кроме этих календарей, называвшихся «большими», были изданы стенные календари. «Они составлялись Шахимарданом Ибрагимовым, выходили отдельно на местных языках и на русском или вместе, как узбекско-русские; дата выхода стенных календарей, общее количество изданий этого рода и характер их неизвестны. Есть данные о напечатании стенного календаря на 1874 г. в типографии Академии наук в Петербурге».

В кн.: Чокан Валиханов. Сочинения, СПб., 1904, ИРГО, т. XXIX, стр. XL—XLVI. (Также в кн.: Чокан Валиханов в воспоминаниях современников. Составление, подготовка текста, вступительная статья и комментарии А. Ахметова.— Алма-Ата, КазГИЗ, 1964, 222 стр.).

Литература об И .И. Ибрагимове. Географические известия, № 6, 25 августа 1871 (ИРГО, т. VII, СПб, 1871, стр. 332); Письма Николая Ивановича Ильминского.—Казань, 1885, стр. 176—177; Известия и заметки [О кончине Ибрагимова]. — ТВ, 1891, № 31; Двадцатипятилетие Туркестанских ведомостей.—ЗВОРАО, т. IX, СПб, 1896, стр. 256; Ш. И ш а е в. Мекка, священный город мусульман (Подробности кончины Ибрагимова).— Среднеазиатский вестник, Ташкент, 1896, ноябрь—декабрь, стр. 1—5, А. И. Д о б р о с м ы с л о в. Ташкент в прошлом и настоящем. — 1912, стр. 291; Е. К. Б е т г е р. Из истории книжного дела в Узбекистане.—ИАН УзССР, Ташкент, 1951, № 2, стр. 75—78; М. И. Ф е т и с о в. Зарождение казахской публицистики. — Алма-Ата, 1961, стр. 61; Б. В .Л у н и н. Научные общества Туркестана..., стр. 85—88, 69; О н ж е. Средняя Азия..., стр. 119, 405; О н ж е. Забытый среднеазиатский этнограф Шахимардан Мирясович (Иван Иванович) Ибрагимов. — ОНУ, Ташкент, 1966, № 7, стр. 38—49; Э. А. М а с а н о в. Ш. М. Ибрагимов — друг Ч. Ч. Валиханова. — Вестник АН КазССР, Алма-Ата, 1964, № 9, стр. 53—60; О н ж е. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. — Алма-Ата, Изд-во «Наука» КазССР, 1966, стр. 185—186; С. Г а ф у р о в. Первый календарь на узбекском языке.—«Правда Востока», 20 ноября 1965 г., № 272. О служебной деятельности Ибрагимова в Туркестане см.: ТВ, 1870, № 9, 11, 15, 28, 94, 35; 1871, № 13, 21; 1872, № 3, 5; 1874, № 1, 6,23; 1875, № 33, 1876, № 2, 40; 1877,№ 3; 1878, № 9, 24, 29, 48; 1879, № 36; 1880, № 25, 48; 1881, №1, 3, 5, 27, 47, 48; 1882, № 16, 19, 41; 1884, №35, 1885, № 40; 1886, № 5. Архивные материалы об Ибрагимове: ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 20; Архив востоковедов Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР, ф. 33, д. 224, 225.

ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВИЧ КАЛЬ

ПИТОМЕЦ факультета восточных языков Петербургского университета Е. Ф. Каль родился 6 сентября 1863 года в Петербурге, в семье провизора. По окончании курса гимназии церковного реформатского училища («очень усерден, прилежания добросовестного, любознательность живая ко всем предметам»,— гласит аттестат зрелости) поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. 25 мая 1881, сдав переходной экзамен на второй курс, Каль был зачислен по его просьбе на факультет восточных языков по арабско-персидско-турецкому разряду. Университет он окончил со званием кандидата восточной словесности и с золотой медалью.

Будучи студентом — учеником В. Р.Розена (*см.*), Каль обратил на себя внимание усердием и способностями к научной работе. По выходе из университета он отбыл воинскую повинность, после чего получил направление на службу в Туркестанский край. В Ташкенте он был назначен на должность младшего чиновника особых поручений при туркестанском генерал-губернаторе.

С энтузиазмом приступил Каль к научным изысканиям в мало изведанном тогда Туркестанском крае. Изыскания эти носили более или менее энциклопедический характер, что было присуще едва ли не всем тогдашним туркестановедам.

В Ташкенте Каль вступил в переписку с В. Р. Розеном (Петербург). То, что сообщал Розену Каль о своей работе и жизни, рисует привлекательный облик свободомыслящего молодого человека, считающего занятия наукой выше всего, тяготившегося своими чиновническими функциями и весьма отрицательно относившегося к традициям тесного и

замкнутого мирка местных службистов, стремившихся сделать карьеру и почитавших для себя честью удостаиваться приглашения на званые ужины и приемы в «белом доме» (резиденция генерал-губернатора в Ташкенте).

В письме 16 февраля 1887 Каль писал Розену: «Жизнью в Туркестанском крае я очень доволен, службой же не совсем, так как став чиновником, я начинаю и рассуждать по чиновничьи... приходится бывать на обедах, вечерах, спектаклях, отказываться от чего неудобно, но это, между прочим, очень неинтересно и в иных случаях просто противно, в особенности когда видишь, как большинство заискивает и старается произвести наивыгоднейшее для себя впечатление».

Поучительны следующие строки из письма, рисующие Каля еще и как человека, относившегося к коренному местному населению с чувством уважения и симпатии: «Вообще, насколько я мог заметить, здесь с очень немногим исключением, царствует полнейшее равнодушие касательно изучения края в отношениях историческом и лингвистическом, и очень мало кто в состоянии дать какие-либо важные указания по этим предметам, наконец, просто возмутительно, с каким пренебрежением большинство здешнего... общества относится к туземцам и ко всему, что касается их жизни, быта, истории, языка и т. п., не говоря уже об административном начальстве туземцев, т. е. уездных начальниках, их помощниках и других лиц(ах), которые по обязанности имеют постоянные сношения с населением».

Теплые чувства к местному населению хорошо иллюстрируются и фактом личной дружбы Каля с сопровождавшим его в поездках по краю джигитом Каскабаем.

Интересовался Каль и местными собирателями древностей из среды коренного населения Туркестана, внимательно знакомился с их собраниями. В Ташкенте он осмотрел, в частности, богатейшую коллекцию древностей Акрама Аскарова (*см.*).

Во время поездок по краю Каль скупал восточные рукописи. Он отмечал также, что в условиях Туркестана, где «постоянно приходится видеть монеты различных восточных династий..., нельзя не интересоваться (и) восточной нумизматикой».

В 1887 Калю было поручено составить описи этнографического и археологического отделов Ташкентского музея, а затем каталог книг на иностранных языках Туркестанской публичной библиотеки и их карточный каталог; ему же было поручено заведывание этнографическим и археологическим отделами музея.

В июле—августе 1887 Каль совершил поездку по делам службы на Ягноб — один из притоков Зарафшана, в верховьях которого обитало галчинское племя ягнобцев. Здесь Каль проявил себя как филолог-востоковед, заинтересовавшись фонетикой языка ягнобцев и сделав в

этой области весьма ценные записи и наблюдения, о которых не замедлил уведомить К. Г. Залемана.

Классический знаток среднеазиатских языков и признанный мировой авторитет в этой области, К. Г. Залеман (*см.*) сразу оценил научное значение осуществленной Калем работы. Подобно тому, как это было сделано им в отношении списка шугнанских слов, составленного на Памире Д. Л. Ивановым («Шугнанский словарь Д. Л. Иванова»), Залеман параллельно оригинальным записям собирателей, не всегда свободным от ошибок, давал собственное чтение, основываясь на историко-компаративных данных, и очень дорожил каждым новым наблюдением по языку ягнобцев.

Об итогах работы Каля по изучению ягнобского языка Залеман писал: «Несмотря на то, что Евгению Федоровичу осталось.. неизвестным сделанное его предшественниками, он успел разъяснить на месте несколько темных вопросов ягнобской фонетики, составить довольно богатый глоссарий и собрать некоторые топографические и статистические сведения, служащие отчасти к дополнению и исправлению, отчасти к подтверждению известий прежних источников» (рукопись Е. Каля «Ягнобский словарь», Ташкент, 1887—1888, хранится в научной библиотеке им. М. Горького при ЛГУ им. А. А. Жданова).

Собирание материалов по языку ягнобцев приобретало тогда исключительное научное значение, ибо помогало решению одной из важных проблем сравнительно-исторического иранского языкознания. Догадка ираниста Андреаса о близком родстве живого языка ягнобцев с мертвым согдийским языком послужила для Залемана поводом к научному обоснованию этой догадки рядом согдийско-ягнобских параллелей. Выяснилось, что ягнобский язык — потомок одного из согдийских диалектов. Здесь и были к месту данные, предоставленные Залеману Калем.

Каль известен и как неутомимый собиратель древностей, за короткое время скопивший ценные коллекции. В 1888 он пожертвовал для нумизматической коллекции Русского Археологического Общества 379 монет, приобретенных в Туркестанском крае, за что получил благодарность. Краткий обзор этих монет был сделан В. Г. Тизенгаузеном.

В дар библиотеке Восточного отделения Русского Археологического Общества Каль принес пять восточных рукописей, собранных в Бухаре и Ташкенте.

К 1889 относится завершение одного из основных туркестановедческих начинаний Каля — издание составленного им научного описания восточных рукописей публичной библиотеки в Ташкенте. Работа Каля над каталогом проходила частично в Ташкенте, частично в Петербурге.

Все описанные в книге рукописи были распределены по отделам: История (№1—47, География и космография (№ 48—50), Биографии

поэтов (№ 51), Инша (№ 52), Этика и политика (№ 53—55), Религиозно-юридические сочинения (№ 56—60), Суфизм (№ 61—65), Поэзия (№ 66—68), Смесь (№ 69), Арабские рукописи (№ 70—76), Тюркские рукописи (№ 77—87). Арабских рукописей было — 7, тюркских — 11, персидских — 69.

По каждой из описанных рукописей Каль указывал под порядковым номером, ее формат и объем (листы, страницы), затем сообщал краткие сведения о ее содержании, иногда с перечнем глав (время и характер описываемых событий и т. д.), об авторе, времени написания (дата рукописи), чьей рукой, когда и где (если известно) писан данный экземпляр рукописи (копия или подлинник), почерк и его особенности («неста'лик», «та'лик», «шикесте», «несх» и др.). Нередко Каль отмечал качество и характер бумаги, обращая внимание на наличие различных пометок в рукописях, оценивал научное значение рукописей. Во многих случаях составитель отсылал читателя к отечественным и заграничным изданиям той или иной рукописи в других редакциях и списках и к публикациям различных авторов, посвященным данной рукописи или извлечениям из нее.

Выход в свет работы Каля был отмечен в печати. Наиболее компетентного рецензента работа Каля нашла в лице Розена, который отмечал, что «описание рукописей составлено автором вообще говоря вполне научно и целесообразно. Он совершенно правильно оценивает значение отдельных сочинений, посвящая маловажным или общеизвестным лишь несколько строк и уделяя малоизвестным целые страницы. В частности, встречаются некоторые недоразумения, которых автор сумеет... избегнуть в будущих своих трудах, на которые мы возлагаем немалые надежды. Недоразумения эти происходят главным образом от несовсем еще достаточного знакомства с мусульманскими литературами, но именно настоящий труд служит ручательством того, что автор серьезно старается о приобретении этого знакомства путем изучения как попадающих ему в руки рукописей, так и каталогов больших европейских коллекций. От всей души приветствуем нового сотрудника по исследованию мусульманской литературы, желаем ему всякого успеха».

Интересуясь древностями края и стремясь принять посильное участие в их обследовании и изучении, Каль устанавливает связи с Археологической комиссией в Петербурге, которая снабдила его инструкцией и Открытым листом для производства на территории края археологических исследований.

В 1889 Каль поначалу ограничился за отсутствием средств «осмотром и снятием 24 курганов, находящихся в Майдантальской волости Ташкентского уезда, и собиранием сведений о некоторых монетных кладах, найденных в последнее время в Туркестанском округе».

Каль вел также археологические разведки на Малом Буруле, дав описание этой местности и сведения о находящихся здесь курганах, могилах с каменными бабами и др. На юго-восточном крае Бурула и в других пунктах он установил присутствие квадратных башен, сложенных из больших неотесанных камней с остатками «сложенных точно так же оград круглой формы».

Отметив кратко памятники Аулиеата и окрестностей и упомянув об Ахыр-Таше, Каль указал на присутствие в 25 верстах от Аулиеата, вниз по р. Талас, городища квадратной формы с остатками стен из жженого кирпича под названием Тюймакент, а еще в 4 верстах «следов такой же крепости, но меньших размеров». Исследователь привел и сведения о нахождении курганов в местности Джиты-типа (тепа, тепе) и др.

В 1890 Каль тщательно осмотрел развалины Термеза и сделал «там несколько раскопок, давших очень немного интересного». Попутно он произвел обмеры намогильного сооружения Хакими Термези, прочитал указанную дату его смерти (255 г. х.) и частью описал, частью снял прочие надписи. Ему удалось приобрести около полусотни, в основном плохой сохранности, монет греко-бактрийского, индо-скифского и арабско-иранского чекана. Собранная им коллекция поступила в Эрмитаж через Археологическую комиссию.

Летом 1891 Каль отправился в новую поездку по бухарскому берегу Амударьи для научных наблюдений в отдельных бекствах Бухарского ханства. Этой поездке суждено было стать последней в его жизни. В пути он заболел жестокой формой малярии (так называемой амударьинской лихорадкой), разновидности которой были тогда недостаточно известны и не всегда радикально излечивались. В тяжелом состоянии Каль был доставлен в Керки, где и скончался, не достигнув 30 лет, в расцвете сил и дарований.

Так неожиданно оборвалась жизнь талантливого востоковеда, у колыбели научных изысканий которого стояли такие столпы отечественного востоковедения, как Н. И. Веселовский, увидевший в Кале одного из лучших студентов факультета восточных языков Петербургского университета, В. Г. Тизенгаузен, отметивший научную значимость собранной Калем нумизматической коллекции, К. Г. Залеман, высоко оценивший «все то новое и интересное», чем обогатил Каль «научные материалы по части исследования галчей», фонетических особенностей языка и глоссария ягнобцев, В. Р. Розен, возлагавший «немалые надежды» на историко-филологические труды «нового сотрудника по исследованию мусульманской литературы».

После смерти Каля его деятельность была отмечена кратким словом С. Ф. Ольденбурга, который, говоря о необходимости иметь в Ташкенте ученого корреспондента Академии наук, указал, что «короткое

время, в конце 80-х годов в Ташкенте было лицо, по деятельности своей отчасти отвечавшее указанным... требованиям,— это был столь безвременно скончавшийся молодой кандидат факультета восточных языков Евгений Федорович Каль...; следом его, увы, слишком краткой деятельности остался каталог мусульманских рукописей Ташкентской библиотеки».

После революции о работе Каля вспоминал В. В. Бартольд. Тепло отозвался о Кале И. Ю. Крачковский в очерках по истории отечественной арабистики. «Одним из первых представителей школы Розена в Средней Азии,— писал он,— был Е. Ф. Каль... Административную работу в Ташкенте он умело сочетал с наукой, интересуясь и археологией и лингвистикой местного края».

Указатель публикаций Е. Ф. Каля: Персидские, арабские и тюркские рукописи Туркестанской публичной библиотеки. Составил Е. Каль. Ташкент, Типография Окружного штаба, 1889, 77, стр.+1 стр. исправлений.

Литература о Е. Ф. Кале: К. Г. Залеман. Новые материалы по ягнобскому языку.— ЗВОРАО, т. III, 1888, СПб., 1889, стр. 128—129; Он же: «Manihaica», II (ИАН, СПб., 1907, стр. 531—558, 1913, стр. 1125—1144); В. Г. Тизенгаузен. Нумизматические заметки. 5. Коллекция Е. Ф. Каля.— ЗВОРАО, т. III, СПб., 1889, стр. 374—376; Он же. Восточные монеты Н. П. Линевича.— ЗВОРАО, т. IV, СПб., 1890, стр. 313; Он же. Нумизматические новинки.— ЗВОРАО, т. VI, СПб., 1892, стр. 258; Он же. Новые нумизматические приобретения Н. П. Линевича.— ЗВОРАО, т. IX, СПб., 1896, стр. 241; «Исторический вестник», т. XLIV, 1891, № 12, стр. 860; Н. М-в (Н. А. Маев). Е. Ф. Каль.— ТВ, 1891, № 39; П. С. Уварова. Поездка в Ташкент и Самарканд.— «Русская мысль», год двенадцатый, кн. XI, М., 1891, стр. 7; В. Р. (В. Р. Розен). Персидские, арабские и тюркские рукописи Туркестанской Публичной Библиотеки. Составил Е. Каль. Ташкент, 1889.— ЗВОРАО, т. V, СПб., 1890, стр. 123—125; Н. И. Веселовский, рец., П. Шубинский. Очерк Бухары.— СПб., 1892, 107 стр.; ЗВОРАО, т. VIII, СПб., 1895, стр. 165; С. Ф. Ольденбург. Французская школа крайнего востока в Сайгоне.— ЖМНП, отд. IV, СПб., 1902, март, стр. 51; Источники словаря русских писателей. Собрал С. А. Венгеров.— Т. II, Гоголкая-Карамзин, СПб., 1910, стр. 564; В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан.— Приложение к протоколу заседания Отдел. исторических наук и филологии 29 июня 1921 года.— ИРАН, VI серия, т. XV, Пгр., 1921, стр. 193; Он же. Туркестанская государственная библиотека и местная мусульманская печать.— ЗКВ, т. I, Л., 1925, стр. 97; М. Е. Массон. Изучение городищ старого Термеза до 1936 г.— Труды УзФАН СССР, серия I, История, археология, вып. 2,

Ташкент, 1940 (1941), стр. 17; И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики.— М.—Л., 1950, стр. 146—147, 190; В. С. Соколова, А. Л. Грюнберг. История изучения бесписьменных иранских языков.— Очерки по истории изучения иранских языков, М., Изд-во АН СССР, 1962 (II. Ягнобский язык, стр. 129—130); А. Т. Абрамов. Восточный отдел научной библиотеки им. А. М. Горького Ленинградского ордена Ленина Государственного университета им. А. А. Жданова.— В кн.: Востоковедные фонды крупнейших библиотек Советского Союза, М., 1963, стр. 223; Б. В. Лунин. Ориенталист-туркестановед Евгений Федорович Каль.— Труды ТашГУ, вып. 295, Археология Средней Азии, VII, Ташкент, 1966, стр. 106—124 (здесь же перечень документальных материалов о Кале); Он же. Средняя Азия..., стр. 56—57, 160—163. Также: ТВ, 1886, № 18, 23, 36, 1891, № 39; ЗВОРАО, VI, стр. VI; XIV, стр. 175, 191, 219, 226; XVIII, стр. 161, прилож.: 36, 37; XIX, стр. IV, 20, 146, 217 и др.

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ КАСТАЛЬСКИЙ

ИЗВЕСТНЫЙ археолог-краевед и собиратель древностей Б. Н. Кастальский родился 13 февраля 1868. Выпускник Псковского кадетского корпуса, он поступил в Николаевское инженерное училище, а затем окончил Николаевскую инженерную академию со званием инженерного академика по 1 разряду. Служебная деятельность Кастальского проходила по инженерной специальности и много лет подряд в Узбекистане прежде всего в Самарканде, в качестве (с 6 декабря 1905) начальника военно-инженерной дистанции (с перерывом в годы первой мировой войны, когда Кастальский являлся начальником инженеров Особой Армии).

После Октябрьской революции и вплоть до кончины Кастальский работал в Самарканде в Узводстрое, Облводхозе и других учреждениях, пользуясь известностью и признанием и в качестве знатока ирригационных систем края (с конца XIX в. многократно участвовал в экспедиционных поездках по Средней Азии, «пересекая по делам службы ее просторы», изучая устройство и перспективы и возможности развития оросительной сети путем строительства гидротехнических сооружений; с этой целью он посещал районы бассейнов Сурхандарьи, Амударьи, Нарына, Пянджа и др.).

Служебная деятельность сочеталась у Кастальского с глубоким и непреходящим интересом к познанию исторического прошлого Средней Азии. Он был также страстным и настойчивым собирателем местных древностей.

Еще в 1896 Кастальский вместе с И. Т. Пославским *(см.)*, В. Л. Вяткиным *(см.)* и другими составил «проект Программы работ

Исторического отдела Самаркандского областного статистического комитета по описанию памятников г. Самарканда и его ближайших окрестностей».

С 27 октября 1899 Кастальский состоял действительным членом Туркестанского отдела Русского Географического Общества, был также действительным членом Туркестанского отделения Русского Технического Общества.

27 февраля 1907 он вступил в Туркестанский кружок любителей археологии и, кроме того, был одним из членов-учредителей Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока (Ашхабад).

С течением времени Кастальский стал приобретать известность и как умелый фотофиксатор памятников древности, в том числе историко-архитектурных сооружений, бытовых построек и т. д. Его фотоколлекция демонстрировалась, в частности, на I Туркестанской фотографической выставке в Ташкенте в 1899.

В июле 1902 Кастальский посетил район развалин «Мешед-и-Мисриан» (Красноводский уезд Закаспийской области), подвергнув их фотофиксации и произведя «весьма ценные съемочные работы, определяющие как расположение города и его цитадели, так и характер сооружений последней» (А. А. Семенов). Кастальский запечатлел на фотографиях и многие памятники древностей в районе Термеза и др.

Кастальский принимал участие в некоторых археологических изысканиях, ведшихся В. Л. Вяткиным (*см.*), вместе с ним пытался установить по данным вакфных документов место расположения древнего Визгерда. После обнаружения Вяткиным остатков обсерватории Улугбека Кастальский «взялся сделать... все вычисления и чертежи квадранта... в таком виде, чтобы возможно было... построить точно такой же квадрант... со всеми ошибками (в расчетах), которые могли влиять на точность произведенных при помощи его вычислений» (письмо Вяткина Бартольду от 1 февраля 1910).

В археологии имя Кастальского наиболее широко известно в связи с находкой весной 1908 в кишлаке Бия-Найман Каттакурганского уезда многочисленных (до 700) фрагментов оссуариев особого типа. Посетив с Вяткиным место находки, Кастальский собрал и сохранил фрагменты оссуариев, а затем выступил в печати с весьма обстоятельной статьей о них (описание и попытки истолкования). «Оссуарии Кастальского» и доныне (слова В. В. Бартольда) представляют собою «лучшие в художественном отношении» и самые любопытные экземпляры тех глиняных погребальных урн, которые... составляют археологическую особенность Туркестана». Находки биянайманских оссуариев прочно вошли в науку, привлекли к себе внимание многих видных ученых (В. В. Бартольд, К. Г. Залеман и др.) и вызвали в среде археологов и искусствоведов научную дискуссию, продолжающуюся и поныне.

Ценными оказались и наблюдения Кастальского в сфере и истории орошения земель Узбекистана. Он одним из первых настойчиво подчеркивал значение и взаимосвязи гидрогеологических и археологических наблюдений, особенно в конкретно-исторических условиях Средней Азии. В работе по историко-географическому обзору Сурханской и Ширабадской долин исследователь впервые сообщил немало новых данных к описанию осматривавшихся им остатков древних ирригационных сооружений.

Кастальский был тесно связан с самаркандским музеем, после смерти Вяткина участвовал с И. А. Сухаревым и другими в разборе и описании его археологических коллекций. В музее хранится часть собранных Кастальским резных печатей и гемм, древних монет, этнографических экспонатов и др. Другая часть его коллекции вошла в состав собраний отдела Востока Государственного Эрмитажа (Ленинград) и Музея восточных культур (Москва). В собрания последнего была включена крупнейшая коллекция образцов цветной поливной керамики из Афрасиаба (частично изданная в наши дни З. П. Майсурадзе), в составе эрмитажных собраний находится большая и во многом уникальная коллекция резных камней (некоторые из собранных Кастальским сасанидских гемм описаны А. Я. Борисовым и В. Г. Лукониным).

В 1928 Кастальский сообщил о случайном нахождении в Термезе местными жителями монетного клада с датами 740, 780 и других годов хиджры, описанного позднее М. Е. Массоном.

В 1932 Кастальский принял деятельное участие в подготовительных работах по выпрямлению накренившегося северо-восточного минарета мадраса Улугбека в Самарканде. В составе Самкомстариса Кастальский возглавлял его технически-строительную секцию.

В 1940 он опубликовал найденную в Пяджикенте греко-бактрийскую тетрадрахму — медаль Антимаха I, битую в честь Евтидема I, по отзыву специалистов — «чрезвычайно ценную для нумизматики Средней Азии».

Небезуспешны были и начинания Кастальского в строительно-инженерном деле. По его проекту (1905) в Самарканде было сооружено здание отделения Государственного банка, внешнему облику которого Кастальский искусно придал черты каменной гражданской архитектуры XVII в. (ныне здание биологического факультета Самаркандского государственного университета).

По воспоминаниям современников, Кастальский был «интересным, наблюдательным собеседником, обладал чувством юмора и острым словом» (И. И. Умняков), «скорым на решения и в то же время очень реалистичным в оценке конкретной обстановки» (М. Е. Массон), человеком большой энергии, научной пытливости и любознательности, «страстным коллекционером, обладателем единственной в своем роде кол-

лекции золотых монет Сасанидов» (А. А. Семенов). Кастальский был близким другом Вяткина и самаркандского художника-реставратора и собирателя древностей М. В. Столярова. По свидетельству А. А. Семенова «в дни досуга три друга порознь или вместе, с мешками отправлялись за город, обычно к городищу Афрасиабу... Домой они возвращались усталые, запыленные, с тяжелыми мешками, наполненными черепками древней посуды... Дома начиналась сортировка черепков, их подбор и реставрация».

Скончался Кастальский 21 января 1943 в Самарканде. Его личный архив хранится в Самаркандском областном государственном архиве (ф. 787, 27 ед. хр.).

Ряд рукописных работ Кастальского остался неизданным: «Краткая записка о земле и водовладении в урочище Термез и его окрестностях», «План Термезского района» в мелком масштабе с нанесением на него местных развалин, частично поименованных, частично безымянных (хранился в Термезском филиале Узкомстариса), Отчеты об ирригационных работах в долине Сурхана и других местах с приложением фотоальбома и др. (имеется также фотоальбом коллекции древностей, собранных Кастальским).

Указатель публикаций Б. Н. Кастальского (выборочно): Водная трагедия.—«Среднеазиатская жизнь», 1907, № 156—160 (Туркестанский сборник, т. 433, стр. 141—147; о водопользовании на р. Ангрен в районе Пскента); Бия-найманские оссуарии.— Самарканд, Типо-литография Г. И. Демурова, 1908, 36 стр. (также: ПТКЛА, Год XIII, 1909, стр. 1—36; приложение; фотографии Г. А. Панкратьева); Историко-географический обзор Сурханской и Ширабадской долин.—«Вестник ирригации», 1930, № 2, стр. 64—88; № 3, стр. 3—19; № 4, стр. 3—21; Гидростроительство и археология в Средней Азии.—В кн.: Вопросы ирригации, Сб. 1, Самарканд, 1934, стр. 51—67 (совместно с Е. Тимофеевым); Неизданная греко-бактрийская тетрадрахма — медаль Антимаха I, битая в честь Евтидема I.— ВДИ, М., 1940, № 3—4, стр. 339—347 (об этой работе см.: А. Н. Зограф. Нумизматические статьи, помещенные в № 3—4 «Вестника древней истории» за 1940 г. Обзор.— КСИИМК, XI, Л., 1945, стр. 149—152).

Литература о Б. Н. Кастальском: Первая Туркестанская фотографическая выставка 19—26 сентября 1899 года.— Ташкент, 1899, стр. 32; А. А. Семенов. Надписи на портале мечети в Мешед-и-Мисриан» (Отд. оттиск из ЗВОРАО, т. XVIII ,СПб., 1908, стр. 2); Он же. Развалины мечети близ селения Аноу.— Оттиск из журн. «Средняя Азия», Ташкент, 1911, стр. 8; А. Д. Калмыков. Открытия Б. Н. Кастальского «Бия-Найманские оссуарии».— ПТКЛА, Год XIII, Ташкент, 1909, стр. 49—54; Протоколы заседаний и сообщения членов Закаспийского

кружка любителей археологии и истории Востока.— Вып. I, Асхабад, 1915, стр. 6; В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан.— В кн.: В. В. Бартольд. Сочинения, т .IV, М., 1966, стр. 245 (первоначально: ИРАИМК, II, 1922, стр. 1—22); М. Е. Массон. Монетный клад XIV века из Термеза.— Бюллетень САГУ, вып. 18, Ташкент, 1929, стр. 53; Он же. Городища старого Термеза и их изучение.— Труды УзФАН, Институт истории, языка и литературы, серия I, История, археология, вып. 2, Термезская археологическая экспедиция..., Ташкент, Изд-во УзФАН, 1940, стр. 20—21, 31, 33, 109; Он же. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении.— Труды САГУ, новая серия, вып. LXXXI, Археология Средней Азии, Ташкент, 1956, стр. 14; Он же. Падающий минарет (северо-восточный минарет Самаркандского медресе Улугбека).— Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1968, стр. 7—8, 15, 18; А. Я. Борисов. К истолкованию изображений на биянайманских оссуариях.— Труды отдела Востока Гос. Эрмитажа, II, Л., 1940, стр. 25—49; Б. В. Лунин. Из истории русского востоковедения..., стр. 86—87, 186—187, 270; Он же. Самарканд в отечественной и мировой науке.— В кн.: История Самарканда, т. I, Ташкент, 1969, стр. 384—385, 390—391 и др.; Он же. Самаркандский археолог и востоковед (К 100-летию со дня рождения В. Л. Вяткина). Отв. редактор И. М. Муминов.— Ташкент, 1969, стр. 14—15, 24 (на узб. яз.); З. П. Майсурадзе. Керамика Афрасиаба.— Тбилиси, Изд-во Груз ССР, 1958, 30 стр.; Г. А. Пугаченкова. Три ахеменидские геммы из собрания Музея истории Узбекской ССР.—Труды Музея истории Узбекской ССР, вып. III, Ташкент, 1956, стр. 81; Она же. Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма.— Труды ЮТАКЭ, т. VI, М., 1958, стр. 7; А. А. Семенов. Нечто о среднеазиатских геммах, их любителях и ссбирателях (Из воспоминаний прошлого).— ИАН ТаджССР, Отделение общественных наук, XIV, Сталинабад, 1957, стр. 149; О. Г. Большаков. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX—XII вв.—«Советская эпиграфика», XII, М., 1958, стр. 24; Б. Я. Ставиский. Из Истории археологического изучения Пенджикента и его окрестностей.—ИАН ТаджССР, Отделение общественных наук, Сталинабад, 1960, № 1 (22), стр. 133; Г. Н. Чабров. Русские архитекторы дореволюционного Туркестана (1865—1916 гг.).—«Архитектурное наследие Узбекистана», Ташкент, 1960, стр 242; А. Я. Борисов и В. Г. Луконин. Сасанидские геммы.— Л., Изд-во Гос. Эрмитажа, 1963, стр. 3 (геммы: № 41, 44, 52, 80, 91 и др.); М. Е. Массон. Три эпизода, связанные с самаркандскими памятниками старины.— Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1972, стр. 8—14. Послужной список Б. Н. Кастальского: ЦГВИА СССР, ф. 1396, оп. 3, арх. № 272 (Окружное инженерное управление).

АЛЕКСАНДР ЛЮДВИГОВИЧ КУН

«НЕЗАУРЯДНЫЙ ориенталист» своего времени (слова А. Ю. Якубовского) А. Л. Кун родился в 1840 в семье учителя (коллежского асессора). После смерти отца из-за бедности семьи был «казеннокоштным воспитанником» ставропольской губернской гимназии на Кавказе. В 1865 окончил факультет восточных языков Петербургского университета со степенью кандидата по арабско-персидско-турецкому разряду. Его студенческое сочинение на тему «Обозрение Алкорана в религиозном и юридико-политическом отношениях» было удостоено почетного отзыва.

Еще будучи студентом, Кун устроился работать в декабре 1864 счетным чиновником в контрольный департамент морских отчетов и служил в этой и других должностях до 1866; затем был определен столоначальником канцелярии оренбургского генерал-губернатора, а в ноябре 1867 направлен в распоряжение туркестанского генерал-губернатора. Для работы в Туркестане его рекомендовал известный востоковед В. В. Григорьев *(см.)*.

В 1868 Кун выполнял разные поручения научного и административного характера: вел в Самарканде поиски остатков библиотеки Тимура, собирал сведения о приобретенном здесь «Коране Османа», участвовал в работах комиссии по проверке амляковых сборов, а «затем на основании письменных документов разобрал весьма путанный вопрос о вакуфах Самарканда».

16 августа 1868 Кун был направлен в распоряжение начальника Зарафшанского округа «для этнографических, статистических и исторических ученых исследований». В 1871—1872 он совместно с А. П. Фед-

ченко и другими участвовал в Искандеркульской экспедиции, изучая быт и язык таджиков и узбеков верховьев Зарафшана.

Существенна заслуга Куна в изучении ягнобцев. Еще до него в литературе встречались упоминания о Ягнобе и ягнобцах (Георг Мейендорф), о ягнобцах и их языке (Александр Леман) и др. В 1870 Кун совершил поездку вверх по Ягнобу, в результате которой высказал предположение, что ягнобцы — потомки согдийцев.

В Восточном отделе научной библиотеки им. Горького при ЛГУ хранятся рукописи Куна: «Сведения о ягнаубском народе» и «Материалы для исследования ягнаубского языка», учтенные К. Г. Залеманом *(см.)* в его «Ягнобских этюдах».

В 1871 Кун составил «Описание местоположения старого Ходжекента, называемого туземцами также Арал (остров)».

В 70-х годах он работал над «Туркестанским альбомом». Эта страница в деятельности ученого должна быть отмечена особо, ибо альбом до сих пор не утратил научного значения. Это было собрание фотографий Туркестанского края, состоявшее из четырех частей: этнографической, археологической, исторической и промысловой (последняя подготавливалась совместно с М. И. Бродовским) и представлявшее, по словам Куна, «наглядную панораму культуры Сыр-Дарьинской области Заравшанского округа». Альбом заключал в себе 447 картонов с 1262 раскрашенными рисунками и фотографическими снимками и являлся, по отзыву книговеда Н. В. Дмитровского, «величайшей художественной редкостью, которою могут похвалиться только три библиотеки в России — императорская Публичная, Академии наук и Туркестана».

Современники оценивали составление альбома как одно из важнейших событий научно-культурной жизни края. Так, В. В. Стасов считал его «явлением совершенно единственным» и указывал, что альбом «должен быть признан изданием истинно монументальным». Известны также положительные отзывы о нем П. И. Лерха *(см.)* и других ученых.

В 1873 Кун собрал в Хиве обширную коллекцию восточных рукописей и документов, переданную в том же 1873 в Публичную библиотеку Петербурга. Кроме того, Куном и его спутниками были вывезены из Хивы 200 экземпляров «штамбов, служивших хивинским ханам для чеканки монет». («Штамбы эти открывают для нумизматики несколько новых типов среднеазиатских монет, которые... не были известны»), связка печатей хивинских ханов, трон хивинских ханов, 172 экз. джучидских монет и по 3 экз. монет хивинских ханов из династии кунград и ряд этнографических предметов.

Кун подчеркивал глубокую древность культуры Хивинского оазиса: «Цивилизация возникла здесь не позже, чем на берегах Тигра и Ефрата. С незапамятных времен Хивинский оазис служил перепутьем для торговли всего юга с севером и северо-востоком Европы». По мне-

нию Куна, первый удар по местной культуре был нанесен арабским завоеваниям, второй — монгольским.

21 апреля 1874 Кун был назначен старшим чиновником особых поручений по учебной части при туркестанском генерал-губернаторе.

В 1875 он участвовал в так называемом Кокандском походе. По собственным словам Куна, задачей его «было собрать как можно больше книг, рукописей и документов на туземных языках, а также составить описание развалин Ак-сарая, дворца Тимура». Сам Кун указывал, что при осмотре ханского дворца им «было собрано 300 книг восточных рукописей, из них исторических 129 заглавий в 140 томах, сочинений восточных поэтов 20 авторов в 30 томах, юридически-богословских 40 сочинений в 50 томах. Кроме этого, было собрано до 18 коранов и 50 учебников... Собранная коллекция рукописей отличается более сочинениями переводными с персидского на хивинское тюркское наречие, сделанными большею частью во время ханов нынешней (Кунградской) династии. Ценность этих переводов тем более увеличивается, что при этом находят самые подлинные сочинения персидские, с которых сделан перевод, так в коллекции имеется история Персии соч. Мирханда на персидском и хивинском языках. «Деяния Магомета»... на обоих языках. Из исторических сочинений кроме переводных коллекция имеет сочинение Юнус Мираба «История хивинских ханов»... Кроме переводных и указанного нами исторического сочинения, коллекция рукописей имеет несколько оригинальных повестей и романов, писанных на хивинском наречии».

В свое время осталась незамеченной незабываемая заслуга Куна, сохранившего для науки материалы архива хивинских ханов, причем нет сомнений, что если бы не Кун, обративший на них внимание, эти материалы были бы обречены на бесследное исчезновение. Кун первым дал их общую характеристику. «При конфискации ханского дворца,— писал он,— вместе с рукописями были собраны также документы. Их можно разделить на две группы: одна, касающаяся денежного поступления доходов и расходов ханства, и несколько документов вакуфных и мильковых, другие составляют письма, просьбы и дипломатическую переписку». Материалы архива были пересланы в Публичную библиотеку Петербурга, где их обнаружили спустя 60 с лишним лет.

Сейчас установлено, что Куном «была проделана огромная работа по разбору важнейших документов архива хивинских ханов» и что он не только изучал налоговые документы ханского архива, но и сумел использовать их при... изучении налоговой системы, административного устройства ханства» (Б. В. Андрианов).

Перу Куна принадлежит ряд статей и работ по истории и современной ему действительности Средней Азии, причем Кун не был лишен наблюдательности при изучении социально-экономических условий

жизни коренного населения. В «Очерках Кокандского ханства» он писал, например, что события 1875 «показали, как глубоко пустила корни болезнь всеобщего неудовольствия против хана и его приближенных, душивших народ непомерными налогами, взяточничеством, насилиями и т. п. действиями».

В некоторых своих публикациях Кун не миновал вниманием народные движения Средней Азии его времени. «При этом нельзя, однако, обойти молчанием вульгаризаторско-упрощенческую трактовку автором характера, целей и движущих сил народных выступлений... Но детально описанная им система феодально-деспотического управления в центре и на окраинах Кокандского ханства... и картина изощренного налогового гнета все же подводят читателя к мысли о социально-экономических корнях народных движений в ханстве» (В. Я. Галицкий в кн. «Русские путешественники и исследователи о киргизах...).

В 1874 Кун был избран членом-корреспондентом Института живых восточных языков в Париже. В 1875—1876 деятельно участвовал в подготовке III Международного съезда (конгресса) ориенталистов в Петербурге. С 19 марта 1876 являлся действительным членом Русского Археологического Общества.

С 1 января 1876 по 20 сентября 1882 Кун занимал должность главного инспектора училищ Туркестанского края.

С конца 70-х годов Кун все более отходил от научной деятельности. В 1882 он был назначен помощником попечителя Виленского учебного округа и покинул Среднюю Азию.

Скончался Кун 24 октября 1888 в Вильно. Как ученый-востоковед он оставил приметное научное и рукописное наследие. С его именем связывается, в частности, создание отдела «восточных книг и рукописей» Туркестанской публичной библиотеки.

Предположительно перу А. Л. Куна принадлежит также изданная в 1873 для служебного пользования в количестве двадцати экземпляров брошюра «О поземельном праве и податной системе магометанского законодательства».

После Куна остались обширные архивы, изучение которых только началось.

Указатель публикаций А. Л. Куна: Коран Османа. — ТВ, 1870, № 1 (также: Материалы для статистики Туркестанского края, вып. III, СПб., 1874, стр. 401—404); Вакуфы.— ТВ, 1872, № 21; Погребальные обряды у среднеазиатских таджиков — ИОЛЕАЭ т. IX вып. I М., 1872, стр. 68—69; Краткое сообщение о плане и описание развалин, находящихся между Казалинском и Ташкентом.— ИРАО т. VII, вып., 4, СПб., 1872, стр. 452; Бухарские порядки.— Заметки о порядке взимания поземельных податей.— ТВ, 1873. № 32; Порядок взимания пода-

тей в Хивинском ханстве.— ТВ, 1873, № 33; Заметки о Хивинском ханстве.— ТВ, 1873, № 40; Описание печатей хивинских ханов.— ТВ, 1873, № 50; Культурный оазис Хивинского ханства. Город Хазар-асп От Газавата до Ташауза. От Ильяли до Куня-Ургенча. От Куня-Ургенча до Кунграда. От Кунграда до Чимбая. От Чимбая до Рахман-Берды-бийбазара. От Рахман-Берды-бий-базара до Гурлена. От Гурлена до Шавата. От Шавата до Ургенджа. От Ургенджа до Ханков.—ТВ, 1874, № 2, 3, 6, 9, 11, 12, 14; Коран Османа. Материалы для статистики Туркестанского края, вып. III, СПб., 1874, стр. 401—404; Поездка по Хивинскому ханству в 1873 году,—ИРГО, т. X, вып. 2, СПб., 1874, стр. 47—58; Предание о библиотеке Тамерлана.—Материалы для статистики Туркестанского края, вып. III, СПб., 1874, стр. 405; Предисловие к кн.: М. И. Бродовский. Технические производства в Туркестанском крае, СПб., 1875; Мусульманские школы.— ТВ, 1876, № 37; Некоторые сведения о Ферганской долине.—«Военный сборник», СПб., 1876, № 4, стр. 427—448; От Хивы до Газавата.—Материалы для статистики Туркестанского края, вып. IV, СПб., 1876, стр. 203—222; От Хивы до Кунграда. Культура оазиса низовьев Амударьи.— Материалы для статистики Туркестанского края, вып. IV, СПб., 1876, стр. 213—216; Культура оазисов низовьев Аму-Дарьи до Чимбая.— Материалы для статистики Туркестанского края, вып. IV, СПб., 1876, стр. 223—259; Очерк Кокандского ханства.— ИРГО т. XII, 1876, стр 59—70 (также стр. 71—72); Чтение [А. Л. Куна] о Ферганской долине.— ТВ, 1876, № 12; Очерки Шагрисябзского бекства.— Записки РГО по отд. этнографии, т. VI, СПб., 1880, стр. 202—237 (там же: Остатки бывшего дворца Тимура — Ак-сарая в городе Шагрисябзе, стр. 224—228); Искандер-Тюря [А. Л. Кун]. Сведения о ягнобском народе (К материалам для исследования ягнаубского языка).—ТВ, 1881, № 3, 4; Хива.—В кн.: Наши соседи, изд. Панафидиной, СПб., 1908; См. также: В. Л. Вяткин. О вакуфах Самаркандской области.— Справочная книжка Самаркандской области, вып. IX, Самарканд, 1912, стр. 95—107 (донесение А. Л. Куна).

Литература об А. Л. Куне: П. И. Л е р х. О Туркестанском фотографическом альбоме, ИРГО, т. X, № 2, СПб., 1874, стр. 97—99 (отд. 3); В. В. С т а с о в. Фотографические и фототипические коллекции Императорской Публичной библиотеки.— Отчет Императорской публичной библиотеки за 1883 год, СПб., 1885, стр. 49—50 (здесь же описание Туркестанского альбома, стр. 47—51); А. Л. Кун. Некролог.—«Новое время», 1888, № 4549; А. Л. Кун. Некролог.— Исторический вестник, 1889, № 1, стр. 238—259; Н. М.-в [Н. А. М а е в]. А. Л. Кун.— ТВ, 1888, № 46; Р. К. А. Л. Кун.— Виленский календарь на 1889 г. Вильна, 1888, стр. 244—247; Л. К. Ю. [Н. В. Д м и т р о в с к и й]. «Туркестанский альбом» К. П. Кауфмана.— ТВ, 1889, № 36 (см. также «Кауфманский

сборник». стр. 132; Н. И. Веселовский. История..., стр. 324); 25-летие «Туркестанских ведомостей».—ЗВОРАО, т. IX, СПб., 1895, стр. 243—262 (есть данные о статьях А. Л. Куна); Н. П. Остроумов. Константин Петрович фон-Кауфман, устроитель Туркестанского края (Личные воспоминания Н. Остроумова, 1877—1881 гг.), Ташкент, 1899, стр. 102, 136, 139, и др. См. также: П. В. Знаменский. Участие Н. И. Ильминского в деле инородческого образования в Туркестанском крае, Казань, 1900, стр. 40—41, 61 и др. (также неопубликованные дневники Остроумова); Кун Людвиг Антонович. Энциклопедический словарь «Брокгауз-Ефрон», т. XVII, СПб., 1896, стр. 32. Л. Языков. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей и писательниц, вып. 8, СПб., 1902 стр. 56—57; Кун Александр Людвигович. Русский биографический словарь. «Кнаппе — Кюхельбекер».— СПб., 1903 стр. 553; А. И. Добросмыслов. Ташкент в прошлом и настоящем.—Ташкент, 1912, стр 232—235; И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики.—М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр 190—191; Б. В. Андрианов. Архив А. Л. Куна.— СЭ, М., 1951, № 4, стр. 149—155 ; А. Каримова. Деятельность ориенталиста А. Л. Куна в Туркестане в 1868—1881 гг.—Сборник студенческих работ САГУ, вып 15, Ташкент, 1956, стр. 23—30; Л. В. Дмитриева. Тюркские рукописи Института востоковедения АН СССР.—«Проблемы востоковедения», М., 1959, № 4, стр. 137—140;В. А. Крачковская. Эпиграфика Средней Азии (Пионеры эпиграфики. Туркестанский кружок любителей археологии).— «Эпиграфика Востока», VII, М.—Л., 1953, стр. 48; К. Е. Тендриков. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865—1924 годы).—М., Изд-во Академии педагогических наук, 1960, стр. 91 и др.; А. Т. Абрамов. Восточный отдел библиотеки им. А. М. Горького Ленинградского ордена Ленина Государственного университета им. А. А. Жданова.—В кн.: Востоковедные фонды крупнейших библиотек Советского Союза, М., 1963, стр. 228; Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии Академии наук СССР. Краткий алфавитный каталог, ч. II, Указатели и приложение.—М., Изд-во «Наука», 1964, стр. 140 (А. Л. Кун); Б. В. Лунин. Научные общества..., стр. 73, 75—89; Он же. Средняя Азия..., стр. 100—105, 114—126, 336—340; Русские путешественники и исследователи о киргизах. Под ред. доктора ист. наук Б. В. Лунина.— Фрунзе, Изд-во «Илим», 1973, стр. 54, 163—164.

Личный архивный фонд А. Л. Куна: Институт востоковедения АН СССР (Архив востоковедов), ф. 33, 303 ед. хр., 1859—1882; Ленинградское отделение Института истории АН СССР (в составе коллекции И. А. Шляпкина), ф. 154, 259 ед. хр., 1857—1878. Также ряд данных о А. Л. Куне в фондах ЦГА УзССР (Н. П. Остроумов. Первый главный инспектор училищ в Туркестане Александр Людвигович Кун.— Рукопись; ЦГА УзССР, ф. 1009, оп. 1, д. 74, л. 10—35; также л. 55—68 и др.).

ПЕТР ИВАНОВИЧ ЛЕРХ

П. И. ЛЕРХ родился в 1828 в Петербурге, в 1851 окончил училище св. Петра и затем Петербургский университет (здесь его близким товарищем был Н. Г. Чернышевский) по восточному разряду историко-филологического (тогда — философского) факультета со степенью кандидата (разряд восточной словесности). Работал Лерх в скромных должностях протоколиста-переводчика в комитете Правления Академии наук (1850—1873), делопроизводителем и секретарем Археологической комиссии (1873—1877) и с 1877 помощником библиотекаря и библиотекарем Восточной библиотеки Петербургского университета.

Имя Лерха неотделимо от изучения истории курдского народа. Его перу принадлежит трехтомное «Исследование об иранских курдах и их предках северных халдеях» (1856—1858) и другие публикации. «В них подробно освещена история курдов и их языка, дана оценка исследовательских курдоведческих работ, изданных за рубежом и в России» (К. К. Курдоев). В первую очередь благодаря Лерху курдоведение, как ответвление иранистики, начало становиться на самостоятельный путь развития. Лерх много сделал также для собирания и изучения курдских литературных и исторических рукописей.

В 1851 он занялся переводами произведений персидской поэзии, дав краткий очерк ее развития.

В 1858—1859 Лерх совершил поездку в Хиву и Бухару в составе дипломатической миссии полковника Н. П. Игнатьева. Поездка «сильно расширила круг его ученых изысканий, и с тех пор он стал заниматься всевозможными вопросами, касающимися среднеазиатских стран

и народов, их лингвистическими и этнографическими особенностями и их историей».

Во время поездки 1858—1859 Лерх приобрел свыше 30 восточных рукописей, поступивших в 1859 в Азиатский музей и описанных К. Г. Залеманом (*см.*). В лерховской коллекции находились весьма примечательные рукописи, например «Китаб ал-ансаб» («Книга генеалогических имен») известного мервского ученого-араба Абу Саид Абд-ал-Керим ал-Самани (1113—1169), содержавшая значительный историко-географический материал, послуживший одним из главных источников для географического словаря Якута (XIII в.). Вывез Лерх из Бухары и редчайший автограф «Маджма ал-ансаб»—«Собрание генеалогии» Шебангараи (и его продолжителя — Фарйумади), и рукопись «Абдулла-наме» Хафиз-и Таныша (*см.*) и др.

Наука обязана Лерху также описанием 97 восточных рукописей, принесенных в 1871 в дар Публичной библиотеке Петербурга туркестанским генерал-губернатором Кауфманом и собранных А. Л. Куном (*см.*).

В 1867 Лерх вторично посетил Туркестанский край — по поручению Археологической комиссии. Поездка была вызвана появлением в газетах известия об открытии близ форта № 1 следов древнего города.

Лерх вел пробные раскопки на территории Джанкента, высказав предположение, что он имел дело с остатками города Янгикента, «упоминаемого в исторических повествованиях о завоевании царства хорезмшахов Чингисханом и его сыновьями. Местонахождение развалин соответствует данным Абульфеда».

В Джаллаутинском ущелье Лерх снял копии с двух надписей, высеченных на отвесной скале, «успев убедиться в том, что эти надписи не относятся к Тамерлану, которому их приписывает общее мнение в Туркестанском крае. Обе надписи сочинены на персидском языке. Одна высечена в память похода, предпринятого в 828 году (1424—1425) Улугбеком в Могулистан, а другая в память победы, одержанной в 979 году (1571—1572) в здешнем ущелье бухарским ханом Абдуллахом над владетелями Ташкента, Ферганы и Дешти-Кипчака».

По вдумчивости подхода к изучаемым объектам, научной добросовестности, насыщенности фактическим материалом, осторожности выводов поездка Лерха выгодно выделялась в ряду археологических исследований своего времени. «Начало изучению развалин долины нижнего течения Сыр-Дарьи... положено было еще в 1867 г. одним из талантливых востоковедов XIX столетия П. Лерхом» (А. Ю. Якубовский).

13 декабря 1867 Лерх сообщил о своих джанкентских раскопках в общем собрании Русского Географического Общества с демонстрацией рисунков (М. К. Приорова), найденных предметов древности и

«топографического плана местности древнего города» (сохранился инвентарный список привезенных им предметов).

В своем отчете о поездке Лерх, как бы предвосхищая последующие начинания В. А. Жуковского, В. В. Бартольда и других, сопроводил данные о развалинах Джанкента и других городов сведениями из сочинений древних авторов и комментариями к ним (Абу-л-Фида, Ибн Хаукаль, Шихаб ад-дин, Якут, Абу-л-Хайрхан, Абд ар-Раззак Самарканди, Хондемир, Рашид ад-дин и др.).

На II археологическом съезде в Петербурге в 1871 Лерх являлся секретарем двух отделений — древностей первобытных и восточных. В том же 1871 Лерх успешно сдал магистерский экзамен. Известны слова В. В. Григорьева *(см.)*, принимавшего у Лерха этот экзамен: «Иду экзаменовать по истории Востока человека, который лучше меня знает эту историю» (ЗВОРАО, XXV, стр. 352).

В историю изучения Узбекистана вошла также составленная Лерхом в начале 70-х годов по поручению Русского Географического Общества обстоятельнейшая инструкция (вопросник) для сбора материалов к разностороннему изучению Хивинского оазиса. Написанная с большим знанием дела, инструкция уделяла особое внимание вопросам розыска (сбора), описания и сохранения письменных (восточные рукописи), археологических, нумизматических, эпиграфических и этнографических памятников.

Преимущественно трудам и настойчивости Лерха наука обязана устройством обширной выставки к открытию III Международного съезда (конгресса) ориенталистов в Петербурге в 1876.

На самом съезде, в одном из заседаний Отдела археологии и нумизматики Лерх сделал выдающееся по научному значению и оригинальности сообщение «О монетах Бухар-Худатов, или государей бухарских, до завоевания Мавераннагра арабами». Речь шла об итогах изучения Лерхом той группы среднеазиатских монет, которые он предложил назвать монетами бухар-худатов.

По словам Н. И. Веселовского, указанные монеты «до сих пор представлялись загадкой для нумизматов, так как письмо на них (кроме имени халифа арабскими буквами) оставалось неизвестным. Френ сперва приписывал эти монеты хазарам, а потом тюркским хаканам, которых относили тогда к уйгурам. Иностранные нумизматы (Е. Томас, Соре Штиккель) тоже не могли разрешить вопроса. Только П. И. Лерху удалось дешифровать загадочное письмо. Такое важное открытие напоминающее в некотором роде дешифровку клинообразных письмен, совершено (было) при помощи «Истории Бухары», составленной Абу-Бекром Мухаммедом Наршахи (жившем в IV веке гиджры). Эта рукопись была вывезена Лерхом же из Бухары в 1858 году.

У Наршахи сохранились известия о монетах бухар-худатов. Нашему исследователю пришла счастливая мысль применить к загадочным знакам на монетах те буквы, из которых образуется слово Бухар-худат, и буквы подошли совершенно. Таким образом открылись семь букв из нового письма, которые Лерх окрестил именем согдийского. Есть и еще доказательство тому, что эти монеты именно принадлежат бухар-худатам. Они двух родов, как это и должно быть по Наршахи: серебряные, высокой пробы и низкопробные. Вот эти последние и были подвергнуты химическому анализу, причем оказалось, что сплав, для них употреблявшийся, состоит из шести металлов, и при том тех самых, о которых сообщает Наршахи».

Краткое сообщение Лерха на съезде ориенталистов о своем открытии вошло во второй том съездовских трудов. В полном же виде часть исследования Лерха (незаконченного им) была напечатана позднее, в 1909.

Исследование Лерха приобрело широкую известность и заслуженное признание (хотя отдельные его выводы и наблюдения, естественно устарели или не приняты полностью другими исследователями). Сам Лерх просил «читателей не забывать, что (он) высказал одне предположения, не зная, насколько последние покажутся им правдоподобными».

По словам новейшего исследователя, «начало изучения бухарских серебряных монет, чеканенных по образцу драхм Варахрана V, положили П. И. Лерх и английский ученый Томас. Монеты получили известность в науке под названием бухархудатских драхм и штрифи. Названия сохранились за ними до выхода в свет работы Дж. Уокера, последнего исследователя в этой области, определившего такие драхмы как бухарские и аббасидские подражания сасанидским драхмам... Последовательность типов (монет) определена П. И. Лерхом и изменена не была» (О. И. Смирнова).

Для оценки по достоинству работы Лерха нужно учитывать также, что до введения в научный оборот монетного материала сами представления о Согде VII—VIII вв. воспринимались преимущественно как географическое наименование определенной области, сведения о которой сохранили арабские географы IX—XII вв.

Известен и ряд других публикаций Лерха на среднеазиатские темы, в том числе для журналов и энциклопедических словарей («Бухара», «Мавераннагр», «Хива и Хварезм» и др.). Перу Лерха принадлежали, кроме того обозрения трудов В. В. Григорьева «О скифском народе Саках» (СПб., 1871), В. Г. Тизенгаузена «Монеты восточного халифата» (СПб., 1873) и другие на страницах «Russische Revue».

Лерху принадлежал и первый в отечественной науке сводный историко-географический очерки Хивы и Хорезма (1873).

Исключительные способности и блестящая ученая будущность Лерха стояли вне сомнений. Однако «чрезмерно усиленные труды подломили его силы, и в феврале 1877 г. он был поражен параличем всего тела. Будучи увезен за границу, он поправился несколько физически, но уже не мог возвратиться к умственному труду, а 4 сентября 1884 года скончался, не приходя в себя».

Указатель публикаций П. И. Лерха (выборочно): О важности сравнительных таблиц циклического летоисчисления тюркских народов и летоисчислений мусульманского и христианского.— ИРАО, т. III, вып. 2, СПб., 1861, стр. 171—174; Археологическое путешествие П. И. Лерха в северных губерниях.— ИРГО, т. I, № 10, отд. 2, СПб., 1865, стр. 196—197; Археологические исследования в Туркестане в 1867 году. Отчет Археологической комиссии за 1867 год, СПб., 1868, стр. XXII—XXXI; Археологическое путешествие П. И. Лерха.— ИРГО, I, 1865, стр. 196—197; Заметка о древне-согдийском и хорезмском языке.— ИРАО, VII, 1868, стр. 296—297; О раскопках в Джанкенте.—Журнал общего собрания Императорского Русского Географического Общества 13 декабря 1867 года, СПб., 1868; Археологические исследования в развалинах древнего города Джанкента.— ИРГО, т. III, отд. 1, СПб., 1867, стр. 199; т. V, отд. 2, СПб., 1869, стр. 371—373; О развалинах Джанкента.— «Сын отечества», 1868, № 6; Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. Извлечение из отчета, представленного Императорской археологической комиссии.— СПб., 1870, X, 39 стр.; О значении слова «сарт».— «Russische Revue», I, СПб., 1872, стр. 30—35 («Das Russische Turkestan»); Отчет Императорской публичной библиотеки за 1871 год.— СПб., 1872, стр. 14—22 (описание Лерхом коллекции восточных рукописей, поступивших из Туркестана); Соображения о сходстве и различиях древнесогдийского и хорезмийского языков.— ИРАО, т. VII, СПб., 1872, стр. 24—32; [П. И. Лерх]. Вопросы, предлагаемые Императорским Русским Географическим Обществом при исследовании Хивинского ханства и сопредельных с ним стран в географическом, этнографическом и культурно-историческом отношениях.— ИРГО, т. IX, № 2, СПб., 1873, стр. 43—73; Khiva oder Khvarizm, seine historische und geographische Verhältnisse, St.-P., 1873; Азия.— Русский энциклопедический словарь Березина, отд. I, т. I, СПб., 1873, стр. 272—296; Das Russische Turkestan.— Russische Revue, I, 1872, стр. 24—59, 113—135; Skizzen aus Taschkent.— Russische Revue, III, 1873, стр. 128—140, 353—368 (Перевод из «Туркестанских ведомостей», с примечаниями Лерха); Kniva aus Kvarezm.— Russische Revue, III, 1873, стр. 128—565—579; Бухара.— Русский энциклопедический словарь Березина, отд. I, т. IV, СПб., 1874, стр. 463—464; Мавераннагр.— Русский энциклопедический словарь Березина, отд. III, т. I, СПб., 1874, стр. 577—

583; О туркестанском фотографическом альбоме.— ИРГО, т. X, отд. 3, СПб., 1874, стр. 97—99; Определение восточных монет.— ИРАО, VII, 1868, стр. 298; VIII, 1875, стр. 438—439; IX, 1876, стр. 125—127, 323—324; Монеты Бухар-Худатов.— Труды РАО, ч. XVIII, СПб., 1876 (1902), стр. 1—161; всего перу Лерха принадлежит свыше 80 публикаций на русском и иностранных языках. Круг научных интересов Лерха был весьма широк. Его имя прочно связано, в частности, с изысканиями в области памятников древности первобытного общества. Новаторский характер носила его статья о применении химии в археологии. Совместно с В. Г. Тизенгаузеном Лерх явился инициатором издания РАО «Археологической летописи», выпуск которой должен был осуществляться в качестве ежемесячных прибавлений к «Известиям» Общества.

Литература о П. И. Лерхе: Обзор важнейших географических работ в России за 1867 и 1868 гг.— ИРГО, т. V, СПб., 1869, стр. 371—374 (поездка Лерха в Туркестан); А. П. Федченко. В Кокандском ханстве. Тетрадь первая.— СПб., 1875, стр. 10 (О переводе Лерхом на русский язык записок Бабура); Миссия в Хиву и Бухару в 1858 году флигель-адъютанта полковника Н. П. Игнатьева.— СПб., 1897, 278 стр. (сведения о Лерхе и его научной деятельности во время поездки миссии); E. Tomas. Bilingual coins of Boukhara.— «The Numismatic Chronicle» and Journal of Numismatic Society, vol. I, 1882, p. 116—128; Н. И. Веселовский. Труды третьего международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге (окончание).— ЖМНП, ч. CCXXV, январь, СПб., 1883, стр. 212—214; В. Г. Тизенгаузен и Н. И. Веселовский. П. И. Лерх.— ЖМНП, СПб., 1884, № 11, отд. 4, стр. 57—66; А. Я. Гаркави. Памяти П. И. Лерха.— ЗВОРАО, т. I, СПб., 1886, CIV—CXIX (С перечнем трудов Лерха); Лерх Петр Иванович.— Энциклопедический словарь «Брокгауз-Ефрон», т. XXIV, СПб., 1896, стр. 588—589; П. И. Лерх. Некролог.— Историческая записка о деятельности Императорского Московского Археологического Общества за первые 25 лет его существования.— М., 1890, стр. 155—157; Лерх Петр Иванович. В кн.: Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869—1894, т. I, СПб., стр. 391—399 (Список работ, стр. 396—399); Н. И. Веселовский (предисловие к XVIII-му тому Трудов ВОРАО).— Труды ВОРАО, ч. XVIII, СПб., 1875—1909, ненум. стр.; Лерх Петр Иванович, ориенталист, археолог (1827 — 4 сентября 1884).— Источники словаря русских писателей. Собрал проф. С. А. Венгеров, т. III, Пгр., 1914, стр. 466 (дан указатель заметок о Лерхе); Московское Археологическое Общество в первое пятидесятилетие его существования (1864—1914).— Т. II, М., 1915, стр. 202—203, доп. стр. 106; Н. Ч[е ч у л и н].— П. И. Лерх. — Русский биографический словарь, т. XXIV, Лабзина-Ляшенко, Пгр., 1916,

стр. 317—319; Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв. Хронологические обзоры и описание архивных материалов. Составила В. Ф. Гнучева. Редактор В. Л. Комаров.— М.—Л., Изд-во АН СССР, 1940, стр. 219—220 (экспедиция П. И. Лерха в Хиву и Бухару в 1958—1959 гг.); Н. П. Журавлев, А. М. Мугинов. Краткий обзор архивных материалов, хранящихся в секторе восточных рукописей Института востоковедения Академии наук СССР.— Ученые записки Института востоковедения АН СССР, VI, М.—Л., 1953, стр. 44; Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Составитель О. В. Маслова, ч. II.— Ташкент, 1956, стр. 64—65 (Археологическая экспедиция П. И. Лерха для исследования развалин Джанкента); Г. Н. Чабров. Из истории изучения развалин древнего города Джанкента.— Труды САГУ, Новая серия, вып. III, Исторические науки, кн. 25, Археология Средней Азии, IV, Ташкент, 1957, стр. 187—192; К. К. Курдоев. Труды П. И. Лерха по курдоведению (К вопросу об изучении истории курдов в России).— Очерки по истории русского востоковедения, IV, М., 1959, стр. 39—51; О. И. Смирнова.— Каталог монет с городища Пенджикент.— М., 1963, стр. 38—40 (см. также: М. М. Явич. Замечания об одном неисследованном среднеазиатском алфавите.— Труды отдела Востока Гос. Эрмитажа, IV, Л., 1947, стр. 205—244; В. А. Лившиц, К. В. Кауфман, И. М. Дьяконов. О древней согдийской письменности Бухары. I. Надписи на бухарских монетах.— ВДИ, М., 1954, № 1, стр. 130—157 и др.; ныне различают бухарские и самаркандские подражания образцам, восходящим к драхмам Варахрана V: а) с пехлевийскими и местными надписями, б) с арабскими и местными надписями, в) аббасидские подражания бухарским драхмам); Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии Академии наук СССР. Краткий алфавитный каталог, ч. II, Указатели и примечания.— М., Изд-во «Наука», 1964, стр. 140 (П. И. Лерх); Б. В. Лунин. Средняя Азия..., стр. 86—88, 109—110, 112—114, 328—329; Б. М. Данциг. Ближний Восток в русской науке и литературе (дооктябрьский период).— М., Изд-во «Наука», ГРВЛ, 1973, стр. 228.

Архивные материалы.— Архивы П. И. Лерха: ИВ АН СССР, ф. 36, 32 ед. хр., 1856—1881; Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, ф. 152, 110 ед. хр., 1856—1883 (ср. Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Указатель. Т. I, М., 1962, стр. 400); также: ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 13, д. 233; оп. 143, д. 338; формуляр Лерха.— Государственный исторический архив Ленинградской области, фонд Петербургского университета. В архивных материалах Лерха сохранилось немало материалов по Узбекистану, в частности «сущность текста» записки Лерха «О некоторых названиях месяцев, дней, праздников и созвездий из древнего календаря хорезмийцев и согдийцев» (Архив РАО, ф. 3, д. 444, л. 10—11; ЛОИА).

НИЛ СЕРГЕЕВИЧ
ЛЫКОШИН

ИЗВЕСТНЫЙ знаток жизни и быта народов Узбекистана Н. С. Лыкошин родился 20 октября 1860 в с. Федорчево Великолуцкого уезда Псковской губернии. Окончил военную гимназию и военное училище в Петербурге.

По словам самого Лыкошина (из его автобиографии), он «служил в Туркестане почти все время по военно-народному управлению и, последовательно, прошел все должности в администрации» — от рядового военного чиновника до начальника Амударьинского отдела, а впоследствии до самаркандского военного губернатора, пока, наконец, в результате столкновения с туркестанским генерал-губернатором А. К. Куропаткиным был освобожден по собственному ходатайству от должности и 5 января 1917 ушел в отставку.

Лыкошин — фигура социально противоречивая, сложная. Энтузиазм, с которым он трудился в области востоковедения, и его несомненные заслуги перед наукой не устраняют того факта, что он являлся одним из представителей военно-колониальной администрации. Отличное знание жизни и быта коренного населения Узбекистана, либеральное, в какой-то мере уважительное к нему отношение не дает, однако, повода идеализировать его деятельность в качестве военного губернатора, представителя чуждого народным массам высшего военного чиновничества. Хотел того сам Лыкошин или не хотел, служебное положение зачастую обязывало его к действиям в угоду интересам царизма и правящих классов России, как это и имело, например, место в дни восстания 1916. Хотя Лыкошин проявил себя здесь сторонником более или менее осторожных и относительно умеренных действий властей,

что косвенно и повлекло за собой его последующее освобождение от обязанностей военного губернатора, все же нельзя закрывать глаза на общий характер его деятельности в качестве представителя военно-колониальной администрации Туркестана.

Научно-краеведческие влечения и занятия Лыкошина были разносторонними (археология, нумизматика, земельный вопрос, переселенческое дело), но первенство в них принадлежало этнографии коренного населения Узбекистана и стремлению способствовать вовлечению в научный обиход произведений местной историографии (восточных рукописей). Как писал Лыкошин в автобиографии, своими «досугами (он) пользовался для изучения местных наречий и быта населения, в чем и специализировался, насколько это представилось возможным. Изучив язык, (он) счел своей обязанностью, в целях сближения населяющих край народностей, знакомить русских с бытом и литературой Туркестана и местное население, на их родном языке, знакомить с тем, что им практически нужно из русской науки и литературы».

Лыкошин был одним из членов-учредителей Туркестанского кружка любителей археологии (1895), автором первого в своем роде и историографически весьма ценного общего обзора археологических работ в пределах Туркестана за время начиная от присоединения его к России и кончая 1895 (1896), составителем очерка деятельности Кружка за первое десятилетие его существования (1905) и ряда заметок по археологии («Осмотр холма Ак-типа и Шахнишин-типа в Ташкенте», «Развалины города Отрара», «Древности по левому берегу Сыр-Дарьи в районе Чимкентского уезда», «Древности Сайфун-ата», «Дарган-ата» и др.).

Обширен цикл публикаций Лыкошина по этнографии с описанием традиций и обычаев населения, изменений в его жизни и быте после присоединения края к России и т. п. Из наиболее крупных публикаций цикла выделяются: «Казии. Народные судьи. Бытовой очерк оседлого населения Туркестана» (1899), «Роль дервишей в мусульманской общине» и «Ишдин» (1899), «Дивана-и-Машраб и его наставники» (1901), «Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения» (1916), «Лекции по этнографии узбеков и их языку, читанные в Туркестанском народном университете» (1918) и др. Об этой стороне деятельности Лыкошина В. В. Бартольд писал, что он «по своему служебному положению мог подробно ознакомиться с бытом (коренного населения), из его работ... видно..., что он воспользовался этой возможностью в самой широкой степени» (ЗВОРАО, т. XII, 1899, стр. 121—122).

Лыкошин работал над составлением «Русско-хивинского словаря» (по типу словаря Макарова), но не закончил его.

Особого внимания заслуживает переводческая деятельность Лыкошина. Первой и мало удачной была попытка перевести на русский язык

так называемую «Автобиографию Тамерлана». Этот перевод свидетельствовал, что в то время Лыкошин заметнее, чем в последующем, проявлял себя как дилетант в некоторых востоковедческих вопросах.

В 1895 он перевел сочинение Мухаммеда-Садык Кашгари «Адал-ул-Салихын» («Приличия мудрых, или благочестивых», «Кодекс приличий»), который, по словам Лыкошина, положил немало труда на то, чтобы «выбрать из разных книг шариата все относящееся к умению солидно держать себя и изложить все эти сведения в строгой последовательности». Переводу сопутствовал список непонятных слов, встречающихся в сочинении. В рецензии на перевод Н. Ф. Катанов указывал: «Сборник по своему содержанию настолько интересен, что его..., не жалея средств, можно было бы издать в оригинале и переводе».

В 1896 Лыкошин опубликовал с некоторыми пояснениями выдержки из одного варианта рукописных текстов «Насаб-наме» («Запись происхождения»), принадлежавших ишану Исам ад-дин-хану, проживавшему в махалля Яланг-кари Бешагачской части Ташкента. По мнению Лыкошина, содержание таких родословных «нельзя принимать вполне на веру... изложение родословных страдает непоследовательностью и отрывчатостью, но во всяком случае нельзя совершенно игнорировать эти памятники родовых преданий уже ввиду одного только обилия в них собственных имен, которые могут помочь историку разобраться в сомнительных случаях путем сравнения этих имен с названиями, встречающимися в других исторических материалах».

В 1898 Лыкошин напечатал перевод отрывка из книги «Матла-ул-улум» («Источник наук»), найденной им в библиотеке одного из ишанов (об угадывании внутренних качеств человека по его наружности); в 1899 перевел и издал текст «Рисала-и-тарикат» — наставления, «как следует подготовлять себя для вступления в орден дервишей Накшбенди (Накшбанди) — амадиа». В 1901 он перевел шесть глав (хикматов) учения Ахмеда Ясеви, сопроводив перевод объяснением непонятных выражений «ученья Ходжа Ахмада Яссави».

В 1901 Лыкошин предстал как переводчик «Дивана-и-Машраб» — сборника, приписываемого Шах-Машрабу (вторая половина XVII — начало XVIII в.), известному также под именем Рахим Баба Намангани Ишан Шах-Машраб Дивана Намангани.

В предисловии к переводу Лыкошин указывал, что среди «национальных суфийских авторов... выделяется своею оригинальностью личность наманганского суфия Дивана-и-Машраба, который известен положительно каждому туркестанскому жителю, независимо от общественного положения... большинство частью или полностью читало его произведения, а неграмотные слышали декламацию его стихов». Лыкошин предпослал переводу (снабженному обстоятельными примечания-

ми) биографическую справку о Машрабе, отдельные данные для которой были собраны по его просьбе жителями г. Чуст.

Вслед за биографическими сведениями о Машрабе Лыкошин напечатал, «пользуясь изданной на тюркском языке книгой жизнеописания Машраба», пересказ его жизни.

Характерно, что Лыкошин (так же, как Н. И. Веселовский и др.) не обратил должного внимания на социальное звучание анонимной повести о ферганском дивана (юродивом) Машрабе. Между тем, по словам советского исследователя, «несмотря на свою традиционную мистическую форму, повесть о дивана Машрабе насквозь проникнута протестом против того тяжелого социального гнета, под давлением которого протекала в то время народная жизнь» (П. П. Иванов). Объективно же, тем более велика заслуга Лыкошина, способствовавшего ознакомлению общественности с столь примечательным произведением.

В рецензии на книгу Лыкошина «Хороший тон» на Востоке» (1915) А. Н. Самойлович (*см.*) указывал, что Лыкошин — «автор целого ряда трудов по этнографии, истории, археологии и литературе Туркестана, большой знаток местного населеня».

Наиболее приметен в переводческой деятельности Лыкошина перевод на русский язык одного из важных источников по истории Средней Азии — «Тарих-и Нершахи» средневекового историка Абу Бекра Мухаммада б. Джафар ан-Наршахи (*см.*). Труд этот содержал множество сведений по истории и исторической топографии Бухары, почему перевод его был примечательным явлением в истории отечественного востоковедения.

Лыкошин взял на себя миссию переводчика, заручившись согласием В. В. Бартольда на его помощь в качестве редактора. Перевод Лыкошина был первым полным переводом на русский язык сочинения Наршахи. В основу перевода было положено парижское издание 1892, осуществленное Шарлем Шефером по двум рукописям — XVI в. и позднейшей. Переводчик сопоставил с этим изданием еще две рукописи «тоже сравнительно позднего происхождения», которые помогли исправить некоторые неточности шеферовской публикации.

Исключительное значение труда Наршахи для всех, кто изучает историю Бухары и Средней Азии вообще, общеизвестно. Поэтому отредактированному Бартольдом лыкошинскому переводу суждено было стать на долгие годы одним из пособий для многих исследователей — историков, археологов, нумизматов, филологов и др.— нескольких поколений, в том числе для советских ученых.

В переводе Лыкошина на узбекский язык были изданы также книги: «Как водить пчел» (1897) А. М. Бутлерова и «Русская история. Перевод «Первоначальной летописи» Соловьева» (1906).

После Октябрьской революции Лыкошин продолжал активную научно-краеведческую деятельность. Нет при этом причин сомневаться в искренности стремления тогда уже немолодого ученого сотрудничать с победившим народом, передать ему свои знания. Он публиковал свои статьи и работы в советской печати, выступал в качестве консультанта. «Советская власть в Туркестане, — писал Лыкошин, — признала за мной право на звание «знатока Туркестана», ко мне обращаются как к эксперту, и я делаю в этом отношении что могу... К службе я был уже негоден, а работать на пользу края все еще хотелось. Хотелось поделиться с другими долголетним опытом, приобретенными сведениями о жизни населяющих Туркестанский край народностей.

К этому представился случай: революционная власть открыла в Ташкенте Народный Университет, я сделался там преподавателем тюркского языка и этнографии. Я читал лекции в Центральном Университете в здании второй женской гимназии и в отделении университета для рабочих, в Лермонтовском училище. Здесь видимо, мне удалось заинтересовать моих слушателей, так как при сокращении числа лекторов, по недостатку времени у слушателей, рабочие просили продолжать чтение тогда, когда другие лекторы прекратили преподавание своих предметов.

С чувством полного удовлетворения должен упомянуть здесь еще о пережитых на старости лет мною удачах. Путем газетных статей и личных бесед мне удалось доказать, что реформа новой школы должна коснуться введения во все школы народоведения Туркестана, как обязательного предмета, наравне с тюркским государственным языком. Кроме того, курс этнографии Туркестана мне удалось приспособить к пониманию детей всякого возраста». Вскоре Лыкошин был приглашен преподавателем тюркского языка в опытную трудовую школу при педагогическом училище в Педагогическом городке имени Н. Г. Полторацкого и, как он сам писал об этом, «вместе с тем... преподавал народоведение в Педагогическом училище и на командных курсах Красной Армии.... ЦИК поручил мне выработать декрет о введении в Крае государственного языка (тюркского). После обсуждения в комиссии я выработал текст декрета совместно с В. Н. Кучербаевым. Комиссия по национальным делам привлекла меня к работе по выработке форм официальных сношений на тюркском языке, как государственном. В самое последнее время управляющий делами Комиссариата Народного образования пригласил меня редактировать переводы книг для чтения... на родном языке».

Советская власть сочувственно относилась к стремлению Лыкошина быть полезным трудящимся, ценила и использовала его знания. Здесь сказывалось закономерное стремление использовать в интересах строительства новой жизни опыт и знания старых специалистов с учетом ле-

нинских указаний, что даже те из них, кто, подобно Лыкошину искренне сотрудничал с Советской властью, были «связаны незаметными для них тысячами нитей с умирающим, разлагающимся... буржуазным обществом» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 382).

Последние годы жизни Лыкошин провел в Самаре, где продолжал работать в советских учреждениях, служил заведующим хозяйством городского музея. По рекомендации В. В. Бартольда, В. Н. Перетца и других виднейших ученых в 1921 социально-исторический факультет Самарского государственного университета избрал Лыкошина преподавателем кафедры тюркско-татарских наречий и поручил ему чтение лекций по туркестановедению и узбекскому языку.

Проживая в Самаре, Лыкошин продолжал сотрудничать в ташкентских изданиях, например в основанном по инициативе М. В. Фрунзе военно-научном журнале «Военная мысль» — органе Реввоенсовета Туркфронта («Локтем к локтю». — «Военная мысль», Ташкент, кн. 2-я 1921, стр. 23—31 и др.).

В общей сложности перу Лыкошина принадлежало до 800 публикаций, включая не только научно-краеведческие статьи и работы, но и множество мелких газетных и журнальных заметок, корреспонденций, сообщений по различным вопросам жизни населения Узбекистана (просвещение, школьное дело, здравоохранение, сельское хозяйство, промыслы, искусство и т. д.). Многие из них носили злободневный или узко-специальных характер и утратили свое значение, но многие до сих пор сохраняют интерес в качестве материала к характеристике экономической и культурной жизни Узбекистана конца XIX — начала XX в.

Скончался Лыкошин в 1922 в Самаре (Куйбышеве) от саркомы легких.

Указатель публикаций Н. С. Лыкошина: Указатель публикаций Н. С. Лыкошина с 1890 по 1922 г.— Труды САГУ, Новая серия, вып. III, Исторические науки, кн. 25, Археология Средней Азии, IV, Ташкент, 1957, стр. 196—230.

Литература о Н. С. Лыкошине: В. В. Бартольд. Новая книга по истории Средней Азии. — «Окраина», 1895, № 4; Он же. История культурной жизни Туркестана. — В кн.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. I, М., 1963, стр. 310, 347, 382—384; Н. Ф. Катанов. О книге: Н. Лыкошин. Кодекс приличий на мусульманском Востоке. Сборник. Перевод с тюркского, Ташкент, 1895, 80 стр. — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XIII, вып. 3, Казань, 1895, стр. 229—230; Н. И. Веселовский. О книге: Н. С. Лыкошин. Автобиография Тамерлана. Перевод с тюркского, Ташкент, 1894. — ЖМНП, СПб., 1896, № 1, отд. 3, стр. 224—227 (также «Русская мысль», 1896, № 3, стр. 105—106); Он же. О книге: История

Бухары Мухамеда Наршахи. Перевод Н. Лыкошина. Под ред. В. В. Бартольда, Ташкент, 1897. — ЖМНП, СПб., 1897, № 12, отд. 2, стр. 466—468; М. Е. Массон. [От редакции].— Труды САГУ, Новая серия, вып. III, Исторические науки, кн. 25, Археология Средней Азии, IV, Ташкент, 1957, стр. 3—6; Б. В. Лунин. Из истории русского востоковедения..., стр. 23, 79—80; Он же. Научные общества Туркестана..., стр. 154; Он же. Средняя Азия..., стр. 206—216, 368—371; Он же. О некоторых вопросах методики и методологии историографических исследований в свете одной рецензии.— В кн.: Материалы по истории Узбекистана, Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1973, стр. 166—168; Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов.— М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 103—106 и др. (по указателю имен стр. 755).

Воспоминания Софьи Ниловны Михайловой — [старшей дочери Нила Сергеевича Лыкошина]. — Рукопись из собрания составителя. Машинописный экземпляр, 37 стр., 15 июня 1967 г.; Жизнеописание Нила Сергеевича Лыкошина (автобиография). — Рукопись из собрания составителя. Машинописный экземпляр, 6 стр., 8 февраля 1919 г.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ МАЕВ

ИЗВЕСТНЫЙ исследователь и организатор научно-краеведческой работы в Узбекистане и сопредельных с ним областях, географ и этнограф Н. А. Маев родился 21 февраля 1835 в Петербурге. Окончил гимназию и с 1855 по 1863 находился на военной службе, был участником Крымской кампании 1855—1856. В 1861—1868 сотрудничал в журналах «Народное чтение», «Грамотей», «Мирской вестник», «Чтение для солдат» (с 1861 — помощник редактора двух последних изданий). По выходе в отставку поступил в Петербургский университет и окончил его физико-математический факультет.

С 1869 началась (вновь по службе) работа Маева в Средней Азии, характерная его неизменным тяготением к познанию природных особенностей, исторического прошлого и этнографии края. С 1870 по 1892 Маев редактировал «Туркестанские ведомости», являвшиеся официальным органом колониальной администрации Туркестана, и в качестве такового носившие верноподданический характер*. Вместе с тем газета сообщала и о некоторых фактах и событиях в жизни разных стран, особенно России и Азии, публиковала извлечения из сочинений древних авторов, из восточных рукописей, описания местных памятников старины, научно-популярные статьи краеведческого характера, географические, исторические, этнографические и другие материалы. В неофи-

* В течение первых пяти лет существования газеты туркестанский генерал-губернатор фактически редактировал ее сам и без его санкции она не могла печататься. Только с конца 1874 Кауфман разрешил Маеву «докладывать ему лишь наиболее важные из предназначенных к помещению в газете статьи».

циальной части «Туркестанских ведомостей» сотрудничали многие ученые и краеведы — В. В. Бартольд (*см.*), Н. И. Веселовский (*см.*), А. А. Диваев (*см.*), Н. Н. Пантусов и др. Все это придавало изданию черты ценного печатного органа по вопросам краеведения. На посту редактора Маев способствовал и такому направлению газеты, причем с 1870 по 1883 издавалось приложение к ней («Туркестанская газета»), выходившее 4 раза в месяц (2 на узбекском и 2 на киргизском языках) и преобразованное в 1883 в отдельное издание («Туркестанская туземная газета»). По словам акад. В. Р. Розена, «Туркестанским ведомостям» «с самого первого дня существования было поставлено в задачу по мере возможности содействовать изучению края во всех отношениях, и эту задачу они преследовали настойчиво и умело».

С 1870 Маев являлся и секретарем туркестанского статистического комитета, образованного 22 января 1868.

Со дня открытия Среднеазиатского ученого общества (28 января 1871) Маев стал его деятельным членом и был избран редактором сборников «Материалы для статистики Туркестанского края» (вып. I—V, СПб., 1872—1879), содержавших ценные научно-краеведческие материалы, в том числе самого Маева. Принимал он, кроме того, живейшее участие в создании и работе Туркестанского отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ), входя в состав специального комитета по подготовке Туркестанского отдела на Всероссийской политехнической выставке 1872 и возглавляя в этом Комитете географическое и статистическое отделения. Маев был также одним из участников сборников «Русский Туркестан», издававшихся «по поводу Политехнической выставки» (I—II, М., 1872), напечатав, в частности, «Топографический очерк Туркестанского края. Орография и гидрография края». Очерк был переведен на иностранные языки и издан за границей. За его составление Маев был награжден серебряной медалью Политехнической выставки, а за введение в Ташкенте новых садовых растений — серебряной медалью Туркестанского отдела Российского Общества садоводства, членом которого являлся (он был также членом-корреспондентом Русского Географического Общества и членом Киевского Общества естествоиспытателей).

Маев известен и как один из инициаторов и устроителей различных внутритуркестанских выставок в Ташкенте, например сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки 1886 и крупнейшей выставки 1890 «предметов сельского хозяйства и промышленности» (он составил подробный каталог выставки с описанием ее исторического и этнографического отделов). В 1890 Маев был назначен членом распорядительного комитета по участию Туркестанского края в Среднеазиатской выставке 1891 в Москве.

Имя Маева связано с открытием в Ташкенте краеведческого музея, чему предшествовала работа особой комиссии Туркестанского отдела ОЛЕАЭ в составе А. И. Вилькинса, И. И. Краузе, Н. А. Маева, В. Ф. Ошанина и Ю. Д. Южакова. Открытие музея последовало 12 июля 1876 в помещении школы шелководства. В 1877 Маев предоставил музею помещение в своем доме, приняв на себя и заведывание, что дало возможность расходовать на приобретение экспонатов и те скромные суммы, которые были ассигнованы музею на аренду помещения и содержание обслуживающего персонала.

Участвовал Маев и в устройстве и упорядочении работы публичной библиотеки в Ташкенте, был членом-корреспондентом третьего Международного конгресса ориенталистов по Туркестанскому краю (Петербург, 1870). В 1884—1887 входил в состав наблюдательного комитета Туркестанской публичной библиотеки и музея.

Имя Маева прочно вошло и в историю этнографического изучения Узбекистана и других районов Средней Азии. Уже одна из первых серьезных его работ («Путеводитель от С.-Петербурга до Ташкента», 1870) содержала много данных по этнографии казахов, киргизов, узбеков и других народов.

На протяжении ряда лет Маев участвовал в важных научных экспедициях, из которых наиболее известны возглавленные им шахрисабзская (1874) и две гиссарских (1875 и 1878). Последние стяжали ему репутацию одного из научных первооткрывателей крайне мало известной тогда восточной части Бухарского эмирата («научно открыл Гиссарскую горную страну и уточнил о ней ряд данных»).

В многочисленных публикациях Маева по результатам указанных экспедиций, помимо описания маршрутов и других материалов географического и естественно-исторического характера, содержалось множество данных этнографических, по фиксации памятников старины и т. д., приводились сведения о городах и селениях Бухарского ханства, о быте и традициях населения, о местной администрации (эмир, кушбеги, беки и др.), а также по археологии и истории, по местному кустарному производству (изготовление оружия, тканей и т. п.), о хозяйственных занятиях населения (сельское хозяйство, добыча каменной соли, золота и пр.), а также о племенных и родовых делениях узбеков, таджиков и др. Под общим наблюдением Маева была составлена карта Гиссарского края и Кулябского бекства.

Итоги его экспедиционных исследований положительно оценивались П. И. Лерхом, И. В. Мушкетовым, П. П. Семеновым-Тян-Шанским и др. По словам последнего, до экспедиций Маева «все пространство к югу от (Гиссарского) хребта до р. Аму-Дарьи было так мало известно, что даже в Ташкенте достоверно не знали, существует ли город Гиссар

или что Гиссар есть только название провинции, принадлежащей бухарскому эмиру».

Собранные Маевым в ходе экспедиций богатейшие естественно-исторические коллекции служили объектом изучения видных ученых страны (Зограф, Шимкевич, Штраух и др.).

В 1879 Маев принимал участие в известной Самарской экспедиции для исследования бассейна Амударьи и возможного направления среднеазиатской железной дороги. Отделившись в Байсуне от основного состава экспедиции, он совершил смелое путешествие по долине Сары-Джуя, по Туполангу, на плоте по Сурхану до Термеза, по горным путям до Кобадиана, вверх по берегам р. Кафирниган до Гиссара, через Душанбе и Кафирниган к Нораку на Вахш и по течению Вахша до Курган-Тюбе. Описание этого путешествия Маева также содержит ряд этнографических данных и сведений.

Богат этнографическими наблюдениями и рассказ Маева (1876) о старогородской части Ташкента. Ему принадлежали описание могилы Чокана Валиханова и призыв принять меры к сохранению в среде казахского народа дорогой и для казахов, и для русских памяти о Валиханове.

Маева глубоко интересовали история, археология, нумизматика. Он определил часть древних монет из обширной коллекции Н. Н. Головачева. На IV Всероссийском археологическом съезде в Казани (1877) была прочитана его Записка о древних развалинах и курганах в Сырдарьинской области, в которой наряду с подробным перечислением развалин городов приводились местные предания и в заключение говорилось о надписи, высеченной на скале в Джелан-Утинском ущелье. По записке Маева выступали В. В. Радлов и другие ученые. Современные исследователи констатируют, что эта Записка «выгодно отличалась... тем, что в ней была сделана попытка, пусть неумелая и во многом неверная, как-то систематизировать по периодам археологические памятники».

В 1873 Маев дал краткое описание самаркандского городища Афрасиаб, высказав уверенность, что в его культурных отложениях («грудах мусора») таится «много замечательных древностей, которые когда-нибудь бросят свет на многие загадочные страницы жизни Самарканда».

Не был чужд Маев и работам историко-географического характера (см. его «Верхнее течение Аму-Дарьи по описанию Ибн-Дасте» и др.).

Уделял исследователь много внимания также изучению ирригации в Средней Азии, будучи уверенным, что она способна обеспечить значительно большее увеличение посевных площадей и получение высоких урожаев.

Менее известен Маев как беллетрист, в том числе как автор рома-

нов из военного быта, не выдержавших испытания временем (выступал также под псевдонимом «Ф. Жуков» и др.), и корреспонденций с театра военных действий во время Хивинского и Кокандского походов.

Нет оснований видеть в Маеве — ревностном и исполнительном службисте — человека четко и убежденно выраженных прогрессивных взглядов. В то же время нельзя не отметить его весьма реалистические для своего времени взгляды по некоторым актуальным вопросам общественной жизни Туркестана. В определенной мере они отражали настроения той части русской интеллигенции, которая искренне стремилась познать край, служить в нем честно и в меру своих сил и возможностей содействовать улучшению жизни народов Туркестана, поднятию их материального и культурного уровня.

Скончался Маев 2 января 1896.

Указатель публикаций Н. А. Маева (выборочно): от Ташкента до Катты-Кургана. — «Русский вестник», СПб., 1870, № 3, стр. 243—271; Путеводитель от Петербурга до Ташкента. — СПб., 1870, 53 стр. (рец.: «Русский инвалид», 1870, № 125); Орография Европейской России. — б .м., 1870; Посещение... Заравшанского округа. — ТВ, 1871, № 16 (данные о самаркандских историко-архитектурных памятниках); Сношения России с Средней Азией при Петре Великом. — ТВ, 1872, № 39; Топографический очерк Туркестанского края. Орография и гидрография края. — МСТК, вып. I, СПб., 1872, стр. 7—118; Джизак и Самарканд. — МСТК, вып. II, СПб., 1873, стр. 269—287 (ТВ, 1870, № 2—3); От Ташкента до Кульджи. — Там же, стр. 294—325; От Ташкента до Верного. — Там же, стр. 336—350; Топографический очерк Арало-Каспийской низменности. — Там же, стр. 378—387; Очерк истории киргизского народа с 1732 по 1868 год. — Там же, стр. 415—426 (также ТВ, 1871, № 3); Кяфиры или сиягпуши. — МСТК, вып. III, СПб., 1874, стр. 342—352; Новый шаг в Средней Азии. — Там же, стр. 431—434; Наше положение в Средней Азии. — Там же, стр. 440—448; Две недели в Шахрисябзе. — ТВ, 1875; № 1—3; К вопросу о родственной связи среднеазиатских народов между собою. — ТВ, 1875, № 16; От Шахрисябза до Бухары (Путевые заметки). — ТВ, 1875, № 5—6; Очерки Бухарского ханства. Бухара и Шахрисябз. — Ташкент, 1875, 82 стр. (ср. ТВ, 1875, № 1—6); Азиатский Ташкент. — МСТК, вып. IV, СПб., 1876, стр. 260—313; Географический очерк Гиссарского края и Кулябского бекства. — ИРГО, т. XII, № 4, СПб., 1876, стр. 343—363; Из Кульджи. — ТВ, 1876, № 18; Иноземное владычество в Средней Азии. — ТВ, 1876, № 1; Торговые сношения с Кашгаром. — МСТК, вып .IV, СПб., 1876, стр. 86—89; Опыты разведения кашмирских коз в горах Сибири. — Там же, стр. 90—99; Очерки Бухарского ханства. Гиссарский край. Куляб и прибрежье Аму-

Дарьи. — Ташкент, 1876, 185 стр. (ср. ТВ, 1876, № 2—7, 10—14, 17); Очерки Гиссарского края. — ТВ, 1876, № 2—7, 9—14 и 17 (также МСТК, вып. V, 1879, стр. 130—255); Записка о древних развалинах и курганах в Сырдарьинской области. — Известия о занятиях четвертого археологического съезда в Казани, № 4, 16 августа 1877 г., стр. 105; Путевые заметки о Бухарском ханстве, посещенном в феврале и марте 1877 г. — «Военный сборник», СПб., 1877, № 8; Туркестанский край в 1876 году (Обозрение). — ТВ, 1877, № 2—5; Маршруты и заметки по южным частям Бухарского ханства. — ИРГО, т. XIV, № 4, СПб., 1878, стр. 361—386; Рекогносцировка горных путей в Бухарском ханстве. — Ташкент, 1878; Верхнее течение Аму-Дарьи по описанию Ибн-Дасте. — ИРГО, т. XV, № 1, СПб., 1879, стр. 10—15; Ирригационные работы в Казалинском уезде. — ТВ, 1879, № 22; Десятилетие Туркестанского края. — ТВ, 1877, № 29; Очерки горных берегов Бухарского ханства. — МСТК, вып. V, СПб., 1879, стр. 280—328; Рекогносцировка горных путей в Бухарском ханстве. — ИРГО, т. XV, 1879, № 2, стр. 87—99; Очерки Бухарского ханства. — МСТК, вып. V, СПб., 1879, стр. 77—130; Мнения иностранной прессы о Хивинском походе 1873 года. По поводу отзывов г. Скайлера о Хивинском походе. — В кн.: Материалы по истории Хивинского похода 1873 г., Ташкент, 1881, 1882, стр. 1—67; Туркестанская выставка 1886 года. — Ташкент, Изд. Туркестанского отдела Российского Общества садоводства, 1886, 82 стр. (Рец.: «Северный вестник», 1887, № 7, стр. 136—140); Каталог Зоологического отделения Ташкентского музея. 1. Млекопитающие. 2. Птицы. 3. Гады. — Ташкент, 1887, 84 стр.; Степные пути от Карши до Аму-Дарьи. — ИРГО, т. XVII, 1881 (1887), 166—178; Долины Вахша и Кафирнигана. — Там же, стр. 179—192; Землетрясения в Семиреченской области. — ТВ, 1887, № 24; Библиографическая заметка (О книге А. П. Орлова «Землетрясения и их соотношения с другими явлениями природы»). — ТВ, 1887, № 49; А. Л. Кун (Некролог.) — ТВ, 1888, № 46; Туркестанская выставка предметов сельского хозяйства и промышленности в Ташкенте. 1890. Путеводитель по выставке и ее отделам. — Ташкент, 1890, 162 стр. (Рец.: Х. Этнографическое обозрение, М., 1891, № 2, стр. 168); Русский Ташкент. — Литературное приложение к «Ниве», май 1894, стр. 126—162; 25-летие «Туркестанских ведомостей». — «Новости», 1895, № 115. См. также: Перечень литературных трудов Н. А. Маева. — ТВ, 1896, № 3; Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию, ч. III, Ташкент, 1962, стр. 85 и др.; Город Карши. — ТВ, 1879, № 24, 25;

Литература о Н. А. Маеве: Гиссарская экспедиция. — ИРГО, т. XI, 1875, стр. 297—299; Отчет РГО за 1875 год. — СПб., 1876, стр. 16—18; **П. И.** Лерх. Взгляд на результаты Гиссарской экспедиции. — Приложение к кн. Н. А. Маева «Очерки Бухарского ханства. Гиссарский край...», 1876; Поездки действительного члена Н. А. Маева по южным

частям Бухарского ханства. — Отчет РГО за 1878 год, 1879, стр. 41—42; Труды Третьего международного конгресса ориенталистов. — Т. I, СПб., 1879—1880, стр. XX; И. В. Мушкетов. Туркестан, т. I, ч. I, СПб., 1886, стр. 274; Николай Александрович Маев. — ИОЛЕАЭ, т. VII, Труды Зоологического отделения, т. IV, М., 1889, 2 стр., с портр.; П. П. Семенов (Тян-Шанский). История полувековой деятельности Императорского Русского Географического Общества, ч. II, СПб., 1896, стр. 741—747, 769 и др.; Маев Николай Александрович. Энциклопедический словарь «Брокгауз-Ефрон», т. XVIII, СПб., 1896, стр. 353—354; Маев Николай Александрович. Новый энциклопедический словарь «Брокгауз-Ефрон», т. XXV, стр. 355; Л. К. Ю. [Н. В. Дмитровский]. К воспоминаниям о Н. А. Маеве. — ТВ, 1896, № 149; Л. [Н. С. Лыкошин]. Памяти Н. А. Маева. — «Окраина», 1896, № 2 (другие некрологи: «Волжский вестник», 1896, № 14; «Всемирная иллюстрация», 1896, т. V; «Исторический вестник», 1896, т. XIII; «Нива», 1896, № 5; «Новое время», 1896, № 7131—7132; «Новости», 1896, № 3—4; «Новь», 1896, № 6; «Русские ведомости», 1896, № 12); Большая энциклопедия. Словарь общеполезных сведений по всем отраслям знаний. — Издательское товарищество «Просвещение», т. XII, СПб., 1903, стр. 481; Источники словаря русских писателей. Собрал С. А. Венгеров. — Т. IV, Пгр., 1917, стр. 79; Г. Н. Чабров. Выставочная работа в Туркестанском крае, 1869—1916 гг. — Труды Музея истории Узбекской ССР, вып. III, Ташкент, 1956, стр. 121—122; Он же. Туркестан на всероссийских и всемирных выставках (1867—1914 гг.). — Труды САГУ, вып. 142, Исторические науки, кн. 30, Ташкент, 1958, стр. 49—50; М. П. Авшарова. Русская периодическая печать в Туркестане. 1870—1917. Библиографический указатель литературы. — Ташкент, 1960, стр. 66; Т. И. Зеймаль и Е. В. Зеймаль. Еще раз о месте находки амударьинского клада. — ИАН ТаджССР, Отделение общественных наук, вып. 1 (28), Душанбе, 1962, стр. 43; Б. В. Лунин. Научные общества..., стр. 21—22, 76, 80—81, 89—90, 94—101; Он же. Из истории деятельности статистических комитетов Туркестана. — ОНУ, Ташкент, 1962, № 6, стр. 31—32; Он же. История и археология Туркестанского края в Трудах археологических съездов. — ИМКУ, вып. 6, Ташкент, 1965, № 6, стр. 202—207; Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. — Ч. III. 1869—1880. Составитель О. В. Маслова. Ташкент, 1962, стр. 84—91, 132—136; Э. А. Масанов. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. — Алма-Ата, Изд-во «Наука» КазССР, 1966, стр. 186—188. Русские путешественники и исследователи о киргизах. Под ред. доктора ист. наук Б. В. Лунина. — Фрунзе, Изд-во «Илим», 1973, стр. 52, 85, 193, 194.

НИКОЛАЙ ГУРЬЕВИЧ МАЛЛИЦКИЙ

ВИДНЫЙ знаток географии, истории, археологии и этнографии Узбекистана Н. Г. Маллицкий родился в 1873. Окончил с золотой медалью оренбургскую мужскую гимназию (1891), историко-филологический факультет Петербургского университета (1895). С 1895 начал работу в Узбекистане, был преподавателем истории и географии в Туркестанской учительской семинарии и в ташкентской мужской гимназии (по 1901).

В Ташкенте Маллицкий ревностно взялся за изучение узбекского и таджикского языков и занимался этим всю свою жизнь, благодаря чему свободно читал лекции на таджикском языке в Таджикском педагогическом институте и вел на узбекском языке занятия со студентами-узбеками в Среднеазиатском государственном университете.

В летние каникулы 1896 Маллицкий ездил осматривать пещеру Кон-и-гут, к западу от кишлака Чарку Кокандского района. В первой своей работе — «Рудник погибели (Пещера Кан-и-гут)» — он подробно описал пещеру, высказав предположение, что она использовалась как рудник (это подтвердилось последующими изысканиями), и привел собственный перевод текста приписываемой Ибн Сине легенды о Кон-и-гут. Работа была основана на исследованиях физико-географического и исторического характера с использованием первоисточников. Такого комплексного метода Маллицкий придерживался и в последующем

По воспоминаниям писательницы А. В. Алматинской, Маллицкий был в начале века одним из устроителей и участников благотворительных вечеров и воскресных рабочих чтений в Ташкенте, на которых чита-

лись и декламировались, в частности, «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике» и другие произведения М. Горького.

В 1901—1906 Маллицкий являлся редактором «Туркестанских ведомостей»; здесь по его словам, перед ним «оказалась вся Средняя Азия». Поступавшие в газету сведения дали ему возможность «начать сборы материалов по различным районам Средней Азии», причем он «старался придать газете серьезный краеведческий характер. В ней сотрудничали... как местные исследователи — Н. Л. Корженевский, В. Л. Вяткин, М. С. Андреев, Н. С. Лыкошин, А. А. Диваев..., так и некоторые из крупнейших столичных ученых — В. В. Бартольд, Л. С. Берг и др.».

В 1907—1917 Маллицкий — городской голова, известный либерально-прогрессивными взглядами и сочувственным отношением к нуждам коренного населения («старогородской части Ташкента»). Однако реальные последствия этого отношения ограничивались классовой направленностью деятельности городской Думы, чей состав обусловливался буржуазным принципом имущественного ценза, а практическая работа находилась под влиянием общей политики колониальных властей.

Осуществляя обширные географические изыскания, Маллицкий (председатель Туркестанского отдела Русского Географического Общества) интересовался в то же время вопросами истории, археологии и этнографии края, в том числе вопросами древнего орошения. В 1905 он совершил поездку по Махандарье, сделав вывод, что древнее русло Зарафшана не могло впадать в Амударью там, где его думали найти другие исследователи. Летом 1906 он предпринял экспедицию в верховья р. Зарафшан и в Ягноб. Результаты экспедиции, опубликованные позднее в Трудах Географического Общества, до сих пор остаются одним из основных источников по изучению ягнобцев и их языка.

Десять работ Маллицкого времени 1907—1917 относятся к истории Ташкента. По отзывам специалистов, он был одним из лучших знатоков истории не только самого города, но и всей области древнего Таша, о чем свидетельствует составленная им этнографическая карта Ташкентского уезда с приложенными к ней подробными историческими справками.

Маллицкий издал позднюю надпись из Рушана (1674 г.) «В. В. Бартольд раскритиковал не только заметку Н. Маллицкого о Рушанской надписи со стороны понимания отдельных выражений, но и объяснения переводчика относительно значения надписи в целом. Во всяком случае следует отметить редчайшую, пусть неудачную, попытку Н. Маллицкого, разобраться на основе надписи в социальных отношениях определенных групп населения на Памире во второй половине XVIII в.». (В. А. Крачковская).

Издал он и восемь надгробных арабских надписей XIV столетия, обнаруженных в 1897 в урочище Арха-мазар (кишлак Ходжакент, Александровской волости, Ташкентского уезда), причем привел интересные данные к характеристике самого Ходжакента, как религиозного и культурного центра своего времени, и деятельности ходжакентских шейхов.

«Член Кружка Н. Г. Маллицкий, — говорится в Протоколах Туркестанского кружка любителей археологии, — от времени до времени докладывал членам Кружка собранные им личными расспросами и извлеченные из мусульманских сочинений исторические сведения о прошлом политической жизни некоторых местностей Туркестанского края, главным образом города Ташкента».

После Октябрьской революции Маллицкий получил возможность посвятить себя научно-исследовательской работе и сочетать ее с преподаванием в вузах.

С весны 1918 он был членом Комиссии по организации Народного университета в Ташкенте, с 15 сентября того же года — членом финансово-бюджетной комиссии ТуркЦИКа. С 1 сентября 1919 стал преподавателем Народного университета, уже до этого (с 15 декабря 1918) ведя курс этнографии узбеков и географии Западного Туркестана в Туркестанском восточном институте (Ташкент). 29 ноября 1927 был утвержден в звании профессора по кафедре этнографии восточного факультета САГУ (в 1924—1927 был доцентом).

Маллицкий известен также как ученый, первым высказавший предположение о скифо-сарматском происхождении туркмен. «Эта идея оказалась чрезвычайно плодотворной и ныне скифское происхождение туркмен является общепризнанным среди советских антропологов» (Л. В. Ошанин).

Примерно из 120 опубликованных Маллицким научных работ более 30 посвящено истории и археологии Средней Азии (преимущественно Узбекистана), 15 — этнографии народов Средней Азии, 6 — экономике, демографии и статистике населения.

В последние годы жизни Маллицкий продолжал работу в Ташкентском государственном университете, был также старшим научным сотрудником Института истории и археологии АН УзССР.

3 мая 1945, в день его чествования, академик Академии наук УзССР Г. Н. Черданцев говорил: «Вряд ли кто-нибудь из серьезных ученых исследователей, работающих над вопросами географии, истории и этнографии Средней Азии, не знает имени профессора Николая Гурьевича Маллицкого.., уже полвека с неиссякаемой энергией разрабатывающего эти вопросы, опубликовавшего многие десятки работ, человека, свыше 30 лет являвшегося наиболее активным членом Среднеазиатского Географического Общества и четверть века его руководителем, крупного организатора научно-исследовательской работы в Средней Азии».

Научная и педагогическая деятельность Маллицкого получила достойную оценку: ему была присуждена ученая степень доктора наук без защиты диссертации и присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки Узбекской ССР.

Скончался Маллицкий в Ташкенте 31 октября 1947. Его богатейшее архивное наследие (личный архивный фонд) хранится частично в Государственной библиотеке УзССР им. А. Навои, но главным образом в Центральном государственном архиве УзССР.

Указатель публикаций Н. Г. Маллицкого: Список трудов профессора Н. Г. Маллицкого, составленный им самим. Машинописный экземпляр в собрании составителя. Ниже дается выборочный перечень публикаций Маллицкого с уточнениями и дополнениями составителя и применительно к общественным наукам (без статей на физико-географические и другие темы): Ак-Тюбе (Киргизская легенда).— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, вып. 2, Казань, 1897, стр. 239—236; В археологическом кружке. 1) Архитектурные памятники Туркестана, 2) Орхонские письмена. — ТВ, 1897, № 83, 84 («Поправка»); Несколько слов о древностях Узгента (Историко-археологическая справка). — ПТКЛА, Год II, Ташкент, 1897, стр. 8—12; Рай и ад по современным мусульманским представлениям. — «Окраина», 1897, № 87; Рудник погибели (Пещера Кан-и-гут).—ПТКЛА, Год II, Ташкент, 1897, стр. 1—18; Ходжакентские надгробные надписи XIV столетия.—ПТКЛА, Год II, Ташкент, 1897, стр. 10—21; Несколько страниц из истории Ташкента за последнее столетие. I. Джианг-го. II. Ярлык «жестокого амира». III. Смерть «жестокого амира». IV. Ташкент под кокандским владычеством. — ПТКЛА, Год III, Ташкент, 1897—1898, стр. 158—177; О связи тюркских тамг с орхонскими письменами. — ПТКЛА, Год III, Ташкент, 1897—1898, стр. 43—46; В археологическом кружке (заседание ПТКЛА 31. III. 99). — ТВ, 1899, № 26; Дунганское восстание в 1895—1896 годах. — ТВ, 1898, № 84, 85; Из султана Арефина. (С тюркского). — ТВ, 1898, № 26; Ишаны и суфизм. — ТВ, 1898, № 71, 72 (также в кн.: Материалы по мусульманству, вып. III, Ташкент, 1898, 16 стр.); Начало праздника у сартов. — ТВ, 1898, № 13; Несколько страниц из истории Ташкента за последнее столетие. — ТВ, 1898, № 88, 90 и 91; Рец.: X-й том «Записок Восточного отделения Императорского русского археологического общества», СПб., 1897, — ТВ, 1898, № 34; Рец.: Сборник статей учеников профессора барона Виктора Романовича Розена ко дню двадцатипятилетия его первой лекции, 13 ноября 1872—1897 года (Библиографическая заметка). — ТВ, 1898, № 41; Рец.: Руководство к практическому изучению сартовского языка Составил В. П. Наливкин, Самарканд, 1898. — ТВ, 1898, № 97; Что такое река Джаля? — ТВ, 1898, № 68;

В Географическом Обществе. — ТВ, 1899, № 87 (подпись: Н. М.); то же: ТВ, 1900, № 16; Еще о значении слова «лянгарь». — ТВ, 1899, № 81 (ср. ТВ, 1899, № 78); Несколько слов о развитии инородческого образования в Ташкенте. — ТВ, 1899, № 44; Об упорядочении местной географической номенклатуры. — ТВ, 1899, № 10; Перевод с участием Яковлева памфлета афганского эмира Абдурахман-хана.—Материалы по мусульманству, вып. VI, Ташкент, 1899, стр. 1—23; Рец.: Стэнли Лэн-Пуль. Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями. Перевел с английского с примечаниями и дополнениями В. Бартольд приват-доцент С.-Петербургского университета, СПб., 1899. — ТВ, 1899, № 21; Страница из истории Ташкента в XVII столетии. — ТВ, 1899, № 27; К истории Ташкента под кокандским владычеством. — ПТКЛА, Год V, Ташкент, 1900, стр. 126—137; К истории Ташкента под кокандским владычеством. — ТВ, 1900, № 103, 104; Мусульманский сонник. — Казань, 1902, 36 стр. (отд. оттиск из Ученых записок Казанского университета за 1902 год); Надпись из Ришана. — ПТКЛА, Год V, Ташкент, 1900, стр. 69—71; Новые книги: 1) «Зеравшанские горы и верховья Аму-Дарьи». Поездка графа А. А. Бобринского и Н. В. Богоявленского в 1895 году, вып. 1: Н. Ю. Зограф. — Черепа из Макшеватских пещер (М., 1899); 2) «Зеравшанские горы и верховья Аму-Дарьи». Поездка графа А. А. Бобринского, Н. В. Богоявленского и А. А. Семенова в 1898 году. А. Семенов. — Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии, ч. I: Грамматический обзор и памятники народного творчества (М., 1900); 3) А. А. Бобринский. — Орнамент горных таджиков Дарваза; нагорная Бухара (М., 1900). — ТВ, 1900, № 56; Рец.: В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, СПб., 1898—1900; ИТОРГО, т. II, вып. I. Ташкент, 1900, стр. 193—197; Сартовская песня.—ИТОРГО, т. II, вып. I, Ташкент, 1900, стр. 52—56; Страница из истории Ташкента в XVII столетии. — ПТКЛА, Год V, Ташкент, 1900, стр. 138—140; Таарих андижанского восстания 1898 года. — ПТКЛА, Год V, Ташкент, 1900, стр. 72; Хивинский оазис. — ИТОРГО, т. II, вып. I, Ташкент, 1900, стр. 189—191 (Реферат о сообщении К. Г. Гиршфельда по данным его поездки 1899—1900); Исфаринская мадраса. — ТВ, 1902, № 53; Население Ташкента. — ТВ, 1902, № 19; Рец.: В. В. Бартольд. К вопросу о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море, ЗВОРАО, т. XIV (Библиографическая заметка). — ТВ, 1902, № 35; Ташкент в 1877 и 1902 годах (К 20-летию ташкентского городского общественного управления). — ТВ, 1902, № 66; «Баканасы». Старые русла реки Или.—ТВ, 1903, № 96; В защиту байчи.—ТВ, 1904, № 58; Из Суфи Аллаяра.—ТВ, 1904, № 26 и 103; 1906, № 72; Население Хивы.—ТВ, 1904, № 70; Гиссарское бекство. — ТВ, 1905, № 42, 46; Заметка о западной окраине бухарской части реки Зеравшана. — ТВ, 1905, № 63; Заметки

о связи известий китайских летописей о горных конях с казахским преданием о чудесном горном озере. — ТВ, 1905, № 3; К феноменологии разговорного языка. — ТВ, 1905, № 144; Население Гиссарского бекства. — ТВ, 1905, № 25; Население Туркестанского края. — ТВ, 1905, № 25; Один из драматических эпизодов кокандской истории. — ТВ, 1905, № 189; От Чимгана до Араша. — ТВ, 1905, № 144, 117, 119, 121, 123, 127, 129, 132, 135, 136, 141, 148; Аральская одиссея (Приключения Кривохижина). — ТВ, 1906, № 3; Астанкул-Бек-Кубеги, Бек гиссарский. — ТВ, 1906, № 114; В Кухистане. — ТВ, 1906, № 179; Машоба. — ТВ, 1906, № 175; Среднеазиатские демократы XIII и XIV столетия. — ТВ, 1906, № 157 (по статье В. В. Бартольда «Народное движение в Самарканде в 1365 году); Хазрет Султан (Ходжа Ахмад Ясави, Султан Арефин, туркестанский мистик и святой XX столетия). — ТВ, 1906, № 125; О горной стране в верховьях Зеравшана (Кухистан). — ИТОРГО, т. VII, Ташкент, 1907, стр. 182—185; Докладная записка о деятельности Ташкентского городского общественного управления. — Ташкент, 1909, 83 стр.; Город Ташкент (Несколько цифр). — Ташкент, Издание Ташкентской городской думы, 1912, 43 стр.; Ташкент (Исторический очерк). — Известия Ташкентской городской думы, Ташкент, 1915, № 1, стр. 10—21, № 2, стр. 76—91 (отд. оттиск — 27 стр.); По вопросу о тюркизации таджиков. — ИТОРГО, т. XII, вып. 2, Ташкент, 1916, стр. 269—270; К вопросу об организации городского самоуправления в Туркестанском крае. — Известия Ташкентской городской думы, Ташкент, 1917, № 10, стр. 489—504; Общество изучения родного края.—Ташкент, 1921, 16 стр.; Из области таджикского фольклора.—Сборник Туркестанского Восточного института в честь проф. А. Э. Шмидта, Ташкент, 1923, стр. 72—74; Курс лекций по географии Средней Азии, читанный студентам Туркестанского Восточного института.— Ташкент, 1924; О торговом пути из Ургенча в Кашгар. — ИТОРГО, т. XVII, Ташкент, 1924, стр. 21—28; Ягнобцы. — ИТОРГО, т. XVII, Ташкент, 1924, стр. 165—184; Система наименования у коренного населения города Ташкента. — Известия Средазкомстариса, вып. III, Ташкент, 1928, стр. 242—250; Обычное право водопользования в Ташкентском районе и отношение его к шариату. — Вестник ирригации, М., 1925, № 4, стр. 15—26; Ташкентские махалля и хаузы. — В кн.: В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели, Ташкент, 1927, стр. 108—121; О некоторых географических терминах, имеющих отношение к Средней Азии. — Известия Всесоюзного Географического Общества, Том 77, вып. 5, М., 1945.

В числе неопубликованных работ Маллицкого остались в рукописях: «К вопросу о скифской лямбдизации», «О древнем названии половцев», «Этнографическая карта б. Ташкентского уезда с объяснительной запиской к ней» (1941); незаконченные: «Этнография народов Средней

Азии. Курс лекций, читаемых на Востфаке САГУ с 1918 по 1931 год», «Этнография узбеков и казахов», «Материалы для географической энциклопедии Средней Азии», «Джезтырнаки (К вопросу о древнейших взаимоотношениях культур в Присянье)» и др. В рукописном фонде Института истории АН УзССР хранится под № И—217 «Объяснительная записка к этнографической карте б. Ташкентского уезда (долины рек Чирчика и Ангрена; 1942, 49 стр. машинописи) «Синьцзян» (№ 234/285; 18 стр. машинописи), «Древние черты в хозяйстве, быте и фольклоре коренного населения Средней Азии», № 249/159, 120 стр. машинописи).

Литература о Н. Г. Малицком: Л. В. Ошанин. Николай Гурьевич Маллицкий (Некролог). — Труды Узбекистанского Географического Общества, т. II (XXI), Ташкент, 1948, стр. 166—170; Он же. Полувековой научно-исследовательский путь географа и этнографа Н. Г. Маллицкого (К пятидесятилетию его научно-исследовательской деятельности в Средней Азии). — Рукопись, машинописный экземпляр. 39 стр., копия в собрании составителя; дар Л. В. Ошанина); Б. В. Лунин. Из истории русского востоковедения..., стр. 83—85, 94—95; Письма кудесника. — Переписка академика В. П. Филатова с Н. Г. Маллицким 1944—1947, «Звезда Востока», Ташкент, 1962, № 12, стр. 143—147. А. Алматинская. Минувшее. Воспоминания. — Ташкент, Издво литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1971, стр. 19; С. Караев. Роль Николая Гурьевича Маллицкого в изучении топонимики Средней Азии. — Известия Узбекистанского Географического Общества, т. XIII, Ташкент, 1971, стр. 240—246; Маллицкий Николай Гурьевич. Календарь знаменательных и памятных дат Узбекской ССР на 1973 год. — Ташкент, 1973, стр. 58—59; Б. В. Лунин. Три памятные даты (К 100-летию со дня рождения академика АН УзССР М. С. Андреева, члена-корреспондента АН УзССР А. А. Семенова, профессора Н. Г. Маллицкого). — ОНУ, Ташкент, 1973, № 5, стр. 27—29. Архив Н. Г. Маллицкого: ЦГА УзССР, ф. Р-2231, 303 ед. хр., 1893—1947.

ПЛАТОН МИХАЙЛОВИЧ МЕЛИОРАНСКИЙ

П. М. МЕЛИОРАНСКИЙ родился в Петербурге 18 ноября 1868. Завершив среднее образование, поступил на факультет восточных языков Петербургского университета по арабско-персидско-турецко-татарскому разряду. По окончании его в 1891 был оставлен при университете и в 1894 начал читать лекции в качестве приват-доцента. Его научная деятельность началась с поездки в 1890 в Оренбургскую губернию для изучения казахского наречия и сбора фольклорных материалов; позднее им была напечатана грамматика казахского языка.

В 1899 защитил магистерскую («Памятник в честь Кюль-Тегина»), а в 1902 докторскую диссертации. С 1905 он ординарный профессор турецко-татарской словесности.

В 1893 и последующих годах бывал в заграничных командировках, работая в библиотеках Берлина, Вены, Лейдена, Лондона, Оксфорда, Парижа. В Петербургском университете его ближайшим учителем являлся В. В. Радлов (*см.*), под руководством которого он изучал тюркские наречия, староджагатайские тексты, письменность орхонских памятников. С 1902 и по день смерти Мелиоранский состоял в должности секретаря факультета восточных языков. Его исключительные способности к овладению языками сказались в знании им ряда мертвых и живых европейских языков, а также языков восточных (арабский, монгольский, персидский). «Имея общее представление о всех исследованных древних и новых турецких языках и наречиях, (он) особенно знал древние языки: орхонский, уйгурский и джагатайский и современные наречия: прежде всего казак-киргизское, затем казанско-татарское и османское» (А. Н. Самойлович).

В историю науки Мелиоранский — представитель «плеяды первоклассных ученых, приумноживших славу отечественной тюркологии» (А. Н. Кононов) — вошел как тюрколог-лингвист и отчасти историк тюркской литературы (ср. с его работами «Сельджук-намэ, как источник для истории Византии в XII и XIII веках», «Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями» и др.). Примечательную страницу его научной деятельности составляют экскурсы в область выяснения восточных, преимущественно тюркских, элементов в русском языке («Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве», «Заимствованные восточные слова в памятниках русской письменности до-монгольского времени» и др.). Специально изучал он язык орхонских надписей.

Грамматические исследования Мелиоранского по тюркским языкам характеризуются историзмом и в своей фактической части не устарели до настоящего времени. Не меньшей тщательностью и обоснованностью исторического комментария отличаются все его издания тюркоязычных памятников и образцов устного народного творчества современных тюркских народов.

По общему признанию, Мелиоранский был одним из передовых тюркологов своего времени, направлявших развитие тюркской филологии. Повседневное общение с В. В. Бартольдом, В. Р. Розеном и другими содействовало, видимо, усилению его интереса к Средней Азии в качестве тюрколога-лингвиста.

Среднеазиатская тематика занимает приметное место в научном наследии Мелиоранского. В его докторской диссертации «Араб-филолог о турецком языке», написанной по тексту сочинения неизвестного автора XIII—XIV вв., содержится ряд замечаний о наречиях «туркестанском» и туркменском.

Его публикации по языку и содержанию орхонских надписей, в том числе приобретшая широкую известность магистерская диссертация «Памятник в честь Кюль-Тегина» приобретает в наши дни значение и для Узбекистана и всей Средней Азии и Казахстана в связи с возрастающим здесь количеством находок памятников и предметов древности с «руническими» надписями орхоно-енисейского типа.

В качестве учебных пособий Мелиоранский опубликовал в 1894 «Краткую грамматику казак-киргизского языка (I. Фонетика и этимология. II. Синтаксис)», причем в связи с рецензией на это издание Н. П. Остроумова (*см.*) вел с последним полемику по ряду вопросов. Его студенческие записи, сделанные при поездке по степям Казахстана (Тургайская область), составили основу работы «Киргизские пословицы и загадки» (1893). Под редакцией Мелиоранского был издан составленный Н. Бравиным и И. Беляевым «Указатель племенных имен к

статье Н. И. Аристова «Заметки об этническом составе тюркских племен и сведения об их численности» (1903).

Мелиоранский в числе других востоковедов принимал активное участие в попытках научного истолкования обнаруженных В. А. Каллауром в 1896 в долине р. Талас камней (валунов) с древнетюркскими (орхонскими) надписями. Вместе с Бартольдом Мелиоранский усмотрел в копии надписи на камне (из урочища Айртам-Ой) разновидность древнетюркских письмен. В заседании ВОРАО 25 февраля 1897 Мелиоранский высказал свои соображения о роде письмен надписи, в которых он различал семнадцать знаков орхонского письма (ср.: «По поводу новой археологической находки в Аулеатинском уезде»).

Из восточных рукописей Мелиоранским были изданы (1897) «Сказание о пророке Салихе (из Кысасу-л-Энбия Рубгузи)» и (1905) «Сказание об Едигее и Тохтамыше. Киргизский текст по рукописи, принадлежавшей Ч. Ч. Валиханову».

Посмертно был издан подготовленный Мелиоранским к печати текст «Шейбани-наме» Мухамеда Салиха — одного из важнейших источников по истории Средней Азии в виде исторической поэмы, посвященной описанию подвигов и деяний Шейбани-хана (1451—1510) с доведением событий до начала XVI в.

Издание Мелиоранским «Шейбани-наме» стимулировало выпуск в свет научно комментированных рукописей, освещающих время правления узбекского хана Мухаммеда Шейбани (XV—XVI вв.).

Мелиоранский (ЗВОРАО, т. XII, стр. XXVII—XXIX) участвовал в дискуссии касательно истолкования некоторых слов в надписях на медных самаркандских дирхемах, выступал по поводу одного места из мемуаров Бабура, трактующего о понимании последним святости («смелость при отсутствии трусости»).

При деятельном участии Мелиоранского печатался «Опыт словаря тюркских наречий» В. В. Радлова.

А. Н. Самойлович констатировал, что Мелиоранский «был единственным русским туркологом, специально углубившимся в лингвистическую область науки о турках».

По словам Бартольда, «местные деятели, оренбургские, казанские и ташкентские, часто обращались к П. М. Мелиоранскому за советом и всегда встречали с его стороны полную готовность оказать возможное содействие их трудам».

По инициативе Мелиоранского его университетский ученик И. А. Беляев совершил научную поездку к киргизам и каракалпакам, сделав ряд ценных записей фольклорных произведений и наблюдений по языку, эпосу и истории каракалпаков.

Хорошо знавший Мелиоранского А. Н. Самойлович (*см.*) в полном согласии с мнением других ученых (Бартольда, Радлова, Розена) сви-

детельствует, что «в обращении с людьми мало знакомыми или с деловыми только знакомыми П. М. Мелиоранский был всегда серьезен и сдержан, благодаря чему производил на них впечатление человека сухого и нелюдимого. В действительности же П. М. Мелиоранский отличался чрезвычайно живым и общительным характером и обладал в высшей степени чуткой и возвышенной душой».

Скончался Мелиоранский скоропостижно в Петербурге 16 мая 1906. В оставшихся после его смерти бумагах найдены заметки по рукописи «Кутадгу-билиг», введение и перевод начальной части «Бабур-наме» (по тексту Н. И. Ильминского), лекции «по сравнительной грамматике джагатайского и киргизского с введением о турецких народах и языках вообще» и др.

Указатель публикаций П. М. Мелиоранского: А. Н. Самойлович. Хронологический перечень печатных трудов П. М. Мелиоранского (с указанием рецензий и имеющихся дат написания). — ЗВОРАО, т. XVIII, СПб., 1908, стр. 15—24.

Литература о П. М. Мелиоранском: В. В. Бартольд. П. М. Мелиоранский. — ТВ, 1900, № 81 (также: «Страна», 1906, № 77); А. Д. Руднев. П. М. Мелиоранский. — Протоколы подкомиссии по транскрипции географических наименований при картографической комиссии Императорского Русского Географического Общества, СПб., 1906, № 5, приложение 7; П. М. Мелиоранский. Некролог. — ИАК, Прибавление к вып. 19-му, СПб., 1906, стр. 25—26 («Санктпетербургские ведомости», 18 мая, 1906, № 108, «Московские ведомости», 28 мая 1906, № 136; также «Новое время», 1906, № 124, текст перепечатан: «Этнографическое обозрение», М., 1906, № 1—2, стр. 162); К. Г. Залеман. Manichaeica I. — Известия Имп. Академии наук, СПб., 1907, № 7, стр. 75; И. И. Кауфман. П. М. Мелиоранский. (Из некролога, составленного В. В. Бартольдом). — Отчет о состоянии и деятельности Имп. С.-Петербургского университета за 1906 год. — СПб., 1907, стр. 8—12; А. Н. Самойлович. П. М. Мелиоранский. Некролог. — ЖМНП, СПб, 1907, № 4, отд. 4, стр. 107—122; Он же. Памяти П. М. Мелиоранского. — ЗВОРАО, т. XVIII, СПб., 1908, стр. 1—24; Мелиоранский Платон Михайлович. — БСЭ, т. 27, М., 1954, стр. 100; Б. В. Лунин. Из истории русского востоковедения..., стр. 143; Он же. Средняя Азия..., стр. 190—192; А. Н. Кононов. Тюркская филология в СССР. 1917—1967. — М., Изд-во «Наука», ГРВЛ, 1968, стр. 3; Он же. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. — Л., Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1972, стр. 3, 4, 150—152, 240—242 и др.; Б. М. Данциг. Ближний Восток в русской науке и литературе (Дооктябрьский период.) — М., Изд-во «Наука», ГРВЛ, 1973, стр. 228.

МИРЗА САЛИМ-БЕК

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ бухарской историографии нового времени Мирза Салим-бек ибн Мухаммад-Рахим (Салими) родился в 1267/1850—1851 (1848?) в Бухаре в знатной семье. Служебную карьеру начал в 1870—1871 в качестве канцелярского писца у будущего первого везира Бухары Астанкул-бия. Спустя полгода по предписанию эмира Музаффара был направлен под видом купца в Ташкент в качестве соглядатая за поведением и прочностью положения колониальной администрации. В Ташкенте Мирза Салим-бек прожил 12 лет, с частыми выездами в Бухару для докладов эмиру.

В 1881—1882 был временно отозван из Ташкента и находился при особе эмира, а при туркестанском генерал-губернаторе Розенбахе был назначен официальным представителем Бухарского эмирата в Ташкенте. В 1885 Салим-бек — амлякдар в туманах Ханкар и Самджин, позднее — участник бухарского посольства в Петербург (1885) и др. С 1889 и на протяжении пяти лет — миршаб Бухары, затем — правитель Аккабага и других областей.

Таким образом, по социальному положению Мирза Салим-бек принадлежал к верхушечной прослойке придворных кругов эмирата. При последнем эмире — Сейид-Алим-хане — он в чине парвоначи занимал должность главного закатчи, т. е. возглавлял институт окружных сборщиков заката. На этом посту его и застали революционные события 1920 (по другим данным в марте 1920 он был назначен правителем Чарджуя). Поначалу Мирза Салим-бек, как крупный чиновник эмирата, был арестован с конфискацией имущества в пользу народной власти ,а впоследствии освобожден и допущен к работе в советских учреж-

дениях. Зафиксирован, в частности, факт написания им, как одним из членов соответствующей комиссии и по поручению Исторического общества, работы по истории бухарского арка («Исследование бухарского арка», рукопись 1921—1922).

Салим-бек — автор ряда прозаических и стихотворных произведений на узбекском и таджикском языках, в том числе сочинения «Кашкул-и Салими» («Салимова дервишская чаша для сбора подаяний»), изданного литографским способом в Ташкенте в 1914.

Историографически наиболее интересна работа Мирзы Салим-бека «Тарих-и Салими» («Салимова история», «Салимова летопись», 1917—1920) по истории Средней Азии, преимущественно Бухары, начиная от нашествия Чингисхана и, что особенно важно, кончая 1920 (победа народной советской революции в Бухаре и бегство в Афганистан эмира Сейид-Алим-хана).

Наиболее ценной является та часть сочинения, в которой автор (начиная со времени правления эмира Музаффара) выступает как современник и очевидец событий.

Историки черпают из сочинения Мирзы Салим-бека ценные сведения об обстоятельствах воцарения эмира Музаффара, мятежах феодалов и их подавлении, о взаимоотношениях Бухары с Кокандом и т. д. Очень кратко и неточно освещаются события, связанные с завоеванием среднеазиатских ханств царскими войсками, значительно полнее говорится о некоторых изменениях в жизни Бухары в последующий период. Большой интерес представляет описание поездки Салим-бека в Петербург в составе бухарского посольства (1885). В этой и других частях сочинение приобретает характер важного мемуарного источника, ценность которого снижается, однако, тем, что автор «в силу своего высокого положения был далек от критического отношения к окружающей его действительности» (Л. М. Епифанова).

Тем не менее то были «записи лично виденного, испытанного и слышанного, а так как все это автор не предназначал для чтения других лиц, то получились оригинальные, полные... ничем не прикрытой откровенности воспоминания лица, много видевшего и испытавшего» (А. А. Семенов).

«Салимова летопись» содержит данные о внутреннем положении Бухарского эмирата, придворных церемониалах, о городах Бухара, Шахрисабз и других, о системе орошения земель и древних оросительных каналах, о мерах по оживлению мертвых земель, местных способах отмера воды, о финансово-податной системе эмирата, о размерах жалования чиновников, денежном кризисе в эмирате накануне первой мировой войны и т. д.

Весьма важно описание событий в Бухаре в 1917 (народные волнения, репрессии эмирских властей, экономическое положение Бухары,

влияние событий Октябрьской революции). Рассказано (под углом зрения крайне субъективного авторского восприятия) о событиях, связанных с так называемым «походом Колесова», о мероприятиях эмира по подготовке борьбы против Советской власти в Туркестане и др.

Наиболее подробно освещены события марта 1918, причем рассказ Салим-бека интересен еще и тем, что велся с позиций человека, который волей эмира был поставлен во главе бухарского войска и артиллерии, брошенных против отрядов Ф. И. Колесова (Салим-бек возглавлял также бухарскую делегацию на мирных переговорах в Кызыл-Тепа). По ходу повествования Салим-бек вынужден признать, к примеру, что нукеры «категорически отказались выступить против большевиков», рассказывает о трагической участи прибывшей в Бухару (март 1918) советской делегации, о ходе и итогах упомянутых мирных переговоров и т. д.

Рукопись «Тарих-и Салими» завершается данными о прибытии в Бухару делегации Туркестанской АССР (январь 1920). Имеется также заключительная часть сочинения, приписанная автором уже после победы в Бухаре народной советской революции, где констатируется, что «эмир Алимхан бежал в Афганистан. На его месте утвердилось Советское правительство».

По сведениям сына Мирзы Салим-бека — Рахима Салимова (род. 1902, Бухара) — его отец работал в 1921—1924 в различных хозяйственных учреждениях и якобы написал еще одну книгу мемуаров, ныне утерянную.

Скончался Мирза Салим-бек в 1930.

Литература о Мирзе Салим-беке: А. А. Семенов. Последний бухарский историк (Мирза Салимбек). — Рукопись, 53 л. (Отдел научных фондов и архива Академии наук Таджикской ССР в Душанбе. Фонд А. А. Семенова, оп. 1, д. 24); Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. — Т. 1, Ташкент, 1952, стр. 93—94 (№ 2016); Очерки истории исторической науки в СССР. — Т. III, М., 1963, стр. 750; Н. К. Норкулов. «Тарих-и Салими» как исторический источник. — ОНУ, Ташкент, 1966, № 4, стр. 57—59; Он же. Мирза Салим-бек о бухарских событиях 1918 года. — Там же, 1967, № 4, стр. 59—61; Он же. «Тарих-и Салими» — ценный источник по истории Бухарского эмирата (1860—1920 гг.). — Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1968, 24 стр.; Л. П. Епифанова. Рукописные источники Института востоковедения Академии наук УзССР по истории Средней Азии периода присоединения к России (Бухара). — Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1965, стр. 44—51; А. Б. Вильданова. Ценный источник по истории Бухарского ханства. — В кн.: Материалы по Востоку, Ташкент, 1966, стр. 111—114.

МУНИС
(ШИР-МУХАММАД-МИРАБ)

ХОРЕЗМИЙСКИЙ (хивинский) историк Шир-Мухаммад ибн Эмир Иваз-бий-мираб, известный под прозванием Муниса, а также Муниса-мираба по занимаемой им должности, родился во второй половине XVIII в. (в 1773?) в Хорезме. Он был сыном Иваз-бия — соратника инака Мухаммед-Эмина, основателя позднейшей хивинской династии. К 1813 относится сборник его стихов «Мунисул ушшод».

В 1806 по поручению Ильтузер-хана Мунис приступил к составлению труда по истории Хорезма (Хивинского ханства) «Райский сад благоденствия (счастья)» — «Фирдаус ал-икбал»; имеет второе название — «Книга счастья» — «Икбал-наме»; при этом, в соответствии с установившимися традициями историографии, он использовал расспросы современников второй половины XVIII в. Мунис успел довести изложение событий до 1812, а затем по велению хана переключился на перевод с персидского на узбекско-хивинский язык сочинения Мирхонда «Раузат ас-сафа» (XV в.). За этой работой Муниса и застала смерть, последовавшая в 1829 от холеры. Начатый им труд из истории ханства был продолжен по приказу Алла-Кули-хана племянником Муниса — Мухаммад-Риза-мирабом, известным под именем Агехи (*см*). В итоге образовалось сочинение Муниса — Агехи, известное под названием «Фирдаус ал-икбал» — «Райский сад счастья», повествующее об истории Хивы до царствования Мухаммед-Рахим-хана включительно.

Труды Муниса обратили на себя внимание еще дореволюционных исследователей, положивших начало их изучению, равно как и выяснению биографических данных об авторе.

Сведения о Мунисе сообщались Вамбери (по недоразумению усматривавшего в Мунисе-мирабе двух братьев: поэта и переводчика), но первые достоверные известия о нем принадлежали отечественным ученым, установившим, с течением времени, что под литературным прозвищем Муниса скрывался Шир-Мухаммад, известный и как автор пятистиший (мухаммас) на газели других поэтов, а также собственных газелей.

Впервые рукописи Муниса — Агехи были обнаружены А. Л. Куном (*см.*) в 1873 в ханском дворце, и он тогда же дал сведения о них.

Именно труд Муниса — Агехи имел в виду Бартольд ,когда отмечал, что во время похода 1873 А. Л. Куном «были приобретены некоторые рукописи, впоследствии купленные у его наследников Азиатским музеем Академии наук. В числе их находится полный экземпляр официальной истории ханства, составленной в XIX в. несколькими авторами и доведенной до 1872 г.», который «остается неизданным и еще никем не был использован». Сам Кун в неопубликованном обзоре своих сборов во время хивинской экспедиции 1873 писал, что обнаруженное им сочинение Юнус-мираба по истории хивинских ханов заслуживает «особенного внимания потому, что она составлялась со времени основания настоящей династии Илтизар-хана и, кроме того, представляет сведения об истории за все прошедшее столетие, о котором у нас весьма отрывочные сведения. В ней записаны все важнейшие события в ханстве. При отсутствии до сего времени положительных сведений о ханстве книга Юнус-мираба помогает разрешить не один исторический вопрос о хивинских ханах. Книгу Юнус-мираба продолжили и продолжают вести его потомки».

По рукописи («исторической летописи») Шир-Магомета-Мунис-мираба, жившего в начале текущего (XIX) столетия при Илтизар-хане, Кун составил свои заметки о Хивинском ханстве с кратким изложением событий со времени Абу-л-Гази до Мухаммед-Рахим-хана, занимавшего хивинский престол в 70-х годах XIX в.

В настоящее время советскими исследователями все большее внимание уделяется рукописным сочинениям Муниса и Агехи, содержащим подробнейшие и крайне ценные сведения по новой истории Хивинского ханства. П. П. Иванов назвал труд Муниса и Агехи «главнейшим источником по истории Хивинского ханства XVIII—XIX вв.». Более подробная характеристика этого труда, а также литература о Мунисе и Агехи дается в тексте очерка, посвященного жизни и деятельности Агехи (*см.*). Отмечая ценность фактических сведений, фигурирующих в исторических хрониках Муниса следует, вместе с тем, констатировать, что они рисуют самого Муниса, как типичного придворного летописца, чуждого жизненным запросам масс и с позиций верноподданного эми-

ров, презрительно и осуждающе отзывавшегося о проявлениях народного недовольства невыносимым гнетом и произволом правителей Хивы.

Указатель публикаций сочинений Муниса и литературы о нем: Шермухамед Мунис. Избранные произведения. Подготовил к печати Ю. Юсупов. — Ташкент, 1957, 124 стр. (на узб. яз.); Н. М. Маллаев. Опыт изучения жизни и творчества крупнейшего представителя узбекской литературы I половины XIX века Шермухамеда Муниса. — Ташкент, Ташкентский гос. пед. институт, 1964, 221 стр. (машинописный текст канд. дисс. на узб. яз.); Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Составители С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. — Алма-Ата, Изд-во «Наука» КазССР, 1969, 651 стр. («Фирдаус ал-икбал», стр. 431—475).

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ НАЛИВКИН

ЗНАТОК истории, жизни и быта узбекского народа В. П. Наливкин родился 15 июля 1852 в Калуге. Историографически Наливкин — яркая, социально сложная и противоречивая фигура. Прогрессивность его убеждений до 1917 стоит вне сомнений.

Наливкин окончил петербургскую военную гимназию и военное училище (1871). Участвовал в так называемых Хивинском и Кокандском походах.

Находясь в рядах царских войск, Наливкин был очевидцем расправ с мирным безоружным населением, что глубоко потрясло его. Он принял решение покинуть армию и вскоре получил назначение на должность старшего помощника начальника Наманганского уезда. Под влиянием народнической идеологии «хождения в народ» Наливкин прервал служебную карьеру и вышел в отставку в чине штабс-капитана (май 1878). Сначала он поселился в 25 верстах от Намангана в урочище Радван среди кипчаков, а затем приобрел небольшой земельный участок в кишлаке Нанай, где вместе с женой стал изучать жизнь и быт коренного населения.

Так началась «скромная, но в высшей степени плодотворная и, можно сказать, беспримерная в истории Туркестана, деятельность супругов Наливкиных по изучению языка, земельного быта, религии и обычаев ферганского туземца, не по книжным источникам, а из самих источников жизни народной... Зимой они жили в Нанае среди узбеков, а летом с киргизами откочевывали в горы. Жизнь была далеко не легкая. В такой обстановке, в сырой холодной сакле, согреваясь одеялом за общим сандалом, родились, росли и воспитывались дети, до

7—8 лет не знавшие русской речи... Зато результаты получились блестящие. Супруги усвоили узбекский язык в такой тонкости, какая не достигается учебниками и школами. Знанием живой разговорной речи узбекского и таджикского языков В. П. поражал солидных ученых и востоковедов» (Ю. О. Якубовский).

В 1884 Наливкин был вновь приглашен на службу по военно-народному управлению и занял должность младшего чиновника особых поручений при военном губернаторе Ферганской области с переименованием в гражданский чин. В 1885 он — заведующий русско-туземным училищем в старогородской части Ташкента и преподаватель «местных наречий» в Туркестанской учительской семинарии, где его учениками являлись М. С. Андреев (*см.*), В. Л. Вяткин (*см.*) и др. В 1890 Наливкин был назначен инспектором Туркестанского учебного округа по надзору за мусульманскими и русско-туземными школами. В 1899 он старший чиновник особых поручений при туркестанском генерал-губернаторе, занимавшийся «изучением мусульманства», разработкой порядка местного заведывания государственным имуществом в Туркестанском крае и т. п. В марте 1901 последовало назначение Наливкина помощником военного губернатора Ферганской области; здесь он проявил решимость бороться с злоупотреблениями чиновников, с незаконными денежными обложениями коренного населения и т. д. В ноябре 1904 был отозван со своего поста и некоторое время использовался в составе различных комиссий (по ревизии хозяйства Ташкентской городской управы и др.). В июне 1906 по собственному прошению вышел в отставку.

В числе других Наливкин подписал редакционную статью в газете «Русский Туркестан» (16 июня 1906 г., № 141) по поводу заключения в тюрьму большевика М. В. Морозова за то, что тот, по словам статьи, «убежденно и мужественно держал высоко поднятою рукою знамя независимости, свободного печатного слова». Смелые, подчас революционного характера выступления Наливкина привлекают к нему симпатии рабочих и широких масс трудящихся, и он избирается депутатом II Государственной думы.

При остановке почтового поезда на ст. Самарканд Наливкин, выступая перед массой собравшихся для его встречи, говорил: «Я — дворянин и поэтому иду в Думу для того, чтобы отречься от своего дворянства. Россия должна стать демократическим государством, служащим народу, не сословиям и кастам. Я — солдат и иду в Думу, чтобы приняться за прежнее свое дело—войну, войну с теми, кто давит и гнет народ, войну за народное благо и народную свободу». Участники встречи проводили Наливкина словами песни: «Смело, товарищи, в ногу». В наказе Наливкину, как депутату Государственной думы, рабочие

Ташкента писали: «Кругом царят ужас, непосильный гнет и крайняя нужда. Голодают рабочие, выбрасываемые правительством и капиталистами на улицу, умирают от недоедания крестьяне, доведенные дворянством и бюрократией до голодной смерти. А вся страна изнывает как в мрачной темнице, под тяжестью военных, чрезвычайных и других охран; судится она военно-полевыми судами и ведет бюрократия страну к полному разорению... Пусть же новая Дума опять заявит, что старый порядок ненавистен народу; что военно-полевые суды, смертные казни, всякие охраны, сковывающие народ железными цепями, должны навсегда исчезнуть с лица русской земли; наши братья, посаженные правительством в тюрьмы и сосланные на каторгу за то лишь, что они боролись за свободу своего народа, должны быть выпущены на волю».

«Я беспартийный, — говорил Наливкин, — но буду сидеть (в Думе. — *Сост.*) среди социал-демократов».

В Думе Наливкин являлся членом комиссии для выработки законопроекта об отмене военно-полевых судов, обличал царскую юстицию, говоря, что она — «это дама, у которой на лбу роковые слова: «продается с публичного торга!» Один из представителей царского «правосудия» (товарищ прокурора СПб. окружного суда Рубан) вызвал Наливкина на дуэль. Студенты и рабочие горячо встретили и на руках внесли Наливкина в здание Думы.

Известно упоминание о Наливкине В. И. Ленина. В 1907 Ленин отмечал, что «растет понемногу число органов ежедневной печати, стоящих левее кадетов. Слышнее становится голос левой части Думы, стоящей между к.-д. и с.-д.». Вслед за этим Ленин подверг анализу статью, появившуюся в газете «Народная Дума» (17 апреля 1907 г., № 21), по вопросу об оценке кадетов и народников. «Народная Дума» объявляла «наивными» ленинские высказывания о том, что среди кадетской думской фракции находится 20 помещиков. «Есть миллионеры и штатские генералы даже среди с.-д.», — иронизирует «Народная Дума».

Ленин писал: «Ирония легонькая! Все понимают, что Зингеры, Аронсы, Наливкины — явления персонального перехода от буржуазии к пролетариату... Ваша шутка насчет Зингера и тов. Наливкина — милая шутка для прикрытия безнадежной позиции, не более того (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 15, стр. 221).

Характерен ленинский эпитет в отношении Наливкина: товарищ Наливкин. Видимо, Ленин сочувственно относился тогда к тяготению Наливкина «от буржуазии к пролетариату».

Буржуазно-демократическую революцию 1917 в России Наливкин встретил восторженно, как начало «новой, прекрасной и свободной жизни».

Однако он принадлежал к числу тех российских интеллигентов, которые представляли себе торжество революции в розовом свете, в значительной мере умозрительно и отвлеченно. Нечеткость его революционных воззрений, отсутствие твердой, до конца осознанной идейно-политической платформы, налет толстовских воззрений привели к тому, что великого и решающего значения Октябрьской революции Наливкин не понял, хотя и сознавал шаткость своих позиций. По его собственным словам, «он терялся, метался из стороны в сторону, не зная, как примирить... противоречия переживаемого нами бурного переходного момента. Мы, имущие и бывшие «правящие», все еще стараемся удержаться на краешке уже рухнувших подмостков балагана, разрушенного ураганом революции».

К Наливкину полностью применимы слова В. И. Ленина о том, что «история человечества проделывает в наши дни один из самых великих, самых трудных поворотов, имеющих необъятное — без малейшего преувеличения можно сказать: всемирно-освободительное — значение... — неудивительно, что на самых крутых пунктах столь крутого поворота, когда кругом с страшным шумом и треском надламывается и разваливается старое, а рядом в неописуемых муках рождается новое, кое у кого кружится голова, кое-кем овладевает отчаяние...» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 78).

Склонность Наливкина к демократии «вообще» не выдерживала испытания в ходе суровой, не на жизнь, а на смерть, борьбы пролетариата за власть Советов, за торжество социалистической революции. Напрасно пытался Наливкин примирить непримиримое, избежать остроты борьбы, сгладить противоречия. Тем временем враги революции использовали его широкую популярность в своих интересах. Наливкин был назначен председателем коалиционного комитета Временного правительства и на этом посту своей вредной соглашательской деятельностью противостоял борьбе рабочего класса и трудящихся Туркестана за победу социалистической революции. «Времена менялись. Наливкин со своим неопределенным демократизмом отстал от жизни и ему теперь приходилось играть роль «демократического прикрытия» для буржуазно-помещичьей реакции» (П. А. Ковалев).

Пример с Наливкиным показал тщетность стремлений мелкобуржуазной демократии сыграть самостоятельную роль в революции, крах поборников так называемого «третьего пути», которых неумолимая логика классовой борьбы затягивала в болото контрреволюции. Этим прежде всего и были обусловлены те мрачные заключительные страницы его общественной деятельности, которая в целом, казалось бы, давала основание к самой положительной оценке. Это последнее обстоятельство в сочетании со всем предоктябрьским периодом жизни Наливкина нашло отражение в словах А. М. Горького о нем. В письме к писателю

С. Т. Григорьеву 3 декабря 1925 Горький, упомянув о помогавшем революционерам капиталисте Савве Морозове, писал: «Таких было у нас немало. К ним принадлежат пермский пароходовладелец Ник. Мешков, ташкентский... Наливкин, кутаисский губернатор Старосельский... Отнесите сюда же и ...Петра Кропоткина, да и Михаилу Бакунину место тут же. С точки зрения марксовой у всех этих людей «мозги набекрень», но для меня это — настоящие красавцы и праведники, несмотря на все их прегрешения и недостатки».

Ознакомление с копией рукописи Наливкина «Мое мировоззрение» (любезный дар Д. Д. Столярова составителю) подтверждает, что Наливкин был носителем идей своеобразно-утопического социализма воспринятых им сквозь призму взглядов, характерных для либерально-свободолюбивого интеллигента начала XX в. На первый взгляд читателя подкупают некоторые места рукописи (датируемой 1908 г.), говорящие о вступлении человечества в «фабричный период», о приближении эры социализма, которая «освободит человека от рабства у «золотого тельца», у кумира собственности» и т. п. На самом же деле рукопись оказывается густо пропитанной идеологией толстовства и ход рассуждений Наливкина сводится, в основном, лишь к мечтам о некоем расцвете «свободного индивидуализма», об отказе людей от «имущества, которым они могут не обладать», от следования «стезёй наживы», об их переходе к праведной жизни по принципу «все мое ношу с собой», ибо всякое лишнее имущество «отнято или украдено у неимущих», к рассуждениям о «преступлении и наказании» в духе философии «непротивления злу», к абстрактной вере в торжество «добра и справедливости» и т. д.

И в целом рукопись лишний раз убеждает в субъективной искренности и стойкости демократических убеждений Наливкина, во многом восходящих своими корнями к традициям народничества, но не имевших, однако, под собой действительно революционной основы, тогда как именно в конкретных условиях России его времени понятия революции и демократии оказывались тесно сопряженными меж собою. Личная трагедия Наливкина и была отголоском общей трагедии русского безреволюционного сознания, «наивного» духа, его горячей приверженности общедемократическим идеалам, но не нашедшего правильных путей и реальной почвы для их осуществления. Искренним, но неустойчивым оказалось и тяготение Наливкина «от буржуазии к пролетариату».

Как востоковед Наливкин оставил заметный след в истории изучения жизни и быта узбекского народа.

По словам В. В. Бартольда, Наливкин был «едва ли не лучшим знатоком языка и быта» узбеков. В 1883 он опубликовал пространную

рецензию на книгу акад. А. Ф. Миддендорфа «Очерки Ферганской долины», местами излишне резкую, но в то же время показавшую глубокую эрудицию рецензента и в вопросах хозяйственного развития Ферганской долины. В этой же рецензии Наливкин отверг произвольные определения Миддендорфа касательно происхождения узбеков, некоторых обычаев их ,системы налогового обложения и т. д.

Вместе с женой им «была написана превосходная книга.., изданная в Казани в 1886 г. и содержащая гораздо более разнообразные сведения, чем можно было бы ожидать по ее скромному заглавию: «Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы». Как было отмечено рецензентом, вообще очень строгим к трудам туркестанских деятелей, покойным проф. Н. И. Веселовским, книга знакомила читателя «в главных чертах» с бытом «не только женщины», но всего оседлого мусульманского населения Ферганы, а вместе с тем и всей Средней Азии» (В. В. Бартольд).

За эту работу Наливкин был удостоен большой золотой медали Русского Географического Общества. В письме Наливкину известный венгерский ориенталист Арминий Вамбери писал: «Ваш очерк о жизни женщины в Коканде меня тем более поразил, что нет подобного сочинения о женщинах совсем близких нам мусульман... и без всякой лести нарисованная Вами картина должна удовлетворить всякого этнографа, и я очень желал бы, чтобы эта же тема была так же тщательно разработана в отношении Бухары и Хивы».

В своем отзыве на книгу Наливкиных Н. И. Веселовский указывал, что труд такого рода осуществить было нелегко: «...Проникнуть на женскую половину и заглянуть за скрывающую ее завесу может только женщина... У оседлых мусульман семейная жизнь скрыта от посторонних мужчин». Работа требовала от авторов знания местного языка и являла собой результат девятилетних наблюдений. Из работы Наливкиных «мы узнаем строй частной и общественной жизни (коренного населения)..., выработанный историческими событиями в течение многих и многих столетий». Веселовский отмечал, что труд Наливкиных «займет почетное место в нашей литературе о Востоке».

Позднее (1922) В. В. Бартольд заметит, что «в изучении жизни оседлых узбеков.. до сих пор одинаково стоит труд покойных Наливкиных «Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы», авторы которого непосредственно изучали жизнь (узбеков), живя в кишлаке, по образу жизни ничем не отличаясь от них».

В том же 1886 последовала публикация известной книги Наливкина по истории Кокандского ханства. Ее примечательной особенностью являлось то, что помимо печатных пособий, народных преданий и рассказов Наливкин широко привлекал к делу восточные рукописи. Кроме того, он использовал 144 документа (ярлыки, приказы), выданных фер-

ганскими правителями и бухарскими эмирами на имя шейхов мазара Султан-Сейид в кишлаке Караскан Наманганского уезда.

В рецензии на французский перевод книги В. Р. Розен отметил, что «полезный труд В. П. Наливкина, несмотря на недостатки, указанные в рецензии Н. И. Веселовского, вполне заслужил чести перевода ввиду большого интереса, который он представляет для столь мало знакомой с историей Средней Азии европейской публики».

Н. И. Веселовский, отмечая, что недостаток работ по истории Кокандского ханства чувствовался уже давно, указывал в то же время, что в книге Наливкина эта история «изложена без соблюдения необходимых научных требований... Мы не встречаем в краткой истории Кокандского ханства ни цитат из рукописей, нам совершенно еще не известных, но даже и ссылок на них, за исключением двух-трех случаев...». Однако и Веселовский приходил в конечном счете к выводу, что «несмотря на все недостатки, труд г. Наливкина является все-таки полезным приобретением для истории Средней Азии».

Современный исследователь констатирует, что «единственной работой, сравнительно полно охватывающей историю владения Мингов в Ферганской долине в XVIII в. и Кокандского ханства в XIX в. до сих пор остается книга В. П. Наливкина, опубликованная 87 лет назад. Эта работа обладает рядом достоинств и не потеряла еще полностью научного значения, но все же во многих отношениях устарела. После книги В. П. Наливкина появились лишь немногочисленные статьи по отдельным вопросам истории Кокандского ханства» (В. А. Ромодин, 1973).

Ценны этнографические произведения Наливкина: «Очерки земледелия в Наманганском уезде» (1880), «Киргизы Наманганского уезда» (1881), «Особенности охоты у туземцев Туркестанского края» (1891), «Очерк благотворительности у оседлых туземцев Туркестанского края» (1897) и др.

Работы Наливкина по истории и современному ему состоянию народного образования (мактабы, мадраса, русско-туземные училища) в историографическом плане полезны и сейчас.

Сохраняет значение его труд о положении вакфного дела в Туркестане до и после присоединения его к России.

Единственной в своем роде была работа Наливкина «Туземцы раньше и теперь» (1913). Написанная с глубоким знанием жизни и быта коренного населения ,она имела не только большое историко-этнографическое, познавательное значение, но и получила серьезное общественно-политическое звучание. В ней было немало обличительного материала о тяжелом экономическом положении трудящихся края. В этой связи должна быть отмечена и работа Наливкина «Туземный пролетариат» (1906 и 1917).

Особое место среди его публикаций занимают статьи о мерах борьбы с песками, сохранении и восстановлении лесных богатств Узбекистана и др. По мнению специалистов, писались они с полным знанием дела, содержали полезные рекомендации и были для своего времени весьма ценными.

В сравнении с Наливкиным никто из его современников не сделал так много и в деле составления различных учебных пособий ,словарей, хрестоматий, имевших целью содействовать и облегчить изучение узбекского и других языков коренного населения Средней Азии.

По отзыву специалистов-языковедов наших дней, лишь с появлением учебных пособий по узбекскому языку, составленных известным знатоком Туркестанского края В. П. Наливкиным, мы замечаем серьезное улучшение дела изучения узбекского языка русскими в бывшем Туркестанском крае. Перу Наливкина принадлежат такие капитальные для той поры пособия по узбекскому языку, как «Русско-сартовский и сартовско-русский словарь общеупотребительных слов, с приложением краткой грамматики по наречиям Наманганского уезда», «Сартовско-персидская хрестоматия», «Руководство к практическому изучению сартовского языка», «Русско-сартовский и сартовско-русский словарь» и др. «Русско-сартовский и сартовско-русский словарь» (Казань, 1884) специалисты (А. Н. Кононов, 1970) относят к числу отечественных словарей, «составивших эпоху в истории тюркской лексикографии, не имеющих себе равных в западноевропейской тюркологии».

Продуманная система и тщательный подбор материала делали учебные пособия Наливкина незаменимыми руководствами для лиц, изучавших узбекский язык. Конечно, «учебники и словари В. П. Наливкина не были лишены существенных недостатков, главнейшими из которых являются: крайнее несовершенство фонетической транскрипции и раздела фонетики вообще, недостаточное внимание к особенностям устной речи, несколько односторонний и идеологически созвучный с политикой русского правительства в Туркестане иллюстративный и хрестоматийный материал и т. д., однако для той эпохи работы В. П. Наливкина были большим достижением и серьезно расширяли возможности более глубокого ознакомления с одним из наименее известных в ту эпоху тюркских языков» (И. А. Киссен. «Лингвистические работы В. П. Наливкина», рукопись в собрании составителя). Законченный, но не опубликованный при жизни Наливкина полный словарь узбекского языка впоследствии был использован как один из источников для составления многотомного узбекско-русского словаря.

Жизненный путь Наливкина ознаменовался трагическим концом. Он тяжело переживал ход событий, его мучили сомнения в правильности занятой после Октября 1917 позиции, но найти в себе силы,

чтобы выбраться из засосавшего его болота меньшевизма, он не сумел. Вскоре после смерти жены Наливкин покончил с собой на ее могиле (20 января 1918), оставив записку, в которой просил никого не винить в его смерти и желал «чтобы похороны были скромными, пролетарскими и гражданскими, так как я, — писал Наливкин, — давно уже не принадлежу ни к какой религии».

Указатель публикаций В. П. Наливкина (из многочисленных и полностью неучтенных его работ дается выборочный перечень преимущественно тех, которые имеют отношение к истории, этнографии и языковедению Узбекистана): Очерки земледелия в Наманганском уезде. — ТВ, 1880, № 11, 13, 15, 18—21, 24, 25, 27—29; Вопросы туземного земледелия.—ТВ, 1880, № 33—34; Киргизы Наманганского уезда.—ТВ, 1881, № 20—21; По поводу книги А. Ф. Миддендорфа: «Очерки Ферганской долины». — ТВ, 1883, № 35—39; Грамматика сартовского языка Андижанского наречия. — Казань, 1884, 20 стр. (Приложение к «Русско-сартовскому словарю»); Русско-сартовский и сартовско-русский словарь общеупотребительных слов ,с приложением краткой грамматики по наречиям Наманганского уезда. Составили В. Наливкин и М. Наливкина. — Казань, 1884, 294+161+20 стр.; Русско-мусульманское училище.— ТВ, 1885, № 1; Азбука для русско-мусульманских школ оседлого населения Туркменского края. — Изд. второе, Ташкент, 1886, 32 стр.; Краткая история Кокандского ханства. — Казань, 1886, 215 стр. (Рец.: Н. И. Веселовский, ЗВОРАО, т. I, СПб., 1886, стр. 227—228; А. С. ТВ, 1886, № 40. Существуют составленные А. К. Писарчик рукописные «Указатели к книге В. П. Наливкина «Краткая история Кокандского ханства», Ташкент, 27 стр. Рукописный фонд Института истории и археологии АН УзССР, № И-507); В. П. Наливкин и М. В. Наливкина. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. — Казань, 1886, 244 стр. (Рец.: Н. Веселовский. ЖМНП, СПб., 1887, № 4, стр. 266; Он же (Н. В.). ЗВОРАО, т. I, СПб., 1887, стр. 319—320; также т. XV, стр. 272); Опыт исследования песков Ферганской области.— Новый Маргелан, 1887, 228 стр.; Письмо В. П. Наливкина (древности холма Шанишина). — «Туркестанская туземная газета», 26 сентября 1887, № 37; Сартовско-персидская хрестоматия с приложением примеров для перевода с русского на сартовский и персидский языки. Применительно к программе Туркестанской учительской семинарии. — Ташкент, 1887, 128 стр.; Опыт статистического очерка кишлака Нанай. — Труды Сыр-Дарьинского областного статистического комитета в 1887—1888 г., Ташкент, 1888, стр. 1—15; Русско-персидский словарь общеупотребительных слов по наречиям Туркестанского края. — Казань, 1889, 394 стр.; Школы у туземцев Средней Азии. — Сборник материалов для статистики Самаркандской области, 1887—1888 гг., вып. I, Самарканд,

1889, стр. 294—303; Школы у туземцев Средней Азии. — ТВ, 1889, № 32; Особенности охоты у туземцев Туркестанского края. — «Природа и охота», СПб., 1891, кн. 6, стр. 60—81; Очерк благотворительности у оседлых туземцев Туркестанского края. Справочная книжка Самаркандской области, вып. V, Самарканд, 1897, стр. 205—223; Руководство к практическому изучению сартовского языка. — Самарканд, 1893, 333 стр.; V. P. Nalivkin. Histoire du Khanat de Khokand. Traduit du russe pau Aug. Dozon, Paris, E. Lerous, 1889, 272 p. (Publications de l'Ecole des langues orientales vivantes, III serie, vol. IV); Русско-персидский словарь общеупотребительных слов по наречиям Туркестанского края. — Казань, 1889, 394 стр. (Рец.: В. Р.[озен], ЗВОРАО, т. IV, СПб., 1889, стр. 124—126): Школа у туземцев Средней Азии. Речь на годичном акте Туркестанской учительской семинарии 31 мая 1889 г. — В кн.: Отчет о состоянии Туркестанской учительской семинарии за 1888/89 г., Ташкент, 1889; Сартовская хрестоматия для Туркестанской учительской семинарии. — Ташкент, 1896, 96 стр.; Ислам и закон Моисея. — Справочная книжка Самаркандской области, 1899, вып. VI, Самарканд, стр. 1—93; В. П. Наливкин, Г. Усов, М. Вирский, А. А. Лапин, В. Л. Вяткин. Краткий обзор современного состояния и деятельности мусульманского духовенства, разного рода духовных учреждений и учебных заведений туземного населения Самаркандской области с некоторыми указаниями на их историческое прошлое. — Сборник материалов по мусульманству, т. I, Ташкент, 1899, стр. 3—47; Руководство к практическому изучению персидского языка. — Самарканд, 1900, 332 стр.; Очерк благотворительности у оседлых туземцев Туркестанского края. — В кн.: Сборник материалов по мусульманству, т. II, Ташкент, 1900, стр. 143—145; Что дает средне-азиатская мусульманская школа в общеобразовательном и воспитательном отношениях? — Туркестанский литературный сборник в пользу прокаженных, СПб., 1900, стр. 215—278; Положение вакуфного дела в Туркестанском крае до и после его завоевания. — Ежегодник Ферганской области, т. III, Новый Маргелан, 1904, стр. 1—57; Из казачьего и неказачьего прошлого. — «Русский Туркестан», 1906, № 136—140; Мои воспоминания о Скобелеве. — «Русский Туркестан», 1906, № 118—122; Туземный пролетариат. — «Русский Туркестан», 1906, № 162, 163, 165, 170; 173; Конспект лекций по истории ислама и по мусульманскому праву, читанных В. П. Наливкиным в 1906—1907 учебном году, Ташкент, 1908, 86 стр.; Сартовский переводчик. Среднеазиатские наречия. Изд. штаба Туркестанского военного округа. Под ред. подполковника Ягелло. — Ташкент, 1908, 27+ +37 стр. (I. Русско-сартовские разговоры и слова. Составил М. П. Басалов. Исправил В. П. Наливкин. II. Слова и элементарная грамматика сартовского языка. Составил Таир-бек Кияс-Беков. (Рец.: А. Н. Самойлович, ЗВОРАО, т. XVIII, СПб., 1908, стр. 193—195); Русско-сартов-

ский и сартовско-русский словарь.—Ташкент, 1912; Туземцы раньше и теперь. — «Туркестанский курьер», 1912, № 288; 1913, № 1, 5, 6, 11, 12, 17, 19, 23, 26, 41, 49, 56, 62, 69, 73, 79, 88, 95; Туземцы раньше и теперь. — Ташкент, Издание А. Л. Кирснера, 1913, 144 стр.; Сведения о состоянии туземных мадраса Сыр-Дарьинской области в 1890—91 учебном году. — Ташкент, 1916, 93 стр.; В погоне за популярностью. Генерал Духовской. Из моих личных воспоминаний о наших бисмарках. — ТВ, 1917, № 126; Младо-сарты и женщина.—ТВ, 1917, № 4; Надо опроститься.—ТВ, 1917, № 31 [Статья, свидетельствующая о неизжитых толстовских настроениях Наливкина]; Туземный пролетариат. — ТВ, 1917, № 40, 41, 44, 50, 55, 62 и 72.

Литература о В. П. Наливкине: В. И. Ленин. Сила и слабость русской революции. — Полное собрание сочинений, т. 15, М., 1961, стр. 221; Письмо А. М. Горького к С. Т. Григорьеву. — «Литературное наследство», т. 70, М., 1963, стр. 132 (также «Новый мир», М., 1966, № 2, стр. 235). Н. И. Веселовский. Новые материалы для истории Кокандского ханства. — Краткая история Кокандского ханства. Сост. В. П. Наливкин, Казань, 1886. ЖМНП, СПб., 1886, № 11, отд. 2, стр. 178—195; Доклад Комиссии Отд. этнографии РГО о присуждении большой золотой медали. Отд. отзыв Н. И. Веселовского о труде В. П. Наливкина и М. В. Наливкиной «Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы». Отчет ИРГО за 1886 год. СПб., 1887, Приложения, стр. 27—29 (Туркестанский сборник, т. 406); 25-летие «Туркестанских ведомостей». — ЗВОРАО, т. IX, СПб., 1895, стр. 243—262; Наливкин В. П. — Энциклопедический словарь «Брокгауз-Ефрон», т. 40, стр. 496; Владимир Петрович Наливкин. Член Государственной думы и его туркестанское прошлое. Краткий биографический очерк с двумя портретами. Составил Ю. О. Якубовский.—Ташкент, 1907, 55 стр.; Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907. Сессия вторая, т. I, СПб., 1907, стр. 694—695; И. В. Мушкетов. Туркестан, т. I, ч. I, Издание 2-ое, Пгр., 1915, стр. 543; М. И. Сосновский. Влад. Петр. Наливкин. — Газ. «Свободный Туркестан», Ташкент, 24 января 1918, № 8; С. Дворянов. Ташкентская социал-демократическая организация в революции 1905 года. — «Красная летопись Туркестана», 1923, № 1—2, стр. 17; В. В. Бартольд. Ближайшие задачи изучения Туркестана. — «Наука и просвещение», Ташкент, 1922, № 2, стр. 9—10; Он же. История изучения Востока в Европе и России. Лекции. — Изд. второе, Л., 1925, 288 стр.; Он же. История культурной жизни Туркестана. — В кн.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. I, М., 1963, стр. 370—372 и др.; И. К. Додонов. Национально-освободительное движение в Узбекистане после свержения власти царизма (апрель — октябрь 1917 года). — Бюллетень САГУ, вып. 25, Ташкент, 1947, стр. 26—27; П. Котляр и М. Вайс. Ка кпроводились выборы в Тур-

кестане. — Ташкент, Госиздат УзССР, 1947, стр. 17; Б. В. Лунин. Из истории русского востоковедения..., стр. 85—86, 93; Он же. Средняя Азия..., стр. 224—226; П. А. Ковалев. Общедемократическое движение за мир в Туркестане в период от февраля к октябрю 1917 г. — Труды САГУ, Новая серия, вып. 150, Исторические науки, кн. 31, Ташкент, 1959, стр. 51—54; К. Е. Бендриков. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865—1924). — М., Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1960, стр. 68; А. К. Писарчик. Михаил Степанович Андреев. — Сборник памяти Михаила Степановича Андреева, Труды АН ТаджССР, т. CXX, Сталинабад, 1960, стр. 3; В. С. Расторгуева. Изучение таджикского языка в СССР. — Очерки по истории изучения иранских языков, М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 34—35; Х. А. Ерзин. Общественная жизнь Туркестана. Материалы по истории Средней Азии. — Научные труды САГУ, вып. 281, Ташкент, 1966, стр. 66; А. Н. Кононов. Тюркское языкознание в Ленинграде. 1917—1967. — «Тюркологический сборник. 1970», М., 1970, стр. 6; Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Часть IV. 1881—1886. Составитель О. В. Маслова. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1971, стр. 24—28 («Поездки В. П. Наливкина по Ферганской долине. 1881—1882, здесь-же: «Список основных работ В. П. Наливкина, 1973, стр. 59—60, 109, 171—172; Н. П. Остроумов [о В. П. Наливкине]. стр. 25—26); Русские путешественники и исследователи о киргизах. Под ред. доктора ист. наук Б. В. Лунина. — Фрунзе, Изд-во «Илим», 1973, стр. 59—60, 109, 171—172; Н. П. Остроумов [о В. П. Наливкине]. Ркп.: ЦГА УзССР, ф. 1009, оп. 1, д. 66, л. 7об — 14.

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ ОСТРОУМОВ

Н. П. ОСТРОУМОВ родился (15) ноября 1846 в с. Сасово Елатинского уезда Тамбовской губернии в семье священника (протоиерея). На двенадцатом году жизни был зачислен в Шацкое духовное уездное училище, в котором занимался два года. С 1860 по 1866 учился в Тамбовской духовной семинарии, с 1866 по 1870— в Казанской духовной академии по противомусульманскому отделению, изучая здесь «татарский и арабский языки и казанское мусульманство в целях миссионерства». В академии его ближайшими учителями были Н. И. Ильминский и Г. С. Саблуков. По окончании академии Остроумов был допущен к чтению лекций в ней и работал одновременно в местных духовной и учительской семинариях; в последней он преподавал историю и географию (1872—1874). В годы казанского периода своей жизни Остроумов напечатал ряд статей, преимущественно богословского и миссионерского характера, на которое время давно наложило печать прочного и справедливого забвения. Известное исключение составляют такие публикации, как «Первый опыт словаря народно-татарского языка по выговору крещеных татар Казанской губернии» (Казань, 1876), «Мухаммеданский пост в месяц Рамазан» (Казань, 1877) и некоторые другие. В 1877 Остроумов представлял академию на Всероссийском археологическом съезде в Казани.

Работа Остроумова в духовной академии (в должности доцента по кафедре миссионерских предметов, где он был преемником Н. И. Ильминского и где преподавал татарский язык и миссионерские наставления) продолжалась по 1877 (позднее, в 1892 он был избран почетным

членом Казанской духовной академии, что характерно для его жизненного пути).

В 1877 Остроумов переехал в Ташкент, где и началась его многолетняя (по 1917) служба — сначала в должности инспектора народных училищ, затем директора учительской семинарии (с 1879), директора мужской классической гимназии (с 1889) и вновь в учительской семинарии. С 1883 по 1917 Остроумов являлся также редактором «Туркестанской туземной газеты». По словам В. В. Бартольда, «сотрудниками (Остроумова) были ученые (из среды коренного населения)... Значение газеты (для местного населения) сам редактор, по-видимому справедливо, сравнивает с тем значением, какое имели для русских начала XVIII в. официальные «Ведомости» того времени». Газета издавалась «на книжном языке, далеком от разговорного».

Историографически Остроумов — фигура весьма сложная и противоречивая. Общественно-политический облик его как человека реакционных политических взглядов и убеждений, консервативно мыслившего, воспитанного в духе «православного монархизма» (его слова) и православного миссионерства, не подлежит сомнению. Характерна его идейная и личная близость Н. И. Ильминскому, как к создателю обрусительно-миссионерской системы школьного образования для так называемых «инородцев»*. Попытки отдельных авторов рассматривать Остроумова как носителя прогрессивных взглядов и убеждений несостоятельны и могут быть объяснены лишь недостаточно глубоким знанием его биографии. Этому выводу не противоречат отдельные критические высказывания Остроумова об отрицательных сторонах колониального управления Туркестанским краем или факты его сочувственно-покровительственного отношения к Фуркату, Мукими и другим представителям передовой общественно-литературной мысли Узбекистана.

Обычно современных читателей дневников и воспоминаний Остроумова привлекают и подкупают порой весьма острые и откровенные выпады автора в адрес отдельных представителей колониальной администрации, меткие подчас суждения относительно «бюрократического характера (колониального) управления в Туркестане, (который) задушил всякую живую мысль» и действий «господ ташкентцев», которые «живут, чтобы жить и наживаться».

Следует, однако, четко предоставлять себе истинную подоплеку такого рода суждений Остроумова. Искренне преданный служитель и хранитель интересов самодержавия и православия, он считал себя «просветителем инородцев» и именно с этих позиций подмечал и осуждал противозаконные действия тупых и продажных бюрократов и чиновни-

---

* Памяти своего «незабвенного учителя» Ильминского Остроумов посвятил специальную статью (ТВ, 1909, № 278).

ков, многочисленные недочеты практической и политической деятельности колониальной администрации, видя во всем этом подрыв «священной миссии государства российского». Ему претили факты казнокрадства и взяточничества, голого карьеризма и бытового разложения. В отрыве колониальной администрации от нужд и запросов коренного населения, в ее невежестве и незнании действительной его жизни, в бюрократически-равнодушном отношении к настроениям масс Остроумов не без основания усматривал угрозу позициям царизма в Средней Азии.

На посту редактора «Туркестанской туземной газеты» он по-своему покровительствовал Фуркату и Мукими, надеясь сделать из них верноподданнических узбекских поэтов и своих союзников в борьбе против революции, не предполагая, что из-под их пера появятся обличительные демократические произведения, проникнутые духам свободомыслия.

Здесь действовала сложная диалектика вопроса. Объективно-прогрессивные последствия присоединения Средней Азии к России обусловливали сближение коренного населения с русским народом, усиливали влияние передовой русской культуры, создавали предпосылки для распространения демократических идей, развития освободительного движения. В этих условиях некоторые начинания Остроумова, хотя и осуществлявшиеся в русле русификаторской политики царизма, вопреки его субъективным замыслам, выходили за рамки последних и действительно сочетались с подлинно прогрессивными начинаниями передовой русской интеллигенции Туркестана, к среде которой сам Остроумов никогда не принадлежал*. Так обстояло дело с осуществлявшимися Остроумовым изданиями переводов на узбекский язык отдельных произведений классиков русской литературы, с публикацией им в центральных и местных изданиях произведений Фурката, Мукими и других авторов, с его деятельностью организатора научно-краеведческой работы по изучению историко-культурного прошлого Средней Азии и т. п.

По инициативе Остроумова и при его непосредственном участии были выпущены в свет на узбекском языке произведения А. С. Пушкина («Сказка о рыбаке и рыбке»), Л. Н. Толстого («Чем люди живы»), такие брошюры познавательного характера, как «Краткая история древнего Египта», «Жизнь Колумба», «О пользе наук», «Рассказы из физической географии», «Географическая карта всех частей света» и другие, ряд мелких брошюр (о чуме, холере, бешенстве собак, о возделывании хлопчатника и разведении шелковичных червей и т. п.). В 1907 Остроумов издал сборник стихотворений Махтум-кули и извлече-

---

* Для уяснения целенаправленности остроумовского просветительства показательно, что в 1885—1886 он перевел «Евангелие на язык сартов» напечатанное затем (1891) в Лейпциге в издании Британского Библейского Общества.

ния из «Дивана» Мукими, в 1910 вышла его работа «Этимология сартовского языка». Он сделал достоянием научно-востоковедческой и более широкой общественности отдельные произведения узбекского фольклора (в том числе сказки, поговорки и пословицы), первым познакомил ее со стихами Фурката и других поэтов.

Субъективно же просветительское кредо Остроумова сводилось к тому, что «цивилизацию киргиз и других азиатских кочевников» он видел в необходимости «начинать именно с просвещения их светом христовой веры, путем научения не только истинам веры, но и элементарным положительным знаниям». Эпиграфом к своей известной книге «Сарты» Остроумов избрал слова печально-известного душителя свободомыслия графа Д. А. Толстого: «Просвещать постепенно инородцев, сближать их с русским духом и народностью составляет задачу величайшей государственной важности».

Остроумову нельзя отказать в искренней увлеченности краеведческой работой. Сам он усматривал в познании прошлого и настоящего Средней Азии, особенностей жизни и быта ее населения прежде всего важное средство для наиболее успешного управления страной. Объективно же его научно-краеведческая деятельность, несомненно, имела положительное значение, содействуя приобщению к этой работе представителей служилой интеллигенции, специалистов, установлению контактов и связей с виднейшими учеными страны, интересовавшимися богатейшим прошлым народов Средней Азии.

Занятия Остроумова археологией обратили на себя внимание Императорской археологической комиссии, которая с 1886 предложила ему «принять на себя сношения» с Комиссией в качестве ее представителя (уполномоченного сотрудника) в Туркестане. Остроумов являлся также действительным членом Русского Археологического общества.

11 декабря1893 в Ташкенте состоялось заседание Туркестанского отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, на котором по докладам Н. П. Остроумова и В. В. Бартольда было признано целесообразным основать в Ташкенте Туркестанский кружок любителей археологии. С этого дня Остроумов станет одним из активнейших руководителей кружка — крупной научно-краеведческой организации, просуществовавшей четверть века и оставившей прочный след в начальной истории археологического изучения Средней Азии.

В мае 1904 Остроумову был выслан из Петербурга диплом на звание члена-корреспондента Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и этнографическом отношении, возглавлявшегося акад. В. В. Радловым (*см.*)

Ученым-исследователем в строгом и высоком смысле слова Остроумов не был, но как краевед- историк, автор полезных и нередко весьма

ценных по фактическим данным наблюдениям к постановке вопросов, публикаций и научно-популярных работ стяжал заслуженную репутацию одного из знатоков прошлого Средней Азии, истории ислама, истории народного образования времени после присоединения Средней Азии к России и т. д.

В качестве собирателя древностей, нумизматических находок, восточных рукописей, фольклорных записей, предметов народного быта, старинной утвари и т. д. Остроумов многократно снабжал местные и центральные музеи, научные учреждения и организации экспонатами или их фотографиями и описаниями.

Остроумову наука обязана также фиксацией ряда памятников древности Узбекистана и Казахстана, иногда их более или менее обстоятельным описанием, регистрацией случайных археологических и нумизматических находок. Пробовал Остроумов вести и археологические раскопки (на земле Никифорова близ Ташкента в 1887, близ сел. Мамаевка Чимкентского уезда в 1893 и др.). Вместе с И. В. Аничковым он составил описание археологической коллекции ташкентского музея и ТКЛА.

Остроумову наука обязана публикацией ряда письменных актов новейшего времени (грамоты и ярлыки ханов и эмира, поддельный фирман турецкого султана об утверждении в звании мусульманского суфия главы Андижанского восстания 1898 Мадали-Ишана и др.). Он осуществил экскурс в область мусульманской письменности («О мусульманских тайных письменах «камсаля-табгиз», 1917).

Много фактического материала сосредоточено в работах Остроумова по истории народного образования в Туркестане (мактабы, мадраса, русско-туземные школы, гимназии, учительская семинария и др.).

Каковы бы ни были недостатки его известной публикации «Сарты, Этнографические материалы. Общий очерк» (выдержавшей три издания), она содержала большой и частично малоизвестный познавательный материал, знакомила читателей с жизнью и творчеством Фурката (*см.*), с жизнью и деятельностью Саттархана (*см.*), Мирзы Бухари (*см.*) и других, давала определенное (хотя и неполное, одностороннее и иной раз предвзятое) представление о современной ему действительности Туркестана.

Все это нельзя не поставить в заслугу Остроумову, нисколько не устраняя тем самым серьезных критических замечаний в его адрес как носителя реакционной идеологии и видного представителя колониальной администрации в сфере народного просвещения.

Широкая краеведческая работа Остроумова — научная и организационная — стала с течением времени пользоваться все большей известностью и признанием. Эта сторона его деятельности высоко оценивалась виднейшими востоковедами, со многими из которых он поддержи-

вал научные связи. В. В. Бартольд именовал Остроумова «патриархом туркестановедения», В. Р. Розен и С. Ф. Ольденбург отзывались о нем как об авторе «интересных и полезных работ по этнографии». Позднее И. Ю. Крачковский констатирует, что Остроумов был «крупным знатоком местного края», считавшимся «в центре иногда как бы представителем всего среднеазиатского востоковедения». Как отмечал Н. И. Веселовский (*см.*) в рецензии на книгу Остроумова «Пословицы туземного населения Туркестанского края», «никто не обращал внимания на этот материал и только теперь Н. П. Остроумов отчасти познакомил нас с ним» воспроизведя 492 пословицы, которыми «туркестанцы любят пестрить свою речь» (ЗВОРАО, т. III, 1889, стр. 141).

Особняком стоят работы Остроумова по исламоведению. Современные историографы не без оснований относят его к числу представителей «казенного востоковедения», специализировавшихся в первую очередь на «изобличении» ислама. В этом направлении (слова И. Ю. Крачковского «Остроумов выпустил с конца 70-х гг. до 1914 г. очень много статей и книг по вопросам исламоведения, понимаемого им широко, но в освещении казанской школы. Как бы итогом его работ явилась серия «Исламоведение» (1910—1914), включавшая четыре монографии: «Аравия, колыбель ислама», «Коран. Религиозно-законодательный кодекс мусульман», «Шариат по школе (мазхаб) Абу Ханифы», «Введение в курс исламоведения». На анализе первой из них Бартольд показал, что, не воспроизводя крайностей казанской школы, работа все же мало отвечает современному состоянию науки.

В наши дни Н. А. Смирнов указал, что эти работы Остроумова представляют собой «компиляции, построенные на использовании как иностранных так и местных туркестанских сочинений, появившихся в периодической печати Ташкента... Если к этим произведениям Остроумова подходить с точки зрения научной критики, то они не выдерживают никакого сравнения с работами (А. Э.) Шмидта и других ученых. Религиозное воззрение автора, отсутствие ясного критического подхода к использованной литературе, слабое знакомство с новыми научными исследованиями, игнорирование первоисточников — вот что характерно для работ Остроумова». Имея в виду такую оценку, не следует забывать в то же время, что столь суровый критик указанных публикаций Остроумова, каким был Бартольд, все же констатировал, что Остроумов «лучший знаток ислама в Туркестане», оговаривая, однако, что «с точки зрения науки односторонее полемическое отношение к исламу может вредно отзываться на понимании мусульманской культуры как явления всемирной истории, со всеми его светлыми и темными сторонами».

Касательно отношения Остроумова к исламу Бартольд метко заметил, что и в своей книге об «Аравии и Коране» Остроумов называет се-

бя «бывшим студентом противумусульманского отделения (Казанской духовной академии); в той же книге помещены его воспоминания об этом отделении и его бывших преподавателях, проникнутые редкой теплотой чувства. Беспристрастное отношение к исламу для него при таких условиях почти столь же невозможно, как для верующего мусульманина».

Определенный научный и общественный интерес представляет эпистолярное наследие Остроумова (его письма и письма на его имя М. С. Андреева, В. В. Бартольда, Арминия Вамбери, Н. И. Веселовского, А. Е. Крымского, А. Л. Куна, Н. Н. Пантусова, Н. Ф. Покровского, В. Р. Розена, Д. И. Яворницкого и других известных ученых и краеведов), значительная часть которого сохранилась в архиве Остроумова и в личных архивных фондах ряда востоковедов (Бартольд, Розен и др.). Заслуживает более детального изучения личный архив Остроумова: дневники и воспоминания, собрания газетных вырезок, фотографии, материалы по археологии и этнографии Средней Азии, по истории Туркестанской учительской семинарии, рукописи неопубликованных или неоконченных статей и др.

Октябрьскую революцию Остроумов не воспринял, до конца своих дней относился к ней отрицательно, своих монархических убеждений не изменил, вдаваясь при этом во все большую религиозность с оттенком мистических настроений. События революции, коренную ломку социальных устоев жизни народов Средней Азии, осуществление социалистических преобразований он (свидетельство тому его дневниковые записи, письма) воспринимал сквозь призму раздраженного и растерянного обывателя, политически близорукого человека, оказавшегося не в состоянии, да и не желавшего распознавать действительную сущность и роль этих исторических событий. Почувствовав отрицательное отношение трудящихся Ташкента к его руссификаторской деятельности дореволюционного периода, к его приметной роли в колониальном аппарате Туркестана и реакционно-монархическим убеждениям, Остроумов предпочел удалиться из пределов Туркестанской АССР и прожил несколько лет (1917—1921) в родном селе Сасово-Тамбовской губернии.

По возвращении в Ташкент он продолжал интересоваться судьбами местного исторического краеведения, привлекался советскими учреждениями в качестве консультанта и лектора по истории Туркестана и исламоведению. К числу последних его прижизненных публикаций относилась статья «О чашах и кубках у азиатских преимущественно народов» (1927).

Скончался Остроумов 17 ноября 1930 в с. Луначарское под Ташкентом.

Указатель печатных произведений Н. П. Остроумова (выборочно)*. Первый опыт словаря народно-татарского языка по выговору крещеных татар Казанской губернии.— Казань, 1876, 146 стр. (второе издание: Казань, 1891); Вероятное объяснение происхождения письма от правой руки к левой в древних восточных алфавитах. — «Православный собеседник», 1876, № 1, стр. 353—358; Мухаммеданский пост в месяц Рамазан. — Казань, 1877, 174 стр.; Несколько слов об образовании туземцев Сыр-Дарьинской области в русских школах в 1878 г. — ТВ, 1879, № 30; Первый опыт по осмотру училищ Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей.— ЖМНП, СПб., июль 1879; Открытие учительской семинарии в г. Ташкенте 30 августа 1879 года.— ТВ, 1879, № 38; Характеристика религиозно-нравственной жизни мусульман, преимущественно Средней Азии — «Православное обозрение», 1881, стр. 259—324; Что такое коран? По поводу ст. г. г. Гаспринского, Девлет-Кильдеева и Мурзы-Алима.— Ташкент, 1883, 156 стр.; Значение слова «сарт».— ТВ, 1884, № 28—31; Сказание о городе Самарканде.— Ташкент, 1884, 40 стр. (на узб. яз.); Сказание о Сайраме Чимкентского уезда.— Ташкент, 1884, 59 стр. (на узб. яз.); Сказание о городе Оше.— Ташкент, 1885, 20 стр. (на узб. яз.); Бурханы — священные изображения буддистов-монголов.— «Православный собеседник», 1886, № 1, стр. 1—71; Песня о Худояр-хане [Текст и перевод при участии Саттархана].— ЗВОРАО, т. II, СПб., 1888, стр. 189—194; Сведения о Туркестанской туземной газете.— Труды Сыр-Дарьинского областного статистического комитета в 1887—1888 гг., Ташкент, 1888, стр. 1—3; Песня-плач по Урман-Беке.— ЗВОРАО, т. IV, СПб., 1889, стр. 279—287 (ср. т. III стр. III); Рассказы из физической географии. Ташкент, 1890, 46 стр. (на узб. яз.); Пример острословия сартов. — ЗВОРАО, т. V, СПб., 1890 стр. 110—111; Сарты. Этнографические материалы Общий очерк. — Вып. I, Ташкент, 1890, 242 стр.; вып. II. Народные сказки сартов, 1892, 176 стр.; вып. III. Пословицы и загадки сартов, 1895, 174 стр., изд. второе дополненное (вып. I), Ташкент, 1896, 272 стр., изд. третье дополненное (вып. I), Ташкент, 1908, 288 стр.; Сказка о сове, сыче и филине.— Казань, 1890, 48 стр. (на узб. яз.); Аравия и Коран (Происхождение и характер ислама). Опыт исторического исследования.— Казань, 1891, 256 стр. (также изд. 1899 г.); Новые варианты сюжета о Полифеме (одноглазе). Киргизские рассказы. — «Этнографическое обозрение», М., 1891, № 9,

---

* Ср. Список печатных трудов Директора Туркестанской Учительской семинарии Н. П. Остроумова за время службы его в Туркестанском крае с 1877—1917 гг. — Б. м., б. г. (1917—1918?), 10 стр. (библиографическая редкость; в распоряжении составителя имеется экземпляр с собственноручной правкой и дополнениями Остроумова). Также: Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии после ее преобразования 1870—1892. — Казань, 1892, стр. 439—443 (биография Остроумова и список его печатных работ).

стр. 202—207; Отчет о раскопках курганов на Никифоровских землях вокруг Ташкента.— Отчет Археологической комиссии за 1882—1888 гг., СПб., 1891, стр. CXCIII — CXCIX; Пословицы и поговорки туземного населения Туркестанского края.— Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, I, Ташкент, 1891, стр. 3—67; Жизнь Колумба. — Ташкент, 1892, 83 стр. (на узб. яз.); Татаро-русский словарь. — Казань, 1892, 244 стр.; Археологическая находка (Чимкент, Сыр-Дарьинской области).— Газ. «Сын отечества», 13 июля 1893; Вторая песня о бывшем Кокандском хане Сейид Мухаммад Худояре. Текст и перевод с примечаниями. — ЗВОРАО, т. VII, СПб., 1893, стр. 51—62; Из археологической поездки в селение Мамаевку.— ТВ, 1893, № 50, 52; Сообщение о «Песне о Викторе-бае».— Археологические известия и заметки, т. I, М., 1893, стр. 148; Третья песня о Худояр-хане.— ЗВОРАО, т. VIII, СПб., 1894, стр. 129—136; Уложение Тимура (Тамерлана). Н. Остроумова.— Казань, 1894, 145 стр. Отдельный оттиск из журнала «Православный собеседник» за 1892 — 1893 г. (фототипическое переиздание: Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1968); Пословицы туземного населения Туркестанского края.— Ташкент, 1895, 48 стр.; Искандер-Зуль-Карнайн (Александр Македонский).— ПТКЛА, Год I, Ташкент, 1896, стр. 1—22; Песня-сатира «Виктор-бай».— ЗВОРАО, т. IX, СПб., 1896, стр. 87—92; Исторические сведения о городе Аулиеата.— ПТКЛА, Год II, Ташкент, 1897, стр. 3—5; Отзыв о краткой грамматике казак-киргизского языка, ч. I и II. Сост. доц. СПб. университета П. Мелиоранский. — ТВ, 1897, № 73; Стихи в честь месяца Рамазана (Текст и перевод). — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XIV, вып. 6, Казань, 1898, стр. 645—657; О пользе наук.— Ташкент, 1899, 16 стр. (на узб. яз.); Археологическая поездка в сел. Мамаевку Чимкентского уезда. Июнь 1893 г. (курганы: Караул-типя, Джуан-типя, Караспан и др.).— ПТКЛА, Год IV, Ташкент, 1889, стр. 118—137; Константин Петрович фон-Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. Остроумова.— Ташкент, 1899, 216 стр.; Из истории и быта прокаженных. — Литературный сборник в пользу прокаженных Туркестанского края.— СПб., 1900, стр. 16—40; История текста Корана.— ТВ, 1900, № 46, 47, 49, 51, 53, 55, 57, 60, 62, 66, 70; Описание археологической и нумизматической коллекции, принадлежащих Ташкентскому музею и Туркестанскому археологическому кружку. Составили Н. П. Остроумов и И. В. Аничков.— Ташкент, 1900, 47 стр.; А. С. Пушкин. Сказка о рыбаке и рыбке. — Ташкент, 1901, 10 стр. Перевод на узб. яз.; Друг прокаженных.— Ташкент, 1901, 94 стр. (на узб. яз.); Единицы ценности у первобытных народов.— ТВ, 1901, № 28, 29, 31 и 35; Л. Толстой. Чем люди живы. — Ташкент, 1901, 34 стр. Перевод на узб. яз.; От Ташкента до Самарканда. — Изд. второе, Ташкент, 1901, 24 стр. (на узб. яз.); Рассказ хаджия о путешествии

в Мекку в 1897 г.— Ташкент, 1901, 40 стр. (на узб. яз.); Коран и прогресс.— Ташкент, 1902, 248 стр.; Мухаммед-Мухитдин-Ходжа. — ТВ, 1902, № 28; Отчет Главного Комитета Туркестанского Благотворительного Общества за 30 лет (1873—1903). — Ташкент, 1903, 108 стр.; Отчет Туркестанской Учительской Семинарии за 25 лет ее существования (1879—1904).— Ташкент, 1904, 206 стр.; Мусульманская высшая школа (мадраса). — ЖМНП, Новая серия, ч. V, СПб., 1906, № 10, отд. 3, стр. 113—163; Мусульманские мактабы и русско-туземные школы в Туркестанском крае.— ЖМНП, Новая серия, ч. I, СПб., 1906, № 2, отд. 3, стр. 113—166; Народные сказки сартов. Изд. второе.— Ташкент, 1906, 171 стр.; Письмо о более легком способе обучения туземным языкам.— Сборник материалов по мусульманству, Ташкент, 1906; По поводу одного издания Н. С. Лыкошина. — ТВ, 1906, № 61; Сартские сказки. — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, Тифлис, 1906, XXXVI, отд. III, стр. 157—230; Сказки сартов в русском изложении. — Ташкент, 1906, 171 стр. (Рец.: «Этнографическое обозрение», М., 1907, № 1—2, стр. 227—231); Бухарские и Хивинские посольства в Россию и русские посольства в Бухару и Хиву. Историческая параллель. — ТВ, 1907, № 86, 89, 92, 96, 99—100; Из Дивана Мукыми, ферганского поэта. — Ташкент, 1907, 64 стр. (на узб. яз.); К вопросу о преподавании сартовского языка на местных курсах (Общая характеристика наречия сартов). — ТВ, 1907, № 41, 43, 46—48; К предстоящему годичному собранию Туркестанского педагогического кружка. — ТВ, 1907, № 62; Мадрасы в Туркестанском крае. — ЖМНП, Новая серия, ч. VII, СПб., 1907, № 1, отд. 3, стр. 1—58; Махтум-Кули. Мистические стихотворения.— Ташкент, 1907, 127 стр. (на узб. яз.); Новые данные о глиняных погребальных урнах. — ПТКЛА, Год XI, Ташкент, 1907, стр. 32—44 (также стр. 28—30); Виктор Романович Розен (некролог).— ТВ, 1908, № 10; Опыт систематического изложения главнейших начал шариата.— Ташкент, 1909, 68 стр. (на узб. яз.); Приключения царевича Санабаура. Перевод Н. П. Остроумова. — Записки РГО по отделу этнографии, т. XXXIV, Сборник в честь Г. Н. Потанина, СПб., 1909, стр. 309—358; Sine ira et studio.—ТВ, 1909, № 15; Исламоведение. I. Аравия — колыбель ислама. — Ташкент, 1910; Колебания во взглядах на образование туземцев в Туркестанском крае (Хронологическая справка). — «Кауфманский сборник», М., 1910, стр. 139—160; Одисеев Полифем в киргизских сказках. — «Средняя Азия». Ежемесячное литературно-историческое издание, Ташкент, 1910, март, стр. 61—64; Перевод и объяснение «Жалованной грамоты» Тимура, данной в 780 г. гиджры (соответ. 1378—1379 г. христ. эры) потомкам Абу-Муслима в Хорезме. — ТВ, 1910, №255; Правила охоты по шариату. — «Средняя Азия». Ежемесячное литературно-историческое издание, Ташкент, 1910, февраль, стр. 21—41; Разъяснение и дополнение к переводу «Жалованной

грамоты» Тимура. — ТВ, 1910, № 274; Этимология сартовского языка. Для курсов при Ташкентском отделении Общества востоковедения. — Ташкент, 1910, 112 стр. (на узб. яз.); Интересный документ, касающийся Андижанского восстания. — Вестник офицерской школы восточных языков, вып. 1, Ташкент, 1911; Современное правовое положение мусульманской женщины.—Казань, 1911; [Сосуды из Голодной степи].— ИАК, вып. 39 (прибавление), Пгр., 1911, стр. 29; Исламоведение. III. Коран. Религиозно-законодательный кодекс мусульман. — Ташкент, 1912, 160 стр.; Исламоведение. IV. Шариат по школе (мазхаб) Абу Ханифы. — Ташкент, 1912, 150 стр. Прилож. стр. 1—84; Мир ислама, его прошлое и современное положение. — ТВ, 1912, № 75, 80 85, 87, 91, 94, 95, 97, 98, 100; О наследовании у мусульман-суннитов. — Сборник постановлений шариата по семейному и наследственному праву, вып. I, СПб., 1912; Русские не выдумали слова «сарт» (По поводу заметки «Происхождение слова «сарт»).— ТВ, 1912, № 241; К истории мусульманского образовательного движения в России в XIX и XX столетиях. — «Мир ислама», СПб., 1913, Год II, вып. V, стр. 302—326; Памяти Арминия Вамбери. — ТВ, 1913, № 202; Исламоведение. II. Введение в курс исламоведения. — Ташкент, 1914, 215 стр.; Краткое сообщение о доставленном в Туркестанский музей надгробном памятнике из села Балыкчи Чимкентского уезда с надписью шрифтом более древним, чем арабский.— ПТКЛА, Год XVIII, Ташкент, 1914, стр. 57; Находка намогильного камня с неизвестными надписями в Аулиеатинском уезде. — ПТКЛА, Год XVIII, Ташкент, 1914, стр. 58; Последние по времени Шейхуль-Ислам и Казы-Калян города Ташкента, братья Ай-Ходжа (Сообщение Н. П. Остроумова). — ПТКЛА, Год XX, вып. I, Ташкент, 1915, стр. 11—14; Исламоведение. Догматы Корана. — М., 1916, 195 стр.; Развитие личности Мохаммеда, как материал для его биографии.— Журн. «Православный благовестник», 1916, июнь, июль, август и сентябрь; Краткие сведения о сохранении памятников и мечети Хазрета Ясави (г. Туркестан). — ПТКЛА, Год XXI, Ташкент, 1917, стр. 110—111; Объяснение к ярлыку Сейид-Мухаммед-Али, кокандского хана, известного в истории под именем «Мадали-хана» правившего Ферганой с 1822 года по 1842 год христ. эры.— ПТКЛА, Год XXI, Ташкент, 1917, стр. 86—88; О мусульманских тайных письменах «камсаля-табгиз». — ПТКЛА, Год XXI, Ташкент, 1917, стр. 71—85; Открытое письмо по вопросу о туземной газете.— ТВ, 1917, № 62; О чашах и кубках у азиатских преимущественно народов. — В кн.: В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели.— Ташкент, 1927, стр. 215—225.

Литература о Н. П. Остроумове: Остроумов Николай Петрович.— Энциклопедический словарь «Брокгауз-Ефрон», т. XXII, СПб., 1897, стр. 368 (также Новый энциклопедический словарь «Брокгауз-Ефрон», т. 29, стлб. 861—862); Остроумов Николай Петрович. — Большая эн-

циклопедия (Южакова), т. XIV, СПб., 1904, стр. 540; Рецензии на кн. Н. П. Остроумова «Сарты». Этнографические материалы, вып. I-III, Ташкент, 1890—1895 (также 2-е изд. 1896 г.): С. У-ц [С. Уманец], «Исторический вестник», СПб., 1891, № 9, стр. 751—752; А. П. [А. П. Пыпин], «Вестник Европы», 1891, № 1, стр. 441—444 (также 1893, № 5, стр. 438—441); В. Р. Р[озен], ЗВОРАО, т. VIII, СПб., 1893, стр. 168—169; Н. Ф. Катанов. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XIII,, вып. 6, Казань, 1896, стр. 555; «Русское обозрение», 1896, № 8, стр. 848—849; С. О.[льденбург], ЗВОРАО, т. IX, СПб., 1896, стр. 304—305; Рец.: Н. Остроумов. К истории народного образования в Туркестанском крае, Ташкент, 1899. — «Русская мысль», 1900, № 4, отд. 3, стр. 135—136; В. В. Бартольд. Н. П. Остроумов. Исламоведение. I. Аравия, колыбель ислама.— ЗВОРАО, т. XV, СПб., 1904, стр. 56—69 (В. В. Бартольд, Сочинения, т. VI М., 1966, стр. 333—341); А. Н. Самойлович. К вопросу о сартах. Рец. на кн.: Н. П. Остроумов. Сарты. Этнографические материалы. Общий очерк. Изд. третье, Ташкент, 1908. — «Живая старина», СПб., 1910, вып. 3, отд. 3, стр. 265—269; А. И. Добросмыслов. Ташкентская пресса. — «Средняя Азия», Ташкент, 1910, март, стр. 149 (подробная справка об Н. П. Остроумове); В. Б.[артольд]. О журнале «Средняя Азия. Ежемесячное литературно-историческое издание», Ташкент, 1910, январь-август. — ЗВОРАО, т. XX, вып. I, СПб., 1912, стр. 82—87; В. М.[арин]. Н. П. Остроумов, Коран. Религиозно-законодательный кодекс мусульман, ч. I, Ташкент, 1913.— «Исторический вестник», СПб., 1914, № 2, стр. 691—693; Ф. Киреев. Личный архив Остроумова. — «Вопросы истории», М., 1947, № 2, стр. 136—137; И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики.— М.— Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 184, 188—190; Н. А. Смирнов. Очерки истории изучения ислама в СССР.— М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 115, 118—120; Б. В. Лунин. Из истории русского востоковедения..., стр. 15, 43—44, 70, 106—107, 122, 146, 160, 164, 178, 183 188, 198, 226, 231—235; Он же. Научные общества Туркестана..., стр. 129—132, 136—138, 142—144, 151—156, 238—239; Он же. Средняя Азия..., стр. 35, 247—248; Очерки истории исторической науки в СССР.— III, М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 537, 538, 753; История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография.— М., Изд-во «Наука», 1965, стр. 506—507; И. Г. Спасский. Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Минц-кабинета — Отдела нумизматики.— «Нумизматика и эпиграфика», т. VIII, М., Изд-во «Наука», 1970, стр. 181; А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период.—Л., Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1972, стр. 4, 171—172 и др.; М. Е. Массон. Рудник погибели (Из истории первых лет деятельности Туркестанского

кружка любителей археологии). — Фрунзе, Изд-во «Кыргызстан», 1971, стр. 3—15;

Личный фонд Николая Петровича Остроумова: ЦГА УзССР, ф. 1009, оп. 1, д. 1—189. Часть архива Н. П. Остроумова хранится в ЦГА КазССР в Алма-Ате, а также в фонде редких книг и рукописей Государственной республиканской библиотеки КазССР им. А. С. Пушкина (ср. «Казахстан в рукописных материалах фонда редких книг и рукописей Государственной республиканской библиотеки им. А. С. Пушкина», Алма-Ата, 1966, ркп. № 1, 9, 10, 14, 15, 16, 18, 19, 35, 61). См. также: Воспоминания Николая Петровича Остроумова (автограф), стр. 30—53 (закончены написанием 4 июля 1928 г. в загородной даче под Ташкентом). («Из архива и книг Н. П. Архангельского», дар Архангельского Б. В. Лунину). Начало воспоминаний (стр. 1—29) хранится в архиве Остроумова. Существует дипломная работа Р. С. Чачхунашвили. Воспоминания Н. П. Остроумова, как исторический источник.— Истфак ТашГУ им. В. И. Ленина, Ташкент, 1963.

ПЕТР ИВАНОВИЧ ПАШИНО

ИЗВЕСТНЫЙ востоковед-—писатель и путешественник П. И. Пашино родился 5 февраля 1836 в семье певчего придворной капеллы. Отец умер, когда Пашино было два года, через семь лет он лишился матери и был принят в 1845 на казенный счет в казанскую гимназию, которую окончил в 1852. Уже на школьной скамье обратил на себя внимание востоксведа профессора Н. И. Березина способностями к изучению языков, в том числе восточных. По ходатайству гимназического начальства был принят на монголо-санскритское отделение историко-филологического факультета Казанского университета (затем перевелся на орабско-турецко-татарское отделение). По ликвидации преподавания в Казанском университете восточных дисциплин Пашино переехал в Петербург, где и завершил (1855—1856) свое образование. В Петербурге он сблизился с группой прогрессивно настроенных студентов и при посредстве одного из них познакомился с Н. А. Добролюбовым, которому был обязан выбором своего литературного псевдонима —«П. А. Шино».

По окончании университета вел археологические изыскания в Булгарах на Волге (Казанская губерния). Отчет Пашино о научной поездке был принят в качестве кандидатской диссертации. В 1857 Пашино поступил на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел, совмещая службу с литературными занятиями, что обусловило его общение с М. Л. Михайловым и Н. В. Шелгуновым, а позднее с братьями Курочкиными, Минаевым и др. Сотрудничал в «Современнике» Н. А. Добролюбова. Читал также курс экономической статистики Росси в Лесном и Межевом институтах, а в 1863—1865 курс древ-

ней и новой истории и географии Азии в Учебном Отделении восточных языков при Азиатском департаменте.

В феврале 1861 был командирован в Персию вторым секретарем посольства, с чего началось его практическое ознакомление с жизнью народов Востока. Пребывание в Персии нашло отражение в публикациях Пашино.

В феврале 1866 он был направлен в Туркестанский край в качестве драгомана (переводчика), состоявшего при флигель-адъютанте графе Воронцове-Дашкове, который расследовал некоторые неблаговидные действия генерала Черняева. Русское Географическое Общество снабдило Пашино при его отъезде своими изданиями «по Коканду и Ташкенту» и просило его доставлять возможные материалы о крае («обетованном крае повышений и отличий», как иронически будет писать о нем Пашино).

В отличие от большинства служивших в Туркестане чиновников Пашино и в Ташкенте, и в других городах, где он бывал по делам службы, живо интересовался экономикой и природными богатствами края, бытом местного населения, заводил дружеские знакомства с коренными жителями — узбеками, казахами, таджиками и др.

Властям поведение Пашино не нравилось. Туркестанский генерал-губернатор Романовский с раздражением говорил, что Пашино «скорее упрямый ученый, нежели дипломат», и жаловался, что он плохо выполняет поручения по службе. В беседах с жителями Ташкента Пашино критиковал действия колониальной администрации и злоупотребления чиновников, за что 24 июня 1866 был срочно выслан из Ташкента как «человек неблагонадежный и вредный для службы в Туркестанской области, по своим объяснениям и сношениям с туземцами, а равно и суждениям о делах здешнего края и лиц, здесь находящихся».

Для Русского Географического Общества Пашино составил «Записку о производительных силах Туркестанской области», извлечение из которой под заглавием «О фабричной и торговой деятельности в Туркестанской области» было помещено в «Известиях» Общества.

Вскоре тридцатилетний Пашино тяжело заболел, стал почти инвалидом (у него плохо действовали ноги и рука). Но и теперь он не оставляет научных занятий и пишет ряд очерков о производительных силах, промышленности и торговле Средней Азии, заканчивает книгу «Туркестанский край в 1866 году», изложенную ярко и образно, богатую фактическим материалом. Цензура поспешила убрать из рукописи книги все «нежелательные» листы, в которых сочувственно говорилось о коренном населении Средней Азии и критиковались действия колониальной администрации.

Работа Пашино состоит из двух частей: первая содержит собственно путевые впечатления, вторая — описание природных ресурсов края,

состояния земледелия, промышленности, торговли и соображения автора о будущности края.

С любовью писал Пашино о Средней Азии, о ее землях, дававших «при правильном уходе невероятные урожаи». Он уверенно высказался, в частности, за возможность разведения хлопчатника не только близ Ташкента и Чимкента, но и во всей долине Сырдарьи. Автор с уважением отзывался о нелегком, но искусном труде ремесленников, восторгался мастерством и художественным вкусом гончаров: «Нужно отдать справедливость, что здешние тарелки и блюда внешним видом нисколько не уступают нашему (русскому. —*Сост.*)... фаянсу: на них наведена цветная глазурь с черными рисунками разных фигур».

В то же время от зоркого глаза Пашино не ускользнуло бедственное положение ремесленников, засилье в кустарном производстве «капиталистов», т. е. людей, владевших деньгами и сырьем. Ограниченный спрос на изделия кустарной промышленности мешал ее развитию. Вообще, по словам Пашино, хозяйственная отсталость Средней Азии не соответствовала ее богатейшим природным ресурсам и возможностям. Одной из причин этого, по его мнению, был произвол бухарского эмира, хивинского хана и их слуг, нарочито державших народные массы в нищете и невежестве. Пашино приходил к выводу, что такая более развитая экономически и культурно страна, как Россия, обязана помочь народам Средней Азии преодолеть свою хозяйственную отсталость. Для этого нужны новые торговые пути, нужна забота о развитии местной экономики с тем, чтобы увеличить покупательскую способность населения. Туркестанский край, писал автор, нуждается не только в завозе русских товаров, но и в развитии на месте текстильных, кожевенных, стекольных и других фабрик и заводов. Край богат садами, славится прекрасным виноградом, замечательными арбузами и дынями. Здесь много лука, моркови. Но консервировать, сохранять овощи и фрукты надолго здесь не умеют. Население нуждается в получении технических знаний.

Пашино настойчиво отвергал ставший в его время традиционным взгляд на лень и инертность восточных народов — мнение, оправдывавшее политику европейских колонизаторов, которые якобы своей энергией будили «ленивый Восток». Отмечая трудолюбие узбеков, Пашино писал об их способности быть чрезвычайно энергичными и подчеркивал, что только поверхностному наблюдателю они могут показаться ленивыми.

В общем книга Пашино была одним из первых, наиболее серьезных исследований экономики и культуры Средней Азии, в том числе Узбекистана.

В 1869—1870 Пашино довелось еще раз побывать в Средней Азии в качестве переводчика персидского и таджикского языков. В Ташкен-

те в августе 1869 он встречался с выдающимся среднеазиатским мыслителем и писателем-просветителем Ахмадом Донишем (*см.*), о чем сохранилась запись в одном из недавно найденных сочинений Дониша. Дониш находился тогда в составе бухарского посольства, а Пашино был переводчиком во время посещений посольством представителей колониальной администрации.

В последующие годы Пашино жил в Петербурге. В 1872 он начал выпускать под своей редакцией востоковедческий журнал «Азиатский вестник». Однако первый же номер был конфискован властями, а сам журнал запрещен прежде всего из-за критических взглядов издателя на политику царских властей и западноевропейских государств в отношении восточных стран.

Пашино дважды совершил и описал путешествие в Индию по разным маршрутам, а затем осуществил кругосветное путешествие в качестве переводчика, сопровождавшего Е. А. Хлудова — сына московского миллионера.

И во время зарубежных поездок Пашино проявил себя как внимательный и зоркий наблюдатель. Так, в Бирме он отметил «совершенно естественное» недовольство народа Нижней Бирмы английскими колонизаторами.

По возвращении на родину Пашино перебивался «с хлеба на воду» случайными журналистскими заработками. «Я снова разбит на обе ноги,— писал он знакомому.— Все меня забыли, никого не вижу, в конуре моей ни чаю, ни сахару — вторую неделю не на что поесть... Дела из рук вон плохи... Чашу нищеты и бедствия пришлось выпить досуха». В 1886 Пашино попал на улице под копыта лошадей, был помещен в хирургическую больницу. Умер он 3 сентября 1891 в приюте для престарелых — нищий и всеми забытый.

Лишь в наши дни имя Пашино по праву привлекло внимание советских исследователей, высоко оценивших его трудную, но честную и полезную для народа жизнь ученого, писателя, путешественника.

Указатель публикаций П. И. Пашино: Е. И. Гиевушева. Забытый путешественник. Жизнь и путешествия Петра Ивановича Пашино. М., Географгиз, 1958, стр. 109—111.

Основные публикации П. И. Пашино по Туркестанскому краю: О фабричной и торговой деятельности в Туркестанской области (извлечение из «Записки о производительных силах Туркестанской области»).—ИРГО т. III, № 4, СПб., 1867 стр. 120—139; Туркестанский край в 1866 году. Путевые заметки.—СПб., 1868, 176 стр. (рец.: «Отечественные записки», 1869, № 2); Киргизский быт.—«Детское чтение», 1871, т. IV, № 7 (подпись: «П. А. Шино»); Куда направляются наши туркестанцы.—«Русские ведомости», М., 1878, № 178.

Литература о П. И. Пашино: П. И. Пашино (Некролог).—«Исторический вестник», 1891, т. XI стр. 801—802; Г. Жуков П. Пашино и остатки его воспоминаний.—«Этнографическое обозрение», кн. XXVI, М., 1895 № 3, стр. 193; И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики.— М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 129; Е. И. Гневушева. Путешествие П. И. Пашино по Персии и Индии.— Очерки по истории русского востоковедения, [I], М., 1953, стр. 96—121; Она же. Забытый путешественник. Жизнь и путешествия Петра Ивановича Пашино.— М., Географгиз, 1958, 112 стр.; П. И. Пашино.—БСЭ, т .32, М., 1955, стр. 254; К. Айни. Встречи Ахмада Дониша с П. И. Пашино.—«Народы Азии и Африки», М., 1963, № 3, стр. 144—146; С. А. Токарев. История русской этнографии [Дооктябрьский период].—М., Изд-во «Наука», 1966, стр. 337—338; Т. П. Луцкая. Русские путешественники в Бирме (конец XIX в.).— В кн.: История и источниковедение истории стран Азии и Африки, вып. II Л., Изд-во ЛГУ, 1968, стр. 104—114; С. И. Зайцев. Первая книга о Туркестане.—«Печать Узбекистана», Ташкент, 1968, № 10, стр. 42—43; Архив П. И. Пашино в составе собрания П. Я. Дашкова, оп. 2, № 192, 1833—1878 (ср. Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Указатель, т. II, Н—Я, М., 1963, стр. 61).

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ ПЕТРОВСКИЙ

ИЗВЕСТНЫЙ знаток Туркестана и собиратель восточных древностей Н. Ф. Петровский родился 30 ноября 1837, окончил 2-й Московский кадетский корпус, служил недолго в чине поручика в Астраханском гренадерском полку, был прикомандирован в 1859 к Александринскому сиротскому кадетскому корпусу в должности репетитора русского языка. 9 января 1861 вышел в отставку «по домашним обстоятельством», а в действительности «в связи с обвинением.., в числе других лиц, в противозаконных сношениях с лондонскими политическими изгнанниками». Решением Сената было определено «отставного штабс-капитана Петровского за недонесение о пребывании в Москве неосужденного государственного преступника Кельсиева... с знанием о преступных его замыслах, признать подлежащим заключению в крепости на один год». Впоследствии ему был зачтен срок «содержания в крепости во время производства... дела».

С 1 ноября 1865 Петровский работал в аппарате Государственного комитета (счетный чиновник, младший ревизор, экспедитор канцелярии), а 26 января 1870 был переведен на службу в Министерство финансов чиновником особых поручений и тогда же командирован в Туркестан в качестве торгового агента «от министерства». В 1874 он являлся членом-делопроизводителем «особого, под председательством сенатора Гирса, совещания для рассмотрения проекта положения об управлении Туркестанским краем»*.

* Архив востоковедов ИВ АН СССР, ф. 43, оп. 3, д. 4, л. 1, об. В марте 1882 Н. Ф. Петровский был назначен также вторым представителем от Министерства финансов в учрежденную при Военном министерстве комиссию по рассмотрению проекта

В функции Петровского, как посланца Министерства финансов, входило ознакомление с экономикой края, особенно с возможностями развития тех отраслей местного производства, за которыми могло быть признано существенное торгово-промышленное значение. Насколько серьезно отнесся Петровский к выполнению своей задачи, свидетельствует его прочно вошедший в литературу вопроса обстоятельный очерк (собственно отчет Министерству финансов) по шелководческому и шелкомотальному делу (1874). Очерк не лишен значения и в историко-этнографическом отношении, в чем, несомненно, сказалась склонность автора к научно-краеведческим наблюдениям. Это подтверждает, в частности, и факт опубликования Петровским в приложении к своему очерку-отчету текста «Туземного сказания о шелковичном черве».

В качестве члена Туркестанского отдела Общества для содействия промышленности и торговле Петровский, интересуясь вопросом, «какие товары привозились в Бухару и какие произведения Бухары заслуживают внимания русских торговцев», совершил в 1872 поездку в Бухару и Кашгар, где собрал сведения по вопроснику, рекомендованному отделом.

По должности финансового агента у Петровского возникли серьезные разногласия с всесильным туркестанским генерал-губернатором фон Кауфманом I и по настоянию последнего он был вынужден оставить службу в крае.

В последующем Петровский выполнял ряд поручений Министерства финансов по торговым и таможенным делам в разных районах страны. 1 июня 1882 он был переведен в ведомство Министерства иностранных дел и назначен консулом в Кашгар (Синьцзян). 14 марта 1895 последовало его назначение генеральным консулом в Кашгар; эту должность он занимал много лет.

По словам одного из его биографов, Петровский «стяжал себе славу первоклассного знатока восточного Туркестана. Прекрасное знание французского, немецкого, английского и турецкого языков, в связи с превосходной, бывшей у него библиотекой, помогало ему совершенно свободно разбираться в обширной литературе об этой стране и Средней Азии в частности».

Петровский первым приступил к систематическому собиранию древностей и обследованию памятников старины в Кашгарии, из года в год обогащая научные учреждения России ценнейшими материалами, привлекавшими внимание В. В. Бартольда, С. Ф. Ольденбурга, В. Р. Розена и др. Его пожертвования (рукописи, предметы древности) заняли видное место в коллекциях Эрмитажа, Азиатского музея, музея

Положения об управлении Туркестанским краем (там же, л. 3). Участвовал в ревизии края.

Русского Археологического Общества. Собранными материалами Петровский «заставил ученых обратить деятельное внимание на научные сокровища (Восточного) Туркестана, показав им, какая ждет их там богатая жатва» (С. Ф. Ольденбург). Он являлся одним из первооткрывателей древностей Синьцзяна. При этом Петровский не только оповещал о найденных им предметах, но и высказывал интересные соображения, возникавшие в результате его собственных научных наблюдений.

Издавая отрывки из собранных Петровским санскритских рукописей, Ольденбург указывал, что Петровскому вместе с поручиком Боуэром «принадлежит честь открытия нового поля исследований для филологов-индианистов и историков Средней Азии». В. Р. Розен говорил о Петровском как о «неутомимом нашем (Восточного отделения РАО.—*Сост.*) сотруднике, который исполнение своих служебных обязанностей с таким блестящим успехом умеет соединить с деятельностью на пользу науки».

В ученых кругах Петровский и был известен более всего именно в этой роли; в обиходе его так и звали —«кашгарский консул», «наш просвещенный консул», видя в нем как бы представителя русской науки (востоковедения) в Восточном Туркестане. К его компетентным советам обращались не только многочисленные отечественные, но и зарубежные ученые и путешественники, в том числе Свен-Гедин, де-Ба (Бай) и др.

Широкую известность и признание получили собранные Петровским при посредстве местных жителей древности Хотанского оазиса (главным образом в сел. Боразан к западу от г. Хотан, на территории древнего городища), образовавшие в своей совокупности богатейшее собрание. Они составляют большинство коллекций хотанских древностей Государственного Эрмитажа, дающей «ценнейший материал по истории древней культуры не только Хотана, но и всего Восточного Туркестана и сопредельных с ним стран, в частности Средней Азии». Предметы из хотанского собрания Петровского вошли в изданный недавно «Каталог хотанских древностей», хранящихся в Отделе Востока Эрмитажа.

Для историков, экономистов, статистиков и сейчас не утратили значения труды Петровского по современной ему Кашгарии.

В ближайшее время в Ленинграде должна быть издана принадлежавшая Петровскому коллекция резных камней.

Петровский оставил заметный след и в истории изучения Средней Азии, в том числе Узбекистана. С 26 февраля 1896 он состоял членом Туркестанского кружка любителей археологии, причем как человек свободомыслящий он, приветствуя начало деятельности кружка, подчеркивал вместе с тем, что кружок«должен быть... собранием свободно соединившихся лиц, посвящающих свое время или свой досуг

той или другой части восточной археологии...; никакое руководство административными или другими лицами... не может входить в круг его прав и обязанностей...; действительных любителей — через посредство властей не привлекают, они придут сами, если увидят, что дело пошло». Петровский возражал против § 5 устава кружка, предусматривавшего, что его членами не могут быть «подвергшиеся ограничению прав по суду». Петровский писал, что это ограничение «не отнимает у человека любви к возможности трудиться на научном поприще. Многие ссыльные в Сибири были членами Географического Общества и обогатили своими ценными трудами науку».

В заметке о начале города Ташкента (1892) Петровский проявил себя как дальновидный и вдумчивый краевед. Откликаясь на заметку Д. И. Яворницкого, основывавшуюся на извлечениях из восточных рукописей, фигурировавших в работах Френа, Григорьева и Тизенгаузена, Петровский предлагал прибегнуть для решения вопроса прежде всего к данным «арабских источников» касательно древних путей Средней Азии, «отметить их сведения на карте и тогда уже почти наверняка начинать с того, что в археологическом отношении представляет наибольший интерес». При этом Петровский весьма верно замечал, что «археологический же интерес представляют местности Средней Азии столько же за мусульманское, *сколько, если не больше, за время домусульманское*». Он говорил об Авесте (местность Канга), о памятнике Ахыр-Таш («вероятно буддийского времени») и т. д. Что касается Ташкента, то Петровский, насколько известно, первым предложил вести «розыски его древнего местоположения, попробовав сначала с (территории) нового города: (седловидный) холм на ярмарке в русском Ташкенте может послужить для этой цели (городище Минг-Урюк)».

В 1894 Петровский издал книгу «Древние арабские дорожники по среднеазиатским местностям.. Пособие для разыскания древних путей и местностей». Книга представляла собой перевод извлечений из сочинения Шпрингера («Die Post und Reiserouten des Orients») и ставила своей целью дать любителям археологии, живущим в Средней Азии, руководство к указаниям арабских писателей, дабы открыть древние пути и местности.

На изданные Петровским «Древние арабские дорожники» отозвался пространной и взыскательной рецензией В. В. Бартольд, а также В. Р. Розен, говоривший, что востоковедам остается только благодарить Петровского за то, что он «положил начало осуществлению заветной их мысли», зародившейся еще при В. В. Григорьеве: подготовить и издать сборник арабских показаний о среднеазиатских землях с более или менее подробным комментарием. Розен одобрил, что свои извлечения Петровский сделал из авторитетного издания Шпрингера, но сожалел о том, что они оказались снабженными лишь немногими

примечаниями. По словам И. Ю. Крачковского, «в арабистике Петровскому принадлежит очень интересный и важный опыт обработки материалов, собранных Шпренгером». Автор «здраво понимал изучение исторический географии края с учетом потребностей современности.. Если это пособие быстро устарело, то главным образом благодаря прогрессу наших знаний за истекшие полвека. Переработка его с привлечением новых открытий и теперь была бы полезна».

В 1894 же Петровский опубликовал несколько дополнений и поправок к тексту статьи В. В. Бартольда «О христианстве в Туркестане в до-монгольский период» и разъяснение нескольких слов из так называемой «второй песни» о Худояр-хане.

В 1896 Петровский напечатал рецензию на публикацию Сер-Али Лапина (в последующем известного буржуазного националиста), содержавшую переводы с надписей на архитектурных сооружениях Самарканда. Петровский подверг эти переводы суровой критике, указав, что для ученых переводы без воспроизведения подлинников надписей неприемлемы, тем более имея в виду заявление Лапина, что эти надписи «трудно поддаются ныне прочтению», а переводчик «по возможности придерживался подлинников». Далее Петровский отмечал ряд сомнительных мест в лапинских переводах, наличие явной путаницы в датах, неудовлетворительность примечаний, нечеткость формулировок («написано по-куфически», тогда как «куфический» это не язык) и т. п.

Примечателен ход изысканий Петровского о башне (минарете) Бурана. В старинной рукописи «Тарих-и Рашиди» он встретил указание на наличие в долине Чу, в местности Бурана («башня») памятников древности, в том числе гумбаза и плиты с надписью о погребении имама Мухаммеда из города Баласагуна. Сопоставив эти данные с данными двух других рукописей, исследователь занялся вопросом локализации Бураны и Баласагуна и поисками места нахождения памятников. «Необходимо по этому поводу отметить, что вся конструкция текста в том виде, как его перевел Н. Ф. Петровский, настолько точно соответствует традиционной и часто встречаемой форме арабских надгробных надписей, что можно было бы русский перевод заменить предположительным арабским текстом» (В. А. Крачковская).

В 1899 Петровский представил соображения некоторых кашгарских мирз касательно чтения надписи на самаркандском дирхеме, изданном Бартольдом, в частности слов «сафиль» и «альвон».

Опубликованные Петровским «Очерки Коканского ханства» строго научного значения не имели. Они основывались на записках Бабура, данных путешествия Федченко, работах других современных авторов и т. п. Наиболее интересны в очерках «родословная табличка коканских ханов», составленная Петровским «по местным распросам», и его

критические замечания в адрес колониальных властей касательно системы податного обложения и др. В связи с этими замечаниями очень интересен тот факт, что широко известная в свое время книга Скайлера «Turkestan», содержавшая критическое обозрение положения дел в Туркестане и оставшаяся не переведенной на русский язык по цензурным обстоятельствам, как оказывается, «почти всецело обязана своим возникновением Н. Ф. Петровскому. Покойный профессор... В. В. Григорьев вскоре после появления этой книги заметил, при встрече с Н. Ф., что он недавно прочитал его книгу под псевдонимом Скайлер» (А. А. Семенов. ТВ, 1902 № 103).

Сейчас содержание собственно исторических статей Петровского «устарело в связи с поступательным развитием знаний... В то же время его консульские отчеты и «Очерки Кокандского ханства» сохраняют известное значение в качестве вспомогательных исторических пособий и источников о внешнеполитических и торговых связях (местного населения) в ханский и последующий колониальный периоды истории Средней Азии (В. Я. Галицкий, в кн. «Русские путешественники и исследователи о киргизах...»).

Из ранних публикаций Петровского по Средней Азии до сих пор не утратила значения работа «Материалы для торговой статистики Туркестанского края».

В связи с оставлением Петровским службы в Кашгаре по болезни он был по предложению В. Р. Розена единогласно рекомендован Восточным отделением к избранию в почетные члены Русского Археологического Общества. Состоял Петровский и почетным членом Русского Географического Общества.

По выходе в отставку он жил в Ташкенте, являя собою «фигуру весьма колоритную на фоне тогдашнего.. Ташкента, оставившую значительный след в истории русского востоковедения не столько своими работами, сколько темп замечательными коллекциями.., которые поступили от него в эрмитажные собрания Петербурга» (А. А. Семенов). Действительно, Петровский не оставил после себя большого количества печатных работ. «Как все люди действия, он писал мало; исследования и статьи его, собранные вместе, составляют не более одного тома» и тем не менее «он был большой человек, из числа тех, чье имя остается и память о которых живет и после смерти в делах их и у людей, которые их знали» (С. Ф. Ольденбург).

Скончался Петровский в Ташкенте 19 ноября 1908. Незадолго до смерти он в письме на имя секретаря ВОРАО «выразил намерение принести в дар музею Общества все свое собрание древностей», что и было исполнено наследниками покойного. Древности поступили в музей Общества в составе нескольких сот предметов. Давая общий их обзор, Ольденбург особо отмечал собрание деревянных дощечек с письменами

карошти, изделия из резного дерева, терракотовые поделки, сосуды, скульптурные фрагменты и др.

В числе бумаг, оставшихся после смерти Петровского, были найдены ценные и любопытные материалы, собранные им путем записей рассказов местных жителей или представляющее собою записи, сделанные ими самими по просьбам и рекомендации Петровского.

Как пишет об этом сам исследователь, «во время пребывания своего в Туркестанском крае и частых по нем разъездов я имел возможность сталкиваться и сближаться со многими личностями, игравшими весьма значительную роль в последних исторических событиях в Средней Азии. Личности эти — владетели независимых бекств, бывшие чиновники и приближенные бухарских эмиров и кокандских ханов — знающие всю подноготную... Сближаясь с этими деятелями, я имел возможность... в беседах узнать много такого о недавнем прошлом Средней Азии, чего при других условиях и другим лицам достать несомненно труднее. Безискусственные рассказы этих деятелей отживающей эпохи, лично мною записанные, а также подлинные рукописи некоторых из означенных лиц, написанные по моему настоянию и мне подаренные, я не имел намерения печатать до того времени, пока из всего имеющегося в моих руках и еще ожидаемого материала не соберется чего-нибудь последовательного целого».

Архив Петровского хранится в основном в Архиве востоковедов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР.

Указатель публикаций Н. Ф. Петровского: Материалы для торговой статистики Туркестанского края.— Отчет Министерству финансов агента в Туркестанском крае. вып. 7, Ташкент, 1873, 12 стр., 14 табл.; Шелководство и шелкомотание в Средней Азии.— СПб., 1874 (книга была переиздана в 1900 г.: «Труды Кавказской шелководственной станции», Тифлис, вып. 5—11, Приложение, стр. 1—108); Очерки Коканского ханства.—«Вестник Европы», 1875, кн X (октябрь), стр. 722—757; Учено-торговая экспедиция в Китай в 1874—1875 гг.—«Русский вестник», т. 135, № 5, 1878, стр. 101—121; Отчет консула в Кашгаре за 1885 год. Краткий обзор Восточного Туркестана.— Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XXII, СПб., 1886, стр. 1—61; Заметка по поводу статьи (Д. И. Эварницкого) «К вопросу о начале города Ташкента».— ТВ, 1892, № 44; Сообщение Н. Ф. Петровского о буддийских памятниках в Кашгаре.— ТВ, 1892, № 43; Библиографическая заметка (Д. И. Эварницкий — Путеводитель по Средней Азии от Баку до Ташкента в археологическом и историческом отношении»).—ТВ, 1893, № 67; Буддийский памятник близ Кашгара.—ЗВОРАО, т. VII, СПб., 1893, стр. 298—301; Загадочные яркендские монеты.—ЗВОРАО, т. VII, СПб., 1893, стр. 307—310 (также стр. VI).

О древностях Кашгара Доклад. Заседание ВОРАО 16 февраля 1893 г.— Археологические известия и заметки, т. I, М., 1893, стр. 148; Ответ консула в Кашгаре Н.Ф.Петровского на заявление С. Ф. Ольденбурга. Январь 1892 г.—ЗВОРАО, т. VII СПб., 1893, стр. 293—298; Н. Ф. Петровский. Башня «Бурана» близ Токмака.— ЗВОРАО, т. VIII, 1893—1894, СПб., 1894, стр. 351—354 (Перепечатано из «Туркестанских ведомостей» 7 апреля 1894 г., № 25); К статье В. Бартольда «О христианстве в Туркестане».—ЗВОРАО, т. VIII СПб., 1894, стр. 150—151; Еще заметка к статье В. Бартольда «О христианстве в Туркестане».— ЗВОРАО, т. VIII, СПб., 1894, стр. 354—358; Разъяснение к двум местам второй песни о Худояр-хане.—ЗВОРАО, т. VIII, СПб., 1894, стр. 151; Что такое древние развалины близ Токмака с башнею, известною под названием «Бурана»?— ТВ, 1894, № 25 (также ЗВОРАО, т. VIII, СПб., 1894, стр. 351—354); Древние арабские дорожники по среднеазиатским местностям... Извлечение из сочинения Sprengera «Die Post und Reiserouten des Orients». Пособие для разыскания древних путей и местностей. Ташкен, 1894, 60 стр; Заметки о древностях Кашгара.—ЗВОРАО, т. IX, СПб., 1896, стр. 146—155; Перевод надписей на исторических памятниках г. Самарканда С. А. Лапина (Библиографическая заметка).—ТВ, 1896, № 13; В археологическом обществе.— ТВ, 1897, № 22; Голодная степь. Орошение.— ТВ, 1897, № 72; Доклад Н. Ф. Петровского 25 февраля 1897 в ЗВОРАО об условиях собирания им древностей в Кашгаре и демонстрация коллекции.— Археологические известия и заметки М., № 3, М., 1897, стр. 92—93 (также «Новое время», № 7546, 1897); Землетрясение в Кашгаре 10 июня 1899 г.— ИРГО, т. XXXIV, вып. 3, СПб., 1898; Несколько дополнительных и разъяснительных замечаний по сообщению Н. И. Веселовского «Воспоминания одного современника о Якуб-Беке Бадаулете».—ЗВОРАО, т. XI, СПб., 1899, стр. III; О месте будущего Археологического съезда.— ТВ, 1899, № 79; Сообщение о соображениях некоторых кашгарских мирз относительно чтения надписи на самаркандском дирхеме, описанном В. В. Бартольдом.—ЗВОРАО, т. XII, СПб., 1899, стр. XX—XXII; Сообщение об обстоятельствах собирания [Петровским] коллекции древностей.—ЗВОРАО, т. XI, СПб., 1899, стр.1; О слове «Сафиль».—ЗВОРАО, т. XII, 1900, стр. XXI; Донесения генерального консула в Кашгаре Н. Ф. Петровского о землетрясении 1902 г.—ИАН, V серия, т. XVII, № 3, СПб., 1902, стр. XVII—XX; № 4, стр. XXVII—XXVIII; № 5, стр. XLVIII—LI; Заметка [О бугре Канка].— ТВ, 1905, № 57 (поправка в № 58: см. также № 55); Заметка [об орудиях каменного века].—ТВ, 1906, № 176; Заметка [О мечети Ходжи Ахмеда Ясеви в г. Туркестане].— ТВ, 1906, № 82; По поводу «Исторической справки» (В. Вяткина).—ТВ, 1906, № 94; Краткие сведения о лицах, имевших отношение ко времени Кашгарского владетеля Бек-Кулибека.—ПТКЛА, Год XXI, Ташкент, 1917, стр. 89—99.

Литература о Н. Ф. Петровском: В. П. Васильев. О снимке с китайской надписи, полученном Академией от российского консула в Кашгаре г. Петровского.—Записки Академии наук, т .IV, кн. I, СПб., 1887, стр. 98—105 (Донесение, читанное в заседании историко-филологического общества 28 октября 1886 г.); Доклад С. Ф. Ольденбурга «О геммах Петровского» в заседании ВОРАО 14 октября 1894 г.—Археологические известия и заметки, т. II, № 11, М., 1894, стр. 366; С. Ф. Ольденбург. Отрывки кашгарских санскритских рукописей из собрания Н. Ф. Петровского.— ЗВОРАО, т. VIII, СПб., 1894, стр 47; В. В. Бартольд. О кн. Н. Ф. Петровского «Древние арабские дорожники», Ташкент, 1894.—«Окраина», 1895, № 40—41; Рассмотрение присланной Н. Ф. Петровским коллекции древностей из Кашгара. Бронзы и терракоты. Заседание ВОРАО 20 января 1895 г.— Археологические известия т. III, № 2—3, М., 1895, стр. 72—73; В. В. Розен. Н. Ф. Петровский. Древние арабские дорожники по среднеазиатским местностям..., Ташкент, 1894.—ЗВОРАО, т. IX, СПб., 1895, стр. 296—296; Г. Кизерицкий. Хотанские древности из собрания Н. Ф. Петровского.— ЗВОРАО, т. IX, СПб., 1896, стр. 167—190; С. Ф. Ольденбург. Отзыв о собрании кашгарских рукописей Н. Ф. Петровского.— Протоколы заседаний ист.-филолог. отд. ИАН за 1897 г., СПб., (Протокол VIII, 7 мая, Приложение III); С. С. [С. Слуцкий]. Кашгарские собрания Н. Ф. Петровского (Эрмитаж и Академия наук).—Археологические известия и заметки, т. VI, № 1, М., 1898, стр. 24—25; С. Ф. Ольденбург. Два хотанских изображения Майтрея. Из собрания Н. Ф. Петровского.— ЗВОРАО, т. XII, СПб., 1900, стр. 106—109; А. Се[м е н]ов. Памяти Николая Федоровича Петровского (По случаю полугодовщины со дня его смерти).—ТВ, 20 мая 1902, № 103; [Дар Н. Ф. Петровского ТКЛА — собрание тюркских рукописей —«рисаля»].— ТВ, 1907, № 66; Некролог (Н. Ф. Петровского).—«Исторический вестник», СПб., 1909, № 1, стр. 424—425; С. Ф. Ольденбург. О научном значении коллекции Н. Ф. Петровского.— ЗВОРАО, т. XIX, СПб., 1909, стр. XXV—XXVII; С. Ф. Ольденбург. Памяти Н. Ф. Петровского.— ЗВОРАО, т. XX, СПб., 1911, стр. 1—8; А. А. Семенов. Николай Федорович Петровский.—«Этнографическое обозрение», т. LXXIX, № 4, М., 1908, стр. 201—204; Он же. Памяти Николая Федоровича Петровского.— ТВ, 1909, № 103; Мусульманские рукописи, вновь поступившие в Азиатский музей в 1909—1910 гг.— ИАН, VI серия, т. V, № 4, СПб., 1911, стр. 251—265 (коллекции Н. Ф. Петровского) и др.; также «Melanges asiatigues»; В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан. Август-декабрь 1920 г.— ИРАН, VI серия, т. XV, Пгр., 1921, стр. 209—210 (о восточных рукописях из собрания Н. Ф. Петровского); В. А. Крачковская. Эпиграфика Средней Азии (Пионеры эпиграфики. Туркестанский кружок любителей археологии).—«Эпигра-

фика Востока», VII, М.—Л., 1958, стр. 54, 61; А. А. Семенов. Нечто о среднеазиатских геммах, их любителях и собирателях (Из воспоминаний прошлого).— Известия Отделения общественных наук АН Тадж-ССР, вып . 14, Душанбе, 1957, стр. 150—151; Б. В. Лунин. Из истории русского востоковедения... стр. 75, 153—154, 175; Он же. Средняя Азия..., стр. 226—227; Н. А. Петров. Научные связи между востоковедами и путешественниками-географами в конце XIX и начале XX в.—В кн.: Страны и народы Востока, вып. I. География, этнография, история.—М., ИВЛ, 1959, стр. 258—259 (Н. Ф. Петровский); В. Н. Дьяконова и С. С. Сорокин. Хотанские древности. Каталог хотанских древностей, хранящихся в отделе Востока Государственного Эрмитажа. Терракота и штук. Под общей ред. Б. Б. Пиотровского.—Л., Изд-во Гос. Эрмитажа. 1960, 126 стр.; А. Я. Борисов и В. Г. Луконин. Сасанидские геммы.—Л., Изд-во Гос. Эрмитажа, 1963 (№ 18, 32, 38 и др.); Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР.— Ч. II, М., 1964, стр. 142 (Поступление в Азиатский музей в 1909 г. 29 восточных рукописей, собранных Н. Ф. Петровским); Г. М. Бонгард-Левин и Э. Н. Темкин. Фрагмент неизвестной рукописи «Саддхармапундарики» из коллекции Н. Ф. Петровского.—В кн.: «Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона», М., ГРВЛ, 1968, стр. 439—451; Г. М. Бонгард-Левин. Два новых фрагмента «Саддхармапундарики» (Предварительное сообщение).—В кн.: Индийская культура и буддизм. Сб. статей памяти акад. Ф. И. Щербатского.—М., ГРВЛ, 1972, стр. 187—191; И. Г. Спасский. Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Минцкабинета — Отдела нумизматики.—«Нумизматика и эпиграфика», т. VIII, Л.—М., Изд-во «Наука», 1970, стр. 181, с портр.; Русские путешественники и исследователи о киргизах. Под ред. доктора ист. наук Б. В. Лунина.—Фрунзе, Изд-во «Илим», 1973, стр. 67—68.

Личный архив И. Ф. Петровского: Архив востоковедов, ЛОИВ, АН СССР, ф. 43, 216 ед. хр., 1867—1909, описи 1 (Труды Петровского, материалы к его собирательской деятельности, газеты и вырезки из них), 2 (Переписка), 3 (Материалы о служебной деятельности Петровского). Ср.: Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР, Указатель, т. II, Н—Я, М., 1963, стр. 70. Дополнение: Н. Ф. Петровский. Моя поездка в Бухару. Путевые наблюдения и заметки.—«Вестник Европы», март 1873, стр. 223—231.

ЕВГЕНИЙ ДМИТРИЕВИЧ ПОЛИВАНОВ

ВЫДАЮЩИЙСЯ лингвист Е. Д. Поливанов родился 28 февраля 1891 в Смоленске в семье служащего. Близкими семье Поливановых людьми были известный педагог В. П. Вахтеров и видный ученый профессор Н. И. Кареев.

В 1908 Поливанов окончил Александровскую гимназию в Риге и поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, где его ближайшими учителями стали И. А. Бодуэн де Куртенэ («со второго курса, — писал позднее Поливанов, — мое мировоззрение (было) обусловлено влиянием моего учителя Бодуэна де Куртенэ — по убеждениям интернационалиста-радикала») и Л. В. Щерба. По окончании в 1912 университета (одновременно он учился в Восточной практической академии по японскому разряду) Поливанов был оставлен на кафедре сравнительного языковедения (числясь также оставленным на кафедре тибетского языка факультета восточных языков). С 1914 он — приват-доцент восточного факультета университета по японскому языку.

В предвоенные годы появляются и первые печатные работы Поливанова. В 1914 и 1915 он совершил научные поездки в Японию, где написал диссертацию «Психофонетические наблюдения над японскими диалектами». Уже тогда проявилась глубокая эрудиция Поливанова в области японской диалектологии и исторической фонетики японского языка. Занимался он также китайским языком и языком дунган.

С началом первой мировой империалистической войны проявились антивоенные настроения Поливанова. За опубликование антимилитаристской пьесы он подвергался аресту.

В те годы Поливанов увлекся вопросами поэтики, сблизившись на этой почве с группой молодых лингистов и литературоведов. Он принимал активное участие в создании и деятельности «Общества по изучению поэтического языка».

В студенческие годы Поливанов был подвержен резким политическим колебаниям, в том числе вправо. Однако революцию 1917 встретил восторженно («как революцию труда. Я приветствовал именно свободный любимый труд, который для меня стал рисоваться полезным именно в революционной обстановке»). Он работал в Кабинете военной печати при Всероссийском Совете крестьянских депутатов, сотрудничал в «Новой жизни». После Октября Поливанов сотрудничал в Министерстве иностранных дел (впоследствии НКИД), участвовал в опубликовании тайных договоров и соглашений царского правительства, вел политработу в Петрограде среди членов китайской коммунистической ячейки и обучал их русскому языку. Он был одним из организаторов «Союза китайских рабочих» и редактором первой китайской коммунистической газеты. В 1918 являлся членом Петросовета.

В 1919 Поливанов был избран профессором факультета общественных наук Петроградского университета. В том же году вступил в Коммунистическую партию («Я был привлечен в ряды революционных большевистских работников верой в революцию, верой в это правильное дело»). «После революции, — отмечает В. Б. Шкловский, — Поливанов стал большевиком и поссорился на том с либеральной профессурой... Спорил с Марром во имя марксизма». В 1921 Поливанов — заместитель заведующего Дальневосточной секцией Комминтерна и преподаватель университета трудящихся Востока (КУТВ).

Крупнейшие заслуги Поливанова как ученого лингвиста общеизвестны. По словам современного исследователя, замечательный советский лингвист проф. Е. Д. Поливанов принадлежал к числу тех языковедов, которые «в 20—30-е годы стремились, используя наследие лучших русских и зарубежных ученых, выработать теоретические принципы советского языкознания и применить их к исследованию различных языков и к решению задач, выдвигаемых общественной практикой» (Вяч. Вс. Иванов). Лично знавший Поливанова писатель, воспитанник философского факультета Петербургского университета и историк литературы Вениамин Каверин в полном согласии с общепринятым мнением говорит о Поливанове как об ученом, оставившем «глубокий след в мировом языкознании..., знавшем лингвистически не меньше тридцати пяти языков, написавшем грамматику японского, китайского, бухаро-еврейского, дунганского, мордовского, [узбекского], туркменского, казахского, таджикского языков», успевшим «напечатать лишь двадцатую часть своих работ в то время, когда едва ли не каждая его фраза может быть развернута в принципиально новую теоретическую

работу» и «оставившем, несмотря на необычайно сложную... жизнь, более ста научных работ, в том числе семнадцать книг».

Примечательно, что уже в первых своих работах Поливанов придавал значение социальному характеру фактов языка, будучи в то же время приверженцем психологической терминологии (фонемы — «звукопредставления», финология — «психофонетика», в чем сказывались взгляды его учителя Бодуэна де Куртенэ, хотя и у последнего психологические формулировки не отражались существенно на теоретическом содержании его работ).

Для послеоктябрьских работ Поливанова особенно характерно стремление к изучению языка как социального явления (язык «именно лишь коммуникация, необходимая для связанного кооперативными потребностями коллектива»). Он придавал большое значение влиянию на язык социально-экономических факторов, возражая в то же время против вульгаризаторских попыток истолкования фонетических и грамматических явлений как результата непосредственного воздействия этих факторов (взгляды яфетидологов и др.). Решение проблмы, утверждал Поливанов, должно строиться не на основе социологизаторских умозаключений, а на основе строгого изучения и обобщения реальных фактов. Соответственно этому Поливанов стремился сочетать свои лингистические исследования с этнографическим изучением народов, чьи языки находились в орбите его научных интересов. Цель лингвистики — объяснение причин языковых явлений в историческом освещении.

В научной и общественной биографии Поливанова большое место занимает пребывание в Узбекистане и Киргизии и связанный с этим среднеазиатский цикл его научных публикаций.

В 1921 Поливанов по линии Коминтерна был командирован в Ташкент, где задержался из-за болезни жены. Здесь с присущей ему энергией и размахом он быстро входит в научную жизнь Советского Туркестана, принимая деятельное участие в местном научном и культурном строительстве. Замечательный полиглот, Поливанов проявляет себя теперь и как отличный знаток языков Средней Азии, местных народных говоров, причем, «отличаясь исключительным слухом, отмечал тончайшие нюансы произношения» (В. В. Решетов).

В Ташкенте Поливанов вел преподавательскую работу в Туркестанском восточном институте (затем на восточном факультете САГУ), В августе 1921 он был назначен заместителем председателя Государственного Ученого Совета (ГУС) НКП ТАССР, ведавшего, в частности, делом подготовки программно-методических документов и учебников для сети национальных советских школ республики (позднее Поливанов был членом научно-педагогической комиссии и председателем лингвистической комиссии ГУСа). С этой стороной деятельности Полива-

нова связана подготовка им к печати учебника узбекского языка для русских («Введение в изучение узбекского языка»), русского букваря для нерусских детей Туркестана (совместно с Л. И. Пальминым) и др.

Главным образом стараниями Поливанова в мае 1922 была образована Туркменская научная комиссия ГУСа, трудами которой «было составлено, переведено и рассмотрено несколько учебников на туркменском языке».

Вместе с А. Э. Шмидтом (*см.*), П. А. Фалевым и другими учеными— Поливанов принял активное участие в подготовке и осуществлении созыва в начале 1922 съезда узбекских работников культуры и просвещения, обсудившего важнейшие вопросы методики учебной и общекультурной работы, орфографии, терминологии, выпуска учебной литературы и др. На съезде вспыхнула дискуссия по вопросу об орфографии узбекского языка. Вопреки точке зрения меньшинства съезда, отстаивавшего старое правописание, большинство участников («реформистов») настояло на принятии решения о реформе орфографии узбекского языка на основе реформы арабского алфавита (изъятие лишних букв, не имеющих соответствия в узбекском языке, и т. п.) и в дальнейшем на основе алфавита латинского. Одним из трех основных докладчиков-«реформистов» был Поливанов. Следующие слова самого Поливанова ярко иллюстрируют общую правильность занятой им по тем временам позиции в вопросах реформы письменности народов Средней Азии (в разработке принципов и путей осуществления этой реформы Поливанов принимал самое деятельное участие): «Для тюркских письменностей, в частности узбекской, потребность упрощения более значительна, чем для русской при старой орфографии, разрешение же проблемы также связано с нежелательностью полного разрыва с традиционной письменностью.., поскольку для тюркских народов болезненно было бы порвать с арабским алфавитом... Идеальным, с педагогической точки зрения, является такой алфавит, где каждый знак соответствует только одному представлению звука языка или один звук языка не выражается двумя записями. Достижение этого идеала... и должна иметь турецкая (тюркская) письменность... Мыслится возможным проведение указанного принципа при пользовании латинским алфавитом с необходимыми дополнениями».

В деле создания унифицированного алфавита для тюркских языков Поливанову прежде всего принадлежит заслуга окончательного формулирования принципов: а) статического тождества звуковых значений буквы, б) этимологического тождества звуков, изображаемых данной буквой. В период перехода на латинскую графическую основу алфавита эти принципы были признаны основополагающими.

Плодотворное участие Поливанова в реформе алфавита научная общественность оценила по достоинству. Он был активным участником

I—III пленумов Всесоюзного Центрального Комитета нового тюркского алфавита и в 1928 вошел в состав Комитета. Принимал Поливанов участие и в подготовительных работах по национально-территориальному размежеванию Средней Азии (доклады о лингвистической переписи народов Туркестана и др.).

В 1922 Поливанов являлся членом редакционной коллегии и одним из авторов журнала «Наука и просвещение» (Ташкент). В 1925 он, помимо языковедческих предметов, читал на восточном факультете (по кафедре этнографии и антропологии) курс общей этнографии. Среди учеников Поливанова были известные в последующем языковеды В. В. Решетов, К. К. Юдахин и др. В 1926 Поливанов — участник I тюркологического съезда в Баку. Из Баку выехал во Владивосток, вернувшись откуда с 1 августа был вновь утвержден профессором востфака САГУ. Но в том же 1926 Поливанов переехал в Москву по приглашению Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). В Москве он работал в Институте языка и мышления (лингвистическая секция), в Институте востоковедения, КУТВе (секция родных языков), в Институте языка и литературы и (с 1927) председателем лингвистической секции РАНИОН. Для аспирантов в системе РАНИОН Поливанов вел курсы сравнительного изучения турецких языков, сравнительной фонетики тибето-китайских языков, описательной грамматики японского, рюкюского языков и др.

В 1926 Поливанов стал в резкую оппозицию к так называемому «новому учению о языке» (включая четырехэлементный анализ) акад. Н. Я. Марра, что осложнило и затруднило общественно-литературную деятельность Поливанова, сделав его объектом ожесточенных, зачастую предвзятых и необоснованных нападок со стороны отдельных «ортодоксальных» приверженцев этого учения. Ярлыки «идеалиста», «антимарксиста» на продолжительное время закрепились за ученым.

В 1929 он по приглашению Наркомпроса УзССР возобновил работу в республике, которую до этого посещал летом каждого года с целью изучения узбекских диалектов.

Живя в Самарканде, Поливанов организует ряд экспедиций по городам и кишлакам Узбекистана для сбора материалов по языку и литературе, жизни и быту населения. В ноябре 1931 он приступил к работе в секции языкознания Научно-исследовательского института культурного строительства, вел здесь занятия с аспирантами. В мае 1932 Поливанов — участник экспедиции Терминологического комитета, организованной проф. Гази Алим Юнусовым в составе Поливанова, Х. Зарифова, С. Зафурова, Т. Ибрагимова, К. Рамазанова и др. (Чирчикский и Ахангаранский районы и Ферганская область). В последую-

щие годы он совершает поездки в Шават, Кунград, Шахрисабз и другие пункты для изучения узбекских народных говоров.

О роли Поливанова в описании и классификации узбекских народных говоров свидетельствует протокол объединенного заседания секций лингвистики, литературы и этнографии Узбекского государственного научно-исследовательского института. На заседании присутствовали А. Н. Самойлович, Е. Э. Бертельс, Л. В. Щерба и другие филологи, прибывшие в Самарканд в связи с подготовкой комплексной экспедиции Иннарвоса (Института народов Востока) в Узбекистан. В протоколе зафиксировано обсуждение вопроса об определении наиболее интересных в языковом отношении районов Средней Азии; решающими при этом оказались рекомендации Поливанова.

Последующие годы жизни (с 1934) Поливанов провел в Киргизии, где продолжал интенсивную научную деятельность, сотрудничая в Киргизском Институте культурного строительства (позднее — языка и письменности) и ведя преподавательскую работу в педагогическом институте. В Киргизии его интересовали в первую очередь изучение киргизского и дунганского языков, а также этнография и фольклор (включая эпические произведения о Манасе).

В публикациях 30-х годов, посвященных узбекской диалектологии, Поливанов пытался разработать методику диалектической статистики (математических методов) для описания «коллективного говора». Описание диалектов и языков в его работах нередко сочеталось с указаниями о путях развития данной системы. В научной практике Поливанова совокупность описательных и исторических исследований дала наиболее ценные результаты применительно к фонологическому анализу звуковой системы языка. Из изучавшихся им грамматических вопросов наибольшую известность приобрели его высказывания о морфемах и их разновидностях, о соотношении между словом и морфемой. Придавая значение познанию генезиса фразеологии, Поливанов настаивал на выделении ее в качестве специальной лингистической дисциплины. Одной из отличительных черт советского языкознания, по мнению ученого, являлось активное участие языковедов в практической деятельности, вызываемой потребностями реальной жизни. Отсюда кипучая деятельность Поливанова, связанная с составлением описательных грамматик, словарей, учебников, букварей ряда языков народов СССР, с реформой их письменности, с подготовкой научных кадров в национальных республиках Средней Азии.

Поливанов внимательно изучал теорию и историю письма, был знатоком древних систем письма на Дальнем Востоке и в Передней Азии, отводил особую роль теории эволюции языка, подчеркивая первостепенное философское и практическое ее значение. Соответственно этому Поливанов стремился не только определить общие тенденции

языкового развития, но и сформулировать конкретные закономерности фонетической эволюции. В лице Поливанова наука имела «исключительно одаренного полиглота, талантливого япониста, китаеведа, тюрколога и лингвиста-теоретика, хорошо знакомо не только с русской и западноевропейской, но также с дальневосточной и арабской лингвистикой» (Вяч. Вс. Иванов).

Поливанов оставил после себя ценнейшее научное наследие по изучению живых и мертвых языков и быта народов Средней Азии и Казахстана, в том числе языка узбекского народа: «Вокализм города Самарканда» (1923), «Введение в изучение узбекского языка» (1925), «Краткая грамматика узбекского языка» (1926), «Образцы не-гармонистических (иранизированных) говоров узбекского языка» (1928), «Введение в языкознание для востоковедных вузов» (1928), «Каршинский говор» (1928), «Узбекская диалектология и узбекской литературный язык (К современной стадии узбекского языкового строительства)» (1933), Материалы по грамматике узбекского языка. Введение» (1935), «Этнографическая характеристика узбеков» (1926), «О происхождении названия Ташкент» (1927) и др. Интересовался Поливанов и языком каракалпаков —«Некоторые фонетические особенности каракалпакского языка» (1933) и др.

25 января 1938 Поливанова не стало.

Научное наследие его полностью не сохранилось. Тем не менее поиски отдельных частей этого наследия настойчиво продолжаются и в ряде случаев приносят положительные результаты. «Внимание к великому этнографу, фольклористу, историку, лингвисту привлечено и недалеко то время, когда Поливанов займет свое место среди людей, которые стали гордостью нашей науки» (В. А. Каверин).

Указатели публикаций Е. Д. Поливанова: Список научных работ Е. Д. Поливанова (сост. Вяч. Вс. Иванов). — «Вопросы языкознания», М., 1957, № 3, стр. 73—76; М. П. Изосимова. Список научных работ профессора Е. Д. Поливанова и литературы о нем, имеющихся в фундаментальной библиотеке Самаркандского государственного университета им. Алишера Навои. — Материалы конференции «Актуальные вопросы».., Самарканд, 1964, стр. 253—258; Список работ Е. Д. Поливанова (подг. к печати А. А. Леонтьевым при участии З. И. Фединой и А. С. Штерн). — В кн.: Е. Д. Поливанов. Статьи по общему языкознанию. — М., ГРВЛ, 1968, стр. 31—45.

Литература о Е. Д. Поливанове: Основная литература о Е. Д. Поливанове. — В кн.: Е. Д. Поливанов. Статьи по общему языкознанию.— М., ГРВЛ, 1968, стр. 46—47. **Дополнения составителя:** Е. Д. Поливанов. — В кн.: Х. Узаков. Узбекские лингисты. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1965, стр. 16—18 (на узб. яз.); В. Каверин. Неоткрытые

дороги. — Собрание сочинений, т. VI, М., 1966, стр. 584—588; Материалы конференции «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова». — Т. I. Самарканд, 1964, 286 стр. (Министерство высшего и среднего специального образования УзССР. СамГУ им. Алишера Навои). Новейшая биография: А. А. Леонтьев, Л. И. Ройзензон и А. Д. Хаютин. Жизнь и деятельность Е. Д. Поливанова. — В кн.: Е. Д. Поливанов. Статьи по общему языкознанию..., стр. 7—30. Сведения о работах Е. Д. Поливанова см. также в библиографических указателях литературы, изданной в СССР: Общее языкознание (1918—1962).— М., Изд-во «Наука» 1965, стр. 252 (указатель); Общее и прикладное языкознание. 1963—1967. — М., Изд-во «Наука», 1972, стр. 276 (указатель; о нем см. стр. 247); Структурное и прикладное языкознание. 1918—1962. — М., Изд-во «Наука», 1965, стр. 177 (указатель).

ИЛЬЯ ТИТОВИЧ ПОСЛАВСКИЙ

ИЗВЕСТНЫЙ собиратель и любитель древностей И. Т. Пославский родился 2 августа 1853. Окончил Виленскую классическую гимназию, 2-е Военное константиновское училище и Николаевскую инженерную академию по I разряду. Всю жизнь служил в армии на военно-инженерных должностях. С 27 марта 1903 был начальником инженеров (военно-инженерного управления) Туркестанского военного округа. Будучи хорошо знакомым с естественно-географическими условиями Туркестанского края, Пославский питал глубокий и постоянный интерес к изучению памятников древности, вследствие чего с 11 декабря 1899 вступил в Туркестанский кружок любителей археологии и стал одним из наиболее активных его деятелей.

С течением времени Пославский стал обладателем одной из крупнейших коллекций древностей Средней Азии, преимущественно Узбекистана. По свидетельству современника, собранные Пославским «разные археологиечские предметы... представляли большую ценность и серьезное значение... Эту коллекцию нужно видеть, чтобы оценить ее научную ценность... Посетители последней краевой выставки в Ташкенте в 1909 году могли видеть... ценное собрание гемм, принадлежащих ему». Пославский действительно располагал исключительной по составу коллекцией гемм-интальи, собранной «во время его странствий по Туркестану». В наши дни некоторые из этих гемм изданы Н. Э. Вундцеттелем и Г. А. Пугаченковой.

Однако в историю науки Пославский вошел не только как собиратель древностей, но и как археолог-краевед, пытавшийся осознать

значение археологических находок, роль и функции предметов древности. Ему принадлежала и фиксация ряда историко-культурных памятников (описание, фотографии).

Во время несения службы в Самарканде Пославский был деятельным членом Самаркандского областного статистического комитета, по поручению которого совместно с Кастальским (*см.*), Вяткиным (*см.*) и другими составил Объяснительную записку к проекту программы работ Исторического отдела Комитета по описанию памятников старины Самарканда и его ближайших окрестностей (1896).

В 1887 Пославский зафиксировал наличие развалин между станциями Якатут и Каракуль (Куня-Пайкенд).

В 1895 он посетил развалины Термеза и сделал обстоятельное сообщение о них, сопровожденное схематическим планом местности. Не сумев прочесть надпись на притермезском мавзолее, Пославский тем не менее пришел к правильному выводу, что это мавзолей Хакима Термези («Ходжи-Али-Хаким-Термези»).

По течению р. Атрек он зафиксировал наличие крестообразных каменных изваяний.

В 1900 Пославский описал архитектурное сооружение из жженого кирпича («башню») вблизи Гюргена, известное под названием «Гумбет-Кобуз». Он снял план и чертеж сооружения, дал его примерные размеры, фотографии общего вида и нижней части. Он же скопировал и издал куфические надписи, расположенные в два ряда снаружи башни, между ребрами ее. Удалось зафиксировать дату соружения (397/1006) и имя лица (Амир Шамсу Муали), в память которого оно воздвигнуто. «Несмотря на существование ряда описаний башни Кабуса у западноевропейских путешественников, до 1913 г. описание И. Т. Пославского не было превзойдено» (В. А. Крачковская). Пославским «башня Кабуса описана гораздо точнее и подробнее, чем английскими путешественниками Фрезером и Йетом» (В. В. Бартольд).

В 1907 Пославский осмотрел остатки древнего поселения — Ханабад-тепе, в 1909 приобрел у одного из бухарцев замечательную астролябию 1088 г. х.

В связи с отрытием Н. Г. Хлудовым ныне широко известного скопления наскальных изображений в местности Саймалы-Тас (близ Кугартского перевала в Фергане) Пославский выступил с докладом, в котором пытался разделить эти изображения на три категории и наметил довольно правильный путь их дальнейшего широкого изучения. Выдвигал Пославский и программу исследований по возможному установлению следов пребывания первобытного человека в Средней Азии.

Пославскому принадлежал и обстоятельный доклад об оссуариях (1903) с рядом ценных для своего времени наблюдений и выводов и

правильным предвидением, что оссуарии и впредь будут находить еще не раз при широком ареале их распространения.

Усердный собиратель сфероконических сосудов, Пославский был и деятельным участником научной дискуссии о них, высказав ряд метких суждений об их назначении.

Обратил на себя внимание критический разбор Пославским брошюры А. Чайковского, в которой выдвигался фантастический проект спуска вод озера Иссык-Куль в реку Чу. Пославский, рассмотрев три стороны вопроса: географическую, техническую и историческую, показал научную недостоверность данных Чайковского.

Пославский известен также как автор обстоятельного описания города Бухары и ханства (1891) и военно-географического обозрения некоторых районов Семиреченской области. Описание Бухары продолжает привлекать внимание историков, этнографов, экономистов и в наши дни.

Долгое время Пославский был начальником Окружного управления по квартирному довольствию войск. Скончался он 13 ноября 1914.

В. В. Бартольд отозвался на смерть Пославского сообщением его памяти (заседание ТКЛА 30 декабря 1915). Туркестанский кружок любителей археологии предполагал издать отдельной книгой труды Пославского, но намерение это осталось неосуществленным.

С течение времени часть собранной Пославским коллекции древностей оказалась утраченной, часть была передана в Туркестанский восточный институт и хранилась там без описи вместе с предметами из других собраний. Нумизматическая же коллекция Пославского и некоторые из собранных им гемм и других предметов древности поступили в ташкентский музей истории Узбекской ССР, где хранятся и ныне.

Указатель публикаций И. Т. Пославского: Военное обозрение восточной пограничной полосы Семиреченской области. Сост. капитаном Тихменевым и капитаном Пославским. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. II, СПб., 1883, стр. 1—220; Бухара. Описание города и ханства. Составил военный инженер подполковник И. Т. Пославский. — Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, т. XVIII, СПб., 1891, 102 стр.; О развалинах Термеза (Путевой очерк). — ПТКЛА, Год I, Ташкент, 1896, стр. 1—17 (также «Среднеазиатский вестник», Ташкент, 1896, декабрь, стр. 84—100); О мавзолее с надписями на нем в развалинах г. Термеза. — ПТКЛА, Год II, Ташкент, 1897, стр. 5—7; Из поездки на р. Артек и р. Гюрген (Путевой очерк).— ПТКЛА, Год. V, Ташкент, 1900, стр. 184—192; По поводу заметки Н. Г. Хлудова. — ПТКЛА, Год VII, Ташкент, 1902, стр. 44—48; Из поездки на Саймалы-Таш. — ПТКЛА, Год VIII, Ташкент, 1903, стр. 75—83; К вопросу о гли-

няных гробах. — ПТКЛА, Год VIII, Ташкент, 1903, стр. 36—51; О глиняных гробах. — ТВ, 1903, № 87, 91, 94; Рец.: О башкирских тамгах Д. Н. Соколова. Оренбург, 1904 (Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, вып. XIII). — ПТКЛА, Год X, Ташкент. 1905, стр. 42—45; О глиняных сосудах с коническим дном. — ПТКЛА, Год X, Ташкент, 1905, стр. 5—18 (также ТВ, 1905, № 54, 55, 60, 63); О находке орудий каменного века. — ПТКЛА, Год XI, Ташкент, 1906, стр. 57—65 (также ТВ, 1907, № 7); Еще несколько слов об оссуариях (По поводу статьи Н. И. Веселовского). — ПТКЛА, Год XII, Ташкент, 1908, стр. 72—81; О находках в Ханабаде и вообще в районе нижнего течения р. Чирчика. — ПТКЛА, Год XII, Ташкент, 1908. стр. 39—45; О восстановлении библейской реки Гихон. Доклад по поводу брошюры А. Чайковского под заглавием: «Важная нивелировка Туркестана».—ПТКЛА, Год XIV, Ташкент, 1910, стр. 3—17; Сообщение (О желательности съемок урочищ, ценных в археологическом отношении).—Известия Имп. Археологической Комиссии. Прибавление к вып. 34-му, 1910, стр. 39 (ТВ, 1909, № 274).

Литература об И. Т. Пославском: Н. М-в. Илья Титович Пославский. — ТВ, 1914, № 257; Н. П. Остроумов. Последнее «прости» Илье Титовичу Пославскому. — ТВ, 1914; № 258; В. Ф. Ошанин. И. Т. Пославский, археолог. — ИТОРГО, т. XII, вып. 2, ч. I, Ташкент, 1916, стр. 254; А. В. Панков. — Илья Титович Пославский. — ИТОРГО, т. XI, вып. 2, ч. I, Ташкент, 1916, стр. 247; В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан. Август—декабрь 1920. — ИРАН, VI серия, т. XV, Пгр., 1921, стр. 212—215; В. В. Бартольд. Башня Кабуса, как первый датированный памятник мусульманской персидской литературы.—Ежегодник Российского Института истории искусств, т. I, Пгр., 1922, стр. 122 (В. В. Бартольд. Сочинения, т. IV, М., 1966, стр. 263); Н. Э. Вундцеттель. Интересная гемма из коллекции Туркестанского восточного института. — Сборник ТВИ в честь проф. А. Э. Шмидта, Ташкент, 1923, стр. 146—147; М. Е. Массон. Городища старого Термеза и их изучение. — Труды УзФАН СССР, серия I, История, археология, вып. 2, Ташкент, 1940, стр. 18—25; В. А. Крачковская. Эпиграфика Средней Азии. — «Эпиграфика Востока», VII, М.—Л., 1953, стр. 63; Б. В. Лунин. Из истории руского востоковедения.., стр. 49, 77, 101, 106, 108—110, 132, 136, 154, 181—185, 198—199, 203; Г. А. Пугаченкова. Три ахеменидские геммы из собрания Музея история УзССР. — Труды Музея истории УзССР, вып. III, Ташкент, 1956, стр. 81—87; А. А. Семенов. Нечто о среднеазиатских геммах, их любителях и собирателях (Из воспоминаний прошлого). — Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР, вып. 14, Душанбе, 1957, стр. 145, 150; Б. В. Лунин. Самарканд в отечественной и мировой науке.— В кн.: «История Самарканда», т. 1, Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1969, стр. 385—386.

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ РАДЛОВ

ВЫДАЮЩИЙСЯ востоковед-тюрколог (языковед, фольклорист, этнограф, историк, археолог) В. В. Радлов родился 5 января 1837 в Берлине. В Берлинском и Галльском университетах (в последнем он был слушателем двух семестров) Радлов имел возможность слушать лекции крупнейших языковедов, под влиянием которых у него окрепло стремление к глубокому изучению восточных языков, в частности тунгусских наречий.

По окончании в 1858 Берлинского университета и после защиты диссертации на тему «О влиянии религии на народы Азии» (за которую Йенский университет удостоил его степени доктора философии) Радлов принимает решение ехать для научной работы в Россию. По приезде он получает скромное место преподавателя немецкого и латинского языков в Барнаульском окружном горном училище (позднее преобразованном в гимназию). Здесь он проработал 12 лет (1859—1871), причем уже в 1859—1960 стал осуществлять систематические выезды на места — к алтайцам, теленгитам, телеутам, шорцам, казахам Кулунды и долины р. Или, чулымским тюркам, барабинцам и другим, энергично изучая язык и фольклор, жизнь, быт и историю тюркских народов. Эти поездки породили серию радловских работ алтайского цикла.

В. В. Бартольд отметил, что «Радлов лучше большинства других исследователей мог понять жизнь кочевых народов прошлого и процесс образования исторических кочевых государств», констатируя в то же время, что на многих суждениях ученого отразилось «обычное увлечение путешественника, считающего возможным судить о прошлом исключительно по наблюдениям за современой жизнью», что вело к недо-

оценке и недопониманию Радловым некоторых явлений культурной жизни прошлого изучаемых им народов. Не раз видоизменялись взгляды Радлова и на им же самим установленную классификацию тюркских наречий, на вопрос о взаимоотношениях тюркских народностей и т. п.

Тем не менее накапливаемые Радловым материалы были столь значительны в научном отношении, что все более и более завоевывали ему заслуженный авторитет и признание. Деятельность молодого ученого, его широкая эрудиция, новизна собираемого и изуачемого им языкового и фольклорного материала обратили на себя внимание и в Академии наук, которая приступила к изданию накопленных Радловым фольклорных текстов тюркоязычных народов («Образцы народной литературы тюркских племен Южной Сибири и Дзунгарской степи»). В период до 1871 Радлову дважды присуждалась серебряная медаль Русского Географического Общества.

В 1871 начался казанский период деятельности Радлова. Работая инспектором татарских училищ, он продолжал совмещать служебные функции с научной работой в сфере тюркского языкознания.

В 1884 Радлов был избран членом Российской Академии наук и в том же году переехал в Петербург, где жил и работал до конца жизни, выпустив обширный цикл научных работ и издав тексты памятников тюркской письменности и фольклора, а также переводы с них. На основе изучения «Codex Comanicus» (XIII—XIV вв.) Радлов напечатал приобретшие широкую известность статьи «О языке куманов» (1884) и др.

На протяжении более 40 лет Радлов изучал рукопись «Кутадгу билиг» — древнеуйгурского дидактического сочинения Юсуфа хас-хаджиба из Баласагуна. В процессе этого изучения Радлов публиковал тексты «Кутадгу билиг» и переводы с транслитерацией. По нахождении рукописи «Кутадгу билиг», писанной арабским языком, Радлов подготовил к печати и издал ее перевод с транслитерацией, что «имело значение большого научного открытия» (Е. И. Убрятова). В арсенале работ Радлова — публикации древнеуйгурских памятников манихейского и буддийского содержания, оставшийся неизданным словарь древнеуйгурских памятников и многие другие.

В процессе работы по сбору и изучению материалов устного народного творчества Радлов накопил огромный тюркоязычный словарный материал, с которым знакомились крупные ученые страны, рекомендовавшие, в частности, применить к нему систему знаков научной транскрипции слов (А. А. Шифнер и др.), что было учтено Радловым в процессе подготовки словарного материала к печати. Ставший широкоизвестным радловский «Опыт словаря тюркских наречий» издавался отдельными выпусками (24) в течение 1893—1911.

Публикация словаря имела эпохальное значение в процессе раз-

вития знаний по сравнительному изучению тюркских языков. Словарь охватывал богатейший лексический материал, собранный Радловым во время поездок и экспедиций, а также в результате тщательного изучения существовавших в то время словарей тюркских языков. В это издание вошли почти все сушествующие и древние тюркские языки (в том числе турецкий, азербайджанский, татарский, туркменский, узбекский, казахский, киргизский, уйгурский), причем Радлов использовал здесь собственную (впоследствии наименованную «академической») транскрипцию на основе русской графики. Для удобства пользования словарь имел арабский ключ, а перевод тюркских слов и фраз давался параллельно на русском и немецком языках. Словарь остается единственным в своем роде общим словарем тюркских языков, незаменимым пособием для лингвистов, литературоведов и историков, занимающихся современными или древними тюркскими языками. Без пользования данными словаря по сути дела стало невозможным осуществление исследований тюркоязычных рукописей, древней тюркской эпиграфики, этимологии тюркского и русского языков, чем и вызвано его переиздание фотомеханическим способом Главной редакцией восточной литературы Издательства «Наука» (Москва) в 1963—1964.

По словам В. В. Бартольда, Радлов являлся «прежде всего лингвистом-туркоголом; его работы в этой области доставили ему славу первоклассного мирового ученого». Особенно важны заслуги Радлова в изучении «степных народов турецкого происхождения: киргиз-казахов, кара-киргизов, каракалпаков и туркмен» (Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 245, л. 1).

На материалах и исследованиях Радлова «основаны почти все дальнейшие успехи тюркологии как науки; в то же время отчет от путешествия Радлова (в Семиречье и Туркестан. — *Сост.*)... значительно обогатил наши сведения по этнографии среднеазиатских турков».

В 1891 Радлов возглавил Орхонскую экспедицию (шесть томов трудов; 1892—1906), а в 1899—Турфанскую.

Выдающейся заслугой Радлова были изучение и публикация древнетюркских «рунических» памятников — монгольских, енисейских, таласских. Он первым предложил вариант чтения четырехстрочной надписи на камне, найденной в 1896 в долине р. Талас близ с. Дмитриевское, видя в этом памятнике древности «особый интерес, потому что надпись была исполнена древнетюркским шрифтом и на тюркском языке и доказывает, что этот шрифт был в употреблении и у тюркских племен Средней Азии». Предложенная им дешифровка ряда «рунических» надписей многократно критиковалась, уточнялась, дискуссировалась, но тем не менее «все исходили из его переводов. Только В. В. Радлов с его необычайно широкими знаниями живых и мертвых тюркских языков, обладавший самой полной для (своего) времени картотекой сло-

варя тюркских языков, смог... проделать эту гигантскую работу» (Е. И. Убрятова). Основополагающее значение имело и сравнительное исследование Радловым системного характера фонетики тюркских языков и их классификации.

Интересовался Радлов вопросом прочтения надгробных надписей с несторианского кладбища близ Пишпека (Архив РАО, д. 399, стр. 296—297; Ленинград).

Значительна роль Радлова как организатора востоковедческой работы в России.

С 1903 Радлов возглавлял Русский комитет Международного союза для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении — филиал Международного союза созданного в соответствии с рекомендацией XII Международного конгресса ориенталистов в Риме (1899). На этом посту Радлов (являвшийся вместе с С. Ф. Ольденбургом составителем Устава союза) поддерживал инициативу Бартольда и других в организации исследовательских работ в Средней Азии и отпуске на них необходимых средств (раскопки Бартольда и Вяткина в Самарканде и др.).

Большой заслугой Радлова явилось содействие образованию в Музее антропологии и этнографии им. Петра I (директором которого он являлся с 1894) специального Отдела мусульманских народов Средней Азии (впоследствии — Отдел Передней и Средней Азии), в котором, с течением времени, были сосредоточены богатые коллекции: узбекская, туркменская, казахская и др.

Непосредственное знакомство Радлова с Средней Азией и Казахстаном относится к началу 60-х годов. Уже в 1862 он вел раскопки в восточной части киргизской (казахской) степи (Кулундинская степь, долина Терсакана, по берегам, р. Каракара, близ Верного, в окрестностях Копала). Большинство курганов оказалось расхищенными кладоискателями и не давало цельной картины погребений.

В 1869 Радлов распространил археологические изыскания на территории Семиреченской области — местность по правому берегу р. Или и Чуйская долина, близ г. Токмак. Он отметил присутствие огромного количества больших и малых курганов по долине на юго-восток от горы Долон-Кара. В Чуйской долине, в 30 верстах к западу от Токмака, близ крепости Тёрткуль Радлов констатировал наличие остатков «довольно значительного города» и курганов. У озера Иссык-Куль, по северному берегу, он зафиксировал присутствие курганов из «насыпанных крупных камней» со следами прежних раскопок. В этой поездке исследователь собрал также богатый материал этнографического, лингвистического и фольклорного характера.

В 1868 Радлов совершил поездку в долину Зарафшана. Поездке предшествовало его письмо от 24 декабря 1867 из Барнаула на имя

Археологической комиссии. В нем говорилось: «Находясь вот уже 8 лет в Сибири.., я окончил изучение алтайцев, минусинских и тобольских татар и западных киргизов. Так как (присоединение) Туркестанской области делает возможным изучить этот новый край Средней Азии, то я бы желал продолжать свои занятия в Туркестанской области. Имея в виду, что там я мог быть гораздо полезнее.., так как своими долголетними путешествиями я изучил в совершенстве киргизский и татарский языки и самый быт этих народов» (Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, до 22, л. 1—2).

28 марта 1868 Радлов получил от Археологической комиссии подорожную и средства на поездку в Туркестанский край.

Особое его внимание привлекли местности по течению Зарфшана («центр владений Тимура, издавна считающийся сердцем Средней Азии»). Долина Зарафшана была описана им на протяжении от Пянджикента до сел. Катырчи.

Исследователя заинтересовала система искусственного орошения земель («настоящее чудо», по его словам), которая «едва ли могла быть лучше выполнена нашими учеными инженерами».

Радлов дал краткое описание Самараканда, Пянджикента, Каттакургана. Местные тюркские говоры он разделил на четыре наречия: киргизское, каракалпакское, туркменское и узбекское, или джагатайское (последнее — со своей письменностью).

По словам П. П. Семенова-Тянь-Шанского, «Радлов сообщил подробные сведения о гидрографии и топографии Зарафшанской долины, подробности о водоорошении и каналах; исчислил пункты оседлости, о которых представил топографические известия, большей частью совершенно новые».

Составленное Радловым описание долины Зарафшана основывалось как на его собственных наблюдениях, так и на рассказах местных жителей. В очерке фигурировали краткие данные к описанию памятников древности Самарканда и его окрестностей, некоторые этнографические данные и сведения о «делении тюркских жителей на отделы» (узбеки, каракалпаки, туркмены с родовыми подразделениями). Радлов делился с читателями своими впечатлениями от наблюдений за коренным населением, но ценность этих наблюдений значительно снижалась из-за предвзятого мнения автора.

Результатом поездки Радлова 1868 явилось и составление карты, «главное достоинство» которой «состояло в возможно правильной передаче местных географических названий и в показании распределения племен, обитающих в восточной части (Бухарского) ханства» (П. П. Семенов-Тянь-Шанский)*.

* В делах В. В. Радлова хранится книжка с дневниковыми записями, относящимися к его пребыванию в Самарканде (16—29 июня 1868; Архив АН СССР, ф. 117, оп. 1, д. № 63/5, л. 1—12).

К числу научных заблуждений Радлова принадлежали его субъективные суждения касательно положительных и отрицательных сторон воздействия ислама на жизнь населения киргизской и казахской степи. Весьма своеобразно и в идейном отношении порочно воспринимал Радлов и перспективы исторического развития народов Туркестана после присоединения к России. Даже лично близкий ему Бартольд подчеркнул в некрологе о нем, что Радлов «слишком быстро и категорично решал спорные вопросы, не всегда считаясь с недостаточностью материала». Это замечание касалось работ ученого и в более широком плане. Еще при жизни Радлова многие из его трудов стали подвергаться суровой и отнюдь не безосновательной критике, казаться устаревшими и т. п. Однако в пылу полемического задора «с водой выплескивали и ребенка», ибо в основе своей эти труды содержали материалы огромной научной значимости, причем во многих отношениях их автор выступал в качестве пионера на тюркологических поприще.

К. Г. Залеман (*см.*) писал об этом так: «Где были бы теперь постепенно появляющиеся туркологи, если бы Радлов в свое время не пошел смело вперед? Неужели критик думает, что отдает долг благодарности неутомимому изыскателю, когда, идя по следам проложившего дорогу, с насмешливым злорадством бросает ему в след камни, о которые когда-то спотыкались нащупывавшие почву ноги?» (ИАН, VI серия, т. IV, 1910, № 12, стр. 950). Действительно. Не все из стоявших перед Радловым больших и сложных задач изучения происхождения, развития и особенностей тюркских и близких им языков (классификации, фонетики, морфологии, лексики) были решены им полностью и безошибочно. И тем не менее и в дискуссиях наших дней исследователи не минуют трудов Радлова и воздают должное его огромному научному наследию.

Отдельными авторами (Л. П. Потапов, со ссылкой на него Э. А. Масанов) указывалось на то, что при всей ценности этнографических трудов Радлова он не был, однако, чужд расистского мировоззрения и выступал в качестве идеолога великодержавной казенной науки, пытавшейся оправдать колониальную политику царизма и пр. Новейшие исследователи считают такие высказывания «по меньшей мере неоправданными... Те или иные взгляды В. В. Радлова на судьбы угнетенных и вымирающих народов... неизбежно отражали воздействие модного в то время социального дарвинизма, впрочем не получившего в его работах сколько-нибудь существенного отражения... Высокий гуманизм ученого..., который несмотря на огромные трудности самого разнообразного свойства, десятилетия своей жизни посвятил изучению языков и культур народов, живших в нищете и бесправии нашел свое проявление не только в бескорыстном научном подвиге, но и в столь же бескорыстном

стремлении сделать все возможное для того, чтобы приблизить эти народы к достижениям современной ему культуры... Конечно, его усилия, вдохновляемые либерально-гуманистическими настроениями, были далеки от того реального пути, который принес народам России подлинное освобождение от нищеты и невежества... Естественно, что В. В. Радлов был далек от цельного материалистического мировоззрения и на его научных взглядах сказывалось воздействие самых различных научных школ, от гербартианства до позитивистских и эволюционно-дарвинистских концепций» (С. И. Вайнштейн, С. Г. Кляшторный).

В приветствии Радлову к 50-летию его научной деятельности Академия наук отмечала, что до него «почти ничего не было сделано для ознакомления с многочисленными народами турецкого (тюркского) племени, значение которых в Азии было так велико. С юношеским жаром,— гласило приветствие,— Вы обратились к этой почти неисследованной до Вас области... Ваши «Образцы народной литературы тюркских племен» были той основой, на которой могло вырасти научное изучение турецких языков и наречий. Работы Ваши по избранной Вами специальности стали вехами на том пути, по которому пошли за Вами другие исследователи...

Созданный по почину Вашему и при горячем участии Вашем Комитет по изучению Средней и Восточной Азии снарядил уже целый ряд ученых экспедиций в Азию, обогативших науку ценными данными... умственной и материальной культуры народов Средней Азии и Дальнего Востока».

Археологическая комиссия (Петербург) приветствовала в лице Радлова ученого, «вводящего Европу в роскошное царство восточного красноречия и воскрешающего древнюю культуру Сибири, сохраняющего недосягаемое совершенство искусства Туркестана» (Архив АН СССР, ф. 177, оп. 3, л. 50).

Говоря словами С. Ф. Ольденбурга, «люди уходят, но созданное ими остается, а то, что сделано В. В. Радловым за его долгую жизнь, так велико, что память о нем будет свято храниться».

Скончался Радлов 12 мая 1918 г. в Петрограде.

Указатель публикаций В. В. Радлова: К. Г. Залеман. Труды В. В. Радлова в хронологическом порядке.— В кн.: Ко дню семидесятилетия Василия Васильевича Радлова.— СПб., 1907, стр. 3—25; Он же. Труды В. В. Радлова в хронологическом порядке.— В кн.: Семидесятипятилетний юбилей дня рождения академика Василия Васильевича Радлова.— СПб., 1912, стр. 5—8; Л. Я. Штернберг. Радлов Василий Васильевич. Материалы для биографического словаря действительных членов Академии наук, ч. II, Пгр., 1917 (Список трудов, стр. 129—136; 139 названий); О. Э. Ливотова и В. Б. Португаль. Востокове-

дение в изданиях Академии наук. 1726—1917. Библиография.— М., Изд-во «Наука», ГРВЛ, 1966, стр. 91—94. Дополнения составителя: В. В. Радлов и С. Е. Малов. Suvaunaprabhāsa (Сутра золотого блеска). Текст уйгурской редакции. Bibliotheca Buddhica, XVII, вып. I—VIII, Пгр., 1913—1917, 723 стр.; W. Radloff. Uigurische Sprachdenkmäler. Materialien nach dem Tode des Verfassers mit Ergänzungen von S. Malov herausgegeben.— Л., 1928, 305 стр. [W. Radloff]. Suvarnaprabhāsa (Das Goldglanz Sutra). Aus dem Uigurischen ins Deutsche Übersetzt von Dr. W. Radloff. Nach dem Tode des Übersetzers mit Einleitung von S. Malov heraus gegeben (Bibliotheca Buddhica, XXVII, Л., 1930, 256 стр.; В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Текст репродуцирован фотомеханическим способом с изданий: 1893 г. (т. I), 1899 г. (т. II), 1905 г. (т. III) и 1911 г. (т. IV).— Т. I, ч. 1 и 2. Гласные. 1914 стлб., 66 стр.; т. II, ч. 1 и 2. Согласные. 1814 стлб., 64 стр.; т. III, ч. 1 и 2, 2204 стлб., 98 стр.; т. IV, ч. 1 и 2, 2230 стлб., 107 стр.—М., Изд-во «Наука», ГРВЛ, 1963—1964; Хронологический перечень трудов В. В. Радлова и литература о нем. Составила Н. А. Дулина.— «Тюркологический сборник, 1971», М., Изд-во «Наука», 1972, стр. 261—275.

Литература о В. В. Радлове: Раскопки В. В. Радлова в 1862 году в Кулундинской степи, долине Терсакана, по берегам р. Каркары, в окрестностях Верного и Копала.— ОАК за 1862 год, СПб., 1863, стр. XIX—XXI; Ученые изыскания г. Радлова в долине Заравшана.— ТВ, 1870, № 6; Раскопки В. В. Радлова в Семиреченской области.— ОАК за 1869 год, СПб., 1871, стр. XVII—XIX; Радлов Василий Васильевич.— Русский энциклопедический словарь, изд. И. Н. Березиным, т. I, отд. IV, СПб., 1875, стр. 32; Отзывы ученых о заслугах В. В. Радлова.— «Восточное обозрение», Иркутск, 1884, № 46, стр. 9—10 (Отзывы Н. Ильминского, И. Бодуэна де Куртенэ, А. Н. Веселовского и иностранных специалистов); В. В. Радлов, член Академии наук и его ученые труды.— «Восточное обозрение», Иркутск, 1885, № 2, стр. 11—13; И. В. Мушкетов. Туркестан.— т. I, ч. I, СПб., 1886, стр. 207; В. Р. [В. Р. Розен]. [О книге]: Образцы народной литературы северных тюркских племен, собранные В. В. Радловым, ч. V, СПб., 1885.— ЗВОРАО, т. I, СПб., 1887, стр. 230—236; Radloff, Wilchelm. Sprachforscher und Reisender.— Meyers Konversations — Lexikon. 4-te Aufl. Bd. XIII, Lpz., 1889, S. 543; История полувековой деятельности имп. Русского Географического Общества. Составил по поручению Совета имп. Русского Географического Общества вице-председатель Общества П. П. Семенов при содействии действительного члена А. А. Достоевского.— Ч. I, СПб., 1896, стр. 295—298; Радлов Василий Васильевич, ориенталист и путешественник.— Энциклопедический словарь «Брокгауз-Ефрон», т. XXVI (51), 1899, стр. 92—93; Радлов Василий Васильевич, ориенталист и путешественник.— Энциклопедический словарь под

ред. М. М. Филиппова, т. III, СПб., 1901, стлб. 2810—2811; Радлов Василий Васильевич.— Малый энциклопедический словарь «Брокгауз-Ефрон», т. III, СПб., 1902, стлб. 893; Радлов Василий Васильевич, ориенталист, путешественник и академик. Большая энциклопедия под ред. С. Н. Южакова, т. XVI, СПб., 1904, стр. 98; Ко дню семидесятилетия В. В. Радлова, 5 января 1907 г.— СПб., 1907, 111 стр.; Музей антропологии и этнографии Академии наук в период 12-летнего управления В. В. Радлова. 1894—1906. Сост. Л. Я. Штернбергом, С. Ф. Ольденбургом, Е. Л. Петри, Ю. В. Людевигом, Е. М. Романовой.— В кн.: Ко дню семидесятилетия В. В. Радлова, СПб., 1907, стр. 27—109; Н. И. Афанасьев. В. В. Радлов.— В кн.: Н. И. Афанасьев. «Современники», т. I, 1909, стр. 234—235; Y. Gordlevski. Radloff.— «Türk Dernegi», Istanbul, 1909, № 3, s. 76—80; Vasili Radloff.— «Çukiç», Orenburg, 1909; 50-летие ученой деятельности В. В. Радлова.— «Исторический вестник», СПб., 1909, № 7, стр. 370—371; Юбилей академика Радлова.— «Вестник Азии», Харбин, 1909, № 1, стр. 272; Юбилей академика Радлова.— ИАК, Прибавление к вып. 32-му, СПб., 1909, стр. 114—115 («Санктпетербургские ведомости», 15 мая 1909, № 106); Юбилей В. В. Радлова.— «Этнографическое обозрение», М., 1909, № 1, стр. 121—122; Шесть адресов, преподнесенных В. В. Радлову в день 50-летия его ученой деятельности.— «Живая старина», т. XVIII, 1909, вып. 2—3, СПб., 1910, стр. XXVI—XXXIII; Л. Штернберг. Из жизни и деятельности Василия Васильевича Радлова (берлинский, алтайский и казанский периоды).— «Живая старина», т. XVIII, 1908, вып. 2—3, СПб., 1910, стр. I—XXV; С. Е. Малов. Юбилей академика В. В. Радлова.— «Камско-Волжская речь», Казань, 5 января 1912, № 4; Türkologlardan V. V. Radlof ve Wilhelm Tomsen.— «Türk Yurdu», Istanbul, 1912, № 6, s. 171—177; А. Н. Самойлович. В. В. Радлов как турколог.— Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела ИРГО, т. XV, вып. 1, СПб., 1912, стр. 23—33; Семидесятипятилетний юбилей дня рождения академика Василия Васильевича Радлова. 1837—1912 г.— СПб., 1912, 35 стр.; Юбилейное чествование В. В. Радлова.— «Исторический вестник», СПб., 1912, № 2, стр. 793—796; П. Риттер. В. В. Радлов.— Энциклопедический словарь Русского библиографического института «Гранат», изд. седьмое, т. 35, б. г., стлб. 444—446; Радлов Василий Васильевич.— Материалы для биографического словаря действительных Членов Академии наук, ч. 2, Пгр., 1917, стр. 121—136; Ко дню 80-летия академика Василия Васильевича Радлова (1837—1917). Сборник Музея антропологии и этнографии и Российской академии наук, т. V, вып. 1, Пгр., 1918, 400 стр.; B. Munkácsi. Radloff Vilmos (1837—1918).— «Budapesti Szemle», 1918, N 176, s. 425—461. В. В. Бартольд. Памяти В. В. Радлова. 1837—1918.— ИРГО, 1918, т. LIV, вып. I, Пгр., 1919, стр. 164—189; В. В. Бартольд. История изучения Востока в

Европе и России.— Л., 1925, стр. 250; С. Ф. Ольденбург. Василий Васильевич Радлов. 5 января 1837 — 12 мая 1918. Некролог. — ИРАН, VI серия, т. XII, Пгр., 1918, стр. 1233—1236 (также: Азиатский сборник, т. I, Пгр., 1918, стр. 1233—1236); Положение о премии им. В. В. Радлова. Прил. № 8 к § 20.— Ученые записки историко-филологического факультета в г. Владивостоке, т. I, отд. 2, вып. 1, Владивосток, 1919, стр. 60—61; С. Ш[ирокогоров]. В. В. Радлов. Некролог.— Ученые записки историко-филологического факультета в г. Владивостоке, т. I, вып. 1, Владивосток, 1919, стр. 21—24; Д. А[нучин]. В. В. Радлов. Некролог.— Научные известия, Сб. IV, М., 1922, стр. 34; Положение о Радловском кружке.— ИАН СССР, серия VI, т. 16, Пгр., 1922, стр. 139; А. Н. Самойлович. Радлов как турколог (Речь...).— «Новый Восток», М., 1922, № 2, стр. 707—712; Enciclopedia Italiana, XXVIII, Roma, 1935, стр. 731—732; А. Н. Самойлович. Академик В. В. Радлов.— Вестник АН СССР, М., 1937, № 1, стр. 124—125; А. Н. Самойлович. Памяти великого тюрколога академика В. В. Радлова (К 100-летию со дня рождения. 1837—1937).— «Революция и национальности», М., 1937, № 2, стр. 79—81; Kotwitz Wladyslaw. Travaux de W. Radloff relatifs à la langue manchoue.— Rocznik orient, XIV, 1939, s. 103—112; Радлов Василий Васильевич (1837—1918).— БСЭ, т. XLVIII, М., 1941, стлб. 81—82; Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев.— М.—Л., 1953; стр. 34; Sürkü Akkaya. Radloffun hayati ve eserleri, Ankara, 1952; Ahmet Temir. Leben und Schaffen von Friedrich Wilhelm Radloff (1837—1918). Ein Beitrag zur Geschichte der Türkologie.— «Orients», Leiden, 1955, VIII, № 1, стр. 51—93 (Библиография трудов В. В. Радлова — стр. 71—87, литература о нем — стр. 70—71); О. Э. Ливотова. Основная литература об Азиатском музее — Институте востоковедения Академии наук СССР (1776—1954).— Очерки по истории русского востоковедения, II, М., 1956, стр. 502—503 (указатель публикаций о Радлове); Путешествие В. В. Радлова в Туркестанский край для изучения его в этнографическом и лингвистическом отношениях. 1868—1869.— В кн.: Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Материалы к истории изучения Средней Азии, ч. II. 1856—1869. Составитель О. В. Маслова. Материалы к библиографии, вып. VII, Ташкент, Изд-во САГУ, 1956, стр. 89—92; Очерки истории исторической науки в СССР.— III, М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 601, 797; С. Кондучалова. Материалы по киргизскому языку, собранные В. В. Радловым.— Автореферат канд. дисс., Алма-Ата—Фрунзе, 1964, 24 стр.; Б. В. Лунин. Из истории русского востоковедения..., стр. 143—144; Он же. История и древности Туркестанского края в трудах археологических съездов.— ИМКУ, вып. 6, Ташкент, 1965, стр. 206—207; Э. А. Масанов. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР.— Алма-Ата, Изд-во «Наука» КазССР, 1966, стр. 181—182; Ис-

тория исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография.— М., 1965, стр. 616—617; В. А. Гордлевский. Памяти В. В. Радлова (1837—1918). Избранные сочинения, т. IV, М., 1968, стр. 371—372; С. Г. Кляшторный. Радлов Василий Васильевич, СИЭ, т. 11, М.. 1968, стлб. 830; Н. А. Кузнецова и Л. М. Кулагина. Из истории советского востоковедения 1917—1967.— М., ГРВЛ, 1970, стр. 55 и др.; Е. И. Убрятова. Академик В. В. Радлов (К 50-летию со дня смерти).— Известия Сибирского отделения АН СССР, Серия общественных наук, № 6 (956), вып. 2, Новосибирск, 1969, стр. 123—130; Г. Ф. Благова. В. В. Радлов и изучение Сибири.— В кн.: Развитие методов топонимических исследований.— М., 1970, стр. 87—96; К. Ш. Хусаинов. Исследование фонетики и лексики казахского языка в трудах В. В. Радлова.— Автореферат канд. дисс., Алма-Ата, 1971, 26 стр.; Тюркологический сборник. 1971. Ред. коллегия: А. И. Кононов (отв. редактор), С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, С. С. Цельникер.— М., Изд-во «Наука», 1972, 290 стр. (Сборник статей, посвященных памяти акад. В. В. Радлова. Из содержания: А. Н. Кононов. В. В. Радлов и отечественная тюркология, стр. 7—15; М. С. Сильченко. В. В. Радлов и изучение тюркского фольклора, стр. 16—19; С. И. Вайнштейн и С. Г. Кляшторный. В. В. Радлов и историко-этнографическое изучение тюркских народов, стр. 20—31; А. М. Щербак. В. В. Радлов и изучение памятников рунической письменности, стр. 54—63; Д. М. Насилов. В. В. Радлов и изучение древнеуйгурских памятников, стр. 64—101; Г. Ф. Благова. В. В. Радлов и изучение тюркской топонимии в аспекте современных топонимических проблем, стр. 102—131; Литература о В. В. Радлове, стр. 275—277; В. Г. Гусев, Н. А. Дулина и Д. М. Насилов. Тюркологическая конференция памяти В. В. Радлова, стр. 280—290); Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР.— М., ГРВЛ, 1972, стр. 26, 27, 406—411, 413—415 и др.; А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период.— Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1972, стр. 4, 7, 48, 103—114 и др.; Русские путешественники и исследователи о киргизах. Под ред. доктора ист. наук Б. В. Лунина.— Фрунзе, Изд-во «Илим», 1973, стр. 42—43, 187—188.

Личный архив В. В. Радлова. Архив АН СССР, Л., ф. 177, оп. 1 (3419), 2 (3610), 3 (3615), 494 ед. хр., 1828—1929 (ср. Архив Академии наук СССР. Обозрение архивных материалов, т. II, М.—Л., 1946, стр. 160; Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР, Указатель, т. II, Н—Я, М., 1963, стр. 105).

ВИКТОР РОМАНОВИЧ РОЗЕН

ОБЩЕПРИЗНАННЫЙ «основатель новой школы русского востоковедения» (И. Ю. Крачковский) конца XIX— начала XX в., ближайший учитель и наставник В. В. Бартольда (*см*), А. Э. Шмидта *(см.)* и других крупных востоковедов, В. Р. Розен родился в 1849. По окончании Таллинской (Ревельской) гимназии поступил в 1866 на факультет восточных языков Петербургского университета. В 1870 окончил факультет по арабско-персидско-турецко-татарскому разряду и за сочинение «Полная оценка «Шах-намэ» удостоен золотой медали. В 1872 защитил диссертацию на степень магистра арабской словесности по теме «Древнеарабская поэзия и ее критика» и в том же году был избран доцентом по кафедре арабской словесности. С 1879 по 1882 был адъюнктом Академии наук, когда сложил с себя это звание будучи несогласным с порядками, установленными тогда в Академии наук ее непременным секретарем и его окружением, придерживавшихся старых традиций в борьбе с приверженцами нового, буржуазно-либерального направления.

С начала 80-х годов Розен публикует ряд работ, посвященных описанию восточных (арабских, персидских и пр.) рукописей и собраний Азиатского музея, Министерства иностранных дел и др. Среди них особенно выделялось обширное описание рукописей из собрания Института восточных языков Министерства иностранных дел (1886). При этом более обширные статьи ученый посвящал рукописям, заслуживавшим особого внимания, остальные снабжал лишь краткими примечаниями. Благодаря выбранному направлению он имел возможность составить «целый ряд каталогов и указателей таких коллекций, которые при ином

отношении к делу могли бы и до сих пор остаться неописанными» (Н. А. Медников).

В деле подготовки востоковедов большую роль суждено было сыграть арабской хрестоматии, составленной Розеном совместно с его учителем В. Ф. Гиргасом, выдержавшей несколько изданий (1873, 1890, 1900 и др.) и по обилию и важности помещенных в ней текстов долго оставшейся «образцовым руководством для изучения арабского языка, не имевшая себе равного в европейской литературе» (П. К. Коковцов).

В 1883, после защиты диссертации на степень доктора арабской словесности, Розен был утвержден экстраординарным профессором, в 1890 избран экстраординарным и в 1901 — ординарным академиком.

В 1893—1902 он возглавлял факультет восточных языков и временами исполнял обязанности ректора Петербургского университета. 27 февраля 1885 был избран управляющим Восточным отделением Русского Археологического Общества (ВОРАО) и занимал этот пост по день смерти. «Много лет (Розен) был душой факультета восточных языков и Восточного Отделения Русского археологического Общества... Его неисчерпаемой ученостью, его начитанностью, осведомленностью по востоковедению постоянно пользвались очень и очень многие» (Н. Я. Марр). Розен явился создателем «главного органа русского научного востоковедения»—Записок Восточного Отделения Русского Археологического Общества.

Как ученый и человек Розен пользовался высоким авторитетом и уважением в среде востоковедов. Его научные заслуги по достоинству были оценены не только в России, но и за рубежом.

Знаток, трудолюбивый и опытный описатель, тонкий и общепризнанный интерпретатор и аналитик восточных рукописей, Розен настойчиво боролся за то, чтобы российская арабистика и востоковедение в целом заняли достойное место в мировой науке. Он был (по словам Н. Я. Марра) ярким представителем того научного течения, которое стремилось освободить востоковедение от служебной роли и создать из него новую, восточную филологию с самостоятельными задачами.

Как филолог, литературовед, историк Розен являлся эрудитом энциклопедического характера, не замыкавшимся в рамки основной специальности арабиста-исламоведа; он был еще и «знаток арабской доисламской поэзии, персовед, специалист по иранскому эпосу, турковед с специальным интересом к эпосу различных турецких и монгольских племен, кавказовед по интересу его к истории и литературе Кавказа». Научные знания и исследовательский талант Розена «охватывали весь мусульмано-христианский феодальный мир средневекового Востока», и он был «ученым весьма прогрессивного направления, двигающим науку не только введением нового фактического материала,

но и своими наблюдениями, гипотезами и прочими выводами», склонностью к исторической критике источников (А. Ю. Якубовский).

Филологические изыскания Розена тесно переплетались с исследованием и обобщением явлений историко-культурного характера, хотя и не всегда в широком плане и с далеко идущими выводами.

Розен стоял на голову выше многих современников-востоковедов — отечественных и зарубежных — по уважительному отношению к народам Востока и их историческому прошлому.

Принадлежа к числу ученых академического направления, чуждавшихся активной политической жизни, Розен не оставался в то же время равнодушным к косности властей царской России, бюрократическому характеру их действий в области университетского образования. Он отрицательно относился и к крайности казанской школы востоковедения (точнее — исламоведения) с ее ограниченным предвзято-миссионерским подходом к делу. Розен видел в специфических тенденциях развития миссионерского востоковедения серьезную опасность для науки и считал, что речь должна идти не о демагогически-полемических выступлениях о Коране и псевдоученых спорах по его догмам, а о том, чтобы «стараться по возможности содействовать ознакомлению с исламом путем научного исследования» и распространению знаний в среде мусульман, в частности молодежи. Розен был наиболее строг, как критик, в отношении публикаций представителей казанской школы мусульмановедения, причем «нельзя забывать, что эта борьба с тенденциями казанской школы, находившейся под покровительством самого Победоносцева, требовала в период ее расцвета немалой доли гражданского мужества. В биографии Розена она должна занять подобающее место, так как благодаря этому влияние этой школы в нашей серьезной арабистике было парализовано» (И. Ю. Крачковский).

Относя Розена к ученым прогрессивного направления, нет оснований вместе с тем преувеличивать степень этой прогрессивности. Его либерально-оппозиционные настроения отнюдь не были близки не только подлинно-революционной, но и общедемократической оппозиции к государственному строю царской России.

Научная деятельность Розена нашла широкое освещение в литературе. Применительно к Средней Азии он не оставил большого количества специально ей посвященных публикаций. Осталась ненапечатанной его студенческая работа о путешествии Абу-Дулафа по Средней Азии. В 1890 Розен выступил в печати с данными об одном из восточных сочинений, содержащем ценные сведения «об истории тюркской династии, властвовавшей над Мавераннагром в течение V и VI столетий и заменившей в нем саманидскую» (летопись Хилаля ас-Саби, являвшаяся продолжением летописи другого сабэйца, дяди Хилаля-ас-Саби, Сабит б. Синана). В 1879 Розен обратил внимание на хранящийся в Британ-

ском музее небольшой отрывок из летописи, посвященной событиям 390—392 гг. х., и сделал из нее выписку о взятии Бухары войсками Бограхана по рассказу купца Абу-л-Хусейн б. ал-Ясаса. Рассказ этот исследователь считал важным и потому, что он подтверждал огромное влияние Бухары на массу населения. По мнению Розена, летопись Хилаля ас-Саби — в целом один из наиболее важных источников для «первого периода истории династии» караханидов. Отрывок о взятии Бухары он воспроизвел в тексте оригинала и в переводе. Дал он, кроме того, краткое описание рукописи Ибн ал-Асира, полученной Академией наук от эмира бухарского. С Средней Азией был связан и ряд описанных Розеном восточных рукописей.

Помогал Розен также переводить на русский язык собранные В. А. Жуковским (*см.*) арабо- и персоязычные надгробные надписи Средней Азии (в архиве Розена хранятся выписки — «Надгробные надписи шейбанидов»).

Однако влияние Розена на развитие научно-востоковедных изысканий в Средней Азии отнюдь не исчерпывалось его собственными работами среднеазиатского цикла.

Известна роль его как энергичного организатора востоковедческих работ в Туркестанском крае.

«Виктор Романович следил с живым сочувствием и за теми работами русских провинциальных ориенталистов, которые, не обладая необходимой подготовкой и работая вдали от научных центров, были вынуждены ограничиваться собиранием сырого материала... (Он) горячо приветствовал каждую попытку организации научных сил на... окраинах России... (Ему) были близки и понятны всякие научные стремления местных деятелей, как бы ни был далек предмет этих стремлений от круга его собственных занятий» (В. В. Бартольд).

Розен горячо приветствовал от своего имени и от имени руководимого им Восточного отделения Русского Археологического Общества возникновение в 1895 в Ташкенте при участии и содействии Бартольда Туркестанского кружка любителей археологии. В 1897 он писал: «Мы здесь с большим интересом следим за деятельностью Туркестанского Кружка любителей археологии и глубоко убеждены в том, что ему принадлежит блестящая будущность в деле изучения истории и древностей Туркестана». В 1898 Розен был избран почетным членом кружка.

По словам самого Розена, он относился к деятельности кружка «с большим интересом, (будучи) совершенно уверен, что он со временем станет весьма видным научным фактором. Начало всегда трудно; потом будет легче. Очень существенно для подобных провинциальных учреждений строго соразмерять свои предприятия с наличными местными силами, не вдаваться в слишком глубокомысленные ученые исследования, но зато по возможности основательно... собирать и приво-

дить в известность местные материалы, одним словом делать то, что вдали от данного места нельзя делать. И это относится одинаково и к археологии, и к этнографии, и к лингвистике. В этом заключается важный залог успеха» (ЦГА УзССР, ф. 1009, оп. 1; д. 33, л. 7—8).

Сочувственный отклик Розена встретила и попытка издавать в Ташкенте сборник «Средняя Азия» и первый в Туркестане научно-литературный журнал «Среднеазиатский вестник». Розен отмечал целесообразность намеченной программы журнала и желал ему успехов. Значительны заслуги Розена в качестве рецензента научно-краеведческих работ и изданий, публиковавшихся в Ташкенте. Он отмечал сильные и слабые стороны этих публикаций, воздавал должное тому новому и положительному, что в них содержалось, предостерегал от дилетантизма в науке, от «несостоятельности попыток решать сложные исторические вопросы без необходимой подготовки и без применения выработанных наукой методов» (В. В. Бартольд). В ряде рецензий Розен давал местным работникам ценные рекомендации, указывал на стоящие перед ними конкретные задачи и пути их решения. Он стремился «подсказать» туркестановедам некоторые направления их деятельности: изучение ислама, собирание и объяснение известий средневековых авторов о Средней Азии, «приведение в известность литературного, лингвистического и этнографического материала», каталогизация восточных рукописей и др.)

Розен стимулировал интерес исследователей к исторической интерпретации источников, к максимально возможному извлечению из них сведений, касающихся исторической географии, социально-политической, экономической и культурной жизни стран и областей Востока и помогающих установить наиболее точную хронологию событий.

В поощрительном отношении к местным деятелям Розен занимал исключительное место в истории отечественного востоковедения. Он состоял также в личной переписке с рядом туркестановедов, помогал им советами, поддерживал их инициативу и начинания, охотно предоставлял им возможность выступать со своими наиболее серьезными и ценными публикациями в ЗВОРАО. Благодаря его вниманию к новейшей поэзии в среде коренного населения Средней Азии на страницах «Записок» были напечатаны отдельные произведения Мукими и других авторов.

Среди рецензий Розена на среднеазиатские издания — рецензии на «Туркестанский сборник» В. И. Межова, русско-персидский словарь В. П. Наливкина (*см.*), на работы Е. Т .Смирнова (*см.*) «Султан Кенисара и Садык» и Н. П. Остроумова (*см.*) «Сарты», на журнал «Среднеазиатский вестник» и др.

Скончался Розен 10 (23) января 1908 в Петербурге.

Указатели публикаций В. Р. Розена: И. Ю. Крачковский. Список трудов Виктора Романовича Розена. — ИАН, VI серия, т. II, № 2, СПб., 1908, стр. 175—182; Он же. Список трудов Виктора Романовича Розена. — ЗВОРАО, т. XVIII, СПб., 1908. Приложение, стр. 39—48 («Перепечатано с некоторыми дополнениями, сделанными автором», из «Известий Имп. Акад. наук», 1908, стр. 175—182); Он же. Список трудов барона Виктора Романовича Розена. — Mélanges asiatiques, 1907—1908, т. XIII, стр. 173—180; Список трудов В. Р. Розена, составленный И. Ю. Крачковским. — Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1908 год. — СПб., 1909; Материалы для биографического словаря действительных членов Академии наук, ч. II, Пгр., 1917, стр. 137—142 (список работ: 154 названия); И. Ю. Крачковский. Дополнение к библиографии работ барона В. Р. Розена и материалов о нем. — Записки коллегии востоковедов, т. III, вып. 2, Л.,1928, стр. 267—268. **Дополнения составителя:** В. Р. Розен. Пробная лекция об Абу Нувасе и его поэзии (читана в заседании факультета восточных языков 21 сентября 1872 г.). — В кн.: Памяти акад. В. Р. Розена, М.—Л., 1947, стр. 57—71; Он же. Отрывки из очерка истории арабской литературы. — Там же, стр. 72—116; Он же. Письмо акад. Я. Г. Гроту (1882). — Там же, стр. 117—130; Он же. Научная автохарактеристика. — Там же, стр. 131—135 (из посмертных материалов В. Р. Розена); О. Ф. Акимушкин и Ю. Е. Борщевский. Материалы для библиографии работ о персидских рукописях. — «Народы Азии и Африки», М., 1963, № 3, стр. 172 (указатель публикаций Розена с описанием восточных рукописей). Личный архив В. Р. Розена. — Архив АН СССР, ф. 777, 772 ед. хр., 1647—XVIII в.; 1848—1907.

Указатель литературы о В. Р. Розене: В. Радлов, В. Васильев, А. Наук, К. Залеман, В. Васильевский. Представление об избрании проф. В. Р. Розена в экстраординарные академики.—Протоколы заседаний Имп. Академии наук, СПб., 1890 (при протоколе заседания историко-филологического отделения 24 октября 1890); A. de Gubernatis. Dictionnaire international des écrivains du jour.— III-me section, 1891, p. 1700; Rosen, Victor, russ. orientalist.— Brockhaus' Konversations-Lexikon. 14-te auflage, Bd. XIII, Lpz., 1895, p. 996—997; Сборник статей учеников профессора Виктора Романовича Розена ко дню двадцатипятилетия его первой лекции 13 ноября 1872—1897. — СПб., 1897; Розен, Виктор Романович.— Биографический словарь профессоров и преподавателей С.-Петербургского университета, т. II, СПб., 1898, стр. 150—151; Розен В. Р.— Энциклопедический словарь «Брокгазу-Ефрон», т. XXVII (53), СПб., 1899, стр. 13; П. Никитин, Н. Веселовский, В. Радлов, В. Латышев, К. Залеман, И. Дубровин, С. Ольденбург. Представление об избрании экстраординарного академика В. Р. Розена в ординарные академики.— Протоколы заседаний

Имп. Академии наук 1900 г.; II-ое Примечание к протоколу заседания историко-филологического отделения 11 октября и к протоколу заседания общего собрания 2 декабря 1900 г.; Н. И. Веселовский. 30 лет ученой деятельности барона В. Р. Розена.— ЖМНП, ч. 344, СПб., 1902, декабрь, № 12, отд. 5, Современная летопись, стр. 157—161; Розен Виктор Романович.— Малый энциклопедический словарь «Брокгауз-Ефрон», т. III, СПб., 1902, стлб. 990—991; Розен Виктор, ориенталист.— Большая энциклопедия. Под ред. С. Н. Южакова, т. XVI, СПб., 1904, стр. 405; Розен В. Р.— Большая энциклопедия Т-ва «Просвещение», т. XVI, 1904, стр. 405; А. В. Р. Розен. Некролог.—«Россия», 11 января 1908; A. Peters. Akademiker Viktor Baron Rosen [Некролог].— St.Petersburger Zeitung, 11 (24) Januar, 1908; В. В. Бартольд. Барон В. Р. Розен и русский провинциальный ориентализм.— ЗВОРАО, т. XVIII, СПб., 1908, стр. 31—38; Н. И. Веселовский. Барон Виктор Романович Розен. Некролог.— ЖМНП, Новая серия, ч. XIV, № 4, отд. 4, СПб., 1908, стр. 167—188; П. К. Коковцов. В. Р. Розен.— ИАН, VI серия, СПб., 1908, № 2, стр. 167—182; Н. А. Медников. Барон В. Р. Розен как арабист.— ЗВОРАО, т. XVIII, СПб., 1908, стр. 1—7; Н. М[арр]. Виктор Романович Розен. Некролог.— «Новое время», 12 января 1908, № 11435; Н. Я. Марр. Памяти Виктора Романовича Розена.— Санкт-Петербургские ведомости, 13 января 1908, № 11 (тексты перепечатаны: ИАК, Прибавление к вып. 27-му, СПб., 1908, стр. 73—75); Он же. Барон В. Р. Розен и христианский Восток.— ЗВОРАО, т. XVIII, СПб., 1908, стр. 8—30; П. К. Коковцов. Барон В. Р. Розен. 1849—1908. Некролог.— Mélanges asiatiques, т. XIII, СПб., 1907—1908, стр. 165—172; И. Ю. Крачковский. Памяти В. Р. Розена.— ТВ, 1908, № 22 (также ПТКЛА, XIII, Ташкент, 1909, стр. 5—10); А. Е. Крымский. Розен Виктор Романович, крупный русский арабист (1849—1908).— Энциклопедический словарь Русского библиографического института «Гранат», т. XXXVI, ч. 3, М., б, г,, стлб. 128—129; Н. М[едников]. В. Р. Розен. Некролог.— «Новое время», 12 января 1908, № 14335; Л. Мсериянц. Барон Виктор Романович Розен (Некролог).— Русский филологический вестник, Варшава, 1908, № 1/2, стр. 381—387; Н. П. Остроумов. В. Р. Розен. Некролог.— ТВ, 1908, № 10; В. Р. Розен. Некролог.— «Исторический вестник», СПб., 1908, № 2, стр. 755—756; В. Р. Розен. Некролог.— Московские ведомости, 13 января 1908, № 11; В. Р. Розен. Некролог.— «Нива», 26 января 1908, № 4; Проф. В. Р. Розен. Некролог.— Санкт-Петербургские ведомости, № 11 (24) января 1908; В. Р. Розен. Некролог.— Санкт-Петербургский листок, 11 января 1908, № 11; А. Руднев. Виктор Романович Розен Некролог.— Биржевые ведомости, СПб., 10 (23) января 1908, № 10293; А. Э. Шмидт. В. Р. Розен. Некролог.— Санкт-Петербургские ведомости, 11 января 1908, № 9; E. Babelon. Comptes rendus des Siances de l'Akademie des inscriptions et Belles Lettres pendant l'année 1908. Bulletin de Janvier, p. 38—39; I. G[u i d i].

[В. Р. Розен].— Pivistra degli Studi Orientali, 1908, 1, 575—576; A. Salhani. [В. Р. Розен].— «Al-Bachir», 17. 11. 1908, № 1845; A. Khachehab. [В. Р. Розен].—«Al-Machrig», 1908, № 3, s. 171—173; Н. И. Веселовский. В. Р. Розен.— Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1908 год.— СПб., 1909, стр. 11—30; А. Васильев. Виктор Романович Розен (Род. 21-го февраля 1849 г., ск. 10 января 1908 г.). Некролог.— Византийский временник, т. XIV, СПб., 1907 (1909), стр. 483—492; Памяти Виктора Романовича Розена. Сообщения, читаемые в заседании Отделения 20 ноября 1908 г., и список трудов В. Р. Розена, СПб., 1909, 48 стр. (Приложение к XVIII тому ЗВОРАО); Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864—1914), т. II, М., 1915, стр. 305; Розен Виктор Романович.— Материалы для биографического словаря действительных членов Академии наук, ч. II, Пгр., 1917, стр. 136—142; И. Ю. Крачковский. Опись бумаг В. Р. Розена, поступивших в Азиатский музей Российской Академии наук.—ИРАН, VI серия, Пгр., 1918, № 13, стр. 1323—1350; Речь бар. В. Р. Розена перед защитой докторской диссертации в 1883 г. Предисловие И. Ю. Крачковского.— Записки Коллегии востоковедов, Л., 1925, т. I, стр. 281—290; И. Ю. Крачковский. Русские письма академику В. Р. Розену в Азиатском музее Академии наук СССР.— Доклады АН СССР, Серия В, Л., 1929, № 12, стр. 228—235; Н. Я. Марр. Доистория, предистория, история и мышление.— Известия Государственной академии истории материальной культуры, вып. 74, Л., 1933, стр. 21—25 (характеристика В. Р. Розена); Памяти академика В. Р. Розена. Статьи и материалы к 40-летию со дня его смерти (1908—1948). Под ред. И. Ю. Крачковского.— М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947, 136 стр.; И. Ю. Крачковский. Вступительное слово к сборнику: Памяти академика В. Р. Розена, М.—Л., 1947, стр. 7—9; Он же. Рукописное наследие В. Р. Розена и его разработка за 30 лет.— В кн.: Памяти академика В. Р. Розена, М.—Л., 1947, стр. 45—53 (также: И. Ю. Крачковский. Избранные сочинения, т. V); А. Э. Шмидт. Памяти незабвенного учителя.— Там же, стр. 11—17; А. Ю. Якубовский. Виктор Романович Розен как историк.— Там же, стр. 19—44; Розен В. Р.— БСЭ, т. 36, М., 1955, стр. 625; О. Э. Ливотова. Основная литература об Азиатском музее — Институте востоковедения Академии наук СССР (1776—1954).— Очерки по истории русского востоковедения, II, М., 1956, стр. 503—505 (указатель публикаций о Розене); Б. В. Лунин. Средняя Азия..., стр. 184—185; Х. И. Кильберг. Розен Виктор Романович.— СИЭ, т. XII, М., 1969, стр. 116—118; Азиатский музей—Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР.— ГРВЛ, 1972, стр. 22, 25, 274—281 и др.; Б. М. Данциг. Ближний Восток в русской науке и литературе (Дооктябрьский период).— М., Изд-во «Наука», ГРВЛ, 1973, стр. 255—259.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ РОСТИСЛАВОВ

М. Н. РОСТИСЛАВОВ — уроженец Вологды и воспитанник местной гимназии. В 1872 окончил факультет восточных языков Петербургского университета со степенью кандидата. Его стремлением было посвятить себя изучению восточных литератур, в связи с чем он предполагал направиться в Иран, а затем в Турцию. Обстоятельства сложились, однако, иначе и Ростиславов был направлен на службу в Туркестанский край, где распоряжением туркестанского генерал-губернатора его определили на работу в Каттакурганском отделе Зарафшанского округа, а через несколько месяцев назначили чиновником особых поручений при начальнике округа (1873). Здесь он с самого начала проявил себя в качестве страстного любителя старины, собирателя восточных рукописей, а также монет и других предметов древности. Главным образом именно ему наука обязана учреждением в Самарканде при окружной канцелярии хранилища древностей — зародыша будущего самаркандского музея, в основу которого легли собрания самого Ростиславова — обстоятельство совершенно забытое в позднейшей летописи истории этого музея. Как писал Ростиславов 12 июня 1875, «все это (уже собранные в Самарканде коллекции) вместе взятое может служить хорошим основанием не только для археологического, но для богатого этнографического музеума, образование которого в Туркестанском крае не только полезно, но даже необходимо».

Ростиславова интересовали народные предания, связанные с памятниками монументальной архитектуры Самарканда, раскопки, ко-

торые велись Борзенковым на городище Афрасиаб, и вообще вопросы изучения местных памятников древности.

Особо имя Ростиславова должно быть отмечено в связи с накоплением первичных данных о возможном месте нахождения обсерватории Улугбека. Еще задолго до известных раскопок В. Л. Вяткина, приведших к открытию остатков обсерватории, внимание Ростиславова привлек холм в окрестностях города, известный среди местного населения под названием «По-и-расад» («Подножие обсерватории»). Ростиславов указывал на присутствие здесь следов былых строений, жженых кирпичей, изразцов и т. п.

Ростиславову принадлежала инициатива организации в Самарканде в 1875 отделения Туркестанского статистического комитета, ставившего целью «собирать и группировать статистический материал, без которого неполны и неясны ученые исследования». По организации отделения Ростиславов был избран его секретарем. Интересовался он, наконец, и вопросами народного образования в крае.

На страницах газеты «Туркестанские ведомости» Ростиславов опубликовал ряд статей краеведческого характера, в которых одним из первых обратил внимание на значение вакфных документов в качестве исторических источников.

В докладе на III Международном конгрессе (съезде) ориенталистов в Петербурге в 1876 Ростиславов отметил остроту поземельного вопроса в Туркестане, его огромную важность для благосостояния края. Он писал, что «как всестороннее изучение всякого нового края не может быть делом двух-трех лет, так и преобразование его, немыслимое без этого изучения, должно быть постепенное, без насильственной ломки понятий и убеждений, вошедших в плоть и кровь народа в продолжение веками сложившейся жизни, которую переделать вдруг, по другой мерке, никто не в состоянии».

К анализу поземельного вопроса Ростиславов привлек ряд восточных рукописей («мусульманские юридические сочинения»).

Ростиславова интересовали различные виды земельных отношений. Одним из первых он пытался выяснить религиозную и правовую сторону происхождения амляковых, или государственных, земель. По его словам, «амляковые земли должны оплачиваться полным окладов всех родов податей, которые полностью же поступают в казну. Вследствие последнего обстоятельства, эти земли называются иначе землями хераджи, т. е. «оплачиваемыми податями». Обрабатывающий их — не более как арендатор и имеет право только на известный процент вознаграждения, обуславливаемый количеством положенного в дело труда».

Ростиславов отмечал, что «посредством известного рода операций» амляковые земли могут превращаться в мильк («собственные») и рассматривал различные варианты такого обращения (мильки-хурри-ха-

лис — «свободные от податей», мильки-хераджи — «мильк, оплачиваемый податями», последние имеют еще два вида: ушри и даяк (дах'як) — «одна десятая часть»). Автор рассматривал также сущность хараджа, отмечая, что «главное отличительное свойство мильковых земель (всегда хурри-халис) есть их отчуждаемость».

Много внимания Ростиславов уделял вакфным землям («самое существо их и значение»), рассматривая различные варианты образования вакфов и владельцев вакфных земель в лице духовных учреждений (мечети, мадраса, ханаки, мазары, тагарат-хана и др.), а также в лице различных корпораций. Все вакфы делились им на две категории: 1) принадлежавшие мечетям, мадраса, могилам святых, кладбищам, домам для совершения омовений (тагарат-хана) и другим учреждениям и 2) аулад («наследники», семейный вакф) и дах'як (десятина).

Плодотворная туркестановедческая деятельность Ростиславова прервалась в начале 1878, когда он был отозван властями и направлен в Болгарию (в связи с событиями русско-турецкой войны 1877—1878) «для участия в организационных работах по устройству княжества Болгарского». По возвращении в Россию Ростиславов посетил родную Вологду, откуда должен был вернуться в Туркестан для продолжения работы. По дороге сюда он трагически погиб (утонул 2 июля вблизи Сергиополя), оставив по себе память, как «честнейший человек и даровитый труженик» (слова Н. И. Веселовского).

Указатель публикаций М. Н. Ростиславова: Несколько слов о важности вакуфных документов в историческом отношении. — ТВ, 1873, № 42; Заметки по вакуфному вопросу. — ТВ, 1873, № 49; Предание о царице Биби-ханым. — ТВ, 1875, № 27 (см. также: ПТКЛА, Год третий, 1897—1898, стр. 140—144); Об археологических изысканиях в Зеравшанском округе. — ТВ, 1875, № 27 (см. также ПТКЛА, Год третий, 1897—1898, стр. 144—149); Еще по поводу археологических изысканий в Зеравшанском округе. — ТВ, 1876, № 86; О настоящем положении мусульманских школ в Зеравшанском округе. — ТВ, 1875, № 31; Очерк видов земельной собственности и поземельный вопрос в Туркестанском крае. — Труды Третьего международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге, 1876, т. I, стр. 327—359 (ср. Н И. Веселовский. Труды Третьего международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге, 1876.—ЖМНП, ч. CCXIX, СПб., 1882, январь, стр. 211—212); Несколько слов об ишанах (ходжах) и значении их деятельности. — ТВ, 1877, № 14.

Литература о М. Н. Ростиславове: ТВ, 1880, № 34; В. М. Михаил Николаевич Ростиславов (Некролог). — ТВ, 1880, № 34; Дополнение к некрологу. — ТВ, 1880, № 40.

МИРЗА АБДАЛ'АЗИМ САМИ

В РЯДУ историков второй половины XIX — начале XX в. из среды коренного населения Узбекистана заметное место принадлежит бухарцу Мирзе-Мухаммаду Абдал'азим «Сами» Бустани. Биографические данные о нем содержатся прежде всего в его собственных произведениях и в нескольких среднеазиатских тазкира.

Родился Сами в 1835 (1836?) близ Бухары. Учился в родном селении Бустани, затем в Бухаре; ближайшим учителем его был казий Сададдин Махир.

В дальнейшем Сами служил писцом у разных правителей области (хакимов), в 1860 был назначен секретарем (мунши) бухарского эмира Музаффара, а затем его преемника Абдалахада.

В начале 60-х годов XIX в. Сами в качестве свидетеля событий вел по поручению эмира Музаффара дневниковые записи военных действий последнего против хакимов Китаба и Шахрисабза. Позднее Сами выступил в этой же роли («наблюдающего за событиями») в ходе действий вооруженных сил эмира, двинутых на Коканд во время наступления царских войск на Ташкент. Сами был очевидцем и наступления последних на Самарканд (1868). В 1884—1885 он посетил Петербург в составе бухарского посольства.

После многолетней службы при дворе Абдалахада Сами попал в опалу и подвергся гонению, предположительно за критические взгляды на быт и нравы придворной знати; обремененный большой семьей, жил в нужде, добывая средства к существованию перепиской документов и рукописей.

Перу Сами, помимо ряда поэтических произведений и специальных трактатов по письмоводству, принадлежат рукописные сочинения «Туфха-и шахи» («Подарок шаху») и «Тарих-и салатин-и мангитийа» («История мангытских государей»), а также несколько исторических хроник. Первый из названных трудов написан в 1317/1899 (1319/1901?), второй — несколькими годами позже, они отличаются друг от друга по духу и содержанию. Если «Подарок шаху» выдержан в традициях придворных хроник панегерического стиля, то «История мангытских государей» характерна оппозиционными настроениями автора, его критическим отношением к окружающему (поэтому в научных кругах первое из сочинений принято рассматривать в виде «официальной» версии, а второе — в качестве версии «неофициальной» или «нелегальной». Обе рукописи в той или иной мере дополняют друг друга. По свидетельству И. Адилова — знатока восточных рукописей, хорошо знавшего круг читателей «нелегальной» версии рукописи Сами, последний «принадлежал к числу тех лиц, которые не были довольны самодержавным режимом (Бухары) того времени»; вот почему Сами «тайно написал... труд, в котором он в известной мере подвергает критике эмира, придворных и именитых улемов».

Сами не сумел распознать объективно прогрессивные последствия присоединения Средней Азии к России, питал ложные иллюзии о пользе вмешательства в среднеазиатские дела турецкого султана Абдулхамида II и т. п.

Тем не менее его рукописное наследие при критическом подходе является источником ценных фактических данных к истории Бухары и прилегающих местностей. Особенно значительны известия о межфеодальных распрях и выступлениях мятежных феодалов, рассуждения о сущности и действиях советов феодальной знати.

При ограниченном количестве местных среднеазиатских сочинений на тему присоединения Средней Азии к России материалы, содержащиеся в рукописях Сами (при наличии многих ошибок и неточностей фактического характера), представляют несомненный интерес. Внимание исследователей привлекают, в частности, сведения о жестоком притеснении населения кокандскими властителями, о положении народных масс. Сами повествует о событиях, связанных с междоусобной борьбой за Ташкент, Самарканд и другие города. Приводимые им данные позволяют более полно уяснить характер выступления Абдулмалика тюри, в котором автор видит ставленника правителей Шахрисабза, Хисара и других горных областей, противостоявших централизаторским устремлениям властей Бухары. Сами описывает также события, происходившие после занятия царскими войсками Самарканда и других городов, отношения между колониальной администрацией и эмиром Бухары. Стремясь обелить действия властей в отношении бу-

харских выступлений трудового люда («Подарок шаху»), историк приводит в то же время ряд сведений о тяжелом положении масс.

Правда, и «нелегальная» версия сочинения Сами отнюдь не лишена тенденциозности в освещении событий, хотя, как сказано, написана с большей долей тех или иных критических замечаний в адрес социальных порядков Бухары, что делает ее еще более ценным историческим источником. Следует также добавить, что при наличии неверной оценки автором последствий присоединения Средней Азии к России все же ряд сообщаемых им фактов свидетельствует об объективной прогрессивности этого события. «Основное значение произведения Сами как первоисточника заключается в том, что в нем отражена внутренняя политическая и экономическая обстановка в ханстве» в период присоединения края к России (Л. М. Епифанова).

Есть основания предполагать, что «нелегальная» версия сочинения Сами написана под влиянием либерально настроенного верховного судьи Бухары Шарифджана, в доме которого (по свидетельству Садриддина Айни) историк бывал не раз. Обращает на себя внимание факт личного знакомства Сами с Ахмадом Донишем (*см.*).

Скончался Сами (точная дата смерти неизвестна) после октября 1914 (к этому времени относится сохранившийся его автограф); раньше считалось, что он умер в 1325 г. х., или в 1907—1908.

В литературе нет единства взглядов на оценку социального облика и значимости произведений Сами. По мнению С. Айни, он был смелым и упорным критиком антинародных нравов придворных кругов Бухары, по мнению других исследователей — демократом-просветителем, поднимавшимся даже «до идеала республиканского образа правления», и, наоборот, — выразителем «идеологии феодально-клерикальной клики и местной националистической буржуазии». Л. М. Епифанова, отмечая общение Сами с просветителями (Ахмад Дониш и др.), считает, что с последними Сами роднило критическое отношение к порядкам и нравам придворных кругов эмирата. В то же время Сами не выходил за рамки стремления укрепить политическое положение эмирата путем восстановления былых позиций и могущества феодальной знати во главе с «благочестивым и справедливым» государем. Не чужды были ему и настроения панисламистского характера. Во всяком случае следует признать излишними и преувеличенными попытки чрезмерного подчеркивания якобы далеко идущих прогрессивных взглядов Сами.

Издания сочинений Мирзы Абдал'азим Сами: Мирза Абдал' азим Сами Тарих-и салатин-и мангитийа (История мангытских государей). Издание текста, предисловие, перевод и примечания Л. М. Епифановой.— М., ИВЛ, 1962, 179 стр +150 стр. вост. пагинации.

Литература о Мирзе Абдал'азим Сами: Садриддин Айни. Намуна-и адабиёти таджик. — М., 1924, стр. 335—339; Г. Н. Чабров. Новый источник по истории Бухарского ханства. — Бюллетень АН УзССР, Ташкент, 1947, № 3 стр. 23—25 (указание на перевод рукописи «Подарок шаху» Гасанбековым в 1940 г. с персидского оригинала): История народов Узбекистана, т. II, Ташкент, 1947, стр. 10—13; И. С. Брагинский. Садриддин Айни. — Сталинабад, 1948, стр. 24—25; З. Р. Раджаби Мирзо Азим Сами. — «Шарки сурх», Душанбе, 1947, № 5, стр. 26—30; Он же. Развитие общественной мысли таджикского народа во второй половине XIX века и начале XX века. Краткий очерк.— Сталинабад, 1951, стр. 3, 5; Антология таджикской поэзии. — М., 1951, стр. 491—492 (образцы обличительных поэтических произведений Сами); Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР, т. I, Ташкент, 1952, стр. 92—93, № 235—236; Каталог восточных рукописей Академии наук Таджикской ССР, т. 2, Душанбе, 1960, стр. 116—118, № 120; С. Айни. Воспоминания. — М.—Л., Изд-во АН СССР, стр. 383—406 (также «Шарк и сурх», Душанбе, 1949, № 11); Л. М. Епифанова. Неофициальная версия истории Бухары Мирзы Абдалазима Сами «Тарих-и салатин-и мангитийа-и дар ас-салтана-и Бухара-йи шариф» (2-я половина XIX века).— Ташкент, Автореферат канд. дисс., 1959, 16 стр.; Она же. Рукописные источники по истории Средней Азии периода присоединения ее к России (Бухара). Под редакцией и при участии А. Урунбаева. — Ташкент, «Наука», 1965, стр. 22—43. Также: Ч. А. Стори. Персидская литература. — Био-библиографический обзор. Перевод с английского.— Ч. II, М., ГРВЛ, 1972, стр. 1171—1172, № 1032 (здесь же см. о других сочинениях Сами).

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ САМОЙЛОВИЧ

ИЗВЕСТНЫЙ востоковед-тюрколог А. Н Самойлович родился 17 декабря 1880 в Нижнем Новгороде в семье директора гимназии, окончил в 1899 с серебряной медалью гимназию и поступил на факультет восточных языков Петербургского университета. Будучи студентом, Самойлович составил и издал по совету В. В. Бартольда студенческое пособие «Западный Туркестан со времени завоевания арабами до монгольского завоевания». Собственно научная деятельность его началась с доклада 29 апреля 1904 в Восточном отделении Русского Археологического Общества («Туркменская поэма о столкновении туркмен с персами в 60-х годах XIX столетия»).

После смерти в 1906 своего ближайшего учителя П. М. Мелиоранского (*см.*) Самойлович принял на себя чтение в университете курса турецкого языка и литературы и лекций по введению в тюрко-татарские языки. 1 июля 1907 он был утвержден приват-доцентом университета. В 1911—1917 преподавал также турецкий язык в Практической восточной академии, а с 1910 по 1915 состоял секретарем этнографического отделения Русского Географического Общества, участвовал совместно с В. И. Ламанским в редактировании журнала «Живая старина».

Самойлович много путешествовал по странам Запада и Востока. В 1915 был удостоен степени магистра турецко-татарской словесности за книгу «Абду-с Саттар казы. Книга рассказов о битвах текинцев». До революции он посещал Среднюю Азию в 1902, 1906, 1908 и 1916.

В области изучения Средней Азии Самойлович больше всего трудился в сфере туркменской литературы, в которой видел продолжение

раннесредневековой письменной тюркской литературы Средней Азии. Именно ему наука обязана опровержением распространенного мнения о том, что «самостоятельного туркменского наречия... в настоящее время нет». На примерах из фонетики и «учения о формах» Самойлович доказал обратное.

Туркмены особенно интересовали ученого и потому, что он видел в них «потомков «тугю» китайских источников, «огузов» орхонских надписей, «гузов» арабских географов и историков, «узов» византийских хронографов, «торков», «туркменов» и «таурменов» русских летописей, племен, из коих вышло некогда две славных династии Сельджукидов и Османцев...»

Много внимания уделял Самойлович литературам чагатайской и узбекской, этнографии среднеазиатских народов, сиро-тюркской эпиграфике Семиречья.

Верный традициям Веселовского, Бартольда, Розена, он держал в поле зрения работы местных деятелей, благожелательно и вместе с тем взыскательно рецензировал их труды. Самойлович поддерживал дружеские контакты с представителями коренного населения Средней Азии, живо интересовался процессом зарождения местной интеллигенции, испытывавшей влияние русской культуры. Так, находясь в Хиве в 1908, он завязал знакомство и беседовал с Баба ахун Мухаммед Салиевым, Бекджаном Рахмановым и др. Некоторые из них состояли потом в переписке с Самойловичем. По словам самого исследователя, всюду он «встречал гостеприимный прием и получал содействие».

В числе «старинных приятелей» Самойловича был также практикант учительской семинарии и автор «Устоди авваль» для русско-туземных школ Туркестанского края (изд. VI, 1907) мулла Саид-Расуль. Он сообщал Самойловичу ценные сведения о языке и быте ташкентцев, делился своими наблюдениями «над ходом учебного дела» среди коренного местного населения.

Самойлович не упускал возможностей приобретения на местах восточных рукописей. Находясь в 1906—1907 в Средней Азии, он работал над сочинениями Абу-л-Гази (Ташкентская публичная библиотека) и диваном Махтум-Кули (по семи спискам и двум изданиям).

В 1908 в Ташкенте Самойлович получил в дар и приобрел несколько литографированных изданий и автографов; среди последних было «очень длинное письмо в стихах (130 двустиший) известного кокандского поэта Фиркат, написанное последним из Константинополя Ташкенским друзьям».

В 1908 Самойловичу удалось получить на короткое время доступ в библиотеку хивинского хана. «Торопливо перебирая рукописи в замковой (арк) библиотеке хивинского хана и обращая преимуществен-

ное внимание на среднеазиатско-турецкие сочинения», он обнаружил роскошно оформленную рукопись «Шейбани-наме», заключенную историю Шейбани-хана, составленную по-персидски известным современником хана историком и поэтом Бенаи («Книга о Шейбани-хане», автор которой — поэт Али б. Мухаммед ал-Хереви, известный под прозвищем Бенаи; отмеченный Самойловичем экземпляр данной рукописи, переписанной частично самим Шейбани-ханом, частично его секретарем и каллиграфом Мирзой Мумин Мунши, хранится в собрании восточных рукописей Института востоковедения АН УзССР).

Самойловичу, единственному из русских ученых, удалось (после событий 1873) увидеть библиотеку хивинских ханов. К сожалению, осталось неизданным его сообщение «Хивинские придворные книгохранилища и книгопечатня», сделанное на заседании Восточного отделения РАО 19 марта 1909 и упомянутое им в 1913. Однако текст этого сообщения сохранился.

Октябрьская революция застала Самойловича в расцвете творческих сил. Он преподает в вузах Москвы и Петрограда, участвует в перестройке востоковедческих учреждений, является консультантом отдела Востока Наркоминдела РСФСР, по заданию которого посещает в 1921—1922 Туркестанскую АССР, Бухарскую и Хорезмскую Народные Советские Республики, где ведет большую общественно-организаторскую и научную деятельность. «Благодаря своим знаниям языков, нравов и обычаев проживающих там народов ученый оказывает большую помощь полпредствам РСФСР в Бухаре и Хиве в налаживании более тесных и глубоких связей Российской Федерации с молодыми народными республиками, в укреплении республиканских советских и партийных органов власти, проведении в жизнь ленинской национальной политики. А. Н. Самойлович принимает участие в местных советских и партийных курултаях и переводит обращенные к ним речи полпредов, помогает назирам составлять доклады для курултаев, выступает от имени полпредов на народных митингах, организует всенародные праздники единения узбеков с туркменами, редактирует узбекский текст конституции, изучает актуальные в то время вакуфный и земельно-водный вопросы, близко знакомится с положением юстиции и просвещения в республиках, переводит с узбекского на русский «Историю Бухарской революции Айни и т. п.» (Ф. Д. Ашнин).

С 1922 Самойлович — на посту ректора Петроградского института живых восточных языков, а также в должности (до ноября 1929) заведующего этнографическим отделом Государственного Русского музея. В 1925 он был избран членом-корреспондентом АН СССР, а в 1929 ее действительным членом, причем четыре года подряд являлся академиком-секретарем Отделения гуманитарных наук Академии. В 1932 Самойлович возглавил Казахстанскую базу АН СССР, а с на-

чала 1934—Институт востоковедения АН СССР, где совмещал должность директора и заведующего сектором литературы.

Особенно успешно занимался Самойлович историей так называемого среднеазиатско-турецкого (тюркского) литературного языка в его отношении к литературному переднеазиатско-турецкому, староосманскому языку и литературным языкам «провинциальным», хотя и тесно связанным с классическим языком, но имеющим свои местные особенности. Исследования Самойловича в этой сфере основывались на изучении ряда рукописей, начиная от «Кутадгу-билиг» и золотоордынских ярлыков и через Навои и Бабура до хивинских и туркменских поэтов конца XIX в. включительно. С выводами Самойловича согласилось большинство ученых нашего времени.

Самойлович выделял ориентировочно четыре основных периода в развитии «среднеазиатско-турецкого (тюркского)» языка: I — «с центром в Кашгаре и с исходным моментом образования караханидского государства» — охватывает приблизительно XI—XIII вв. и представлен в первую очередь «Кутадгу-билиг»; II — «с центрами в бассейне нижнего течения Сыр-Дарьи и в Хорезме и с исходным моментом укрепления ислама среди огузов и кипчаков» — обнимает примерно XIII—XIV вв. и представлен такими произведениями, как «Мухаббетнамэ» Хорезми, «Хосров и Ширин» Кутба, «Гулистан» Са'ди, «Нахджул-Фарадис», отражающие кипчакский и огузский диалекты, существовавшие в пределах Джучиева улуса; III — собственно чагатайский период «с рядом центров в оседлой части Чагатайского улуса и с исходным моментом укрепления культурной жизни в тимуридских владениях» — с XV в. вплоть до начала XX в., олицетворенный творениями Алишера Навои, диваном Хусейна Байкары, сочинениями Атаи и многими другими, составившими вместе золотой век в истории среднеазиатской тюркоязычной литературы и IV — время развития литературного среднеазиатского тюркского языка, период, пришедший на смену «чагатайскому» и уже всецело связанный с современным литературным узбекским языком.

Непосредственное отношение к Узбекистану (помимо общих трудов по языку и литературе Средней Азии) имеют такие работы Самойловича, как «К изучению хивинского ханства» (1909), «Два отрывка из «Хорезм-намэ» и «Шейбани-намэ. Персидский уникум библиотеки хивинского хана» (1910), «Хронограмма Ахмед-табиба на смерть... Мухаммед Рахим бахадыр хана...» (1913), «Первое тайное общество младобухарцев» (1922), «Кукольный театр в Туркестане» (1923), «Извлечения из трактата по просодии Мир Али Шира Неваи «Мизаку-ль авзан» (1926), «Туркестанский устав-рисоля цехов артистов» (1927) и другие, включая ряд рецензий на изданные в Ташкенте работы историко-востоковедческого характера.

Живо интересуясь литературой чагатайской и узбекской, Самойлович опубликовал стихотворения Бабура, статьи о творчестве Навои, Эмири, Атаи, Лютфи и др.

В обширном и многогранном научном наследии Самойловича есть работы об историческом прошлом Средней Азии. Так, в его комментарии к изданию исторической поэмы Абду-с Саттар казы («Книга рассказов о битвах текинцев») специальный раздел посвящен анализу содержания «Книги рассказов». Наименования глав этого отдела говорят сами за себя: «Расселение туркменских племен в закаспийских степях и туркмено-персидские отношения», «Война Нур-верди-хана с Джафар-кули-ханом под Карры-калой», «Текинско-сарыцкая распря из-за обладания Мервским оазисом», «Война Коушут-хана с Хамзой мирзою», «Нур-верди-хан, его сподвижники и противники» и др. Следуя аналитическому освещению соответствующих мест в поэме Абду-с Саттар казы, Самойлович характеризовал «административную и военную организацию туркменов», их «военные приемы и вооружение», «мирный быт» и другие вопросы, имевшие прямое отношение к истории туркменского народа.

Весьма примечательна в смысле тяготения Самойловича к историко-социальной тематике его попытка семасиологически проследить на примере тюркских языков «историю слов «богатый и бедный» в социальном их значении, начиная с весьма давних времен варварства (по терминологии Моргана-Энгельса), со времен бесписьменных и кончая нашей современностью».

Для историков и археологов важны статьи Самойловича о двенадцатилетнем животном календарном цикле у турецких племен. Накопленные по этому вопросу наблюдения позволили автору высказать соображения о датировке важнейшего исторического источника «Codex Comanicus».

Исключительно ценен для историков краткий очерк Самойловича о зарождении движения младобухарцев.

А. Н. Самойлович первым обратил внимание на такое новое явление в культурной жизни коренного населения Туркестана, как показ на сцене любительских спектаклей по пьесам местных драматургов. Это служило, по его словам, одним из подтверждений вступления «среднеазиатской турецкой литературы в новую эру развития». «Для меня, — писал Самойлович, — это не было неожиданностью... Еще в 1909 г. я был склонен видеть залог недалекого наступления и в консервативной Средней Азии новой литературной эры... процветания молодой, живой, близкой народу по языку и содержанию» поэзии и прозы. И вот перед нами «драма — совершенно новое явление в среднеазиатско-турецкой литературе». Вместе с ней «родился и среднеазиатско-турецкий театр».

Осталась единственной в своем роде статья Самойловича о первых переводах «Коммунистического манифеста» Маркса и Энгельса на узбекский и казахский языки — переводах, в свое время бывших приметным явлением местной общественной жизни.

Самойлович входил в специальную бригаду Института востоковедения АН СССР (наряду с А. И. Пономаревым, П. П. Ивановым) по составлению указателя литературы к истории Каракалпакии. На I конференции по производительным силам Узбекистана (1932) он выступил с докладом «Об организации и основных проблемах научно-исследовательских работ в Узбекистане».

Самойлович был одним из членов-учредителей Всероссийской научной ассоциации востоковедов, инициатором созыва тюркологического съезда в Баку. Велики его заслуги в осуществлении идеи создания новой, доступной широким народным массам письменности и разработке, в связи с этим, унифицированного тюркского алфавита. Он состоял членом Научного совета Центрального Комитета нового тюркского алфавита, был также заботливым воспитателем научной молодежи. Среди его учеников — ряд видных востоковедов: А. К. Боровков, А. Н. Кононов, С. К. Кенесбаев, Л. П. Потапов, А. С. Тверитинова, У. Турсунов и др.

13 февраля 1938 Самойловича не стало.

Перечень публикаций А. Н. Самойловича: А. Н. Самойлович. Список трудов за 1916—1925. — «Этнография», М., 1926, № 1—2, стр. 341; Список ученых трудов академика А. Н. Самойловича.— Журн. «Туркменоведение», Ашхабад, 1929, № 5, стр. 29—31 (Приложение к ст.: Ф. П-ов. Академик Александр Николаевич Самойлович. К 25-летию научной деятельности); Ф. Д. Ашнин. Материалы для библиографии трудов А. Н. Самойловича. — «Народы Азии и Африки», М., 1963, № 2, стр. 253—263. **Дополнения составителя:** А. Н. Самойлович. Западный Туркестан со времени завоевания арабами до монгольского владычества. Историко-географический очерк. — СПб., 1903, 144 стр. (Извлечение из труда В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», СПб., 1900. Приспособлено для студентов факультета восточных языков при изучении истории Западного Туркестана), [А. Н. Самойлович]. Чтение им доклада «Хивинские придворные книгохранилища и книгопечатня» — ЗВОРАО, т. XIX, СПб., 1909, стр. XXXVI; К вопросу об этнографическом изучении Крыма. — Записки Крымского Общества естествоиспытателей и любителей природы, VI, Симферополь, 1917, стр. 131—134; Из туркестанской живой старины. 1. Фер-Набире. 2. Хивинский народный календарь.— «Наука и просвещение», Ташкент, 1922, № 2, стр 42—43 (Приложение); Первый Азербайджанский съезд краеведения. — «Новый Восток», кн. 6,

М., 1924, стр. 517—518; [Рец.]. Сборник туркменских народных поговорок, пословиц и загадок. Собран М. Гельдиевым. Полторацк (Асхабад), Туркменгосиздат, 1925, 56 стр. — «Этнография», М., 1926, № 1—2, стр. 361; [Рец.]. Jacob G. Geschichte des Schattent heaters im Morgen und Abendland. Изд. 2-е, полностью перераб., с библиографическими примечаниями, Ганновер. 1925, 284 стр. — «Этнография», М., 1926, № 1—2, стр. 360—361; Шейбани-хан и Боз-оглы (К вопросу о влиянии туркменской литературы на узбекскую). — «Туркменоведение», Ашхабад, 1929, № 6—7, стр. 40—41; Махтум-кули и Хаким-ата. — «Туркменоведение», Ашхабад, 1929, № 12, стр. 28—29; Памяти Л. Я. Штернберга. 1861—1927. — В кн.: Очерки по истории знаний, вып. 7, Л., Изд-во АН СССР, 1930, стр. 89—96; Отзыв о работе А. Кульмухамедова. — В кн.: А. Кульмухамедов. Материалы по среднеазиатским литературным памятникам. Труды секции литературоведения Туркменкульта, Ашхабад, 1931, стр. 3—5; Отклики хивинской придворной хроники XIX в. на приезд английского майора Эббот. — Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. — Л., 1934, стр. 259—265.

Литература об А. Н. Самойловиче: К. Г. Залеман. Новые поступления в Азиатский музей. — ИАН, VI серия, т. II, СПб., 1908, стр. 1301—1302. (Список рукописей и местных изданий, привезенных из Туркестана А. Н. Самойловичем); В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург и И. Ю. Крачковский. Записка об ученых трудах А. Н. Самойловича. — ИАН СССР, серия VI, № 12—18, Л., 1924, стр. 553—555; Personalia (А. Н. Самойлович). — «Этнография», М.—Л., 1926, № 1—2, стр. 341; А. Н. Самойлович. Полтора месяца в Туркмении (Сообщение о научной командировке). — «Туркменоведение», Ашхабад, 1927, № 2—3, стр. 51; Профессор А. Н. Самойловичин. 25 йыллык фенни хызматы хакында ТССЖ Меркези Ижраикомнин карары. — «Туркменистан», Ашхабад, 31 октября 1927, № 204; Приезд профессора Самойловича. — «Туркменская искра», Ашхабад, 13 сентября 1927, № 208; А. Н. Самойлович. — «Туркменская искра», 28 октября 1927, № 247; Б. В. Чобанидзе. Профессор Александр Николаевич Самойлович. — «Маариф ишчиси», 1928, № 7—8, стр. 80—86; Th. Menzel. Über die Werke des russischen Turkologen A. Samojlovic. — «Archiv Orientalni», vol. I, 1929. № 2, p. 209—234; Ф. П-о в. Академик Александр Николаевич Самойлович (К 25-летию научной деятельности). — «Туркменоведение», Ашхабад, 1929, № 5, стр. 29—31; В. В. Бартольд. Записка об ученых трудах профессора А. Н. Самойловича. — В кн.: Записки об ученых трудах действительных членов Академии наук по отделению гуманитарных наук, избранных 12 января и 13 февраля 1929 года, Л., Изд-во АН СССР, 1930, стр. 116—119; В Алма-Ату приезжает академик Самойлович. — «Социа-

листическая Алма-Ата», 23 мая 1936, № 11; Академик Самойлович в Алма-Ате. — «Социалистическая Алма-Ата», 3 июня 1936, № 17; Самойлович Александр Николаевич.— В кн.: «Материалы IV тома Сибирской советской энциклопедии», Новосибирск, б. г., стлб. 764; V. Minorsky. Oriental studies in the USSR. — Journal of the Royal central Asian Society, vol. 30, 1943, fasc. I, p. 86; А. Н. Самойлович. — «Sovietico-Turcica», Budapest, 1960, s. 231—235; Ф. Д. Ашнин Александр Николаевич Самойлович (1880—1938). — «Народы Азии и Африки», М., 1963, № 2, стр. 243—253; Он же. Литература об А. Н. Самойловиче. — «Народы Азии и Африки», М., 1963, № 2, стр. 264; Б. В. Лунин. Средняя Азия..., стр. 172—177, 191—194, 357; Л. В. Дмитриева. Материалы к описанию рукописного наследия А. Н. Самойловича. — «Народы Азии и Африки», М., 1966, № 3, стр. 206—211; Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. — М., ГРВЛ, 1972, стр. 35, 42, 54, 56 и др.; А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. — Л., Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1972, стр. 4, 104, 150—153 и др.; А. С. Садыков. Россия и Хива в конце XIX — начале XX века. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1972, стр. 82—96. К. Аимбетов. Незабытое из прожитого.— Нукус, Изд-во «Каракалпакия», 1972, стр. 265—267 (о встрече с Самойловичем в 1935 г.); журн. «Советская тюркология», Баку, 1973, № 5 (Из содержания: А. Н. Кононов. А. Н. Самойлович — грамматист, стр. 37—48; К. М. Мусаев. А. Н. Самойлович и сравнительная лексикология тюркских языков, стр. 49—57; Э. И. Фазылов. А. Н. Самойлович — исследователь тюркских памятников средневековья, стр. 58—65; Д. Нуралиев. А. Н. Самойлович — исследователь туркменской литературы и фольклора, стр. 66—70; П. Азимов и Б. Чарыяров. А. Н. Самойлович и туркменское языкознание, стр. 71—75; Д. М. Насилов. А. Н. Самойлович о классификации тюркских языков, стр. 76—83; Н. А. Баскаков. А. Н. Самойлович в письмах к В. А. Гордлевскому, стр. 84—91); Б. В. Лунин. А. Н. Самойлович как историк Средней Азии. — ОНУ, Ташкент, 1974, № 7.

Дополнение: А. Н. Самойлович. Общий взгляд на возникновение и развитие мусульманско-турецких литературных языков в связи с разговорными наречиями. — «Советская тюркология», Баку, 1973, № 5, стр. 105—110.

Личные архивные фонды А. Н. Самойловича: Архив АН СССР, ф. 782, 65 ед. хр., 1900—1933; Гос. публичная библиотека им. В. И. Ленина, ф. 671, 371 ед. хр., 1902—1936.

САТТАРХАН АБДУЛГАФФАРОВ

АБД-АС-САТТАРХАН сын Абд ул-Гаффар хана родился в Чимкенте в 1846 и, как гласит надпись на его надгробной плите, содержащая часть хронологической канвы его жизни, «вырос там и обучался шариатским наукам в юности в городе Шаше (в Ташкенте, в мадраса «Шукур-хан»)». По достижении двадцатилетнего возраста, как явствует из автобиографии Саттархана, он был назначен муфтием в Чимкент и пребывал в этой должности два года. После занятия города царскими войсками бежал в Ташкент, затем к Чимганским горам, а потом вновь вернулся к обязанностям чимкентского муфтия, не скрывая неприязненного отношения к новым властям («так прожил я года три, думая и чувствуя по-прежнему... нас не оставляла еще надежда на помощь бухарского эмира»).

Однако общение с представителями русской интеллигенции и возрастающее сближение с ними обусловили резкий перелом в жизни Саттархана. Офицер Еникеев обучал его русскому языку, много рассказывал о России и сам учился у Саттархана знанию персидского языка. Оставаясь муфтием, Саттархан не скрывал своих усугублявшихся русофильских настроений, что вызывало резкое осуждение в окружавшей его фанатично настроенной среде. В этом отношении Саттархан был не одинок в своей судьбе (ср. рассказ Садриддина Айни о трагической участи Муллы Тураба, ставшего объектом жестоких преследований фанатиками за изучение им русского языка).

Вскоре Саттархана отстранили от должности муфтия, однако при поддержке бывавшего в Чимкенте чиновника Южакова его назначили казием; но и в этой должности Саттархан сумел пробыть

лишь девять месяцев. Оставшись без работы, он подал прошение о назначении его учителем школы в Чимкенте и по открытии ее был утвержден в должности учителя мусульманской грамоты. Спустя примерно два года Саттархана перевели в г. Коканд на должность казия. Все это время он продолжал сближаться с русскими людьми, читал произведения Л. Н. Толстого и других русских писателей и, нарушая нормы шариата, не скрывал своего свободомыслия.

По словам самого Саттархана, он получил «немало огорчений ...также от влиятельных и богатых мусульман. Последние пользовались услугами казия для того, чтобы держать в своей зависимости меньшую братию, и достигали этого большей частью на счет правосудия». «Врагами моими, — пишет далее Саттархан, — были также фанатичные ишаны и ученые муллы. Они враждебно относились ко всему, что было чуждо для них по своей новизне, они не входили в разбор, того, хорошо или плохо было русское нововведение,... и часто смущали простой народ. Мне приходилось опровергать ложные опасения мусульманского населения».

В составе делегации от коренного населения Туркестана Саттархан был направлен на III Международный конгресс ориенталистов в Петербурге (1876), выступая на котором говорил, что с присоединением Туркестана к России было положено начало ликвидации былой обособленности местного населения от жизни Европы. «Теперь мы, при посредстве русского народа, можем вступить в общение с европейскими народами и сделаемся, таким образом, участниками общечеловеческой жизни и научного прогресса».

По окончании работы конгресса Саттархан вернулся в Коканд, где исполнял обязанности муфтия. 3 мая 1879 он был назначен почетным смотрителем Кокандского городского училища. В 1881 переселился в Ташкент, где с 1883 работал переводчиком в редакции «Туркестанской туземной газеты», а с августа 1884 по март 1889— репетитором-практикантом узбекского и персидского языка в Туркестанской учительской семинарии, где его педагогическая работа протекала под руководством и при помощи тогдашнего директора семинарии Ю. Ф. Крачковского (отца И. Ю. Крачковского). С 1889 Саттархан был некоторое время переводчиком поземельно-податной комиссии (отделения) при Сырдарьинском областном правлении, а после ликвидации комиссии (1893) вернулся в Чимкент, где выполнял обязанности казия.

В конце 1883 в Ташкенте состоялось совещание учителей городских училищ Туркестанского края, обсуждавшее в числе других вопросов и вопрос о возможности обучения в русских школах детей местных национальностей. Единственным представителем от коренного населения края на этом совещании являлся Саттархан. В ярком, убе-

дительном выступлении он указал, что притоку детей «туземцев» в русские школы препятствуют религиозное недоверие, вековые предрассудки, и рекомендовал, учитывая это обстоятельство, «допущение в русские школы представителя мусульманина, с возложением на него обязанности обучения детей туземному языку (смотря по местности) и первым началам мусульманской религии», чтобы сломить стену отчуждения местного населения от русской школы. Саттархану яростно возражали питомцы Казанской духовной академии ретрограды Миропиев и Софийский. Они отвергали его предложение на том основании, что «ислам пропитан... ненавистью к иноверцам» и что закон «воспрещает преподавание мусульманской религии и мусульманской грамоты в правительственных инородческих школах Туркестанского края».

В ответ на это последовало смелое заявление Саттархана, что от проявлений «религиозной нетерпимости... не свободно ни одно вероучение», но эта нетерпимость встречается в наши дни «разве только в наиболее темных и фанатичных единицах населения» и не может служить поводом к отводу его предложения.

Саттархан не был чужд и чисто научных интересов, плодотворно сотрудничал с русскими учеными, а как переводчик оставил по себе добрую память просветителя, стремившегося познакомить свой народ с лучшими творениями классиков русской литературы.

Хорошо разбирался Саттархан в восточных рукописях. В 1878 он направил в дар Публичной библиотеке Петербурга рукопись «Мунтахабут таварих» на таджикском языке. В ЦГА УзССР хранится дело временного поземельно-податного отделения при Сырдарьинском областном правлении (июнь 1887), содержащее четыре вакфных документа, датируемых якобы XV—XVI вв., в переводе на русский язык Саттархана и с приложением подписанного им заключения о том, что «все эти четыре документа подложные, так как за пятьсот лет не существовало русской бумаги, чернила почти что новые, а в особенности печати ханов не так рельефно вырезаны, что видно из их оттисков, да и смысл документов весьма сомнителен, в особенности последнего» (ЦГА УзССР, ф. 18, оп. 1, д. 12689, л. 13 об.).

Услугами Саттархана в качестве переводчика пользовались известные русские ученые. Так, «перевод и некоторые объяснения к переводу» песни о Худоярхане, сложенной кокандцем муллой Саддыком, были сделаны А. Н. Самойловичем (его слова) «при помощи Саттархана Абдул-Гафарова, бывшего кокандского казия».

По просьбе Н. Ф. Петровского *(см.)* Саттархан перевел в 1884 на узбекский язык его рукопись «Необходимые для сведения русских торговцев мусульман статьи Договора с Китаем, заключенного в Петербурге 12 февраля 1881 г.».

Известно участие Саттархана в переводе на русский язык юридического свода XII в. «ал-Хидоя». Перевод этот осуществлялся не на основе арабского оригинала, а с английского перевода, сделанного, в свою очередь, по персидскому переводу. На долю Саттархана выпало сличение текста перевода с арабским подлинником, что способствовало улучшению качества издания («Хидоя-Фильфуру». Комментарии мусульманского права. Перевод под редакцией Н. И. Гродекова. т. I—IV, Ташкент, 1893).

Саттархан помогал также Н. П. Остроумову переводить на русский язык песни Фурката о Худояр-хане.

Перу Саттархана принадлежал очерк по истории Кокандского ханства, весьма высоко оценивавшийся учеными. Полный текст рукописи то ли затерян, то ли вообще не был доведен автором до конца.

Широкой известностью пользовалась статья Саттархана о туркестанских ишанах. По словам современника, статья представляла «вероятно, единственный в своем роде труд, критикующий установившиеся веками отношения между народной массой и ее религиозными руководителями».

«Известным узбекским просветителем» назвал Саттархана в наши дни Первый секретарь ЦК КПУз Ш. Р. Рашидов.

Последние годы жизни Саттархан провел в Ташкенте, где и скончался от рака желудка «после наступления темноты в ночь субботы» (текст надгробия) 22 декабря 1901. Похоронен он на кладбище Чимкента. Здесь в 1938 было найдено каменное надгробие могилы Саттархана с надписью, излагающей некоторые события его жизни. Перевод текста с комментариями осуществил И. Ю. Крачковский и опубликовала в 1969 с дополнениями В. А. Крачковская*.

Указатель публикаций Саттархана: Протоколы заседаний собрания учителей городских училищ Туркестанского края. 30 декабря 1883— 3 января 1884 г., б. м., б. г., стр. 7—8, выступление Саттархана; Подлинная грамота б. Кокандского хана Сеид-Магомеда Худояр-хана, поступившая в музей. — ТВ, 1884, № 31, 33 (см. также ТВ, 1881, № 47); Овладение знаниями. — «Туркестанская туземная газета», Ташкент, 1885, № 8, 11; Краткий очерк внутреннего состояния Кокандского ханства... — ТВ, 1892, № 26, 29, 36, 1893, № 61; Н. П. Остроумов. Сарты. Этнографические материалы (Общий очерк). — Изд. второе, Ташкент, 1896, стр. 190—215 (биография и воспоминания Саттархана

---

* Интересно отметить, что сыновья Саттархана — Азимхан, Акмальхан и Искандерхан, следуя по стопам отца, работали до и после революции на ниве просвещения, двое внуков — Абуд и Мейман — погибли на фронтах Великой Отечественной войны; племянник Саттархана Исламхан Умирханов стал коммунистом.

санные с его слов Остроумовым; воспоминания первоначально печатались в «Туркистон вилоятининг газети», Ташкент, 1890); Мусульманские ишаны (первоначально в центральной печати, затем в кн.: Н. П. Остроумов. Сарты, изд. первое — третье); Заметки о народном самоуправлении и ишанах в Туркестане. — ТВ, 1898, № 54 (ср. «Туркистон вилоятининг газети», 1885, № 8, 11).

Литература о Саттархане: ЗВОРАО, т. V, СПб., 1891, стр. 324 (слова В. Р. Розена о Саттархане); ЗВОРАО, т. VIII, СПб., 1893, стр. 129; Также: Дневники Н. П. Остроумова (ЦГА УзССР, ф. 1009, оп. 1, д. 67); А. Н. Самойлович. Вторая песня о бывшем кокандском хане Сейид Мухаммад Худояре. — ЗВОРАО, т. VII, СПб., 1892, стр. 51; Н. С. Лыкошин. Некролог Саттархана Абдулгафарова. — ТВ, 1902, № 15; Юлиан Фомич Крачковский. Биографический очерк. Составил В. Голуб. — Отчет Виленской публичной библиотеки за 1903 г. (отд. оттиск), Вильна, 1904, стр. 27, 29, 30; А. Усманов. Саттархан — замечательный узбекский просветитель. — «Правда Востока», 1959, № 120; В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. — Л., 1927, стр. 170, 177, 184 (В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. I, М., 1963, стр. 305, 346, 352, 359); А. П. Савицкий. Саттархан Абдул Гафаров. — «Звезда Востока», Ташкент, 1960, № 11, стр. 153—160; Он же. Саттархан Абдулгафаров — просветитель-демократ. — Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1965, 48 стр.; Б. В. Лунин. Научные общества Туркестана..., стр. 30; Он же. Средняя Азия..., стр. 238; Усман Алим. Пропаганда русского языка просветителями Узбекистана. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1962, 84 стр. (на узб. яз.); Его же. Саттархан. — «Шарк Юлдузи», Ташкент, 1962, № 7, стр. 122—135 (на узб. яз.); Его же. Ученый-просветитель о русском языке. — ОНУ, Ташкент, 1962, № 5, стр. 22—31 (на узб. яз.). И. Ю. Крачковский (с дополнениями В. А. Крачковской). Надгробная плита Абд ас-Саттар хана. — «Эпиграфика Востока». XIX, Л., 1969, стр. 59—63; Г. Н. Чабров. Русская прогрессивная интеллигенция дореволюционного Туркестана и влияние передовой русской культуры на коренное население Средней Азии. — Труды ТашГУ, Вып. 346, Ташкент, 1970, стр. 15—16; Ш. Р. Рашидов. Могучее средство интернационального воспитания. — «Коммунист Узбекистана», Ташкент, 1972, № 6, стр. 3—28 (о Саттархане, стр. 11—12).

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ СЕМЕНОВ

ВИДНЕЙШИЙ советский востоковед А. А. Семенов родился 30 сентября 1873 в семье крестьянина с. Польное-Конобеево Шацкого уезда Тамбовской губернии. С большим трудом Семенов пробил себе дорогу к творческой жизни ученого. По окончании тамбовского Екатерининского учительского института он был принят в Лазаревский институт восточных языков в Москве и окончил его в 1900 с дипломом I степени, получив специальность ориенталиста со знанием трех восточных языков.

Еще будучи студентом, Семенов совершил научные поездки в Среднюю Азию, результатом чего явились капитальные труды языковедческого и этнографического характера, за которые он был удостоен золотой медали Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете («Материалы для изучения горных таджиков Центральной Азии. Часть I — Грамматический очерк и памятники народного творчества, часть II — Памятники народного творчества и словарь», 1900—1901; «Этнографические очерки Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза», 1903).

В 1900 начинается служебная, научно-педагогическая и литературно-общественная деятельность Семенова в Туркестанском крае — сначала в должности секретаря Закаспийского областного статистического комитета (до 1906), потом в Главном управлении Туркестанского края и по ведомству Министерства иностранных дел (до 1917).

За исключением нескольких первых печатных статей (по истории с. Конобеево и других пунктов Тамбовщины) все многочисленные ра-

боты Семенова (начиная с опубликованной в 1897 статьи о древней Бухаре) посвящены изучению материальной и духовной культуры народов Средней Азии.

Своими неутомимыми и глубокими исследованиями он скоро стяжал авторитет крупного знатока восточных рукописей (преимущественно персидско-таджикских) и выдающегося специалиста по истории ислама, в том числе исмаилитов, в Средней Азии. По словам акад. И. Ю. Крачковского, работы Семенова «ввели в обиход колоссальный материал по исламоведению. Его труды, связанные с разработкой среднеазиатских рукописей, в частности арабских, занимают у нас совершенно исключительное место». Первым в науке Семенов описал некоторые, ранее неизвестные обряды исмаилитов и ввел в научный обиход сведения о секте мерванитов. Он перевел также ряд исмаилитских произведений. Ему обязана наука сведениями об исмаилитах Шугнана.

Вслед за Н. Г. Маллицким (*см.*) в 1907 Семенов перевел с персидского начальные главы «Тарих-и Муким-хани» по рукописи, принадлежавшей Закаспийской областной общественной библиотеке в Асхабаде, писанной неким Османом в 1229/1813—1814. Знакомя читателей с «Тарих-и Муким-хани», Семенов и другие ученые вводили в оборот важнейший по своему значению источник к изучению истории Средней Азии XVI—XVII вв., которая и поныне остается недостаточно освещенной в литературе. В 1903 Семенов перевел с таджикского сказание об основании Бухары. В 1914 напечатал исследование приобретенной им у салаватских (притермезских) ходжей рукописи конца XVI в., содержавшей жизнеописание современника шейбанидов шейха Ходжа-Мухаммед Ислама (Ходжа Джуйбари).

Заслугой Семенова явилось опубликование переведенной им на русский язык и подробно прокомментированной оригинальной, писанной по-персидски рукописи шугнанца Сейид-Хайдар-Шо, сына Муббо-рак-Шо, из кишлака Поршинив на Пяндже. Дополнив сведения рукописи документальными данными о событиях последних лет в Шугнане (перед первой мировой войной), Семенов написал очерк по истории Шугнана — слабо изученной в историческом и этнографическом отношениях и еще недавно трудно доступной небольшой горной страны в Средней Азии.

На материалах рукописных источников и их анализе базировались статьи Семенова по биографии бухарского шейха Беха ад-дина, воззрениям мусульман на качество и значения благородных камней и минералов и др. Семенов же осуществил несколько небольших переводов с новейших сочинений местных авторов.

Наряду с В. И. Межовым А. А. Семенову принадлежала заслуга, составления 544—591 томов (1914—1916) знаменитого «Туркестан-

ского сборника сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности».

Семенов известен и как один из пионеров среднеазиатской археологии, исторического краеведения в целом. В 1898 и 1913 он посетил присурхандарьинскую группу развалин в районе Термеза. В 1914 в печати появилось составленное им иллюстрированное описание архитектурного ансамбля «Султан-Садат». У притермезских (салаватских) ходжей Семенову удалось приобрести рукопись XVI в., на полях которой была начертана изученная им родословная термезских сейидов. Это дало Семенову возможность попытаться отождествить гробницу Султан-Хусейна в упомянутом ансамбле с местом погребения эмира Хусейна — отца родоначальника термезских сейидов Хасан-ул-Эмира. Уже в наши дни (1954) Семенов, анализируя родословную термезских сейидов (которым в истории Средней Азии принадлежала значительная историческая роль), обратил внимание на наличие севернее Термеза и южнее кишлака Салават поселения Саман (Шарх-и Саман), связывая это обстоятельство с изложенной в родословной версией происхождения известной династии саманидов.

Осуществил Семенов и предварительное изучение руин Мешкед-и Мисриан в Туркмении. Особое внимание он уделил надписям на полуразрушенном портале соборной мечети и на среднем поясе минарета, содержавшим имена хорезмшаха Мухаммада и мастера Али. Семенову наука обязана и одним из наиболее подробных описаний известной мечети в Анау близ Ашхабада.

20 октября 1906 Семенов вступил в число действительных членов Туркестанского кружка любителей археологии в Ташкенте. На заседаниях кружка он многократно выступал с сообщениями об отдельных памятниках древности, помогая тем самым вводить их в научный оборот (древние блюда из окрестностей Пянджикента, бронзовый сосуд из Самарканда, развалины мечети в горах Зарафшана и в Ташкенте, руины г. Джорджан и др.). В 1913 ученый публикует найденную в Куня-Ургенче половину уникального лицевого поливного изразца в виде восьмиконечной звезды, на котором среди стилизованной цветочной орнаментации изображены человеческие фигуры с красным нимбом вокруг головы одной из них.

Ко времени Октябрьской революции Семенов являлся автором более чем 60 статей и работ, получивших широкую известность.

Революционные события 1917 застали Семенова на одной из довольно высоких ступеней «социальной лестницы» в системе колониального управления краем. Историческое значение победы социалистической революции не было осознано им сразу же и без каких-либо сомнений и колебаний. К его чести, однако, он принадлежал к числу тех ученых старшего поколения, которые все больше ставили свои знания

на службу трудовому народу и приобщались к культурному строительству в условиях нового общественного строя. Уже в 1918 Семенов был командирован Совнаркомом ТАССР в Москву в составе делегации по вопросу об открытии в Ташкенте первого в Туркестане университета и вел в Москве и Петрограде большую работу по его организации. В 1920 Семенов вернулся с так называемым «ленинским эшелоном», доставившим в Ташкент первых профессоров и преподавателей университета и оборудование для него (ныне Ташкентский государственный университет им. В. И. Ленина). Имя Семенова навсегда запечатлено в анналах истории организации высшего образования в Советской Средней Азии.

В послеоктябрьский период научная деятельность Семенова приняла еще больший размах. Глубоко изучив языки, быт и историю народов Средней Азии, он написал ряд ценных, до сих пор не утративших значения работ исторического, этнографического и лингвистического характера, заслуживших единодушное признание как в нашей стране, так и за рубежом.

Семенов был знатоком творчества Алишера Навои и других поэтов и мыслителей Средней Азии времени средних веков. Ему принадлежат, кроме того, публикации по истории искусства народов Средней Азии: «Портреты эпохи Навои», «Гератское искусство в эпоху Алишера Навои», «Исторический очерк художественных ремесел Узбекистана», «К истории узбекской классической музыки», «Рецепты оформления старинных рукописей» и др.

Семеновым издан ряд эпиграфических памятников, в том числе «Надпись на надгробии псевдо-Сейид Омара в Гур-и Эмире в Самарканде» и «Надписи на надгробиях Тимура и его потомков в Гур-и Эмире», «Надпись на могильной плите бухарского эмира Шах Мурада Масума» и др.

Весом вклад ученого в научное описание (каталогизацию) восточных рукописей из собраний В. В. Вельяминова-Зернова и самого А. А. Семенова, исторического отдела Бухарской центральной библиотеки, фундаментальной библиотеки Среднеазиатского (ныне Ташкентского) государственного университета им. В. И. Ленина, Государственной республиканской библиотеки им. Алишера Навои и др. Семенову принадлежат «Указатель персидской литературы по истории узбеков в Средней Азии» и др.

Замечательным памятником научной деятельности Семенова являются выпущенные в Ташкенте в 1952—1963 при его активном участии и под его общей редакцией семь томов капитального издания «Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР». В переводах Семенова изданы с комментариями ценные рукописные источники — «Мукимханская история» Мухаммеда Юсуфа мунши,

«Убайдулла наме» Мир Мухаммеда Амин-и Бухари, «Дневник похода Тимура в Индию» Гийас ад-дина Али, «История Абулфейз-хана» Абдурахмана Тали, «История исмаилизма» Фида'и и многие другие.

Ряд публикаций Семенова посвящен научному истолкованию специальных терминов средневекового Востока («баскак», «табук», «агалык» и др.).

Семенов — автор многочисленных трудов по историческому прошлому Узбекистана (Средней Азии), преимущественно времени средних веков: «К вопросу о происхождении саманидов», «К вопросу об этническом и классовом составе северных городов империи хорезм-шахов в XII в. н. э.», «К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана», «Первые шейбаниды и борьба за Мавераннахр (XVI в.)», «Шайбани-хан и завоевание им империи тимуридов (XV—XVI вв.)», «Некоторые данные по экономике империи Султана Хусейн-мирзы (1469—1566)» и др. Известны его сочинения и по более позднему времени: «К истории дипломатических отношений между Россией и Бухарой в начале XIX века», «Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени», «Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства» и др.

В 1947 в Узбекистане увидел свет первый большой сводный труд по истории узбекского и других народов республики («История народов Узбекистана», том II), в котором перу Семенова принадлежали разделы по истории феодальных узбекских ханств с конца XV до середины XIX в.

Семенов был также умелым и энергичным популяризатором историко-востоковедческих знаний. Он автор ряда научно-популярных работ, небезынтересных и для специалистов: «Бируни — выдающийся ученый средневековья. Биографический очерк», «Абу-Али ибн Сина (Авиценна)» и др.

Как справедливо замечено, особенность работ Семенова заключалась в том, что они «согреты чувством глубокого уважения ученого-гуманиста к народам Востока, изучению которых он посвятил свою жизнь». В общей сложности его перу принадлежит более 230 опубликованных научных работ.

Не ослабевал интерес Семенова и к археологии. Так, основываясь на скупых и отрывочных данных, он еще в 1925 высказал твердое убеждение, что «Туркестан имел свой каменный век с его последующими эволюциями». Блестяще подтвердили это положение последующие изыскания советских археологов, обнаруживших в Средней Азии памятники материальной культуры, восходящие к палеолиту. В 1926 увидела свет публикация Семенова «Мечеть Ходжи Ахмеда Есевийского в г. Туркестане». Два издания выдержала его работа «Мате-

риальные памятники иранской культуры в Средней Азии». Ценная по сводке фактических материалов, она давала, однако, преувеличенную оценку собственно «иранского» влияния на материальную культуру среднеазиатских народов, на что было указано в критических отзывах. В работе, несомненно, сказались пережитки дореволюционных взглядов ее автора — ученого, формировавшегося под влиянием буржуазного востоковедения. Поучительно, что несмотря на преклонные годы. Семенов чутко воспринимал критические замечания по своему адресу и реагировал на них.

Очень интересен научный этюд Семенова «Письменности, существовавшие на территории Средней Азии».

В значительной мере на археологических материалах был построен его доклад «Роль Средней Азии в распространении материальных и духовных ценностей», прочитанный на I Всесоюзной конференции востоковедов в Ташкенте (июнь 1957). В докладе обосновывалось наличие взаимосвязей народов Средней Азии с древнехалдейской культурой, с Ассирией и Вавилоном, Китаем, Индией и Ираном.

Необходимо отметить многолетнюю энергичную деятельность ученого по организации дела охраны и изучения памятников древности Средней Азии.

Семенов был воспитателем нескольких поколений научных работников-востоковедов, вышедших из среды народов Средней Азии,— узбеков, таджиков и др. Многие из них ныне кандидаты и доктора наук. квалифицированные ученые, нередко возглавляющие самостоятельные области исследовательской работы.

Семенов являлся действительным членом Бомбейского научного общества и других зарубежных ученых организаций, был участником многочисленных научных съездов, конференций и совещаний, состоял в ряде научных обществ.

Человек замечательной памяти и огромной эрудиции, остро наблюдательный свидетель жизни и быта народов Средней Азии на протяжении без малого шестидесяти лет, современник и собеседник многих крупнейших востоковедов страны, Семенов был увлекательным и остроумным рассказчиком, автором красочных мемуаров большого познавательного значения, носящих, к сожалению, отрывочный эпизодический характер («Нечто о среднеазиатских геммах, их любителях и собирателях (Из воспоминаний прошлого)». И в преклонные годы он поражал всех жизнелюбием, энергией.

Советская власть высоко оценила научные и общественные заслуги Семенова, наградив его двумя орденами Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак почета», медалями, почетными грамотами Президиумов Верховных Советов Узбекской и Таджикской ССР. Он имел звание доктора исторических наук, профессора. В декабре

1944 ему было присвоено звание заслуженного деятеля наук Узбекской ССР и в феврале 1946— заслуженного деятеля науки Таджикской ССР. 3 ноября 1943 Семенов избирается членом-корреспондентом АН УзССР и 14 апреля 1951— академиком АН ТаджССР; в 1956 становится депутатом Верховного Совета Таджикской ССР. В последние годы жизни он возглавлял Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикистана.

Скончался Семенов 16 ноября 1958. После него остался ряд работ в рукописях. Отдельные из них уже изданы, некоторые намечаются к изданию, другие ждут выхода в свет.

Указатели публикаций А. А. Семенова: Д. Г. Вороновский. Библиография научных работ А. А. Семенова. — Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Семенова. Труды АН Таджикской ССР, т. 17, Сталинабад, 1953, стр. 7—24; Дополнения к библиографии научных трудов академика АН Таджикской ССР А. А. Семенова. — «Проблемы востоковедения», М., 1959, № 1, стр. 242—243 (с 1953 по 1958 г.). **Дополнения составителя:** Историография Таджикистана [в XI—XVII вв.].—Очерки исторической науки в СССР, I, М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 153—160; Бехзод.—«Советский Таджикистан», Душанбе, 1956, № 2, стр. 62—74; «Фида'и. Китаб би хидайат ал-му'минин ат-талибин» («История исмаилизма»). По таджикской рукописи издал, предисловием и примечаниями снабдил А. А. Семенов. — М., ИВЛ, 1959, 24 стр., 221 стр. восточной пагинации; К прошлому Бухары. — В кн.: С. Айни. «Воспоминания», М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 968—988; Материалы по истории Ура-Тюбе. Сборник актов XVIII—XIX вв. — Составление, перевод и предисловие А. Мухтарова. Под ред. А. А. Семенова и О. Д. Чехович. — М., ИВЛ, 1963, 135 стр.; Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР, т. V. Под ред. и при участии проф. А. А. Семенова. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1960, 543 стр. (также: т. VI. Под ред. и при участии проф. А. А. Семенова и канд. ист. наук Д. Г. Вороновского. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1963, 736 стр.; т. VIII. Под ред. А. А. Семенова и Д. Г. Вороновского, Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1967, 798 стр.).

Литература об А. А. Семенове: «Живая старина», кн. VIII, вып. II—III, М., 1910, стр. 297—298; В. В. Бартольд. Александр Александрович Семенов. Curriculum vitae. — ИРАН, серия VI, № 14, Пгр., 1918, стр. 1491—1492 (также «Азиатский сборник», 1918, стр. 1491—1492); Personalia (А. А. Семенов). — «Советская этнография», М., 1926, № 1—2, стр. 342; Е. К. Бетгер. «Туркестанский сборник» и участие в нем А. А. Семенова. — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР, т. 17, Душанбе, 1953, стр. 43—

47; З. Ш. Раджабов. О видном советском ученом. — «Шарки сурх», Душанбе, 1953, № 9, стр. 107—112 (на тадж. яз.); Александр Александрович Семенов. Некролог. — ИАН УзССР. Серия общественных наук, Ташкент, 1959, № 1, стр. 83—84; А. А. Семенов. Некролог. — «Проблемы востоковедения», М., 1959, № 1, стр. 240—243; Б. В. Лунин. А. А. Семенов. 1873—1958. Некролог. — СА, М., 1959, № 2, стр. 299—300; Он же. Из истории русского востоковедения..., стр. 87—88, 96; Он же. Средняя Азия, стр. 219—220; Г. Н. Чабров. Академик А. А. Семенов как книговед. — «Книга». Исследования и материалы. — Сб. III, М., Изд-во Всесоюзной Книжной Палаты, 1960, стр. 409—419; А. А. Семенов. — В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР, III, М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 730, 732, 740—741 и др.; Семенов Александр Александрович. — СИЭ, т. XII, М., 1969, стлб. 728—729; (О деятельности А. А. Семенова см. также: ЗВОРАО, XVII, стр. XXXVIII, 187; XVIII, стр. XIX, 66, 157; XX, 67, 68, 71, 85); Е. А. Полякова. Выдающийся ученый-востоковед. — Ташкент, Изд-во ЦК КПУз, 1970, 30 стр. (на узб. яз.); Б. А. Литвинский и Н. М. Акрамов. Александр Александрович Семенов. Научно-биографический очерк. — М., ГРВЛ, 1971, 179 стр.; Н. А. Кузнецова. Обзор архива академика АН Таджикской ССР А. А. Семенова. — «ИРАН», Сб. статей, М., ГРВЛ, 1971, стр. 28—40; Семенов Александр Александрович. Календарь знаменательных и памятных дат Узбекской ССР на 1973 год. — Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1973, стр. 60—63; Б. В. Лунин. Три памятные даты (К 100-летию со дня рождения академика АН УзССР М. С. Андреева, члена-корреспондента АН УзССР А. А. Семенова, профессора Н. Г. Маллицкого). — ОНУ, Ташкент, 1973, № 5, стр. 24—27; Культурное строительство в Туркестанской АССР (1917—1924 гг.). — Сб. документов, т. I, Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1973, стр. 302—303, 313—314, 321. Новейшая и наиболее полная «Библиография работ А. А. Семенова» (со списком неопубликованных работ) дана в кн.: Т. А. Литвинский и Н. М. Акрамов. Александр Александрович Семенов..., 1971, стр. 152—175.

НИКАНОР ФЕДОРОВИЧ СИТНЯКОВСКИЙ

ИЗВЕСТНЫЙ своими этнографическими и археологическими наблюдениями по Узбекистану, Н. Ф. Ситняковский родился в 1845. По специальному образованию — военный топограф (Казанское училище военного ведомства и военно-топографическое училище). В 1864—1867 вел топографические съемки в Киргизской степи и Туркестанском крае, в 1869 был произведен в подпоручики корпуса военных топографов и направлен в Западную Сибирь, в 1876— в Туркестанский военно-топографический отдел, в 1881— назначен начальником съемочного отделения отдела. Производил топографические съемки в Сырдарьинской, Ферганской, Самаркандской областях, Зарафшанском округе, Бухарском эмирате, в районе Кушки и др.

В 1896 Ситняковский открыл и обследовал остатки грандиозной древней стены Бухарского оазиса — Кампыр-Дувал и проследил ее протяжение от Кизил-тепе до Абумусын-тепе и затем по южному берегу Зарафшана в направлении к кишлаку Хазар. Обследование Ситняковского явилось своеобразным комментарием к сообщениям письменных источников по Бухаре. Он осмотрел некоторые места вала и кратко описал встреченные им развалины укреплений (Шааривайрон, Абу-Муслим-тепе, Гяш-Хана, Хазар). Стараниями Ситняковского остатки вала были нанесены на двухверстную карту; эти остатки представляли собой часть стены, пересекающей Самаркандскую дорогу к востоку от Тавависа. Наблюдения Ситняковского легли в основу утверждения В. В. Бартольда, что «остатки этих стен (окружавших Бухару и известных по сообщениям арабских географов) или по крайней мере восточной части их сохранились до настоящего времени».

В 1896 Ситняковский сообщил первые известия об остатках Дабусии и выступил с кратким сообщением о развалинах Пайкенда. Ему принадлежало и указание «на бугор Тали-Борзу», находящийся в 6 верстах от Самарканда и представляющий «археологический интерес» (ныне широко известное древнее поселение Согда).

В 1899 Ситняковский посетил Шахрисабз, сделав о результатах поездки 27 марта 1900 доклад в Туркестанском кружке любителей археологии.

Ситняковский составил первый схематический план руин Ак-Сарая; по его просьбе местные священнослужители списали часть надписей с портала Ак-Сарая, которые были затем опубликованы в переводе М. С. Андреева (частично текстуально). Ситняковскому же наука обязана описанием бухарского мазара современника Тимура Багауддина (Багаваддина, Багадхаккылваддина Накш-банд-и) и некоторых других архитектурных памятников Бухары.

Перу Ситняковского принадлежал биографический очерк «Минтюбинский ишан Мухаммед али», содержащий ценные данные к характеристике одного из предводителей известного андижанского восстания 1898. Ситняковский был также первым, кто пытался дать общую характеристику древней ирригационной системы Бухарского оазиса как «грандиозного сооружения, устроившегося постепенно в течение многих столетий и поглотившего много труда».

В области этнографии Ситняковский зарекомендовал себя как наблюдательный фиксатор и описатель ряда народных празднеств, обычаев и традиций, как автор статей об установлении родовых делений населения восточной части Ферганской области и Ошского уезда. Он пытался, в частности, составить генеалогическую таблицу узбекского рода кунград.

Обстоятельны его этнографические очерки «бухарской части долины Зеравшана» (описание жилищ, дворов, мечетей, средств передвижения и т. п.).

Широкое признание получила статья Ситняковского «Попытки к исчислению народонаселения в городе Бухаре» (1898), к которой и поныне обращаются заинтересованные исследователи.

Ситняковский являлся активным деятелем Туркестанского кружка любителей археологии и Туркестанского отдела Русского Географического Общества. В отзыве о его работах В. В. Бартольд писал, что «Н. Ф. Ситняковский, военный топограф по специальности, пользуется своими топографическими работами, между прочим, для того, чтобы собирать ценный материал по археологии, этнографии и статистике края. Несколько интересных статей и заметок было помещено им в Протоколах Туркестанского кружка любителей археологии». Членом Туркестанского отдела РГО Ситняковский состоял со дня открытия

деятельности Отдела, 28 февраля 1897 г. В 1899 г. производил топографические работы в Бухарском ханстве, где им «собраны данные, касающиеся культуры долины реки Кашка-Дарьи и прилегающих к ней гор, сделаны записки о народностях и родах узбеков, населяющих эту местность, об административном делении Бухарского ханства в связи с системой кормления сановников и служилого люда вообще. Наконец, путем опроса изучалась податная система ханства, истекшая из общих начал политического строя в среднеазиатских государствах. В ИТОРГО Н. Ф. Ситняковским напечатаны статьи: «Заметки о Бухарской части долины Зеравшана» и Перечисление некоторых родов киргиз, обитающих в восточной части Ферганской области». Наибольшее научное значение имеет первая статья, являющаяся результатом полуинструментальной рекогносцировки бухарской части долины Заравшана, произведенной под руководством автора в 1896 г. В статье... автор описывает часть культурной полосы Заравшана, находящуюся в пределах Бухарского ханства, причем особенно подробно останавливается на условиях искусственного орошения и на типах местных построек. Перечисляются названия главных оросительных каналов и сопоставляются со сведениями об условиях орошения в средние века, сохранившимися в «Истории Бухары» Нершахи (по русскому переводу Н. Лыкошина). Эта часть статьи представляет ценный вклад в литературу по исторической топографии края».

Скончался Ситняковский в Ташкенте в 1915.

Перечень публикаций Н. Ф. Ситняковского: О древностях в районе Зеравшана.—ПТКЛА, Год III, Ташкент, 1897—1898, стр. 89—94 (о других сообщениях Ситняковского см. также ПТКЛА, Год V, 1900, стр. 35); Минтюбинский ишан Мухаммед-Али.—ТВ, 1899, №2, 4, 8 и 16; Бухарские святыни (Мазар Багаудцин).—Закаспийское обозрение, Асхабад, 1900, №40 (также ПТКЛА, Год V, Ташкент, 1900, стр. 49—56); Попытки к исчислению народонаселения в городе Бухаре.—ИТОРГО т. I, вып. I, Ташкент, 1898, стр. 77—85; Заметки о бухарской части долины Зеравшана.—Там же, т. I, вып. 2, Ташкент, 1899, стр. 121—178; Перечисление некоторых родов киргиз, обитающих в восточной части Ферганской области.—Там же, т. II, вып. I, Ташкент, 1900, стр. 92—100 (с генеалогической таблицей каракиргизских родов); Таблица киргизских родов Ошского уезда.—Там же, т. II вып. II, Ташкент, 1900, стр. 57—58; Кяфир-Мури (Из письма Н. Ф. Ситняковского).—ПТКЛА, Год V, Ташкент, 1900, стр. 45—48 (с приложением «Чертежа Кыыза Кяфир-мули и пещеры возле него, в окрестностях г. Самарканда»); Перевод списков надгробных камней, привезенных членом кружка Н. Ф. Ситняковским из Шахрисябза и Китаба.—ПТКЛА, Год V, Ташкент, 1900, стр. 104—105; Киргизская святыня (пещера Чаклак-ата).—ТВ, 1902, №8; К

генеалогической таблице узбекского рода Кунград.—Там же, т. VII, Ташкент, 1907, стр. 22—29; Старинный обычай при спуске судов на Аму-Дарью.—ТВ, Ташкент, 1902, №48.

Литература о Н. Ф. Ситняковском: В. В. Бартольд. Известия Туркестанского отдела Императорского Русского Географического Общества, т. I, вып. II, Ташкент, 1900.— ЗВОРАО, т. XIII, СПб., 1901, стр. 115—117 (В. В. Бартольд. Сочинения, т. III, М., 1965, стр. 244—245); Он же. Отзыв о трудах Н. Ф. Ситняковского. Отчет Императорского Русского Географического Общества за 1901 год.— СПб., 1902, стр. 42—43 (В. В. Бартольд. Сочинения, т. III, М., 1965, стр. 246—247; по редакционному недосмотру ошибочно напечатано: «О трудах Николая Федоровича Ситняковского»; следует — «Никанора»); Б. В. Лунин. Из истории русского востоковедения стр. 107—108, 116—117.— См. также о служебной деятельности Ситняковского: ТВ, 1877, № 9; 1880, № 6, 16; 1881, № 12; 1882, № 9.

ЕВГЕНИЙ ТИМОФЕЕВИЧ СМИРНОВ

ОДИН из видных деятелей исторического краеведения в Узбекистане и зачинателей среднеазиатской археологии Смирнов проработал в Ташкенте около 30 лет, по праву стяжав себе репутацию знатока Туркестанского края. Особенно интересовали его вопросы археологии и истории.

Смирнов был одним из членов-учредителей Туркестанского кружка любителей археологии. На заседании Кружка 11 декабря 1895 он говорил «о пользе, какую могли бы принести периодические информации археологического характера» и уже в первом выпуске Протоколов и сообщений Кружка (1896) напечатал обстоятельный для своего времени очерк «Древности в окрестностях Ташкента», а годом позже столь же обстоятельный очерк «Древности на нижнем и среднем течении р. Сыр-Дарьи».

Эти публикации (подобно публикациям Д. М. Граменицкого и др.) являлись первыми попытками создания обзоров первичных сведений по памятникам древности Узбекистана. Их ценность заключалась в стремлении дать более или менее обобщающие сведения о памятниках исторического прошлого ряда районов с привлечением некоторых общеисторических сведений (по словам самого Смирнова, тогда «весьма темных и сбивчивых») и народных преданий и сказаний.

Своеобразным кредо большинства дореволюционных археологов-краеведов, склонных ограничивать свою роль разысканием, собиранием и накоплением материалов для науки, явились слова Смирнова, что он «не археолог-специалист, а простой любитель, скромный собиратель фактов и сведений, руководящийся мыслью, что собирание сырого мате-

риала, эта, так сказать, черновая работа, может принести пользу науке, посвященной изучению древней, угасшей теперь жизни людей. Я далек от мысли делать какие-либо выводы и заключения из собранных мною сведений, предоставляя это другим, более подготовленным к делу силам».

Вместе с тем Смирнов довольно правильно представлял себе основные задачи археологического изучения Средней Азии, полагая, что сложные проблемы местной истории не получат разрешения, «пока на разработку истории и археологии Средней Азии не будет обращено того внимания, какого она заслуживает, и за дело не возьмутся хорошие научные силы». Смирнов указывал, что для научной постановки работ необходимо собрать и разработать все письменные источники как греческих историков и географов, так и писавших на персидском, арабском, тюркском и китайском языках, и призывал к составлению историко-географической карты Средней Азии по маршрутам древних путешественников, к собиранию народных преданий о «более выдающихся древних сооружениях», регистрации археологических памятников и т. д., с тем чтобы любители древностей своими занятиями могли сохранить «много драгоценного времени и ученого археолога и историка».

Отмеченные выше публикации Смирнова были богаты фактическими данными о памятниках древности («бугры и насыпи»— тепе, оросительные каналы, находки оссуариев, данные к исторической топографии и пр.), и некоторые из этих данных (а также личных соображений Смирнова — подчас наивных, иногда же вдумчивых и наблюдательных) не утратили полностью своего значения и в наши дни.

Одним из первых Смирнов правильно определил былые функции так называемых тепе на земле Узбекистана в качестве «замков прежних дихканов».

Особо интересовали исследователя вопросы древнего искусственного орошения на территории Ташкентского района. По его мнению, о древности оросительных каналов, выведенных из Сырдарьи, Чирчика, Ангрена и Келеса, свидетельствует то, что вдоль их магистральных линий расположено «наибольшее количество загадочных искусственных насыпей». В названиях оросительных каналов —Салар, Кайкаус, Зах — Смирнов усматривал отголоски названий, восходящих ко времени ахеменидов. «Можно предполагать, что Салар древнейший магистральный канал с водоприемником из Чирчика, а Бозсу есть разводный арык.... Канал Кайкаус находится на территории Азиатской части Ташкента и по всей вероятности есть отвод Салара, так как представляет собой прямое продолжение линии, известной под названием Бозсу».

Смирнов считал, что к древнейшим ирригационным сооружениям относятся Большой Карасу и некоторые другие каналы левого берега Чирчика и каналы по р. Ангрен: Карыз, Шаракия, Сакал, Кан и др.

Интересовался Смирнов возвышенностью Канка, или Канга, орошавшейся водами р. Ангрен (арыком Кан), и собственно городищем Канка. В связи с находками на месте развалин Канки он высказал любопытные соображения о широком местном производстве стеклянных изделий в древности и вплоть до наших дней.

Относительно находок оссуариев Смирнов считал возможным, что «обитатели долин Чирчика, Ангрена и Келеса, как значительно удаленные от Бактрии (Балха), бывшей местом возникновения зороастрийской религии и главным ее центром, практиковали свой собственный способ погребения. Содержимое находимых глиняных урн указывает, что кости истлевшего трупа, разрушенные, вероятно, зверями и птицами, собирались, смешивались с землей, клались в урны и хоронились».

Смирнов известен и публикациями исторического и этнографического характера, среди которых в свое время выделялась работа «Султаны Кенисара и Садык», обратившая на себя внимание В. Р. Розена *(см.)* и других видных востоковедов. Эта работа воспроизводила жизнеописание названных исторических личностей, составленное сыном главы феодально-монархического движения Кенисары и братом Садыка Ахмедом Кенисары по программе (вопроснику), предложенной Смирновым. Ахмед Кенисары не придерживался во всем этой программы и представил свои записки, которые Смирнов, на основе построчного их перевода, «переделал для печати, несколько обработал в отношении ясности и снабдил необходимыми примечаниями и рядом пространных документальных приложений». Последние позволяли, в частности, сопоставить данные Ахмеда Кенисары о конкретных событиях с данными, содержавшимися в официальных донесениях царских военных властей. В. Р. Розен подчеркивал, что «сопоставление реляций обеих сторон — мысль чрезвычайно удачная и придает всей книге еще больший интерес». Розен же указывал на познавательную ценность публикации для понимания «главных факторов среднеазиатской политической жизни» времени Кенисары и Садыка.

Н. И. Веселовский *(см.)*, отмечая недостатки сочинения Ахмеда Кенисары, констатировал в то же время, что «все неточности отмечены Смирновым в подстрочных примечаниях и в обширном комментарии, составленном на основании официальных документов, как изданных, так и неизданных».

Известна также большая, обильная фактическим материалом работа Смирнова «Сыр-Дарьинская область» (1887). По словам Веселовского книга давала «полное понятие об одной весьма значительной части» территории Средней Азии. В ней содержались данные статистико-экономического характера, сведения о хозяйственных занятиях населения, действиях колониальной администрации и т. п. Наиболее слабыми являлись экскурсы автора в глубь веков, попытки объяснить про-

исхождение местного населения и дать ретроспективный обзор далекого прошлого описываемой местности. Вместе с тем такие статьи Смирнова, как «Забытая страна» не были лишены высокодержавно-шовинистического оттенка.

Смирнов долго работал в Сырдарьинском областном статистическом комитете, будучи его действительным членом, а затем секретарем.

Большой заслугой Смирнова явилось издание по его инициативе в Ташкенте сначала альманаха «Средняя Азия» (1895) с целью «собрать новые и по возможности расширить уже существующие сведения о Средней Азии, стране мало известной, оригинальной во многих отношениях», а затем ежемесячного научно-литературного журнала «Среднеазиатский вестник» (1896, № 1—10; вместо номеров за январь и февраль вышел научно-литературный сборник «Средняя Азия»). Альманах и журнал, издававшиеся под редакцией Смирнова, содержали немало ценных историко-краеведческих публикаций разных авторов (М. Андреева, М. Бродовского, А. Диваева, М. Терентьева и др.), а также материалы, характеризующие деятельность Туркестанского кружка любителей археологии.

Как писал об этом В. Р. Розен, «одному из самых почетных местных деятелей, Евгению Тимофеевичу Смирнову, принадлежал почин в деле создания в центре Туркестана первого... научно-литературного журнала», стремившегося «путем собрания научных данных, группировки фактов..., а также яркими живыми картинами своеобразной жизни местного населения... дать читателю верное и отчетливое представление о Средней Азии... Трудность осуществления этой программы, несомненно, очень велика... (но) редакция... заслуживает искренней благодарности всех интересующихся прошлым и настоящим Средней Азии».

Смирнов являлся членом Туркестанского отдела Русского Географического Общества, создателем местного Общества охотников. На материалы из его публикаций неоднократно ссылались в своих работах В. В. Бартольд и другие ученые.

В 1899 Смирнов оставил службу в Туркестанском крае и уехал на Дальний Восток (пограничный комиссар в Приамурском крае), где также проявил себя как активный и любознательный краевед.

По выходе в отставку (1911) и возвращении в Ташкент (1912) он по словам биографов, предполагал издавать здесь большую газету, и «задумал сделать обширную археологическую работу и уже приступил к ней», но «смерть остановила неутомимого труженика».

Скончался Смирнов в Ташкенте 18 (20?) августа 1913 в возрасте свыше 70 лет.

Указатель публикаций Е. Т. Смирнова: Охота на тигров [в Средней Азии].— Журнал Императорского общества охоты, СПб., 1875, кн. I, стр.16—24, кн. II, стр. 1—7; Археологическая находка близ Ташкента.— ТВ, 1886, № 17; СырДарьинская область. Описание, составленное по официальным источникам Е. Смирновым.—СПб., 1887, 355 стр. (Рец.: Н. В. [еселовский], ЗВОРАО, т. II, СПб., 1888, стр. 279—280; «Северный вестник», 1887, № 3, стр. 142—143); Султаны Кенисара и Садык. Биографические очерки султана Ахмета Кенисарина. Обработано для печати и снабжено примечаниями Е. Т. Смирновым.—Ташкент, Изд. Сыр-Дарьинской обл. стат. комитета, 1889, 324 стр. (Рец.: В. Р. [озен], ЗВОРАО, т. IV, СПб., 1889, стр. 122—123; Н. И. Веселовский. «Исторический вестник», 1889, № 10, стр. 206—208); Постройка Ходжакентского моста (Горная легенда).—«Окраина», 1894, № 5; Встреча с Абдурахман-ханом. Очерк.—«Средняя Азия». Альманах. Научно-литературный сборник с календарем на 1896 г., Ташкент, 1895, стр. 209—222; Два нашествия. Исторические картины.—«Средняя Азия». Альманах. Научно-литературный сборник с календарем на 1896 год, Ташкент, 1895, стр. 177—194; Забытая страна.—Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, т. IV, Ташкент, 1895, стр. 1—29; Герасим Алексеевич Колпаковский. Некролог.—«Среднеазиатский вестник», Ташкент, 1896, май, стр. 100—106; Древности в окрестностях г. Ташкента.— ПТКЛА, II, Ташкент, 1896, стр 1—26; Умирающий Тамерлан.— «Средняя Азия». Альманах.— Научно-литературный сборник статей по Средней Азии, Ташкент, 1896, стр 181—199; Древности на среднем и нижнем течении р. Сыр-Дарьи.—ПТКЛА, II, Ташкент, 1897, стр. 1—14; О состоянии мечети Ахмета Яссави.—ПТКЛА, II, Ташкент, 1897, стр. 10—11; Сообщение по поводу «Истории Бухары» Наршахи на персидском языке, переведенной членом кружка Н. С. Лыкошиным, под редакцией члена кружка В. В. Бартольда.—ПТКЛА, II, Ташкент, 1897, стр. 1—5; Дервишизм в Туркестане.—ТВ, Ташкент, 1898, № 55, 56, 57, 58 (также Сборник материалов по мусульманству, II, Ташкент, 1899, стр. 49—71); О транскрипции восточных имен и слов.—ТВ, Ташкент, 1899, № 33; Об урочище Тамгалы-джар.—ПТКЛА, Год IV, Ташкент, 1899, стр. 71; Приамурский край на Амурско-Приморской выставке 1899 г. в г. Хабаровске.—Хабаровск, 1899 (Рец.: «Русская мысль», 1900, № 5, отд. 2, стр. 173—176; ЖМНП, 1901, № 2, отд. 2, стр. 489—500); Развалины города Канки.—ПТКЛА, Год V, Ташкент, 1900, стр. 164—184 (также ТВ, 1901, № 2, 4, 6, 10, 15, 16, 17); Открытые Романовского канала в Голодной степи.—«Туркестанский мелиорационный бюллетень», 1913, № 5; Военно-бюрократическое мероприятие орфографического характера.— Исторический вестник», Том 132, СПб., 1913.

Литература о Е. Т. Смирнове: Н. В[е с е л о в с к и й]. Е. Т. Смирнов. Сыр-Дарьинская область, СПб., 1887,— ЗВОРАО, т. II, СПб., 1888, стр.

279—280; Н. М.-в (Н. Маев). Библиографическая заметка. Султаны Кенисара и Садык. Е. Т. Смирнова, Ташкент, 1889.—ТВ, 1889, № 29; Б. Р[озен]. Султаны Кенисара и Садык. Биографические очерки султана Ахмета Кенисарина. Обработано для печати и снабжено примечаниями Е. Т. Смирновым. С портретом Садыка, 5 рисунками и 9 политипажами. Изд Сыр-Дарьинского обл. стат. комитета. типо-литография С. И. Лахнина. 1889. IV+83+133+11.—ЗВОРАО, т. IV, СПб., 1890, стр. 122—123; В. Р[озен]. Средняя Азия. Научно-литературный сборник статей по Средней Азии. Под ред. Е. Т. Смирнова (Ташкент, 1896, 212 стр.), «Среднеазиатский вестник». Научно-литературный журнал (Ташкент, 1896, март-август).—ЗВОРАО, т. X, СПб., 1897, стр. 203—211; А. Скворцов. Е. Т. Смирнов как археолог.—ПТКЛА, Год XVII (XVIII), Ташкент, 1913, стр. 90—100; К. Тимаев. Евгений Тимофеевич Смирнов. Некролог.— ТВ, 1913, № 187; Евгений Тимофеевич Смирнов.— ИТОРГО, т. X, вып. I, Ташкент, 1914, стр. 247; М. П. Авшарова. Русская периодическая печать в Туркестане (1880—1917). Библиографический указатель литературы.— Ташкент, Госиздат УзССР, 1960, стр. 124—128; о деятельности Смирнова, его работах, изданиях и т. д. см. также: ЗВОРАО, II, 279; IV, 122—123; IX, 261; X, 203—204, 211; XVII, 166; XX, 70, 82.

НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ХАНЫКОВ

«ОДИН из замечательнейших русских ориенталистов» (слова Н. И. Веселовского) Н. В. Ханыков родился 24 октября 1819 в семье морского офицера. Учился в Царскосельском лицее, по окончании которого (1837) в течение двух лет посещал лекции в Петербургском университете. Пребывание в лицее содействовало формированию «вольнодумных», критических взглядов и настроений Ханыкова, испытавшего на себе влияние таких воспитанников лицея, как известный в последующем социалист-утопист М. В. Буташевич-Петрашевский, настроенный в пользу буржуазно-либеральных реформ, А. В. Головнин и др.

В 1838 Ханыков работал в департаменте внутренних сношений Министерства иностранных дел. С 17 марта 1839 он чиновник особых поручений при оренбургском военном губернаторе, участник военного похода В. А. Перовского на Хиву, во время которого занимался «письменной частью», а также собиранием «и сводом различных сведений о Хиве». К этому же времени относится назначение Ханыкова переводчиком Азиатского департамента Министерства иностранных дел с прикомандированием к оренбургскому военному губернатору.

Замечательные лингвистические способности позволили Ханыкову овладеть рядом восточных языков. Это имело тем большее значение, что его внимание серьезно и надолго было привлечено к прошлому и настоящему стран и народов Востока.

В 1841—1842 Ханыков в составе миссии инженера К. Ф. Бутенева пробыл восемь месяцев в Бухаре, следствием чего явилась широко известная и пользующаяся заслуженным признанием его работа по Бу-

харскому ханству. В ней исследователь отмечал, что в литературе известно уже не одно описание Бухарского ханства, но что он исполнился решимости «изложить не просто впечатления путешественника, а сделать опыт систематического описания ханства» с учетом предшествующих изысканий и на основе критически воспринимаемых распросов местного населения.

«Ханыков,— писал П. С. Савельев,— известный путешествием в Бухару и «Описанием Бухарского ханства», принадлежит к основательнейшим и ученейшим из наших ориенталистов».

По словам В. В. Бартольда, «исключительные достоинства Ханыкова возбуждают еще больше удивления, если вспомнить, что автору во время пребывания в Бухаре» было немногим более 20 лет. Бартольд назвал «Описание Бухарского ханства» классическим трудом историко-географического характера.

По словам современного исследователя, работа Ханыкова, «выполненная для своего времени на большой научной высоте, не утратила значения для наших дней» и, «безусловно, является наиболее ценным из всего, что было создано в изучении Бухары на основании личного знакомства с городом не только в первой половине XIX в., но и за весь дореволюционный период» (О. А. Сухарева).

Работа Ханыкова содержит общее описание ханства, в ней даны сведения о географическом, топографическом положении и о населении страны (границы, объем, орография и гидрография); о верхнем и среднем течении Амударьи и ее древнем течении, о больших и малых каналах и климате, о метеорологических наблюдениях с 5 октября 1841 по 28 февраля 1842.

Приведены подробные сведения о населении ханства и его экономическом положении: 1— узбеки, оседлые и кочующие, 2— таджики, 3—«аравитяне». Приложен список 97 узбекских родов; описаны их пища, жилища и т. п.

В разделе «Топография ханства» дано описание: а) Бухары (главные общественные здания, дворцы, мечети, мадраса, тюрьмы, караван-сараи, бани, базары), б) дорог от Бухары до Самарканда, в) Самарканда (здания города и памятники), г) дорог из Самарканда в Карши, д) Карши (цитадель, мадраса и мечети), е) дорог от Карши до Бухары.

В следующем (IV) разделе охарактеризованы земледелие, торговля и ремесла, приведены линейные, квадратные и кубические меры, указаны ценность монет, стоимость земли в зависимости от податей — ушриа, харадж (мильк и амляк). Описаны садоводство, огородничество, хлебопашество (земледельческие работы и орудия, различные виды хлебов), промышленные растения, хлопчатая бумага, табак, люцерна, скотоводство. Приведены сведения о внутренней и внешней торговле страны и ценах на товары.

Дал Ханыков также описание административной системы Бухарского ханства (сеиды, ходжи, руг-дар, муллы), военных, придворных и духовных чинов, роли духовенства, его судебных функций.

В разделе «Просвещение ханства» говорится о суевериях. При описании мактабов перечисляются книги для чтения и освещаются методы и содержание занятий. В конце книги приведены сведения об эмире Насыр-Улла-Бохадур-хане и истории его царствования, ценные и для понимания общественных порядков феодально-теократической Бухары. В приложении дан алфавитный список названий городов и местностей и схематический план г. Бухары с окрестностями.

Весьма важна также по содержащемуся в ней фактическому материалу полузабытая публикация Ханыкова «Городское управление Бухарского ханства» (1844), касающаяся проблемы внутренней жизни городов эмирата.

Наиболее слабое место в публикациях Ханыкова—поверхностность и субъективизм попыток обрисовать черты национального характера народов Средней Азии. Сами попытки эти были отражением широко распространенной в литературе начала и середины XIX в. тенденции к такого рода определениям.

Ханыков воспользовался пребыванием в Бухаре и для приобретения значительного количества восточных рукописей, впоследствии переданных в Петербургскую публичную библиотеку. Среди них были рукописи, относящиеся к Средней Азии, в частности, различные редакции труда Нершахи (Наршахи).

Нужно иметь в виду и рукописи, присылавшиеся Ханыковым из Ирана во время его пребывания там. Ханыкову наука была обязана и заказанной им копией старой мешхедской рукописи географического словаря Якута.

4—7 сентября 1841 Ханыков осмотрел «достопримечательности» Самарканда, приведя краткое описание крепостных стен города с воротами, «Кала-и Афрасиаб», монументальных сооружений средних веков, некоторые сведения по истории города, который, по его словам, «есть настоящий клад археологических открытий». Свою статью об этом, писанную 5 июня 1868 в Париже, Ханыков заканчивал выражением надежды, что «кто-нибудь из ...наших соотечественников.... доставит нам сведения более подробные и интереснее тех, которые мы, еще так недавно, должны были собирать с тяжелым трудом и опасностями. В Самарканде все интересно: надгробные надписи, надписи строений, книги, монеты, золотые, серебряные и бронзовые украшения, акты, имеющиеся в руках жителей и мечетей, топографические подробности о положении разоренных садов Тимура и построек Абдуллы-хана, а в особенности подробное описание развалин знаменитого Кала-и Афрасиаб, по которому я мог только раз скоро проехать верхом. Имя Афра-

сиаба переносит нас в героическую эпоху первой борьбы Ирана с Тураном, и если оно не случайное повторение древнего и славного названия, а действительно отголосок туманного прошедшего, то малейшее сведение об этой местности будет принято с большим вниманием и благодарностью всем просвещенным миром».

По возвращении из Бухары Ханыков жил в Петербурге, причем основательное знакомство с делами Азиатского департамента помогло ему углубить свои востоковедческие познания.

С начала 1845 Ханыков работал в Закавказье. И здесь он живо интересовался духовной и материальной культурой народов Кавказа и Закавказья, вел археологические и эпиграфические изыскания, опубликовал свой «Перевод мусульманских постановлений о войне» (газета «Кавказ», 1846), работу «О мюридизме и мюридах» (1847) и другие, вошедшие в историю исламоведения.

В 1858 Ханыков — начальник экспедиции в Афганистан и Хорасан, после которой был командирован в Париж в связи с разработкой собранных экспедицией материалов, в итоге чего появился ряд ценнейших его работ, получивших широкую известность и признание и изданных за границей («Экспедиция в Хорасан», «Записки по этнографии Персии» и др.). «Это исполин»,— писал И. С. Тургенев о Ханыкове.

С 1866 он постоянно жил в Париже, где был близок с А. И. Герценом и И. С. Тургеневым. Можно предполагать, что его пребывание за границей, длившееся до самой смерти, было обусловлено оппозиционными настроениями к крайностям монархического режима в России, а также являлось следствием тяжелых личных переживаний: младший брат Ханыкова Александр (1825—1853), друг Н. Г. Чернышевского был приговорен по делу петрашевцев к смертной казни, замененной каторгой с содержанием в Орской крепости, и скончался в возрасте 28 лет; старший брат Яков (1818—1862), также известный работами по географии, экономике и истории Средней Азии, с конца 50-х годов стал страдать тяжелым психическим расстройством и оказался вне любимой работы. Я. В. Ханыкову наука обязана, в частности, составлением оставшегося в рукописи подробного описания и карты хивинских владений, обстоятельной статьей «Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями» (1851), содержащей полный обзор географических и отчасти историко-географических исследований Арала и Хорезма, «Списком мест северо-западной части Средней Азии» (1854—1855) и др.

Последний по времени труд Н. В. Ханыкова — перевод известного сочинения К. Риттера «Иран. Часть первая»— с значительными дополнениями переводчика был издан в 1874 Русским Географическим Обществом.

В заседании РГО 6 ноября 1868 было заслушано сообщение Ханыкова о Бухаре и ее округе по данным, извлеченным им из сочинений арабских писателей X в. По его словам, «в этом веке по преимуществу обнаружилась деятельность арабских путешественников. Арабы описывали, то, что действительно видели». Перейдя к характеристике совокупности сведений, представляемых мусульманской литературой о Средней Азии, Ханыков остановился на двух «наиважнейших [сочинениях] Мукаддеси и Наршахи. Последний из них сохранился только в персидском переводе. Мукаддеси в описании Бухары сообщает сведения о климате, торговле, рудах, обычаях, главных притоках вод, о достопримечательностях, языках, внешности жителей, религиозных актах, политической истории края, налогах и, наконец, о расстояниях. Наршахи начинает с описания сел и местечек бухарского округа и поименовывает Кермине, Тававис (Аркуд), Искичкенд, Шерхабад, Зеренгере, Кафи-Харимя, Зендане, Вардане, Афшане, Перкенд, Раиштан, Ферекин и Вейкенд, которые и доселе почти все еще существуют...». Ханыков заключил свое чтение пожеланием, чтобы «...у нас было приступлено к составлению свода сведений о среднеазиатских странах, заключающихся в арабских писателях, что легко было бы достигнуть трудами наших ориенталистов».

За научные заслуги Петербургский университет присвоил Ханыкову степень доктора истории, Академия наук избрала его членом-корреспондентом. Он был почетным членом ряда зарубежных географических и других научных обществ (Англия, Венгрия, Италия, Франция и др.). Географическое общество в Париже удостоило его награждением Большой золотой медалью.

Ханыков сожалел, что, находясь на чужбине, не мог более участвовать в работе востоковедов в Средней Азии, где А. Л. Куном (*см.*), П. И. Лерхом (*см.*) и другими делались важнейшие находки и наблюдения. «Вспомним... волнение, охватившее Н. В. Ханыкова в 1866 г., когда он осознал открывающиеся для русских ученых перспективы (в Средней Азии), и его горячее сожаление, что он не мог по состоянию здоровья лично участвовать в изысканиях, которые для 60—80-х годов в Туркестане можно не колеблясь назвать в применении к арабоязычной эпиграфике периодом великих открытий» (В. А. Крачковская).

Скончался Ханыков 3 ноября 1878 в Рамбулье близ Парижа.

Указатель публикаций Н. В. Ханыкова (выборочно): «Journal asiatique» (серия VI; список статей Ханыкова дан в указателе к этой серии: т. XX, 1872, стр. 394 и сл.); L. Brosset. Biblieographie analitique des ouvrages de monsieur Marie Telicite Brosset, membre de l'Akademie imp. des sciences de Saint-Pêtersbourg. 1824—1879.— St.-Pbg., 1887); Памятная книжка Дагестанской области. Составил Е. И. Козубский.—

Темир-Хан-Шура, 1895; О. Э. Ливотова и В. П. Португаль. Востоковедение в изданиях Академии наук. 1726—1917. Библиография.— М., ГРВЛ, 1966, стр. 128 (указатель).

Перечень публикаций Н. В. Ханыкова (выборочно): Описание Бухарского ханства, составленное Н. Ханыковым.— СПб., 1843, 279 стр.; Очерки Бухары.— «Отечественные записки», СПб., 1843, т. XVVI, № 2, стр. 86—91; Городское управление в Средней Азии.— Журнал Министерства внутренних дел, ч. 8, № 5, СПб., 1844, стр. 160—183; О населении киргизских степей, занимаемых Внутренней и Малой ордами.— Журнал Министерства иностранных дел, ч. 8, № 10, СПб., 1844, стр. 3—60; Перевод мусульманских постановлений о войне.— «Кавказ», Тифлис, 1846, № 20—21; О мюридизме и мюридах.— Сборник газеты «Кавказ», Тифлис, 1847, I-е полугодие, стр. 136—166; Археологическое известие.— «Кавказ», 1850 (отд. оттиск); Еще археологическое известие.— «Кавказ», 1850, № 85—86; Примечания к статье «Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент», Вестник РГО, ч. I, СПб., 1851; Sur quelques inscriptions musulmanes du Caucase extrait de deux lettres de M. Khanykof.— Melanges Asiatique, I, 1852, s. 243—245; Letre de M. Khanykof a'M. Dorn. Bulletin de la Glasse historico-philologique de l'Academie..., t. XII, № 11, СПб., 1855, s. 161—176 (О географических названиях в сочинениях Нершахи); Extrait d'une lettre de M. Khanykof á M. Dorn... Там же, XIII, № 8—9, СПб., 1856, s. 136—139 (Об арабской рукописи «Мизан ал-хикмат» — «Весы мудрости»); [N. V. Khanykov]. Extrait d'une lettre de M. Khanykov á M. Dorn.— Melanges Asiatique, СПб., 1856, t. II, p. 427—429, 506—550, 1859, t. III, p. 50—81 (также: p. 490—491; B. Dorn. Bericht über einige wirklichen Staatsrahh Chanykov von Astrabad aus dem Asiatischen Museum übersaudten Geschenke, p. 492—496 по Мешхеду с заметками Н. В. Ханыкова о составе мешхедской библиотеки, 497—501 по Герату); Mémoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase.— Journal Asiatique, V-e'me série, 1862, s. 1—64; Memoire sur la partie meridionale de l'Asie Centrale.— Paris, 1862, 234 p.; русский перевод: Н. Ханыков. Экспедиция в Хорасан, Перевод с французского Е. Ф. Рассадиной. Отв. редакторы Н. А. Кузнецова и Н. А. Халфин.— М., ГРВЛ, 1973, 215 стр.; Memoire sur l'ethnographie de la Perse.— Paris, 1866, 142 p.; Самарканд.— «Русский инвалид», 1868, № 161 (ср.: Туркестанский сборник, т. VII, стр. 197—205); Сообщение Н. В. Ханыкова о Бухаре и ее округе по данным из сочинений арабских писателей X века.— Общее собрание Русского Географического Общества 6 ноября 1868 года.— «Биржевые ведомости», 1868, № 305 (Туркестанский сборник, т. VII, стр. 325—326); Очерк географии и истории верховьев Аму-Дарьи Генри Юля. Перевод с английского О. А. Федченко с дополнениями и примечаниями А. П. Федченко, Н. В Ханыкова и Г. Юля, СПб., 1873, 82 стр.— ИРГО, т. IX, СПб.,

1873, № 6. Приложение (см. также: Н. В. Ханыков. Письмо Дорну о родословной кокандских ханов; Посмертные труды Х. Френа, т. I; Письмо сэр(у) Родерику Мургисону о старом русле Аму-Дарьи; Journal of the American Orient. Society, 1846); Экспедиция в Хорасан. Перевод с французского Е. Ф. Рассадиной. Вступительная статья Н. А. Халфина. Отв. редакторы Н. А. Кузнецова и Н. А. Халфин.— М., ГРВЛ, 1973, 215 стр.; Analysis and Extracts of the Book of Balance of Wisdom, an arabic work on the waterbalance, written by al-Khazini in the 12-th Century, Journ. of the American Orient. Society, VI, 1860.

Литература о Н. В. Ханыкове: П. С. Савельев. Восточные литературы и русские ориенталисты.— «Русский вестник», т. II, СПб., 1856, апрель, книжка вторая, стр. 276; Die Sammlung von morgenländischen Handschriften, welche die Kaiserbuche Offenliche Bibliothek zu St.-Petersburg im Jahre 1864 von Herrn v. Chanykow erworden hat. von B. Dorn, St.-Petersburg, 1865, 93 p.; М. С. (М. М. Стасюлевич). Н. В. Ханыков.— «Вестник Европы», М., 1878, кн. 12, стр. 911—919; Н. В. Ханыков (1819—1868). Некролог.— «Вестник Европы», М., 1878, № 12, стр. 911—919; Н. В. Ханыков. Некролог.— «Голос», 1878, № 306; Н. В. Ханыков. Некролог.—Т. В., 1878, № 48; Л. З-ский (Загурский). Воспоминание о Н. В. Ханыкове.— Известия Кавказского отделения РГО, VI, № 1, Тбилиси, 1879, стр. 130—133; Л. Н. Майков. Н. В. Ханыков.— ЖМНП, СПб., 1879, № 1, отд. 4, стр. 91—107; Н. В. Ханыков. Некролог.— ИРГО, т. XV, СПб., 1879, стр. 5—14 (отчет Общества); И. В. Мушкетов. Туркестан, т. I, ч. I, СПб., 1886, стр. 98—99; Н. И. Веселовский. Ханыков Н. В.— Русский биографический словарь. Том «Фабер—Цявловский», СПб., 1896—1918, стр. 277—279; Он же. Ханыков Николай Владимирович.— Энциклопедический словарь «Брокгауз-Ефрон», т. XXXVII, СПб., 1903, стр. 56—57; В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Изд. второе.— Л., 1925, стр. 256; Он же. Иран. Исторический очерк.— Ташкент, 1926, стр. 127; М. Соловьев. Экспедиция в Бухару в 1841—42 гг. при участии натуралиста А. Лемана.— М.—Л., 1936, 124 стр.; В. А. Крачковская. Неизвестный альбом по арабской и персидской эпиграфике.— «Эпиграфика Востока», II, М.—Л., 1948, стр. 19—40 (об альбоме Н. В. Ханыкова); Она же. Из архивного наследия Ханыкова и Дорна.— Там же, IV, 1951, стр. 28—39; Она же. Эпиграфика Средней Азии (Пионеры эпиграфики. Туркестанский кружок любителей археологии).— Там же, VII, 1953, стр. 45; В. Г. Гейман и Б. М. Кочаков. Письма А. В. Головнина к Н. В. Ханыкову. С приложением текстов писем 1866—1868 гг.— Исторический архив, т. 5, М., 1950, стр. 342—391; В. А. Ромодин. Из истории изучения афганцев и Афганистана в России.— В кн.: Очерки по истории русского востоковедения, I, М., 1953, стр. 148—184 (о работах Н. В. Ханыкова и др.); Обзор русских путе-

шествий и экспедиций в Среднюю Азию.— Ч. I, 1715—1856. Составитель О. В. Маслова. Материалы к библиографии, вып. V, Ташкент, XIX—начало XX в. (Позднефеодальный город и его население).—М., 1957, стр. 63; О. А. Сухарева. К истории городов Бухарского ханства.— Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1958, стр. 66; Она же. Бухара. XIX—начало XX в. (Позднефеодальный город и его население.— М., ГРВЛ, 1966, стр. 8—9; Н. А. Халфин. Политика России в Средней Азии (1857—1868).—М., ИВЛ, 1960, стр. 78—85, 88, 91 и др.; О. Ф. Акимушкин и Ю. Е. Борщевский. Материалы для библиографии работ о персидских рукописях.— «Народы Азии и Африки», М., 1963, № 3, стр. 171 (указатель публикаций Ханыкова с описанием восточных рукописей); Б. В. Лунин. Средняя Азия..., стр. 84—86, 327—328; Н. А. Халфин. Николай Владимирович Ханыков.— В кн.: Н. Ханыков. Экспедиция в Хорасан, М., 1973, стр. 5—23.

Личные архивные фонды Н. В. (и Я. В.) Ханыкова: Гос. публичная библиотека им. В. И. Ленина, ф. 823 и 947, 171 ед. хр., 1279—1876; Гос. литературный музей (Москва), ф. 202, 10 ед. хр., 1866—1878. Сведения о поездках Ханыкова и поступлении от него восточных рукописей и других материалов см. в публикациях, указанных в кн.: О. Э. Ливотова и В. Б. Португаль. Востоковедение в изданиях Академии наук, 1726—1917. Библиография.— М., Изд-во «Наука», ГРВЛ, 1966 (№ 310, 487 и др. по алфавитному перечню фамилий).

ХАМИД ИБН БАКА ХОДЖА

ОДИН из представителей позднейшей бухарской историографии Хамид ибн Бака ходжа родился в семье керкинского казия в конце 70 — начале 80-х годов (точная дата не установлена). Жил в Бухаре, учился в мадрасе Мухтар, находился под сильным влиянием суфизма, общался с членами орденов накшбандийа и джахрийа, увлекаясь одновременно поэзией и литературой своего времени, в том числе произведениями Ахмада Дониша (*см.*).

Хамид ибн Бака ходжа известен как автор обширной рукописи «Изложение примеров в обстоятельствах жизни (автора)». Три части этого примечательного для своего времени сочинения были посвящены (помимо данных автобиографического характера) Бухаре дореволюционного времени, а четвертая — пореволюционного (о революции и революционерах и о событиях, связанных с этим).

В своем труде автор описывает (по сочинениям Садриддина Айни и со слов современников событий) ход продвижения в Среднюю Азию царских войск, сочетая это описание с данными краткой истории династии мангытов в Бухаре. Наряду с известными данными (не всегда точно излагаемыми) он приводит немало ценных сведений и деталей о междоусобицах правителей Хорезма (Хивы) и Бухары, ограниченности («тупость и самомнение») эмира Музаффара и т. п. Примечателен рассказ о вакбентском купце Сайид-бае, часто бывавшем по торговым делам в России, сознававшем экономическую и политическую отсталость Бухары и предвидевшем возможность поражения ее плохо обученных войск в случае столкновения с царской

армией. Любопытны сведения о письмах эмира Музаффара к правительствам Турции, Франции и Англии с просьбой о военной помощи.

Характеристика же эмира Абдалахада носит апологетические черты. Существенны данные автора об экономике Бухарского эмирата XIX—XX вв., в том числе об изменениях, происходивших в ней после присоединения Туркестанского края к России, проведения через Чарджуй железной дороги и т. п.

Четвертая глава рукописи носит сугубо субъективистский характер и свидетельствует о неглубоком понимании автором действительной сути и хода событий, хотя историографически она не лишена определенного интереса.

Год смерти Хамида ибн Бака ходжи неизвестен.

Литература о Хамиде ибн Бака ходже: Л. М. Епифанова. Рукописные источники Института востоковедения Академии наук УзССР по истории Средней Азии периода присоединения к России (Бухара).— Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1965, стр. 64—68.

ГЛЕБ НИКАНОРОВИЧ ЧЕРДАНЦЕВ

ИЗВЕСТНЫЙ экономист и историк народного хозяйства Узбекистана Черданцев родился 23 июля (4 августа) 1885 в Омске в семье выходца из крестьян, присяжного поверенного.

Детство и юношество Черданцева прошли в Ташкенте. Здесь он окончил в 1903 мужскую гимназию с медалью «За отличные успехи в науках». В том же году Черданцев поступил на экономическое отделение Политехнического института в Петербурге. В ходе событий революции 1905 Институт был временно закрыт и Черданцев выехал за границу. В 1905—1906 он слушал лекции по экономике в Мюнхенском университете и Академии социальных и коммерческих наук во Франкфурте-на-Майне. Возобновив учебу в Петербурге, Черданцев в 1909 окончил Политехнический институт с дипломом I степени и правом представления спустя год работы на степень кандидата. Такой работой явилось исследование на тему «Водное право Туркестана в его настоящем в проектах ближайшего будущего», принесшее ему искомую степень кандидата экономических наук. Названная работа имела и большое практическое значение в связи с обсуждением тогда проектов нового водного закона, что играло в условиях Средней Азии особую роль.

По окончании института Черданцев жил в Ташкенте (и временами в Петербурге), добывая средства к жизни частными уроками. Болезнь жены побудила его переехать в Одессу, где он занимал скромные должности вольнонаемного писаря, таможенного переводчика, помощника секретаря таможни, кассового бухгалтера (им была

написана оставшаяся неопубликованной «История Одесской таможни за 1789—1912 гг.»).

В мае 1915 Черданцев вернулся в Ташкент, служил здесь делопроизводителем, а затем чиновником по сельскохозяйственной и оброчной части (в Сырдарьинской области) Управления земледелия и государственных имуществ Туркестанского края. Одновременно продолжал углублять свои знания по экономике края, участвовал в деятельности Туркестанского Общества сельского хозяйства, преподавал на курсах межевых инженеров. В 1917 он — заместитель Туркестанского районного уполномоченного по топливу, ответственный за снабжение железных дорог края.

Подлинный расцвет научной и педагогической деятельности Черданцева начался в послеоктябрьские годы. С его именем в значительной степени связаны история открытия (21 апреля 1918) и деятельность Туркестанского народного университета в Ташкенте (впоследствии Туркестанского государственного университета, в котором Черданцев был избран ректором).

В 1920—1921 произошло слияние так называемых ташкентской и московской групп вновь образуемого университета и было создано единое его правление под председательством Черданцева. В 1921 ему было присвоено звание профессора по кафедре истории хозяйственного быта. В печати все чаще начинают появляться научные и научно-популярные статьи и работы Черданцева. С того же времени он совмещает работу в должности декана факультета общественных наук с деятельностью по организации, планированию народного хозяйства Туркестанской АССР (он являлся заместителем председателя, а затем членом Президиума республиканского Госплана, активным участником составления народнохозяйственных планов). Решением Средазбюро ЦК РКП(б) на него было возложено также руководство Технической подкомиссией по экономическому объединению республик Средней Азии (в связи с национально-государственным размежеванием территории последней). Летом 1923 Черданцев возглавлял Госплан Хорезмской Народной Советской Республики в Хиве, результатом чего явилось составление первого плана развития народного хозяйства ХНСР.

В августе 1923 по приглашению центральных учреждений переехал в Петроград для проведения научных исследований. Спустя год приступил также к работе в Госплане СССР и Московском межевом институте (преподавание курса экономической географии, которое Черданцев продолжал и после реорганизации названного института в геодезический, а затем в Институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии; чтение лекций по основному курсу он сочетал с ведением курсов истории народного хозяйства, хозяйственной статистики и др.). Кроме того, Черданцев читал лекции в Плановой академии и

других вузах Москвы. С 1936 по 1940 он заведывал кафедрой составления и редактирования карт в названном выше институте, с 1936 до осени 1941 был членом, а затем и председателем экспертной комиссии по географии Всесоюзного Комитета по делам высшей школы при СНК СССР и т. д. В декабре 1936 ему была присуждена ученая степень доктора экономических наук без защиты диссертации.

Все это время Черданцев не порывал тесных связей с родным для него Узбекистаном. В Госплане СССР он работал в Среднеазиатском бюро (в последующем — Туркестанская секция), ведая сферой развития энергетики, финансов, торговли, труда и транспорта Средней Азии. Из-под его пера продолжали выходить труды по Средней Азии и Казахстану («Среднеазиатские республики», «Казахстан», детская книжка «Рассказ Джафара о Казахстане» и др., «Фергана» и другие статьи в Большой Советской Энциклопедии и т. д.). Многократно участвовал Черданцев в различных экспедициях советских органов и научных учреждений, в том числе по Средней Азии и Казахстану.

Сотрудничал Черданцев и в Энергетическом институте и Совете по изучению производительных сил (СОПС) АН СССР. Имя его неотделимо от работ по составлению гипотез и планов развития водных ресурсов и энергостроительства в ряде районов СССР, включая Узбекистан, Таджикистан, Туркмению, Казахстан.

Печатные произведения Черданцева охватывали широкий круг вопросов — история и планирование народного хозяйства и экономического районирования, общая география и экономика, энергетика и ирригация, картография и др. Широкую известность и признание получили его многочисленные учебные пособия и учебники по экономической географии Узбекистана и других среднеазиатских республик.

В 1941—1943 Черданцев возглавлял Институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии, эвакуированный в Ташкент по условиям военного времени. 3 ноября 1943 он был избран членом-корреспондентом вновь образованной Академии наук Узбекской ССР, а 5 октября 1956 — академиком.

Возвратившись по окончании войны в Москву, Черданцев систематически приезжал в Ташкент, где вел работу в Институте экономики АН УзССР (изучение перспектив развития электрификации Узбекистана, производительных сил Ангренского промышленного района и Ферганской долины, история экономических исследований и географических открытий в Средней Азии и др.). Он написал ряд глав и отредактировал в целом двухтомный коллективный труд ученых Узбекистана по развитию производительных сил Ферганы. В Институте экономики АН УзССР Черданцев был также научным руководителем по изучению советского периода народного хозяйства Узбекистана.

На протяжении многих лет Черданцев активно содействовал развитию высшего и экономического образования в Узбекистане, принимал деятельное участие в работе Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина и Ташкентского финансово-экономического института.

Велики заслуги его в подготовке научных и преподавательских кадров, распространении и популяризации научных знаний, рецензировании печатных и рукописных работ ученых, в том числе молодых исследователей. Он подготовил до 30 кандидатов и докторов наук из Узбекистана и других среднеазиатских республик.

В 1951 Черданцев был награжден орденом Ленина, в 1955 ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки Узбекской ССР.

В октябре и ноябре 1955 научная и широкая советская общественность торжественно отметила 70-летие со дня рождения и 40-летие научной и преподавательской деятельности Черданцева.

5 декабря 1958 последовала скоропостижная кончина ученого в поезде, которым он возвращался в Москву из очередной поездки в Ташкент. Похоронен Черданцев на Новодевичьем кладбище в Москве.

Указатель публикаций Г. Н. Черданцева (выборочно)*: Водное право Туркестана в его настоящем и проектах ближайшего будущего.— «Средняя Азия». Ежемесячное литературно-историческое издание, Ташкент, 1911 кн. VIII, стр. 81—100; кн. IX, стр. 61—84; кн. X, стр. 41—100; Из работ Туркестанского народного университета.— В кн.: Сборник Туркестанского народного университета.— Ташкент, 1918, стр. 147—153; К истории первых лет Туркестанского университета (1918—1922).— «Наука и просвещение», 1922, стр. 90—111; Среднеазиатский экономический район. Очерки по экономике Средней Азии. С предисловием председ. Туркестанского Экономического Совета Н. А. Паскуцкого. Под ред. Ю. И. Пославского и Г. Н. Черданцева.— Ташкент, 1922, 127 стр. (Черданцевым написан раздел «Демографические и этнографические группировки» (стр. 16—24); Население, его численность и плотность. Племенной состав населения. Численный состав народностей. Языки. Этнографическая чересполосность среднеазиатского района. Единство материальной и духовной культуры Средней Азии); Некоторые черты ирригации Хорезма.— «Хлопковое дело», М., 1923, № 9/10, стр. 160—165; К вопросу демографии среднеазиатских республик.— «Плановое хозяйство», М., 1925, № 7, стр. 250—257; Национальные автономные республики и автономные области в общих контурах

* Ряд статей Черданцева по вопросам организации новой средней и высшей школы в Средней Азии печатался в местных газетах и журналах первых лет Советской власти.

генерального плана.— «Плановое хозяйство», М., 1926, № 6, стр. 185—204; Проблемы хозяйственного строительства национальных автономных республик и областей.— «Плановое хозяйство», М., 1927, № 6; Районированная Средняя Азия.— «Плановое хозяйство», М., 1927, № 7, стр. 245—256; Современный кишлак и аул Средней Азии. По работам комиссии Средне-Азиатского бюро ЦК ВКП(б) (Критический очерк).— «Народное хозяйство Средней Азии», Ташкент, 1927, № 10—12, стр. 197—204; Методы описания экономических районов.— В кн.: В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели. — Ташкент, 1927, стр. 471—478; К вопросу о пятилетних перспективных планах Средней Азии.— «Народное хозяйство Средней Азии», Ташкент, 1928, № 4—5, стр. 5—18 (совместно с С. К. Кондрашевым); Методы и этапы разработки основных линий развития Средней Азии в период генерального плана.— «Народное хозяйство Средней Азии», Ташкент, 1928, № 7—8, стр. 5—9 (совместно с С. К. Кондрашевым); Среднеазиатские республики.— М., «Плановое хозяйство», 1928, 168 стр. (Экономо-географические очерки СССР. Районы Средней Азии, вып. II, кн. 19). Экономическая оценка пятилетнего плана хлопководства в Средней Азии.— «Народное хозяйство Средней Азии», Ташкент, 1929, № 1, стр. 132—136; Казахстан — М. Планхозгиз. 1930, 203 стр.; Задачи экономической науки в Узбекистане.— В кн.: Тезисы научных докладов на сессии АН УзССР 9—14 июня 1947 г., Ташкент, 1947, стр. 152—156; К вопросу о размещении и районировании сельскохозяйственных культур в Узбекистане — В кн.: Труды Института экономики АН УзССР, вып. 1 Ташкент, 1947, стр. 37—43; К истории экономических исследований Кара-Калпакской АССР (1873—1945).— В кн.: Материалы по производительным силам Узбекистана, вып. I, Кара-Калпакская АССР, Ташкент, стр. 7—23; О методике разработки перспектив развития производительных сил в экономическом районе.— ИАН УзССР, Ташкент, 1950, № 6, стр. 15—22; К вопросу об исследованиях в области истории народного хозяйства Советского Узбекистана (1917—1960 гг.).— ИАН УзССР, Серия общественных наук, Ташкент, 1958, № 8, стр. 11—19; О научных архивах.— ИАН УзССР, Серия общественных наук, Ташкент, 1958, № 2, стр. 85—86; Развитие экономической науки в Узбекистане за советский период (1917—1957).— ИАН УзССР, Серия общественных наук, Ташкент, 1958, № 3, стр. 9—24; Влияние присоединения Узбекистана к России на положение узбекской женщины — ИАН УзССР, Серия общественных наук, Ташкент, 1959, № 1, стр. 71—76; Экономическая география. (Введение и география отраслей народного хозяйства СССР). Учебное пособие для студентов картографической специальности институтов инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии.— М., Геодезиздат, 1961, 123 стр.; К. Н. Бедринцев. Вопросы методологии. методики и организации исследований

районных комплексных экономических проблем, Отв. ред. акад. АН УзССР Г. Н. Черданцев.— Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957, 152 стр.; Экономическая география СССР. Общая характеристика и география отраслей народного хозяйства СССР. Под ред. проф. Г. Н. Черданцева и др.— М., Учпедгиз, 1958, 280 стр. (также издания 1945, 1956, 1957 и других лет);

Литература о Г. Н. Черданцеве: К. Н. Бедринцев. Чествование члена-корреспондента АН УзССР Г. Н. Черданцева.— ИАН УзССР, Ташкент, 1955, № 12, стр. 85—87; Глеб Никанорович Черданцев (1885—1958). Некролог.— ИАН УзССР, Серия общественных наук, Ташкент, 1959, № 1, стр. 95—96; Г. Н. Черданцев. Некролог.—«Правда Востока», Ташкент, 8 декабря 1958, № 286; А. С. Садыков, А. А. Агзамходжаев, Л. Н. Бабушкин, В. А. Беляев и Д. Д. Столяров. Ташкентский государственный университет имени В. И. Ленина.— Ташкент, Госиздат УзССР, 1970, 109 стр.; В. В. Александрова-Заорская, О. Б. Джамалов и А. И. Преображенский. Жизнь и деятельность Глеба Никаноровича Черданцева.— В кн.: Проблемы развития экономики Узбекистана, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1963, стр. 6—19; С. Сираждинов. Гением Ленина рожденный (50 лет ТашГУ им. В. И. Ленина).—«Звезда Востока», Ташкент, 1969, № 7, стр. 5—26; Культурное строительство в Туркестанской АССР (1917—1924). Сб. документов, т. I, Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1973, стр. 67—70, 142, 169 и др.; Ташкентский государственный университет имени В. И. Ленина. Ред. коллегия: С. Х. Сираждинов, Т. З. Захидов, Л. Н. Бабушкин, Л. В. Гентшке и др.— Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1970, стр. 24, 26, 31 и др.

ОРЕСТ АВЕНИРОВИЧ ШКАПСКИЙ

ЗНАТОК земельных отношений, жизни и быта народов Узбекистана и Казахстана О. А. Шкапский окончил в 1884—1885 ташкентскую мужскую гимназию, учился затем в Московском университете на физико-математическом факультете. Был участником студенческого движения, участвовал в распространении нелегальной революционной литературы среди рабочих, находясь, однако, под сильным влиянием народнической идеологии.

В 1892 Шкапский работает в поземельно-податном отделе Сырдарьинской области, с 1893 — письмоводителем канцелярии начальника Амударьинского отдела, с 1898 — делопроизводителем в Управлении земельных и государственных имуществ Туркестанского края, с 1903— в сельскохозяйственном отделе Сырдарьинского областного правления, с 1905 заведует переселенческой партией в Семиречье (ЦГА УзССР, ф. 7, оп. 1, д. 2122, л. 3—7).

12 января 1905, выступая в Ташкенте на известном собрании (банкете), организованном либерально настроенной буржуазной интеллигенцией по поводу «татьянина дня» и 150-летия Московского университета (но превращенном усилиями революционных социал-демократов во главе с большевиком В. Корнюшиным в политический митинг), Шкапский говорил о «бюрократическом произволе, от которого не свободен Туркестанский край» и необходимости «улучшения» системы государственного управления.

Начиная с 1889 в печати стали появляться публикации Шкапского этнографического характера, причем в них все больше и больше внимания уделялось освещению экономического положения крестьянских

масс коренного населения Туркестана, физико-географическим и социально-экономическим факторам их обнищания. К числу последних автор относил, в частности, жесточайшую эксплуатацию бедняков представителями низовой администрации. Описывал он также тяжелое положение женщин Средней Азии. В конце столетия увидели свет публикации Шкапского, в определенной степени вскрывавшие механизм угнетения и эксплуатации крестьянской бедноты Амударьинского отдела (узбеки, каракалпаки, туркмены) местным кулачеством, ростовщиками и др. В 1900 из печати вышли известные «Аму-Дарьинские очерки. К аграрному вопросу на нижней Аму-Дарье», подробно- рассматривавшие вопросы земледелия и землевладения в Шураханском участке Амударьинского отдела.

Эти и другие работы Шкапского, изобиловавшие ценными фактическими данными, статистическими и другими материалами, обратили на себя внимание общественности. Они и поныне широко используются советскими историками, этнографами, экономистами в качестве важного, а иногда по своему характеру единственного и во многом незаменимого пособия к изучению вопроса о социально-экономическом положении трудовых масс б. Амударьинского отдела. Под этим углом зрения работы Шкапского занимают видное место в дореволюционной научно-краеведческой литературе по Сердней Азии и Казахстану.

В апреле 1899 Шкапский был избран действительным членом Туркестанского отдела Русского Географического Общества, а затем и членом редакционного комитета «Известий» отдела. Некоторое время он редактировал «Семиреченские областные ведомости», являлся одним из издателей («Товарищество на паях») газеты «Русский Туркестан» (1898—1907), которую (1906—1907) редактировали большевик М. В. Морозов и его жена А. В. Худаш. Под его редакцией вышел третий том (вып. 1) «Известий» Туркестанского отдела РГО.

За свои труды Шкапский был удостоен серебряной медали Русского Географического Общества. В отзыве о нем В. В. Бартольд указывал, что упомянутая выше публикация («Аму-Дарьинские очерки») «несомненно занимает выдающееся место среди трудов провинциальных деятелей по этнографии и статистике. Автор ... дает подробные сведения о физико-географическом характере местности, об искусственном орошении, о способах и орудиях обработки земли, о различных видах земелевладения и землепользования, об экономическом положении современного населения в связи с его этнографическим составом ..., о постепенном росте малоземелья и о средствах борьбы с этим злом». Бартольд отмечал также, что часть материалов в работах Шкапского была впервые извлечена из архивных документов.

В историко-революционной литературе нередко указывается на принадлежность Шкапского к партии социалистов-революционеров (эсеров), что формально не подтверждается фактическими данными. В то же время остается несомненной его явная близость к эсеровским кругам (некоторые эсеры работали в возглавлявшейся им переселенческой партии в Семиречье и в их среде Шкапский считался «своим» человеком).

Эсеровское влияние чем дальше, тем больше воздействовало на мировоззрение Шкапского, что сказалось и в двойственности его позиции в переселенческом вопросе. С одной стороны, особенно в более ранних своих публикациях, Шкапский не раз высказывался в защиту переселенческой бедноты, «крайне стесненной отказами со стороны киргизских воротил, манапов сдавать землю в аренду на краткие сроки». В рапорте (записке) на имя генерал-губернатора Тевяшева он писал, что «когда на очереди стоит вопрос об устройстве массы крестьян, является необходимым пожертвовать интересами отдельных лиц и лишить их возможности богатеть в то время, когда земля нужна для массы крестьян. Одновременное существование аренд для богатых и прекращение их для бедных представляется таким положением, которое не отвечает целям» хозяйственного освоения Средней Азии (это заявление Шкапского вызвало следующие пометки Тевяшева: «Не допущу!... Господин Шкапский... социал-демократ... его прежде всего надо выгнать»).

С другой стороны, Шкапский не проявил должной последовательности в защите интересов беднейших слоев коренного населения, насильственно сгонявшегося с земли и терпевшего притеснения со стороны кулацко-переселенческой верхушки, что с особой силой сказалось в позициях, занятых им в ходе событий 1916—1917.

Победу второй буржуазно-демократической революции в России Шкапский встретил восторженно, но очень скоро перед лицом нарастания массового движения трудящихся в пользу Советов и большевизации последних стал скатываться на ярко выраженные эсеровско-соглашательские, а затем (после июльских событий 1917) вражеские позиции.

Постановлением буржуазного Временного правительства 7 апреля 1917 Шкапский был назначен членом Туркестанского Комитета. Логика дальнейшей борьбы неумолимо влекла его в стан контрреволюции. Командированный в качестве представителя Комитета в Семиречье (Верный), Шкапский и здесь пытался протовостоять росту революционных настроений масс, был проводником антинародной линии Временного правительства. Во время известных сентябрьских событий 1917 в Ташкенте (избрание на массовом политическом митинге Временного Революционного комитета, принятие большевистской

резолюции о переходе власти к Советам) он призвал областных и уездных комиссаров Семиречья «не исполнять никаких распоряжений ташкентских большевиков-мятежников». В свете этого не было ничего неожиданного и в том, что Шкапский оказался на стороне образовавшегося в Семиречье 1 ноября 1917 «войскового правительства» семиреченского казачества, что окончательно отбросило Шкапского в лагерь контрреволюции. Таким образом, попытки отдельных авторов идеализировать его личность без учета перехода в стан активных врагов Советской власти несостоятельны и вредны.

Год смерти Шкапского не установлен.

Перечень публикаций О. А. Шкапского (выборочно): От Орска до Казалинска. Из воспоминаний случайного туриста.— ТВ, 1889, № 33, 36, 42 и 43 (этнографические наблюдения); Экономическое положение киргизов. Туркестанская выставка (Отдел охоты).— «Новости», 1890, № 281; Два документа к истории событий в Средней Азии в 1868 году.— «Средняя Азия», Научно-литературный сборник статей по Средней Азии.— Ташкент, 1896, стр. 168—172; Положение женщины у кочевников Средней Азии.— «Среднеазиатский вестник», Ташкент, 1896, VI, стр. 1—19, VII, стр. 34—53; Некоторые данные для освещения киргизского вопроса.— «Русская мысль», М., 1897, № 6, стр. 44—58, № 7, стр. 31—48 (Разбор брошюры Н. Васильева «Кочевники Туркестана»); Амударьинские кулаки перед лицом шариата и казиев. — «Русская мысль», М., 1898, № 7, стр. 123—136, № 8, стр. 46—67; Как Самарканд стал городом.—«Русский Туркестан», Сборник, I, М., 1899, стр. 8 — 27; Аму-Дарьинские очерки. К аграрному вопросу на нижней Аму-Дарье. — Ташкент, 1900, 283 стр. (Рец.: А. Липовский. «Живая старина», СПб., 1900, III, стр. 438—439); Как хивинцы ведут кочевое хозяйство на своих безводных землях.— М., 1900, 64 стр.; Земледелие и землевладение в Шураханском участке Аму-Дарьинского отдела.— Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, вып. VIII, Ташкент, 1900, стр. 1—221; Борьба с кобылкой в 1902 году в Сыр-Дарьинской области.— СПб., 1903; К вопросу об орошении земель в Туркестане (по поводу проекта привлечения частных капиталов для орошения свободных земель).— СПб., 1903; Киргизы-крестьяне (Из жизни Семиречья). — ИРГО, вып. IV, СПб., 1905, стр. 765—778; О культуре риса в Сыр-Дарьинской области в связи с развитием малярии. — Ташкент, 1905, 16 стр.; По вопросу о народном самоуправлении у киргиз.— «Самарканд», 1905, № 85—88, 90; Переселенцы-самовольцы и аграрный вопрос в Семиреченской области. Отчет чиновника по сельскохозяйственной и оброчной части при Сыр-Дарьинском областном правлении О. А. Шкапского по командировке осенью 1904 г. в Семиреченскую область, СПб., 1906,

197 стр.; Две поездки в горы Ташкентского уезда.— ИРГО, т. XLI, вып. I, 1907, стр. 1—37; Движение переселенцев в первой половине 1906 г.—«Вопросы колонизации», СПб., 1907, №1, стр. 222—228; Переселенцы и аграрный вопрос в Семиреченской области.— «Вопросы колонизации», СПб., 1907, № 1, стр. 19—52; На рубеже переселенческого дела.— «Вопросы колонизации», СПб., 1907, № 1, стр. 112—137; Пояснительный текст [к серии «Туркестан (Средняя Азия)». Под ред. Д. Н. Анучина].— СПб., Изд-во «Свет», 1909, 99 стр.; Организация водного хозяйства в Туркестане.— «Вестник Европы», СПб., 1914, № 5, стр. 208—302; Прошлое и настоящее Туркестана.— «Вестник Европы», М., 1915, № 6, стр. 131—156; [Семиречье наших дней].— ТВ, 1917, № 136, Прибавление.

Литература об О. А. Шкапском: В. В. Бартольд. Отзыв о трудах Ореста Авенировича Шкапского.— Отчет Имп. Русского Географического Общества за 1901 год.— СПб., 1902, стр. 40—42 (В. В. Бартольд. Сочинения, т. II. ч. 2, М., 1964, стр. 359—360); Е. Федоров. Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии.— Ташкент, Госиздат УзССР, 1925, стр. 35—36; А. С. Садыков. Экономические связи Хивы с Россией во второй половине XIX — начале XX вв.— Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1956, стр. 38—39; Очерки истории исторической науки в СССР, т. III, Под ред. М. В. Нечкиной (гл. редактор), М. А. Алпатова, Б. Г. Вебера и др.— М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 734—735; Победа Октябрьской революции в Узбекистане, т. I. Сборник документов.— Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1963, стр. 58, 106, 121, 123, 325, 326, 341; Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане.— Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1967, стр. 169, 236, 237, 285, 438, 441, 442.

АЛЕКСАНДР ЭДУАРДОВИЧ ШМИДТ

ВИДНЫЙ востоковед-арабист А. Э. Шмидт родился 12 марта 1871 в Астрахани в семье военного врача. Окончил весной 1889 с золотой медалью 1-ую Тифлисскую классическую гимназию и затем (в 1894) факультет восточных языков Петербургского университета по арабско-турецко-персидскому разряду с дипломом I степени. Будучи студентом, обратил на себя внимание склонностью к исследовательской работе и способностями языковеда-полиглота (Шмидт был известен впоследствии знанием языков: немецкого, французского, английского, итальянского, голландского, испанского, древне- и новоеврейского, латинского и греческого, арабского, персидского и тюркских — «османского и узбекского»).

С течением времени определился круг научных интересов Шмидта: исламоведение, мусульманское право, арабский язык и литература и особенно изучение различных внутренних течений в мусульманском мире, «преимущественно в поздние века». В этой области он проанализировал и опубликовал «ряд новых памятников, рисующих различные аспекты внутренних течений в мусульманском мире и их реакции в окружающей среде».

Шмидт был одним из наиболее близких учеников академика В. Р. Розена *(см.)*, школу которого он дополнил во время пребывания за границей школой крупнейшего исламоведа венгерца Гольдциера (И. Ю. Крачковский).

По окончании курса Шмидт был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре арабской словесности, продолжая и научные занятия по специальности под руковод-

ством В. Р. Розена. В 1896 Шмидт сдал магистерский экзамен и был командирован за границу для совершенствования научных знаний; здесь он занимался у всемирно известных профессоров Игнаца Гольдциера (1850—1921), М. Я. де Гуе (1836—1909) и Н. Карабачека (1845—1918).

С 1 января 1898 Шмидт начал чтение лекций по арабскому языку и исламоведению на восточном факультете университета в качестве приват-доцента (до этого с 1 июля 1894 по 31 декабря 1897 он являлся магистрантом факультета). Преподавание продолжалось до 1929 (до конца августа 1917 приват-доцент, затем с 1 сентября 1917 экстраординарный и с 1918 ординарный профессор по кафедре арабской словесности). Наряду с этим Шмидт работал с 1907 по 1920 в Российской публичной библиотеке старшим помощником библиотекаря, с 1914 библиотекарем и с 1919 — помощником директора.

Все эти годы Шмидт осуществлял активную научную деятельность: выступал с научным докладами и сообщениями в Восточном отделении Русского Археологического Общества (Петербург), в Лазаревском институте (Москва) и др. В 1912 был помощником редактора (В. В. Бартольда) по журналу «Мир ислама» (Петербург).

В истории развития отечественного исламоведения запечатлена публикация Шмидта по истории ислама, в основу которой были положены «Лекции по исламу» И. Гольдциера. «Работа Шмидта не утратила своего значения и до сих пор по богатству и тщательному отбору фактического материала» (Н. А. Смирнов).

В 1914 Шмидт защитил диссертацию на тему «Абд-ал-Ваххаб-аш-Шараний и его «Книга рассыпанных жемчужин» и был удостоен степени магистра арабской словесности.

После Великой Октябрьской социалистической революции на съезде преподавателей высшей школы в Москве (июль 1918) Шмидт был избран профессором и деканом историко-филологического и преподавателем восточного факультета Петроградского университета.

С конца 1917 Шмидт принимал вместе с другими учеными, в том числе востоковедами (В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский, Н. Я. Марр, А. Н. Самойлович, С. Ф. Ольденбург и др.), активное участие в деятельности Организационного комитета по делам намечавшегося к созданию в Ташкенте Туркестанского государственного университета, а 31 августа 1919 был избран заместителем ректора университета. В этой должности в феврале 1920 Шмидт и выехал в Ташкент, возглавляя группу профессоров, направленную сюда «для подготовки почвы к окончательной деятельности двух организационных групп — московской и ташкентской».

С 1 октября 1918 Шмидт приступил к работе на этнолого-лингвистическом факультете б. Лазаревского института в Москве (курс

мусульманского права и исламоведения), которая была прервана отъездом в Ташкент. С 1920 он осостоял членом Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР.

Вслед за этим начался длительный ташкентский период деятельности Шмидта.

В апреле 1920 последовало его избрание профессором Туркестанского восточного института (ТВИ) по кафедре арабской словесности и исламоведения, а 18 декабря 1920 ректором названного института. В том же году он был назначен деканом и профессором историко-филологического факультета Ташкентского университета и занимал эту должность до 31 июля 1921.

В университете ученый продолжал читать лекции по арабскому языку и словесности, мусульманскому праву и исламоведению (последние — и на факультете хозяйства и права). В Восточном институте он вел курсы исламоведения, мусульманского права, мусульманской экзегетики и догматики, истории арабской литературы и арабского языка. Под председательство Шмидта при университете в 1920—1922 функционировало Общество историко-филологических и социально-экономических наук.

Шмидт был членом Совета Туркомстариса, учрежденного 27 ноября 1920, участником экспедиции, направленной в сентябре 1920 в Бухару для осмотра памятников старины и искусства и принятия мер к их охране. Одним из итогов экспедиции явился сбор в Бухарской округе многочисленных рукописей и книг для создания в Бухаре библиотеки («рассмотрено около 880 рукописей, в том числе несколько украшенных миниатюрами»).

Шмидт входил и в состав Научной комиссии по изучению быта коренного населения Туркестана при Совнаркоме ТАССР (1920—1921). В 1922 выполнял обязанности помощника редактора журнала «Наука и просвещение» (Ташкент). С августа 1922 по февраль 1923 он — заместитель председателя Государственного Ученого Совета при Наркомпроссе Туркестанской АССР.

Научно-педагогическая, общественная деятельность Шмидта получала достойное признание и он пользовался высоким авторитетом. К 25-летию прочтения его первой лекции (15 января 1898) Туркестанский восточный институт выпустил специальный сборник востоковедческого характера (статьи различных авторов по истории, археологии, этнографии и др.).

В сентябре 1924 после слияния Туркестанского восточного института с Среднеазиатским государственным университетом, Шмидт был утвержден исполняющим обязанности декана, а затем (октябрь 1925) деканом вновь образованного восточного факультета САГУ. В 1924—

1925 он по совместительству преподавал и на Туркестанских военных курсах востоковедения.

2 февраля 1926 годичное общее собрание АН СССР избрало Шмидта членом-корреспондентом Академии по Отделению исторических наук и филологии (разряд восточной словесности).

В 1928 Шмидт был участником проходившей в Москве II Всесоюзной конференции по изучению производительных сил страны, где ратовал за «уделение большего внимания и средств постановке научно-исследовательских работ на таких отдаленных территориях, как Средняя Азия», за улучшение снабжения САГУ новейшей отечественной и иностранной научной литературой.

Шмидт всегда охотно воспринимал полезную научную инициативу и горячо поддерживал ее. Так, путем извлечения необходимых данных из арабских рукописей он участвовал в работах М. Е. Массона и других ученых по изучению истории орошения и добычи полезных ископаемых в Средней Азии.

В период пребывания в Ташкенте Шмидт напечатал ряд ценных научных работ, в том числе по своей основной специальности: «Как слагалось житие Мухаммеда» (1922); «Идеал мусульманского правителя-наместника IX века. Послание Тахир ибн ал-Хуссейна к сыну своему Абдаллах ибн Тахиру» (1925); «Мухаммед Абду и его роль в истории прогрессивных течений современного ислама» (1926); «Шариат и право водопользования в Средней Азии» (1926); «Из истории суннитско-шиитских отношений» (1927); «Рукопись третьего тома всемирной истории Ибн-Мискавейха» (1935) и др.

Под редакцией Шмидта была выпущена в свет приобретшая широкую известность среди историков и востоковедов книга «В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученые и почитатели» (Ташкент, 1927). В ней опубликована и статья самого Шмидта, освещающая попытку сближения суннитов и шиитов при Надир-шахе (XVIII в.).

Напряженная, энергичная деятельность Шмидта стала сказываться на его здоровье. В августе 1929 Наркомфин СССР установил ему персональную академическую пенсию. Но ученый не покинул университета до тех пор, пока не было отменено преподавание на педагогическом и других факультетах арабского языка и словесности (март 1931).

В июле 1934 Шмидт был принят на работу в Туркестанскую публичную библиотеку в качестве специалиста по изучению и организации хранения восточных рукописей и оставался в этой должности по день смерти. Служил он и в других учреждениях и организациях Ташкента, посещал с научной целью Ленинград и Москву. Он вложил, в частности, немалый труд в начальный этап работы по описанию восточных рукописей ташкентских собраний, был одним из инициаторов этой работы, приобретшей в наши дни широкий размах и ознаменовавшейся выпуском

уже восьми томов «Собрания восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР».

В последние годы жизни Шмидт по поручению Института востоковедения АН СССР подготавливал критический, комментированный текст «Книги о налоге» Абу Юсуфа — важного источника к характеристике социально-экономической истории халифата.

Скончался Шмидт в Ташкенте 9 августа 1939.

Указатель публикаций А. Э. Шмидта (печатных указателей не существует, ибо литературное наследие не собрано; ниже приводится выборочный указатель по данным, собранным составителем): Применение системы фикха в арабской грамматике.—«Музаффарийа». Сборник статей учеников профессора В. Р. Розена, СПб., 1897, стр. 308—324; Рец.: А. Крымский. Мусульманство и его будущность.—ЗВОРАО, т. XII, СПб., 1900, стр. 23—27; А. Э. Шмидт. Перевод с немецкого. Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах, ч. 2 (Разыскания А. Куника), СПб., 1903, XII, 210 стр.; Ислам (Die religien des Islams) И. Гольдциера (I. Goldziher). Перевод И. Крачковского под редакцией и с предисловием прив.-доцента А. Э. Шмидта. — СПб., Общество востоковедения, 1911, 51 стр.; Очерки истории ислама, как религии.— «Мир ислама», СПб., т. I, № 1, стр. 32—55, т. I, № 2, стр. 185—202, т. I, № 4, стр. 562—581; Рец.: Магомет-Бек-Хаджет-лаше. Шрутель-ислам. Издание журнала «Мусульманин» (Библиотека «Кавказских горцев», № 3), 170 стр., Париж, 1911—1912. — «Мир ислама», СПб., 1912, т. I, № 1, стр. 118—123; Рец.: Гольдцигер. Лекции об исламе. Перевод с немецкого А. Н. Черновой, СПб., 1912, VIII+302 стр.; Современное человечество. Библиотека обществознания под общей редакцией У. М. Бикермана. — «Мир ислама», СПб., 1912, т. I, № 2, стр. 227—131; Рец.: Сборник постановлений шариата по семейному и наследственному праву, вып. I. О наследовании у мусульман-суннитов. Составил П. В. Антаки, СПб., 1912, Изд. департамента духовных дел иностранных исповеданий. — «Мир ислама», СПб., 1912, т. I, № 4, стр. 597—601; Насираддин-ат-Гусий (+672/1273) по вопросу о свободе воли—СПб., 1913, 8 стр. (Отд. оттиск из Сборника в честь Д. Ф. Кобеко); Абд-ал-Ваххаб-аш-Шараний (+973/1565 г.) и его «Книга рассыпанных жемчужин».— СПб., 1914, XV +252 стр.; Рец.: И. Ю. Крачковский, Абул-л-Фарадж ал-Ва'ва Дамасский. Материалы для характеристики поэтического творчества.—Пгр., 1914.—ЖМНП, Пгр., 1915, № 8, отд. 2, стр. 387—406; Новые данные по вопросу о мнимом упоминании имени Мухаммеда в Пятикнижии Моисея. — ЗВОРАО, т. XXIV, 1916, Пгр., 1917, стр. 1—28; Как слагалось житие Мухаммеда. — «Наука и просвещение», Ташкент, 1922, № 1, стр. 4—7; Проф. П. А. Фалев (Некролог). — «Наука и просвещение», Ташкент, 1922, № 2, стр. 51—

53; Востоковедение в Туркестане. — «Новый Восток», кн. 6, М., 1924, стр. 512—514; Свод постановлений мусульманского права (шариата) о водопользовании и землепользовании. (Из архивных материалов бывшего управления ирригационных работ в Туркестане «Иртур»). Под ред. А. Э. Шмидта. — «Вестник ирригации», Ташкент, 1924, № 9, стр. 60—84; Идеал мусульманского правителя-наместника IX века (III века хиджры). Послание Тахир ибн ал-Хусейна к сыну своему Абдаллах ибн Тахир'у. — Бюллетень САГУ, вып. VIII, Ташкент, 1925, стр. 127—138; Мухаммед Абду и его роль в истории прогрессивных течений современного ислама. — Ташкент, 1926 (стеклограф); Шариат и право водопользования в Средней Азии. — «Народное хозяйство Средней Азии», Ташкент, 1926, № 8—9, стр. 1—8; Из истории суннитско-шиитских отношений. — В кн.: В. В. Бартольду туркестанские ученики, друзья и почитатели, Ташкент, 1927, стр. 69—107; Палермо — Сицилия. Путевые заметки шейха Мухаммеда Абду (арабский текст). Под ред. А. Э. Шмидта. — Ташкент, 1927 (стеклограф); Рец.: Известия Общества по изучению Таджикистана и иранских народностей за его пределами, т. I, Ташкент. 1928, 247 стр. — Бюллетень САГУ, вып XVIII, Ташкент, 1929, стр. 119—123; Четыре арабских рукописи из собрания И. Ю. Крачковского.—Записки коллегии востоковедов, V, Л., 1930, стр. 763—800; Рукопись третьего тома всемирной истории Ибн-Мискавейха (Из собрания Гос. публ. библиотеки УзССР). — Труды Гос. публичной библиотеки УзССР, т. I, Ташкент, 1935, стр. 118—120; Рукописи произведений Авиценны в Государственной публичной библиотеке Узбекской ССР. — Труды II сессии Ассоциации арабистов 19—23 октября 1937 г., М.—Л., Изд-во АН СССР, 1941, стр. 31—33 (Труды ИВ АН СССР, вып. 36); Памяти незабвенного учителя [В. Р. Розена].— В кн.: Памяти академика В. Р. Розена. — М., Изд-во АН СССР, 1947, стр. 11—18; Материалы по истории Средней Азии и Ирана. — Ученые записки ИВ АН СССР, XVI, М., 1958, стр. 441—513;

См. также рецензии А. Э. Шмидта на ряд заграничных публикаций востоковедческого характера (обзоры периодических изданий, работы Беккера, Гольдциера, Паутца, (Пельтье, Увемера, Шнука и др.): ЖМНП, СПб., 1899, № 9, стр. 362—375; ЗВОРАО, т. XX, 1912, стр. 102—109; т. XXI, 1912, стр. 103—104, 104—107; «Мир ислама», СПб., 1912, № 1, стр. 124—138, № 2, стр. 247—249 и 249—256, № 4, стр. 603—610; «Мусульманский мир», вып. 1, Пгр., 1917, стр. 55—61. Кроме того из данных самого А. Э. Шмидта явствует, что «в 1895—1897 гг. (он) напечатал ряд популярно-научных фельетонов по библиографии литературы о мусульманском Востоке в повременной печати» (Архив САГУ, арх. № 3389, д. 2, л. 10).

Литература об А. Э. Шмидте (выборочно): Туркестанский восточный институт, 1918—1922. Сборник.—Ташкент 1922, 102 стр.; Туркестанский

восточный институт за первые четыре года своего существования (1918—1922). — «Наука и просвещение», Ташкент, 1922, № 2, стр. 112—125; Ю. К.-ль. К юбилею (А. Э. Шмидта). — «Восток». Журнал студенчества Туркестанского восточного института, 28 января 1923, № 1 (5), Издание Студкома ТВИ, Ташкент, 1923, стр. 3—6; Известия Средазкомстариса, вып. III, Ташкент, стр. 267—268; И. Ю. Крачковский. Записка об ученых трудах А. Э. Шмидта.—Приложение к Протоколу X заседания Общего собрания Академии наук СССР 5 декабря 1925 г., стр. 142—144; Он же. Очерки по истории русской арабистики. — М. — Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 145, 222, 227, 241, 244, 275; Он же. Над арабскими рукописями. — В кн.: И. Ю. Крачковский. Избранные произведения, т. I, М.—Л. Изд-во АН СССР, 1955, стр. 27, 88—93; Н. А. Смирнов. Очерки истории изучения ислама в СССР.— М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 99—102; Шмидт А. Э. — БСЭ, т. 48, М., 1957, стр. 123; Е. Э. Бертельс, рец., Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР, т. I—IV, 1952—1957. — «Вопросы истории», М., 1958, № 1, стр. 184; Б. В. Лунин. Из истории первого высшего востоковедного учебного заведения в Средней Азии. — Очерки по истории русского востоковедения, VI, М., 1963, стр. 333—342; Он же. По велению сердца и разума (А. Э. Шмидт и его научно-педагогическая деятельность в Ташкенте).— ОНУ, Ташкент, 1970, № 8, стр. 49—55; Абдусадык Ирисов. Арабистика в Ташкенте.—Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1964, стр. 41—42 (на узб. яз.); А. А. Клевань Преподавание иностранных языков в Туркестанской АССР. Тезисы докладов научной конференции профессорско-преподавательского состава университета. Гуманитарные науки. — Ташкент, ТашГУ им. В. И. Ленина, 1966, стр. 368—369; А. В. Благовещенский. Из воспоминаний о работе в первым университете в Средней Азии. — Машинописный экземпляр рукописи, М., 1970, стр. 54—55 (собрание проф. М. Е. Массона); Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. — М., ГРВЛ, 1972, стр. 281, 289 и др.; Культурное строительство в Туркестанской АССР (1917—1927 гг.), Сб. документов, т. I, Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1973, стр. 302, 321—322, 336. Б. М. Данциг Ближний Восток в русской науке литературе (Дооктябрьский период).—М., Изд-во «Наука», ГРВЛ, 1973, стр. 261.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АН — Академия наук.
АОН — Академия общественных наук при ЦК КПСС, Москва.
БСЭ — Большая Советская Энциклопедия, Москва.
ВДИ — Вестник древней истории, журнал, Москва.
ГРВЛ — Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», Москва.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения, Петербург.
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского Археологического Общества, Петербург—Петроград.
ЗКВ — Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук, Петроград.
ЗРГО — Записки Русского Географического Общества, Петербург.
ИАК — Известия Археологической Комиссии, Петербург—Петроград.
ИАН — Известия Академии наук, Москва.
ИАН УзССР — Известия Академии наук Узбекской ССР, Ташкент.
ИВ — Институт востоковедения АН СССР, Ленинград.
ИВЛ — Издательство восточной литературы, Москва.
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана. Сборник статей, Ташкент.
ИОЛЕАЭ — Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Москва.
ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры, Ленинград.
ИРГО — Известия Русского Географического Общества, Петербург.
ИРАН — Известия Российской Академии наук, Петроград.
ИРАО — Известия Русского Археологического Общества, Москва.

ИТОРГО — Известия Туркестанского отдела Русского Географического Общества, Ташкент.

КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР, Москва.

КСИНА — Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР, Москва.

ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.

ЛОИВ — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР.

Б. В. — Из истории русского востоковедения... (Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии. 1895—1917, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1958); Научные общества... (Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1962); Средняя Азия... (Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении.— Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1965).

МСТК — Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, Петербург.

ОНУ — Общественные науки в Узбекистане, журнал, Ташкент.

ПТКЛА — Протоколы заседаний и сообщения Туркестанского кружка любителей археологии, Ташкент.

РАО — Русское Археологическое Общество, Москва.

РГО — Русское Географическое Общество, Петербург.

СА — Советская археология, журнал, Москва.

САГУ — Среднеазиатский государственный университет, Ташкент.

СамГУ — Самаркандский государственный университет, Самаркад.

СВР — Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР, Ташкент.

СИЭ — Советская историческая энциклопедия, Москва.

СЭ — Советская этнография, журнал, Москва.

ТашГУ — Ташкентский государственный университет, Ташкент.

ТВ — Туркестанские ведомости, газета, Ташкент.

УзФАН — Узбекистанский филиал Академии наук СССР, Ташкент.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
Абу Наср Фараби 10
Абу Бакр Мухаммад Наршахи . . 16
Абу Райхан Беруни 20
Абу Али ибн Сина 28
Гийас ад-дин Али 37
Шараф ад-дин Йезди 40
Абд ар-Раззак Самарканди . . . 44
Хафиз-и Абру 47
Захир ад-дин Бабур 50
Хафиз-и Таныш 56
Абу-л-Гази 59
Мухаммад Юсуф мунши . . . 63

Абд ар-Рахман 66
Абу Са'ид Махзум 69
Агехи (Мухаммед-Риза-мираб) . . 72
Садриддин Айни 77
В. В. Александрова-Заорская . . 80
Г. В. Андреев (Джурабаев) . . 84
М. С. Андреев 88
Акрам Аскаров 96
В. В. Бартольд 99
Баяни (Мухаммад Юсуф-бек) . .110
Д. Д. Букинич 113
Мирза Бухари 119
В. В. Вельяминов-Зернов 122
Н. И. Веселовский 126
В. Л. Вяткин 138
М. Ф. Гаврилов 146
В. В. Григорьев 149
А. А. Диваев 156
Ахмад Дониш 162
С. М. Дудин 168
К. Г. Залеман 175
Зийа (Шарифджан Махдум) . . .181
Ш. М. Ибратимов 184
Е. Ф. Каль 191
Б. Н. Кастальский 198
А. Л. Кун 203
П. И. Лерх 209
Н. С. Лыкошин 216
Н. А. Маев 223
Н. Г. Маллицкий 230
П. М. Мелиоранский 237
Мирза Салим-бек 241
Мунис (Шир-Мухаммад-мираб) . .244
В. П. Наливкин 247
Н. П. Остроумов 259
П. И. Пашино 272
Н. Ф. Петровский 277
Е. Д. Поливанов 287
И. Т. Пославский 295
В. В. Радлов 299
В. Р. Розен 310
М. Н. Ростиславов 318
Мирза Абдал' азим Сами 321
А. Н. Самойлович 325
Саттархан Абдулгаффаров . . .333
А. А. Семенов 338
Н. Ф. Ситняковский 346
Е. Т. Смирнов 350
Н. В. Ханыков 356
Хамид ибн Бака Ходжа 364
Г. Н. Черданцев 366
О. Д. Шкапский 372
А. Э. Шмидт 377
Условные сокращения 384

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. М. МУМИНОВ (председатель), С. А. АЗИМДЖАНОВА, Р. Х. АМИНОВА, М. А. АХУНОВА, М. Б. БАРАТОВ, П. Г. БУЛГАКОВ, Я. Г. ГУЛЯМОВ, О. Б. ДЖАМАЛОВ, К. Е. ЖИТОВ, Х. З. ЗИЯЕВ, Х. Ш. ИНОЯТОВ, И. И. ИСКАНДЕРОВ, М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Х. Т. ТУРСУНОВ, Ш. Ш. ШААБДУРАХМАНОВ

9
И 90

Историография общественных наук в Узбекистане. Био-библиографические очерки. Сост. Б. В. Лунин. Т., «Фан», 1974.
386 с.

9-30

БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ ЛУНИН
(составитель)

Историография общественных наук в Узбекистане

Утверждено к печати Ученым советом Института истории, Отделением истории, языкознания и литературоведения АН УзССР

Редактор *А. Неволина*
Художник *В. С. Тий*
Технический редактор *М. И. Сухарева*
Корректор *А. Мамедова*

Р05328 Сдано в набор 11/IV-74 г. Подписано к печати 18/VI-74 г. Формат 70×90/16. Бум. тип. № 1. Печ. л. 28,37. Бум. л. 12,125. Уч.-изд. л. 22,0. Изд № 776. Тираж 1000 Цена 2 р. 55 к. Заказ 80.

Типография издательства „Фан" УзССР, Ташкент, проспект М. Горького. 21.

Адрес издательства: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70